

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
И ИСТОРИОГРАФИИ

РОССИЯ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:

советская и постсоветская историография

Санкт-Петербург
2023

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

РОССИЯ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:

СОВЕТСКАЯ И ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Сборник материалов конференции

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
2023

УДК 94(470) (08)
ББК Т 3(2)712я43 + Т3 (2)711я43
Р89

Р89 Россия в эпоху революции и Гражданской войны: советская и постсоветская историография: сборник материалов конференции
отв. редактор д-р ист. наук, проф. В. В. Калашников;
под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова.
СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2023. 324 с.

ISBN 978-5-7629-3282-0

Рецензент: д-р ист. наук, проф. Н. Н. Смирнов, зав. отделом истории революций и общественного движения России СПбИИ РАН, профессор кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ

ISBN 978-5-7629-3282-0 © СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение: конфликт позиций как поиск решений *(И. В. Узлова)* ... 5

I. Советская и постсоветская историография революции и Гражданской войны в России в вопросах и ответах

Десять проблемных вопросов *(В. В. Калашников)* 17

Ответы на вопросы

Гагкуев Р. Г. (ИРИ РАН, Москва) 18
Голдин В. И. (САФУ им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск) 26
Икэда Есиро (Токийский университет, Япония) 45
Калашников В. В. (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург) 50
Меньковский В. И. (БГУ, Минск) 65
Посадский А. В. (ПИУ РАНХиГС, г. Саратов) 69
Пученков А. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург) 71
Рынков В. М. (ИИ СО РАН, г. Новосибирск) 78
Стогов Д. И. (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург) 83
Тарасов К. А. (Европейский университет, Санкт-Петербург) 92
Хасегава Цуёси (Калифорнийский университет в Санта-Барбаре, США) 95
Цветков В. Ж. (МПГУ, Москва) 102
Чураков Д. О. (МПГУ, Москва) 107
Шелохаев В. В. (ИРИ РАН, Москва) 111

II. Статьи

Голдин В. И. Красное партизанское движение на востоке России в орбите дискуссий 118
Калашников В. В. Новейшая историография Русской революции 130
Ланник Л. В., Тарасов К. А. Германская империя и антибольшевистское подполье в Петрограде: шанс для «Великой Единой России» (июнь–ноябрь 1918) 164
Стогов Д. И. Деятельность русских монархистов в эмиграции 188
Семенов В. В. Керенский и Корнилов: искание Генерала на белом коне в 1917 г. 196
Стейнберг М. Д. Как излагают и объясняют революцию американским студентам. 1963–2023 гг. 210

Уэйд Р. А. Революция в ее столетие: проблемы и тенденции
в англоязычной историографии Русской революции 1917 года 229
Хасегава Цуёси Февральская революция:
был ли конец монархии неизбежен? 263
Чураков Д. О. Большевизм в русской революции 1917 года 288

III. Наши публикации

«Крушения белой идеи выковали… новый тип людей…»
(публикация, вводная статья и комментарии *А. В. Ганина*) 306
Черняев А. С. О захоронении Ленина
(публикация, вводная статья и комментарий *А. С. Пученкова*) 318

Сведения об авторах 323

И. В. Узлова

Введение: конфликт позиций как поиск решений

Предлагаемый читателю сборник содержит материалы и статьи, представленные участниками *одиннадцатой* научной конференции, которая ежегодно проводится в Санкт-Петербурге под общим названием «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии»[1]. Конференция задумывалась как форум для свободного обсуждения самых острых и сложных проблем в истории революций и реформ в России XX века. Такое обсуждение призвано стимулировать плодотворный поиск решений этих проблем. В разные годы в работе конференции принимали участие сотрудники ряда институтов и центров РАН, преподаватели ведущих университетов России, а также Белоруссии, Великобритании, Венгрии, Украины, США, Японии.

В этом году основной темой сборника стал анализ советской и постсоветской историографии Русской революции и Гражданской войны.

Первый раздел сборника посвящен сравнительному анализу трактовок этих событий в форме ответов на ключевые вопросы. Предварительная рассылка вопросника по основной теме, выносимой на конференцию того или иного года, – одна из особенностей Санкт-Петербургской конференции. Ниже приведены наиболее важные, на наш взгляд, позиции участников опроса.

Подробный и в целом позитивный анализ советской историографии дал ***В. И. Голдин***. Выявив ее сильные черты, автор отмечает и слабости: зависимость от господствующей идеологии и власти, «идеализация и иконизация» лидеров большевиков, в первую очередь В. И. Ленина, переоценка экономической зрелости России для социализма и др.

---

[1] См.: Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. Сборник докладов. СПб.: СПбГЭТУ, 2013; Гражданская война в России: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ, 2014; Россия в первой мировой войне: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ, 2015; Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ, 2016; Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ 2017; Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии». СПБ.: СПбГЭТУ, 2018; Эпоха революции и гражданской войны в России: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ, 2019; Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода. СПб.: СПбГЭТУ, 2020; Россия в эпоху революций и реформ. Демонтаж СССР: 1991 год. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2021; Россия в эпоху революций и реформ. К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2022.

Говоря о постсоветской историографии, В. И. Голдин полагает, что в ней нет «доминирующей концепции революционного процесса, но существует многообразие его полярных толкований и объяснений». Автор отмечает «наличие ярко выраженного негативистского тренда в оценках революционных событий», особо выделяя сторонников «смутоведения», которые трактуют эти события «как апофеоз хаоса». В этой связи автор критикует юбилейные издания, вышедшие под грифом ИРИ РАН и макет XI тома двадцатитомной «Истории России». Многие его оценки перекликаются с позицией петербургского историка В. В. Калашникова, выраженной в статье «Новейшая историография Русской революции», опубликованной в этом сборнике.

Московский историк ***Р. Г. Гагкуев*** также в целом позитивно оценивает советскую историографию и подчеркивает, что «многое из того, что было написано и опубликовано советскими историками сохраняет свою актуальность и в наши дни». Слабые черты он связывает с «идеологическими ограничениями», а также с «невозможностью для историков в полной мере использовать как многие документальные материалы, … так и достижения зарубежной историографии». К числу достижений постсоветской историографии Р. Г. Гагкуев относит концепцию «Великой российской революции». При этом автор подчеркивает, что «она не отменяет ни Февраля, ни Октября, но при этом трактует происходившие события как звенья одного революционного процесса, который не имеет смысла искусственно разделять». Слабость постсоветской историографии революции он видит в том, что «вопросу обоснованности» революционных процессов 1917 г. «сегодня уделяется мало места».

Говоря о советской историографии Гражданской войны, Р. Г. Гагкуев в качестве главной слабости отмечает «недостаточную изученность контрреволюционного лагеря», а постсоветский этап, напротив, характеризует как период «огромного интереса историков к исследованию контрреволюционного лагеря». При этом автор признает, что «обобщающих работ по истории Гражданской войны в России к настоящему времени, не существует».

Ответы японского историка ***Есиро Икэда*** содержат редкое признание первенства советских историков в создании «социальной истории». «Хотя и сильно идеологизированная, – пишет Е. Икэда, – советская концепция общенародной поддержки большевиков сделала возможным исследование поведения низших слоев населения, предшествуя тем самым “социальной истории” революции на Западе, которая возникла в 1970-е и 1980-е годы. Так, без книги В. И. Старцева «Очерки по истории петроградской красной

гвардии и рабочей милиции» (1967) Рекс Уэйд не смог бы написать книгу «Красная гвардия и рабочая милиция в Русской революции» (1984)». Е. Икэда отмечает труды по «обывательским элементам городов» и связанными с ними непролетарскими партиями, «которые советские историки писали еще до начала перестройки».

Петербургский историк ***В. В. Калашников*** уделил основное внимание советской историографии 1917 года. Он показал, как советские историки трактовали проблемы закономерности и исторической необходимости Февральской и Октябрьской революций, решали проблему сочетания объективных и субъективных факторов, обусловивших свержение самодержавия и Временного правительства. Автор подчеркнул несостоятельность навязанной консервативными западными историками точки зрения, согласно которой советские историки якобы считали все события революции *предопределенными и неизбежными*. В оценках постсоветской историографии автор был более краток и отослал читателя к упомянутой статье, где они изложены подробно. Таким же образом были построены ответы на вопросы по Гражданской войне: краткий анализ постсоветской историографии сопровождался отсылкой к статье автора, опубликованной в сборнике конференции прошлого года.

Белорусский историк ***В. И. Меньковский*** занял резко критическую позицию по отношению к советской историографии, заявив, что термин «советская историография» можно использовать «лишь для обозначения политико-идеологического нарратива прошлого века, но никак не научной концепции». Он критикует методологию, которую использовали советские историки, указывает на их изолированность от зарубежной исторической науки. Говоря о постсоветской историографии, В. И. Меньковский отмечает как позитивную новацию «соединение в исторических исследованиях революционных событий в единый процесс, отказ от противопоставления Февраля и Октября», а также отказ делить участников событий этих лет на «наших» и «не наших».

Саратовский историк ***А. В. Посадский*** также упрекает советскую историографию в том, что в ней «революционные процессы выглядели как неотвратимо неизбежные, обусловленные всем предшествующим развитием страны». Плюсом постсоветской историографии он считает акцент на «единство революционного процесса». В то же время историк отмечает, что «о доминирующей концепции» в трактовке революции и гражданской войны «говорить, видимо, рано».

Петербургский историк ***А. С. Пученков*** признает большой вклад советских историков в изучение истории революции и гражданской войны, но

также полагает, что они исходили «из тезиса о *предопределенности* падения власти сначала самодержавия в феврале 1917 года, а затем и Временного правительства в октябре 1917 г., а главное – из представления о готовности страны к пролетарской революции, свершившейся в Октябре». Говоря о постсоветской историографии, автор справедливо отмечает «введение в научный оборот поистине огромного массива прежде неопубликованных документальных материалов» и расширение круга изучаемых проблем, особенно антибольшевистского лагеря.

Новосибирский историк ***В. М. Рынков*** сильной стороной советской историографии революции считает «масштабный, массированный сбор фактического материала под единую концепцию», а также проведение исследований «по схожему тематическому сценарию … как на общероссийском, так и на региональном уровне, причем, на материалах практически всех регионов бывшей российской империи». Он отмечает «достойный уровень издаваемых публикаций и академический характер научной дискуссии». Слабыми сторонами советской историографии истории революции считает ее отрыв от мировой историографии Русской революции и от наиболее значимых отечественных достижений историографии, источниковедения, археографии, сформировавшихся при изучении дореволюционной истории. Говоря о постсоветской историографии, автор считает ее сильной чертой «методологический плюрализм и открытость» и в этой связи отмечает отсутствие единой концепции: «правильнее говорить о концепциях». Он критически оценивает теории заговоров, которые пришли на смену «концепции народной революции, той, что вызрела из глубинных объективных предпосылок». В. М. Рынков позитивно оценивает то направление исследований, которое «продемонстрировало обусловленность многих процессов не социальными и экономическими предпосылками, а куда более повлиявшими на политику психоментальными сдвигами». Последнее положение требует некоторого уточнения, поскольку «психоментальные сдвиги» тоже были обусловлены социально-экономическими условиями мировой войны и революции. Вопрос о том, было ли влияние этих «сдвигов» преобладающим в истории революции, не имеет простого решения: ответ на него неочевиден.

Говоря о постсоветской историографии Гражданской войны, автор дает такую оценку: «Общая картина вырисовывается односторонняя и достаточно примитивная – победители победили благодаря циничности и беспринципности, способности не останавливаться ни перед чем во имя удержания власти. Серьезный анализ причин превосходства большевиков над своими политическими противниками пока еще только предстоит».

Петербургский историк ***Д. И. Стогов*** делает акцент на серьезные различия, которые существовали на разных этапах развития советской историографии. Говоря о концепциях постсталинского периода, историк полагает, что они «заслуживают пристального внимания и не теряют своей научной актуальности». Слабыми сторонами советской историографии автор считает «чрезмерную увлеченность социально-экономическими причинами», которая вела «к некоторой недооценке социокультурного, ментального, духовного фактора, имевшего, тем не менее, определенное значение. Факты свидетельствуют, что русское общество предреволюционного времени в значительной степени было поражено безверием, и это один из немаловажных факторов, который привел к революции». Главным недостатком постсоветской историографии Д. И. Стогов считает то, что до сих пор «она так и не смогла выработать некий единый методологический подход к изучению революции».

Петербургский историк ***К. А. Тарасов*** сильной стороной советской историографии революции считает большое внимание к социальной и экономической истории, а слабость видит в «игнорировании или искажении деятельности других партий, кроме большевиков». Сильной чертой постсоветской историографии он считает больший плюрализм мнений, а главное достижение – «в разработке истории небольшевистских политических партий, а также публикации источников по этой тематике». Особых концептуальных успехов автор не видит: «Если о постсоветской концепции революции можно говорить только условно, то обобщающей концепции гражданской войны, на мой взгляд, не существует вовсе».

Американский историк ***Ц. Хасегава*** в целом высоко оценивает советскую историографию революции. В то же время он полагает, что «ортодоксальное представление о том, что Октябрьская революция была закономерным процессом, продиктованным объективными историческими условиями, не давало советским историкам возможности исследовать влияние случайностей и человеческого фактора, а также темы, которые не вписывались в базовое марксистско-ленинское описание революции». Говоря о постсоветской историографии, автор отмечает ее свободу от «смирительной рубашки марксистско-ленинских интерпретаций» и существенное расширение тематики исследований.

Московский историк ***В. Ж. Цветков*** предложил интересный взгляд на процесс формирования новейшей историографии: «Наиболее сильные и перспективные тенденции проявились, по моему мнению, в период перестройки, во второй половине 1980-х гг., в частности тогда, когда отмечался 70-летний юбилей «Великого Октября». В исследованиях появилась

необходимая свобода суждений, гипотез и в то же время сохранялась культура научной методологии, глубина и критичность при изучении источников, академичность в изданиях. По сути, эти черты стали основой для постсоветской историографии. Однако данный период не оказался длительным. И если еще в начале 1990-х гг. он был заметен, то уже с середины десятилетия стало преобладать стремление к сенсационности и апологетике, то есть к тому, что ранее было характерно для исторической публицистики, но не историографии». Автор отмечает концептуальную слабость постсоветской историографии.

Московский историк ***Д. О. Чураков*** дал емкое определение сильных и слабых сторон советской историографии: «Сильные и слабые стороны советской историографии мне видятся в одном и том же – классовом подходе. Когда базовые принципы партийности, исторического материализма, марксизма-ленинизма применялись с умом, без фанатизма, творчески – получалось интересно. Доведение перечисленного до абсурда приводило к состоянию, которое можно определить известной фразой “сон разума”». Интересным представляется и его определение сильных и слабых сторон постсоветской историографии: «Кризис методологии является главной слабой чертой постсоветской историографии. Отсутствие доминирующей научной методологии ведёт к таким отрицательным явлениям, как скрытый плагиат у западных авторов, возврат к позитивизму, мелкотемье и т. д. Сильной стороной современной историографии является расширение источниковой базы, проблематики исследований и расширение возможностей знакомства с историческими школами других стран».

Московский историк ***В. В. Шелохаев*** четко описал приоритеты советской историографии революции, отметив, что внимание было сосредоточено на трех моментах: «во-первых, на анализе предпосылок (объективных и субъективных) Великого Октября; во-вторых, на роли гегемонии российского пролетариата и, в-третьих, на характеристике руководящей роли большевистской партии». Его отношение к советской историографии было в целом критическое. Автор увидел в работах историков «зияющие противоречия между подлинной наукой и идеологически мотивированными подходами к изучению исторического процесса». Впрочем, столь же критически автор оценивает и работы постсоветского периода. Говоря о плюсах постсоветской историографии, историк отмечает «существенные приращения знания» в области изучения Февральской революции 1917 года, определенные сдвиги в осмыслении единства революционного процесса, включая «переходные цепочки взаимосвязей» между Февралем

и Октябрем 1917 г. Похожие позиции автор занял и при оценке советской и постсоветской историографии Гражданской войны.

Если подвести итоги краткому анализу ответов на Вопросник, то наиболее общим было признание того факта, что за прошедшие три десятилетия так и не была создана авторитетная научная концепция революции и гражданской войны, которая бы сумела занять доминирующие позиции.

Второй раздел сборника состоит из статей, посвященных разным темам в рамках общей темы конференции. Проблемам *отечественной* историографии специально посвящены три статьи. Прежде всего, отметим статью архангельского историка ***В. И. Голдина*** «Красное партизанское движение на востоке России в орбите дискуссий». История движения активно разрабатывалась в советское время, но в постсоветский период эта тема, по мнению автора, «утратила актуальность», что было обусловлено «политико-идеологической конъюнктурой антисоветского и антибольшевистского характера». Эти же причины привели к усилению критической оценки деятельности красных партизан и в ряде случаев к попыткам их дискредитации. В этой связи В. И. Голдин критически анализирует новейшую монографию сибирского историка А. Г. Теплякова («Красные партизаны на востоке России. 1918–1922», 2023), в которой акцент сделан «на деструктивные элементы этого сложного социально-политического явления». В то же время В. И. Голдин показывает, что в последние годы появилось немало объективных работ по теме, ссылаясь в частности на работы главного научного сотрудника Дальневосточного отделения РАН Л. И. Галлямовой.

Острокритическая статья петербургского историка ***В. В. Калашникова*** «Новейшая историография Русской революции» примыкает к его статье «О некоторых трактовках истории Гражданской войны в новейшей историографии», опубликованной в сборнике материалов Санкт-Петербургской конференции 2022 года[2]. Как отмечает автор, обе статьи написаны для того, чтобы «создать повод для открытого обсуждения в историческом сообществе подготовленных макетов XI и XII томов 20-ти томной «Истории России», рассчитанной на то, чтобы долгое время формировать историческое сознание нашего народа». Не все выводы автора представляются бесспорными, но его позиция несомненно стимулирует научный поиск.

---

[2] Калашников В. В. О некоторых трактовках истории Гражданской войны в новейшей историографии // Россия в эпоху революций и реформ. К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2022. С. 134–169.

Московский историк ***Д. О. Чураков*** рассматривает принципиально важную проблему трактовки «роли большевизма в Русской революции». В этой связи автор, обращаясь к новому историографическому концепту «Великая российская революция», отмечает, что «Великой революцией может быть назван только Красный Октябрь», который «изменил ход мировой истории». Эту революцию сделали большевики, которые провели реформы, позволившие России «вернуть себе историческую и геополитическую ценность», и более того, они предложили «альтернативный проект будущего» для всего мира. Д. О. Чураков высказал ряд интересных мыслей по поводу «интегрирующей природы» большевизма, идейной и организационной неоднородности партии, которые помогали им быстро приспосабливаться к менявшейся ситуации. Заслуживает внимания трактовка автором таких проблем, как «большевизм и власть» и «власть и массы». Она приводит историка к выводу о том, что «большевизм стал орудием, которым массы пробивали себе дорогу к историческому творчеству, … к историческому бытию». Для постсоветской историографии такие позитивные оценки роли большевиков не являются характерными. Тем не менее, они отражают определенный поворот части отечественных историков к более объективному изучению истории Октября, к отказу от прежней тенденции примитивной дискредитации партии, победившей своих соперников в 1917 году, характерной для более ранней постсоветской историографии.

Особое место в сборнике занимают две историографические статьи, которые посвящены ***зарубежной*** историографии. Они специально помещены для того, чтобы дать возможность сравнить взгляды и подходы отечественных историков с позициями видных западных, в данном случае американских, коллег.

Глубокий историографический анализ содержит статья известного американского историка ***Рекса А. Уэйда*** «Революция в ее столетие: проблемы и тенденции в англоязычной историографии Русской революции 1917 года». Уэйд – автор одной из классических научных работ по истории Русской революции, изданной на Западе в 2000 г. и переизданной в 2005 и 2017 годах[3]. В 2018 г. Р. Уэйд был участником нашей конференции по истории и историографии Гражданской войны, а в 2016 г. он написал блестящую статью по англоязычной историографии Русской революции, которую опубликовал в авторитетном журнале «Journal of Modern Russian

[3] Wade Rex. A. The Russian Revolution, 1917, 3rd edition. Cambridge, 2017.

History and Historiography»[4]. Бесспорная полезность этой статьи побудила организаторов нашей конференции обратиться к автору с просьбой разрешить ее перевести на русский язык и включить в настоящий сборник. Соответствующее разрешение было получено также от проф. Семена Ляндреса, редактора журнала.

Проф. Уэйд ограничил себя «общим обзором тенденций и подходов» за весь столетний период с акцентом на работы, написанные после 1991 г. При этом речь идет о революции «в узком смысле – только 1917 год, включая сюда и начало 1918 г.». Характерно критическое отношение автора к тем историкам, которые трактовали Октябрь как «простой политический захват власти (часто определяемый как государственный переворот), спланированный и организованный Лениным, в значительной степени в отрыве от более широкого социального, культурного и экономического контекста». Р. Уэйд отмечает, что такие тенденции доминировали в работах, написанных до середины 1960-х годов, а затем «историография революции резко изменилась, как качественно, так и количественно». Среди ряда новых подходов, автор отметил важность работ Л. Хаймсона, которые «стимулировали новое осмысление революционной эпохи» и повлияли на молодое поколение исследователей, которые смогли помочь «переписать историю революции в 1970-е, 1980-е и в начале 1990-х гг.». Л. Хаймсон выдвинул на передний план исторического анализа понятие социальной «поляризации», которое закрывало путь к прежней примитивной интерпретации Февраля и Октября как заговоров, осуществленных узкой группой людей. В результате нового подхода историки революции осознали, что «обычные люди часто играют большую, хотя и незнаменитую, роль в создании причин ключевых событий, а не просто подвергаются воздействию». Они способны на «самостоятельные и целенаправленные действия», обладают «свободой воли». По мнению Р. Уэйда, эта позиция «стала ключевой особенностью англоязычных социальных историй революции, где подчеркивалась роль рабочих (особенно), солдат и крестьян». Р. Уэйд говорит о «длившемся два-три десятилетия потоке публикаций, который некоторые считают золотым веком исследований революции как из-за количества и качества появившихся работ, так и из-за того, как они изменили наше понимание революции». Проф. Уэйд признает, что начало 1990-х гг. и распад Советского Союза ознаменовались «большим числом открытых политических и полемических нападок на социальную историю и ревизионистов со стороны Ричарда Пайпса и других представителей даже

[4] Wade Rex A. The Revolution at One Hundred: Issues and Trends in the English Language Historiography of the Russian Revolution of 1917 // Journal of Modern Russian History and Historiography, Volume 9, Issue 1. P. 9–39.

еще более старшего поколения ученых и публицистов». Р. Уэйд признает и то, что часть сторонников социальной истории не выдержали атаки со стороны правых и «начали подвергать сомнению основополагающие допущения в своих ранних работах». Тем не менее, Р. Уэйд полагает, что англоязычная историография последних двух десятилетий нашла новые плодотворные подходы, совершив культурный и лингвистический повороты: выдвинув на первый план интерес к вопросам культуры, языка, символов и гендера в эпоху революции. Блестящая статья проф. Уэйда, конечно, заслуживала перевода. Она украшает наш сборник.

К числу историографических, хотя и с определенной спецификой, можно отнести и статью американского историка ***Марка Стейнберга***, автора известной монографии по истории Русской революции, переведенной на русский язык[5]. Он представил краткий анализ и фрагменты новой, десятой, редакции самого известного учебника по истории России, который уже несколько десятилетий служит настольной книгой для студентов американских университетов. Речь идет об «Истории России» написанной профессором Калифорнийского университета Николаем Рязановским (1923–2011), сыном русского эмигранта. Проф. Стейнберг по просьбе Н. Рязановского много лет помогал ему готовить очередные издания, добавляя материал и внося необходимые правки в свете новых исследований. Последняя редакция носит существенный отпечаток взглядов самого М. Стейнберга. Выбранные для нашего сборника фрагменты связаны с историей Русской революции и Гражданской войны и интересны для российского читателя, который получит представление о том, какую информацию об этих событиях получают студенты в университетах США, а также о том, какие историографические подходы используют американские историки.

Помимо работ чисто историографического характера в сборнике помещены статьи по разным конкретным проблемам революции и Гражданской войны.

Петербургские историки ***Л. В. Ланник и К. А. Тарасов*** исследовали историю взаимодействия дипломатов Германии с антибольшевистскими силами в начале Гражданской войны (июнь–ноябрь 1918 г.). Речь идет о контактах с подпольными офицерскими организациями в Петрограде, готовыми принять помощь Германии. Авторы отметили, что в Берлине осторожно относились к таким организациям, но в самой России германские дипломаты были готовы их поддерживать. Из их планов ничего не

[5] Стейнберг М. Д. Великая русская революция, 1905–1921. М., 2018; первоначальное издание: Steinberg M. The Russian Revolution, 1905–1921. Oxford, 2017.

вышло, поскольку активные действия ВЧК резко ослабили потенциал подпольных групп.

Петербургский историк ***Д. И. Стогов*** анализирует деятельность русских монархистов в эмиграции, уделяя главное внимание деятельности их лидеров, а также той роли, которую играли иерархи РПЦ и РПЦЗ, боровшиеся за влияние в эмигрантских организациях монархистов. Проведенный анализ привел автора к выводу о том, что «многочисленные попытки монархистов консолидировать свои разрозненные ряды оказались обреченными на провал», а «монархическая идея в итоге не стала господствующей в русской эмигрантской среде, и по мере естественного ухода из жизни эмигрантов – столпов монархизма, становилась, скорее, некой экзотикой в среде русского рассеяния».

Петербургский историк ***В. В. Семенов*** анализирует феномен массового ожидания и искания «Генерала на белом коне», столь распространенный в России в эпоху революции. Одним из претендентов на эту роль автор справедливо считает генерала Лавра Корнилова, однако, по нашему мнению, он несколько идеализирует эту фигуру и не подчеркивает ту разницу, с которой относились к Корнилову правые силы и солдатские массы. Если первые, действительно, видели в Корнилове героя и спасителя России от революционной волны, то вторые – контрреволюционного казачьего генерала, т.е. никак не положительного героя. Провал мятежа Корнилова с очевидностью показал отсутствие у него поддержки со стороны армии. Иными словами, общенациональным героем Корнилов в условиях революции стать не мог.

Статья американского историка ***Цуёси Хасегавы*** «Февральская революция: был ли конец монархии неизбежен?» посвящена одному из ключевых вопросов истории Русской революции. Автор анализирует основные решения, который принимал Николай II накануне и в годы мировой войны, трактуя их как «упущенные шансы», которые привели к падению его престижа во всех слоях общества. Тем не менее, Ц. Хасегава считает, что «конец монархии был не предопределенным результатом, а случайным процессом». По мнению историка, падение монархии стало следствием решения Николая II отречься в пользу вел. князя Михаила. Автор полагает, что монархию можно было спасти в случае отречения царя в пользу сына при регентстве Михаила: «такова была исходная согласованная позиция думского комитета, и эта формула не встретила бы возражений со стороны руководителей Исполкома Петросовета».

Третий раздел сборника посвящен публикации двух документов. Московский историк ***А. В. Ганин*** опубликовал интересные документы и

комментарий как продолжение работы по изучению судьбы бывших офицеров царской армии, оказавшихся в Турции после поражения генерала Врангеля. Герой публикации – полковник Н. Ф. Соколовский, который сотрудничал с советскими спецслужбами в Константинополе и много сделал для того, чтобы эмигранты последовали примеру генерала Я. Слащева, вернувшегося в Россию и ставшего красным военспецом.

Петербургский историк ***А. С. Пученков*** опубликовал заметку, написанную в 2001 г. А. С. Черняевым, помощником Президента СССР М. С. Горбачева. В ней автор высказывается за перезахоронение Ленина в Петербурге, но при этом высоко оценивает роль Ленина как политика, который оказал «самое сильное, пусть неоднозначное, воздействие на ход мировой истории в XX столетии». А. С. Черняев рисует Ленина человеком, наделенным «феноменальным интеллектом, колоссальной волей и гипнотической энергией». Видит в нем политика, «рожденного Россией и воплотившего в себе весь трагизм ее истории».

При подготовке сборника к печати оргкомитет провел лишь небольшую редакцию представленных работ, устранив явные опечатки. По сложившейся традиции конференция прошла на базе Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета. Участники конференции выразили благодарность ректорату и службам университета за поддержку, которая позволила подготовить конференцию и издать настоящий сборник.

I. СОВЕТСКАЯ И ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

Десять проблемных вопросов

I. Историография революции

1. Какие основные элементы включала в себя концепция революционного 1917 г., доминировавшая в **советской** историографии?

2. В чем Вы видите сильные и слабые черты **советской** историографии революционного 1917 г.?

3. Какие основные элементы включает в себя концепция революционного 1917 г., принятая в качестве доминирующей в **постсоветской** историографии?

4. В чем Вы видите сильные и слабые черты **постсоветской** историографии революционного 1917 г.?

II. Историография гражданской войны

5. Какие основные элементы включала в себя концепция истории Гражданской войны, доминировавшая в **советской** историографии?

6. В чем Вы видите сильные и слабые черты **советской** историографии Гражданской войны в России?

7. Какие основные элементы включает в себя концепция истории Гражданской войны, принятая в качестве доминирующей в **постсоветской** историографии?

8. В чем Вы видите сильные и слабые черты **постсоветской** историографии Гражданской войны в России?

III. Вопросы методологии

9. Какими методологическими инструментами (моделями, теориями) Вы пользуетесь в своей работе при изучении истории революции и Гражданской войны в России? Как Вы оцениваете их полезность и адекватность?

10. Какие дополнительные соображения Вы считаете необходимым высказать по проблемам методологии и историографии революции и гражданской войны в России?

Ответы на вопросы

Р. Г. Гагкуев (ИРИ РАН, Москва)

I. Историография революции

1. Какие основные элементы включала в себя концепция революционного 1917 г., доминировавшая в *советской* историографии?

Главный тезис советской историографии в отношении революционного 1917 г., сохранявшийся на всем протяжении существования Советского Союза заключался в наличии двух революций – Февральской буржуазной и Великой Октябрьской Социалистической. При этом роль революционных партий, и в особенности большевиков, в Февральской революции заметно преувеличивалась. Большое внимание традиционно уделялось двоевластию в стране и борьбе между Временным правительством и Петроградским советом и шире – Советами, борьбе большевиков за преобладание в Петроградском совете, а также обоснованности начала обеих революций в связи с нарастанием общего кризиса, вызванного войной – сначала в Российской империи (Февраль), а затем и в России, которую Временное правительство объявило республикой. Конечно, большое внимание уделялось и РСДРП(б) на протяжении всего революционного 1917 г., ключевой роли вождей большевиков и, прежде всего, В. И. Ленина.

2. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии революционного 1917 г.?

Слабые черты связаны с невозможностью для историков в полной мере использовать как многие документальные материалы (опубликованные в русской эмиграции, или хранящиеся в архивах), так и достижения зарубежной историографии, больше знакомой исследователям в то время по обзорным статьям. Идеологические ограничения, с одной стороны, делали невозможным изучения ряда тем, и прежде всего – контрреволюционного лагеря. С другой, именно отсюда следовала и сильная черта – проработка самых разных аспектов революционного 1917 г., связанных с рабочим движением, крестьянскими выступлениями, состоянием промышленности и проч.

Отдельные разделы историографии составляли работы о вкладе в борьбу за победу революции классов и партий, развитию революционной демократии на фронте Первой мировой войны, роли органов самоуправления и т. д. Многое, из того, что было написано и опубликовано советскими историками сохраняет свою актуальность и в наши дни. Масштаб коллективных многотомных исследований и сборников документов в

настоящее время крайне сложно повторить по ряду причин. В СССР же они регулярно выходили и, несмотря на идеологические ограничения, содержали богатый фактический материал. Особенно выделил бы сборники документов по истории 1917 г., охватывающие как в целом страну, так и ее отдельные республики или области. Большинство из них до сих пор в активном обороте у современных исследователей.

3. Какие основные элементы включает в себя концепция революционного 1917 г., принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

К настоящему времени ведущей мне представляется концепция единого революционного процесса в 1917 г. – Великой российской революции. С одной стороны, она не отменяет ни Февраля, ни Октября, но при этом трактует происходившие события как звенья одного революционного процесса, который не имеет смысла искусственно разделять. Частью этого процесса является и Гражданская война, споры о хронологических рамках которой, вероятно, никогда не прекратятся[1].

При этом у историков сохраняется разность в оценке событий 1917 г. Для одних национальной катастрофой стал Февраль, для других Октябрь, для третьих – весь революционный 1917 г. Некоторые из историков категорически против названия революции 1917 г. «Великой»[2], обращая внимания на те жертвы и потери, которая страна за нее заплатила. Другие признают ее «Великой» говоря прежде всего не о ее положительном значении, а о масштабе, по аналогии с Первой мировой войной, которую современники также называли «Великой».

Наряду с этим неправильно было бы сказать, что подход к определению 1917 г. как единого революционного процесса разделяется всеми историками. Среди них немало остается сторонников прежней советской концепции, с четким разделением двух революций на буржуазную и социалистическую и определением исключительно положительного значения Великого Октября для дальнейшего развития страны. Существуют и приверженцы теории заговора, в результате которого был свергнут император Николай II и началась революция в 1917 г., похоронившая Российскую империю и направившая страну по неверному пути развития.

---

[1] См.: *Гагкуев Р. Г.* Гражданская война. Конфликт без хронологии? // Российская история. М., 2019. № 1. С. 37–42.

[2] Вячеслав Никонов: Не считаю революцию великой // Русский мир. Информационный портал фонда «Русский мир». [Электронный ресурс]. 9 ноября 2017 г. Дата обращения: 27.08.2023 (режим доступа: https://russkiymir.ru/publications/233256/).

4. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* историографии революционного 1917 г.?

И сильные, и слабые черты современной историографии во многом связаны с состоянием советской историографии накануне распада Советского Союза. Многие из находившихся ранее в приоритете у историков тем, сегодня, по сути, забыты. Например, вопросу обоснованности начала революционного 1917 г. и дальнейшего развития революционных процессов сегодня уделяется мало места. Предпосылки событий нередко заменяются субъективными факторами. Так, в последние годы большое внимание получают проблемы, ранее почти не затрагивавшиеся в отечественной историографии. Это, например, вопрос о роли заговора против императора Николая II в конце 1916 – начале 1917 г. в начале революции, или, вовсе, попытки доказать, что его отречение от престола государя было сфальсифицировано, как и его дневники.

Объявление тех или иных источников, не укладывающихся в «стройную» концепцию того или иного исследователя, фальшивыми – тема крайней актуальная для современной историографии. Равно как и борьба с действительно грубыми фальшивками, регулярно публикующимися не только в Интернете, но и выходящими из печати.

К сильным сторонам отнес бы довольно большое количество исследований и сборников документов, опубликованных как в традиционных центрах исторической науки, так и в регионах. 100-летие революции 1917 г. усилило внимание и научного сообщества, и общества в целом к этой теме. Тысячи вышедших работ – самого разного, в том числе и невысокого уровня – тем менее внесли свой огромный вклад в изучение революционного 1917 г. Несомненная слабая сторона – фактическое отсутствие обобщающих работ о 1917 г., которые могли бы на высоком уровне подвести итог 100-летнему изучению темы.

II. Историография гражданской войны

5. Какие основные элементы включала в себя концепция истории Гражданской войны, доминировавшая в *советской* историографии?

Несмотря на некоторые изменения, происходившие в изложении Гражданской войны на протяжении существования Советского Союза, концепция ее в целом оставалось неизменной. Сводилась она к тому, что молодое советское государство благодаря политике большевиков, отвечавшей интересам народных масс, сумело победить не только внутреннего врага, но и справиться с широкой международной интервенцией (тремя походами Антанты), активно поддерживавшей российскую контрреволюцию. В результате победы Великого Октября

возникло первое в мире социалистическое государство, которое удалось отстоять в тяжелейшей Гражданской войне. Временные рамки войны, как правило, определялись с весны–лета 1918 г., когда начались масштабные боевые действия между красными и белыми, и до осени 1920 г., когда потерпела поражение последняя крупная армия белых – Русская армия генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля.

6. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии Гражданской войны в России?

Слабые и сильные стороны во многом аналогичны советской историографии 1917 г. К сильным сторонам отнесу внимание к самым разным вопросам жизни РСФСР в 1917–1922 гг. и повышенное внимание к публикациям документов, многие из которых выходили к круглым датам. К слабым – недостаточную изученность контрреволюционного лагеря, что было связано с имевшимися идеологическими ограничениями.

7. Какие основные элементы включает в себя концепция истории Гражданской войны, принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

На мой взгляд, доминирующей в оценке событий Гражданской войны в последние десятилетия и в историографии, и в обществе стала их трактовка как величайшей трагедии в истории страны, до сих пор остающейся для общества незаживающей раной. Конечно, она разделяется не всеми, как и в случае оценки событий революционного 1917 г.

Показательны в этом случае экспозиции современных музеев – и федеральных, и региональных. Их анализ позволяет увидеть две основные тенденции в подаче этой темы обществу: с одной стороны, выдерживается равноудаленность от участников гражданского конфликта, симпатии ни одной из сторон, как правило, никак не выражаются; с другой стороны – в экспозициях неизменно говорится о жертвах и национальной трагедии, постигшей Россию в ходе междоусобицы, исхода из России в эмиграцию большого количества талантливых людей не принявших советской власти или высланных ею из страны.

8. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* историографии Гражданской войны в России?

Последние годы существования СССР и три десятилетия существования современной России были ознаменованы своеобразным историографическим бумом изучения Гражданской войны 1917–1922 гг. Невозможность изучения историками многих аспектов этой войны и ее деятелей, ввиду идеологических ограничений, привела к огромному инте-

ресу историков к исследованию контрреволюционного лагеря и в первую очередь – Белого движения.

Начиная с конца 1980-х гг. опубликованы тысячи монографий и документальных публикаций, огромное число научных статей в периодике и сборниках самого разного объема и ценности. В настоящее время Институтом российской истории РАН ведется работа над многотомной «Историей России». В ее 12-м томе, посвященном Гражданской войне приведен подробный анализ современной историографии по теме.

На ряд тенденций в развитии современной отечественной историографии Гражданской войны, а также задачах, стоящих перед современными исследователями, обратил бы отдельное внимание.

К одной из главных болезней современной российской историографии Гражданской войны следует отнести «мелкотемье» большинства научных исследований. При изучении каких-либо тем или вопросов авторами анализируется только один из фронтов Гражданской войны. Как правило это Южный или Восточный, в наибольшей степени обеспеченные источниковой базой; реже – Северный или Северо-Западный. Кроме того, на выбор фронта нередко накладывается еще и ограничение выбранной темы хронологическими рамками.

Исключения, конечно, имеются. К их числу можно отнести фундаментальную работу московского историка В. Ж. Цветкова, с конца 1980-х гг. занимающегося системным изучением Белого движения. Написанная им многотомная монография, посвящена формированию и эволюции политических структур Белого движения на протяжении всей Гражданской войны и на всех ее фронтах[3]. Другой такой пример – вышедшая в 2022 г. монография директора Института истории Сибирского отделения РАН В. М. Рынкова «Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России»[4]. Но и в этих двух случаях, выбранных для примера, рассмотрению подвергается только одна из противостоящих сторон в войне, во втором случае к тому же ограниченная одним фронтом.

---

[3] *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008; Он же. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009; Он же. Белое дело в России. 1919–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2013. Ч. I.; Он же. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2016. Ч. II.

[4] *Рынков В. М.* Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России: Идеология, законодательство, практика (июнь 1918 – октябрь 1922). М., 2022.

Приходится признать, что обобщающих работ по истории Гражданской войны в России к настоящему времени не существует, и это одна из главных черт, которая характеризует современное состояние ее историографии.

Очевидно, что степень разработанности проблематики и большое количество введенных в научный оборот источников, с одной стороны, вполне позволяет подступиться к написанию такой обобщающей работы по истории Гражданской войны. С другой стороны, огромный объем, связанных с этой войной вопросов делает написание обобщающего труда под силу только крупному авторскому коллективу, объединенному одной целью и единой концепцией.

Таким трудом призван стать упоминавшийся уже 12-й том «Истории России» (в двух книгах), посвященный Гражданской войне. В нем впервые в современной России предпринята попытка исследования всего хода Гражданской войны, сделанная на основе общей концепции и с участием большого числа авторов, представляющих разные поколения и научные школы. Выход в свет этой книги, безусловно, приведет к оживленной дискуссии в научном сообществе. Одним из результатов полемики может стать публикация новых исследований по теме, в которых разные аспекты Гражданской войны – экономическая политика, борьба партий, военное строительство и др. – будут впервые рассмотрены комплексно, а не только через призму одного из фронтов, революционного или контрреволюционного лагерей.

Важной для историков задачей могло бы стать и написание популярной истории Гражданской войны, способной просто и понятно для неподготовленного читателя объяснить суть драматических событий столетней давности. Историческое просвещение – одна из важнейших задач историков. Отсутствие качественных трудов, как правило, заполняется низкопробной продукцией.

Еще одна черта современной историографии Гражданской войны – преобладающее внимание к антибольшевистскому лагерю. Подобное внимание, после десятилетий закрытости многих тем для ученых, вполне объяснимо. Перекос в сторону изучения Советской России и Красной армии к концу существования СССР был вполне очевиден. В результате, повышенное внимание к лагерю контрреволюции стало одной из качественных характеристик российской историографии Гражданской войны.

Но за прошедшее с момента распада Советского Союза время Белое движение и шире – антибольшевистский лагерь – получили столь большое внимание со стороны историков, что сегодня в пору уже говорить о

новом перекосе в историографии. В то время как о противниках советской власти ежегодно выходит не один десяток исследований, Советской России и большевикам уделяется значительно меньшее внимание. Такие диспропорции едва ли идут на пользу как изучению Гражданской войны в целом, так и пониманию тех событий, которые происходили в нашей стране уже более 100 лет назад.

Задел, созданный советской историографией, безусловно, велик. Но вполне очевидно, что в ближайшей перспективе в пристальном внимании нуждаются оба противостоящих друг другу лагеря. Уже сейчас, например, при подготовке биографических справок для академических изданий налицо большая, в сравнении с Красной армией, разработанность биографий участников Белого движения. И это только один из примеров.

Еще одна черта, характеризующая современную российскую историографию Гражданской войны – публикация большого количества документальных источников. Наблюдающийся на протяжении последних двух десятилетий вал публикаций по данной теме привел к появлению огромного количества документов, доступных широкому кругу историков, и позволил значительно расширить источниковую базу многих научных исследований. Каждый год продолжают выходить сотни изданий. Наибольшее количество составляют воспоминания, реже – дневники и подборки писем, еще реже – тематические сборники по разным темам и проч.

Подобный массив информации, ежегодно вводящийся в научный оборот, с головой накрывает даже опытных исследователей, не успевающих следить за выходящими в свет книгами и, тем более, – журнальными публикациями. Нередки случаи, когда авторы диссертационных исследований к моменту защиты сталкиваются с выходом в свет важных для их темы документальных публикаций уже после утверждения текста работы.

Оборотной стороной бума документальных публикаций стало качество подготовки многих изданий. Высокий уровень подготовки сборников архивных документов, обеспечиваемый отделами публикаций архивов, академическими или вузовскими историками (например, двухтомное документальное издание, посвященное адмиралу А. В. Колчаку[5], или основательный том о Брестском мире[6]) соседствует с вводом в научный

[5] А. В. Колчак. 1874–1920. Сборник документов в двух томах. Т. I.: А. В. Колчак. От кадета до флотоводца. 1874–1918 / составители П. Ю. Мажара, Л. И. Спиридонова; отв. ред. Ю. Г. Орлова. СПб., 2021; Т. II. А. В. Колчак. Верховный правитель. 1918–1920 / отв. сост. Е. В. Балушкина и О. В. Лавинская; сост. Б. В. Додонов; отв. ред. Ю. Г. Орлова. СПб., 2021.

[6] Брестский мир: пролог, заключение, итоги: Сборник документов / сост. А. В. Репников (отв. сост.), А. В. Борисова. М., 2022.

оборот источников без какой-либо археографии и с отсутствием критики источника. Все это отражается на использовании вводимых в оборот документов в научной работе.

В целом, несмотря на указанные особенности, можно констатировать, что изучение Гражданской войны в наше время переживает несомненный подъем, дополнительный импульс которому, безусловно, придал столетний юбилей этого события. При этом очевидно, что объем накопленных за три десятилетия знаний и опубликованных источников, делает для историков насущными задачу создания обобщающих работ по теме и дальнейшее изучение многих вопросов, в том числе и ряда тех, разработка которых велась в советской историографии.

III. Вопросы методологии

9. Какими методологическими инструментами (моделями, теориями) Вы пользуетесь в своей работе при изучении истории революции и Гражданской войны в России? Как Вы оцениваете их полезность и адекватность?

В современном мире наибольшее распространение в исторической науке в качестве методологии исследований получили позитивизм и постмодернизм. Позитивизм, с его использованием общенаучных методов и вниманием к количественным данным, представляется мне более адекватной для исторических исследований методологией. Постмодернизм, хотя и дает, вероятно, больший простор для реализации авторских концепций, не вызывает у меня принятия. Что касается конкретных методов, то их набор зависит как от темы исследования (не важно, по Гражданской войне она, или по какой-то другой эпохе), а также от состояния источниковой базы.

10. Какие дополнительные соображения Вы считаете необходимым высказать по проблемам методологии и историографии революции и гражданской войны в России?

Нет ответа.

В. И. Голдин (САФУ им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск)

I. Историография революции

1. Какие основные элементы включала в себя концепция революционного 1917 г., доминировавшая в *советской* историографии?

Одна из ключевых идей советской историографии заключалась в обосновании закономерности российских революций 1917 года – Февральской и в первую очередь Октябрьской. При этом Февральская революция рассматривалась как поздняя буржуазно-демократическая революция, произошедшая уже в эпоху империализма (который трактовался как высшая и заключительная стадия капитализма, с перерастанием монополистического капитализма в государственно-монополистический, как загнивающий и умирающий капитализм), со всеми вытекающими отсюда особенностями, в ходе которой вызревали и необходимые условия и предпосылки для ее перерастания в социалистическую. В основе методологии лежал классовый и формационный подход.

Важным элементом концептуального видения являлось положение о том, что открывавшаяся при империализме возможность победы социалистической революции сначала в одной или нескольких странах могла реализоваться в наиболее слабом звене мировой империалистической системы. Таким слабым звеном считалась страна, где складывались достаточные (или минимально необходимые) материальные предпосылки для перехода к социализму и противоречия империализма приобретали наиболее острый характер, где наряду с объективными созревали и субъективные условия для победы революции. Признавалось, что материальные предпосылки для социализма созрели в России в меньшей степени, чем в других передовых странах Запада, но учитывая совокупность и остроту политических и социальных факторов, а также зрелость субъективного фактора, страна трактовалась как самое слабое звено в системе империализма.

Согласно марксистско-ленинской теории революции, в основе объяснения событий революционного 1917 года лежал неразрешимый конфликт между развивающимися производительными силами и устаревшими производственными отношениями, когда политическая и социальная структура общества не поддавалась трансформации путем реформ, а требовала революционной ломки и смены общественно-политической формации.

Февральская революция рассматривалась как продолжение на качественно новом этапе Первой российской революции, нерешенные вопросы которой делали неизбежной вторую революцию.

Первая мировая война, трактовавшаяся в советской историографии как чудовищное порождение империализма, означала и вступление капитализма в качественно новую полосу общего кризиса, который в наиболее острой форме сложился в России, что сделало неизбежной сначала буржуазно-демократическую, а затем и социалистическую революцию. Эта война трактовалась как могучий ускоритель всех общественных процессов, способствовавших формированию общенационального кризиса, из которого виделся возможным только революционных путь.

Важным концептуальным положением считалось складывание в России общенационального кризиса (с экономическими и социально-политическими предпосылками для буржуазно-демократической и социалистической революций), дополнявшегося революционной ситуацией, что наряду со зрелостью субъективного фактора делало сначала буржуазно-демократическую, а затем и социалистическую революцию, закономерной и неизбежной. Россия трактовалась как зачинатель революционного перехода от капитализма к социализму, что было обусловлено, с одной стороны, наступлением эпохи империализма с ее неизбежными социальными взрывами и потрясениями, которые усугубились в обстановке мировой войны, а с другой – особенностями исторических условий, сложившихся в данную эпоху в России, где находился центр мирового революционного движения.

Анализируя дискуссии в советской историографии о причинности революций, и прежде всего Октябрьской, следует указать, что они были связаны, прежде всего, с оценкой зрелости материальных, экономических и социально-экономических предпосылок для революционного развития. Начавшись в 20-е годы, они были продолжены так называемым «новым направлением» в 60-х – начале 70-х годов, сторонники которого делали особый упор на многоукладности российской экономики как факторе, порождавшем ту сумму социальных противоречий, без которых нельзя понять остроту и масштабы общественно-политического кризиса, растянувшегося в России почти на 20 лет и породившего революции 1905–1907 и 1917 годов. Затем дискуссия на эту тему вышла на новый уровень в условиях советской «перестройки». Это воплотилось в конечном итоге в признание большинством историков к концу советского периода историографии наличия минимума объективных, материальных и социально-экономических предпосылок для социалистической революции, несоответствие зрелости экономических и политических условий и

предпосылок для социалистической революции, но высокую зрелость ее социально-политического фактора.

Другим проблемным полем советской историографии являлось соотношение стихийности и сознательности в революционном процессе в России, общедемократических и социалистических требований в нем. Важным постулатом советской историографии стало то, что нерешенные общенациональные и общедемократические задачи (социально-экономическая и культурная отсталость, хозяйственная разруха, аграрный вопрос и т. п.) выступили в качестве катализатора революционного процесса. Еще одним важным положением концепции революционного 1917 года являлась угроза национальной катастрофы с ее внутренними и внешними аспектами.

Проблемой обсуждения и полемики, начатой в начале 70-х и получившей дальнейшее развитие во второй половине 80-х – начале 90-х годов стало наличие или отсутствие альтернатив в развитии России в начале XX века и в ходе революционного процесса в 1917 году. В конечном итоге, это вылилось в монографию П. В. Волобуева на эту тему, опубликованную в 1987 году[1].

Особое внимание в летописи революционной эпохи в советское время занимала история партии большевиков как руководящей силы революционного процесса, с идеализацией и иконизацией ее лидеров, в первую очередь В. И. Ленина. Отношение к другим лидерам и ведущим политическим фигурам партии большевиков и их оценки менялись на протяжении советской истории в зависимости от разных причин и обстоятельств, прежде всего политического характера.

Важной чертой советской историографии являлось то, что она рассматривала и оценивала не только внутренние процессы, предпосылки и причины революционного кризиса в России и революционного 1917 года, но и внешнеполитические и геополитические факторы. Значимой проблемой для советской историографии являлось осмысление революции в России в контексте идей и надежд на мировую революцию и попыток большевиков после прихода к власти способствовать ее ускорению, а также оценка ее международного значения. Характеристика Октября как поворотного пункта в истории России и в мировой истории, раскрытие его всемирно-исторического значения являлись важнейшим элементом концепции революционного 1917 года в России.

---

[1] Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987.

Результатом этого процесса стало инициирование создания в 1984 году Международной комиссии по истории Октябрьской революции Международного конгресса исторических наук – высшего форума историков планеты, которая работала с 1985 по 2010 год. Впрочем, по существующим оценкам она продолжала действовать и после 2010 года (прекращения деятельности в составе МКИН и исключения из него), выступая как важный международный экспертно-аналитический центр осмысления Октябрьской революции, революционного процесса 1917 года в России и его воздействия на мир[2].

В деле координации научных исследований по изучению революционной проблематики и Гражданской войны в стране в стране важную роль играл Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», созданный в конце 50-х годов. В годы «перестройки» в СССР он стал и одним из центров академических дискуссий и поиска новых идей и подходов к осмыслению этой проблематики.

Важнейшим элементом и оценочным концептом октябрьского рубежа отечественной истории в советской исторической науке являлось подчеркивание огромного позитивного значения Октябрьской революции для России и мира, что воплощалось в наименовании ее Великой, а также признание и подчеркивание ее социалистического характера, что в совокупности воплотилось в наименование этой революции – Великая Октябрьская социалистическая революция. Она отмечалась в СССР как государственный праздник, положивший начало не только советской истории и социалистическому этапу развития, но и формированию мировой социалистической системы.

2. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии революционного 1917 г.?

В советский период при всех существовавших противоречиях и коллизиях в исторической науке, что сказывалось и на судьбах историков, сложилась достаточно стройная концепция видения революционного процесса в России, от его истоков и зарождения, причинности и хода до анализа последствий и значения для страны и мира. Она транслировалась в образовательный процесс в высшей школе через диалектику изучения процесса формирования общего кризиса в России в различных его слагаемых, складывания революционной ситуации и наличия субъективного фактора революции в единстве разных составляющих.

---

[2] Исхаков С. М. Международная комиссия по изучению революций в России // 1917 год в Евразии. М., 2017. С. 5–17.

Лейтмотивом советской историографии было воссоздание «ленинской концепции» революционного процесса и прежде всего Октябрьской революции. Так, в период «перестройки» перед историками ставилась задача освобождения ленинской концепции революции от сталинских наслоений. Но нередко это превращалось в цитатничество, а не в воссоздание сложной эволюции взглядов самого В. И. Ленина на эти проблемы в пространстве времени, по прохождении недель, месяцев и лет после ее событий. К тому же, Ленин был политиком и современником событий, а их реальная картина и оценки даются спустя некоторое время, при изучении и осмыслении всего многообразия существующих источников.

Зависимость советской историографии революции 1917 года от политики, господствующей идеологии и власти, от правящего режима порождала неизбежный в этих условиях догматизм и бюрократизацию, когда оценки, суждения и публикации историков жестко контролировались политиками. При характеристике предпосылок и причин социалистической революции нередко доминировала переоценка экономической зрелости России для социализма, обоснование закономерности и неизбежности социалистической революции. Налицо была во многом идеализация революционного процесса, героизация его участников. Изучать революционную историю в СССР было важно, актуально, интересно, но небезопасно для судеб историков, вступивших на этот путь познания.

3. Какие основные элементы включает в себя концепция революционного 1917 г., принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* **историографии?**

В постсоветской историографии, на мой взгляд, нет доминирующей концепции революционного процесса, но существует многообразие его полярных толкований и объяснений, начиная с истоков и причинности, кончая общей трактовкой, рассмотрением множественности революций как единого процесса, или же двух или более революционных потоков, характеристики исторического значения Российской революции или революций или отрицания этого.

Отметим крайнюю остроту полемики и полярность суждений на эту тему: революция была благом или злом, триумфом или трагедией, спасла Россию от катастрофы и открыла для нее и мира новые перспективы развития или, напротив, погубила ее. В публицистике, да и в научной литературе, в канун столетнего юбилея революционного 1917 года в России зазвучали такие термины, характеризующие его оценку, как «война» или «войны»: «война интерпретаций», «интеллектуальные войны» и т. п. И это не случайно, ибо в связи с революционной темой речь шла не толь-

ко о прошлом, но и о настоящем и будущем России – и не только нашей страны. Дискуссии были связаны и с выяснением роли революций в прошлом и настоящем как способа преобразования и обновления мира, диалектики реформ и революций в историческом прогрессе, а также оценки значения социализма и социалистической идеи в российской и мировой истории сегодня и в перспективе.

В исторической литературе о 1917-м присутствует сегодня весь спектр политико-идеологических взглядов и оценок: коммунистических и антикоммунистических, социал-демократических, либеральных, консервативных, монархистских и др. На новый этап вышла многолетняя дискуссия «оптимистов» и «пессимистов».

Нельзя не признать наличие ярко выраженного негативистского тренда в оценках революционных событий, когда не только октябрьский, но и февральский рубеж 1917 года, часто лишается революционного статуса, а пренебрежительно именуется переворотом, рассматривается с позиций конспирологии. Но если сам акт падения старой власти (монархии или Временного правительства), вооруженных восстаний в Петрограде в феврале и в октябре 1917 года еще может именоваться переворотом, то далее развитие событий приобретало масштабный и всеохватывающий характер, превращаясь в полноценную политическую и социальную революцию, которую правомерно именовать Февральской и Октябрьской, отмечая ее знаковые рубежи, или Великой Российской революцией. При этом исторические рамки ее трактуются по-разному, охватывая только 1917-й год или период с 1917 по начало 1920-х годов.

Впрочем, существуют и более широкие хронологические рамки ее видения, особенно в зарубежной литературе: с конца XIX или начала XX века по начало или конец 1920-х годов или же по начало 1930-х годов. С 2014 года реализуется международный проект «Великая война и Революция в России», который предполагается завершить изданием 11 томов и более 20 книг в 2024 году[3]. Наконец, существует и концепция столетней революции в разных ее вариантах, когда предпринимаются попытки исследовать историю России и, в частности, ее модернизации в большом историческом времени (с конца XIX по конец XX века или с начала XX по начало XXI столетия).

Одним из сложившихся в последние годы направлений критики российских революций является так называемое смутоведение. Его генезис, с одной стороны, обусловлен восприятием исторических оценок Россий-

[3] Russia’s Great War & Revolution Series
(URL: https://slavica.indiana.edu/series/Russia_Great_War_Seriesabout.shtml)

ской смуты конца XVI – начала XVII века и переносом их на события начала XX века, а с другой – связан с эволюцией возникшего в 1990-е годы в академической среде так называемого социокультурного измерения революционного процесса. Происходившее в 1917 году и в последующие годы сторонниками смутоведения трактуется как апофеоз хаоса. Предпринимаются попытки доказать, что российские революции свершились ввиду кризиса сознания, потери широкими народными массами разума, здравого смысла, что они были результатом аффективных действий маргинализированных элементов, являлись болезнью, психопатологией.

По мнению критиков данного направления, попытки подменить революциоведение смутоведением объясняются сознательным стремлением дискредитировать российские революции и революционеров, желанием доказать, что революции являлись своеобразными социальными «спазмами», отклонениями от «нормального развития», очередной русской смутой[4]. Согласимся с тем, что вряд ли целесообразно и продуктивно видеть суть и природу революционного процесса 1917 года в России в нарастании хаоса, смуты и человеческой архаики, абсолютизации стихии и бунта[5].

Существуют трактовки Российской революции с позиций так называемой «новой политической», «новой социальной» и «новой культурной истории».

Продуктивной видится концепция множественности, серии или комплекса революций (революционных потоков) в 1917 году в России, введенная в оборот японским историком Х. Вада по аналогии с концепцией французского исследователя Ж. Лефевра в отношении Французской революции (как серии автономных революций)[6] и развитая в последующих исследованиях историков.

Действительно революционные процессы 1917 года можно охарактеризовать как переплетение рабочей, крестьянской, солдатской, гендерной, национальных, региональных, локальных революций, сложным образом взаимодействовавших, противоборствовавших и дополнявших друг друга. При этом в них нередко доминировал мощный разрушительный компонент – антибуржуазная (антибуржуйская), антипомещичья, антивоенная, антибюрократическая, антицентралистическая революция в сопоставле-

[4] Иоффе Г. З. Иные времена. Воспоминания. Иерусалим, 2015. С. 250; Исхаков С. М. Международная комиссия по изучению революций в России // 1917 год в Евразии. М., 2017. С. 14–15.

[5] Миронов Б. Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М., 2014. С. 66, 79, 80.

[6] Вада Х. Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 143–146; Он же. Россия как проблема мировой истории. М., 1999. С. 23–26.

нии с конструктивным и созидательным началом. При всей известной противоречивости целей, интересов и устремлений участников этих революций (революционных потоков) они объединились осенью 1917 года в борьбе против Временного правительства, способствуя приходу к власти большевиков. Но приход к власти во главе протестных движений, разноречивых по своей природе и интересам, предопределил и будущие трудности большевиков, а в немалой степени и будущую Гражданскую войну в России.

Исторический опыт и развитие современной революциологии как науки о революциях, рассмотрение Российской революции в контексте теорий революции дает представление о многообразии трактовок и объяснений историками и политологами процессов 1917 г. в России[7].

К сожалению, некоторые российские юбилейные издания, выпущенные к столетию Российской революции и призванные, казалось бы, дать обобщающую картину событий и процессов 1917 года, далеко не в полной мере отвечают современным требованиям, критериям объективности и содержат и спорные положения, лежащие в русле ее «новой мифологии»[8].

Отметим некоторые работы, авторы которых стремились дать обобщенную, хотя и не бесспорную, картину современного видения революционного процесса 1917 года в России в связи с его столетием и по его итогам, в том числе характеризуя тенденции отечественной и зарубежной историографии[9].

---

[7] Шепелева В. В. Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России (по материалам отечественной и зарубежной историографии). 2-е изд. Омск, 2013; Миронов Б. Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 72–84; Он же. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции. Статья 2 // Общественные науки и современность. 2013. № 3. С. 106–115; Исаев Б. А. Политическая история: революции. М., 2019; Он же. Революциология: общая теория революций. М., 2023 и др.

[8] Россия в 1917 году: энциклопедия. М., 2017; Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2 т. М., 2017.

[9] Революции 1917 года: современная историография. М., 2017; Колоницкий Б. И. Юбилейный год и историки революции // Российская история. 2018. № 1. С. 181–187; Булдаков В. П. Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы «юбилейного» бума // Российская история. 2018. № 6. С. 10–14; Голдин В. И. Российская революция на весах истории: размышления после юбилея // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2018. № 3. С. 15–24; Богомолов И. К. Великая российская революция в современной зарубежной историографии // Российская история. 2021. № 5. С. 114–131; David-Fox M. Toward a Life Cycle Analysis of the Russian Revolution // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2017. Vol. 18, № 4. P. 741–783.

4. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии революционного 1917 г.?**

«Архивная революция» и расширение источниковой базы, многообразие новых идей и подходов, плюрализм концепций, освобождение исторической науки от идеологического диктата власти, расширение и переформатирование научной тематики, уход от конфронтации с зарубежными коллегами-историками и международный научный диалог (к сожалению, свертываемый сегодня по инициативе Запада) в познании революционной проблематики, осмысление ее не только сверху, но и снизу, на региональном и локальном уровне, через призму осмысления поведения человека в революционном времени, изучение повседневности той эпохи относятся к сильным сторонам современной историографии.

Недостатки нередко выступают как продолжение достоинств. В данном случае налицо обилие полярных суждений, плюрализм и разнообразие мнений и оценок, мотивированных часто не стремлением к постижению объективной истины, а идеологическими мотивами и иными субъективными пристрастиями авторов. Доминирующий в исторической литературе негативистский и субъективистский подход в оценке революционного процесса затрудняет его объективное и действительно академическое изучение.

Характеризуя слабости современной историографии, автор этих строк хотел бы проиллюстрировать вышеизложенное посредством анализа рукописи XI тома, посвященного Первой мировой войне и революционному 1917 году 20-томной академической истории России (готовящейся под эгидой Института истории России РАН), над которой идет работа в течение последнего десятилетия. Рукопись тома прошла два обсуждения в главной редколлегии этого издания в 2021 и 2022 годах.

Относительно первой версии тома автор изложил свое критическое суждение о нем (во многом в отношении именно трактовок революционного процесса) на 62 страницах текста, что было обусловлено цитированием многих неудачных оценок и формулировок. Замечания и рекомендации были обобщены тогда в 20 итоговых тезисов с оценкой тома, которые были изложены в авторском выступлении на главной редколлегии. Была сформулирована и представлена 21 позиция, по которой могла идти работа по исправлению рукописи тома.

К сожалению, рукопись не претерпела серьезной переделки ко второму обсуждению, состоявшемуся в мае 2022 года. Поэтому автор этих строк высказал отрицательное мнение о рукописи и направил ее критическую оценку на 13 страницах в адрес директора ИРИ РАН Ю. А. Петрова. Изложу некоторые принципиальные позиции этого отзыва. Речь идет о поверх-

ностном знании и характеристике историографии революционного процесса в России, избегании даже упоминания многих изданий, вышедших в канун его столетия, отсутствии хотя бы ссылок на историографические издания и статьи, предвзятом, уничижительном, необъективном и высокомерном отношении к советской историографии и советским историкам, а нередко и к историческому сообществу в целом.

При оценке постсоветской российской историографии в рукописи тома было высказано мнение, что ее все время «заносило», что объяснялось, с одной стороны, влиянием массовых эмоций и иллюзий, а с другой, – использованием неких «наносных концепций и концептов». Для авторов тома понятие «революция» и «переворот» – синонимы, что обусловило вывод автора этих слов, что при таком понимании не следовало и браться за этот том, посвященный во многом революционной эпохе.

В рукописи не используются такие понятия, как «теории революций», «революциология», а отсутствие серьезных теоретических знаний и понимания существующих концепций, наработок различных научных школ в прошлом и настоящем в нашей стране и за рубежом объясняет «скольжение по поверхности» (этот тезис используется в томе для оценки работы историков, изучающих революционный процесс в России, но в полной мере может быть применим и к рукописи тома) описываемых и оцениваемых событий, объяснение их во многом через призму бессознательного.

На страницах рукописи тома отсутствует обзорная картина развития революционных процессов и событий в регионах и хотя бы в макрорегионах, на национальном имперском и постимперском пространстве, нет выявления общего и особенного в их протекании. Обнаруживается полное незнание богатой региональной историографии, что неизбежно вызовет, мягко говоря, прохладное отношение к этому издания в регионах страны, ученые, преподаватели, аспиранты и студенты которых призваны стать основной читательской аудиторией этого издания.

Не претерпело правки и кардинальной переделки Заключение XI тома, изобилующее абстрактно-философскими рассуждениями через призму узкого понимания и толкования процессов и событий 1914–1917/1918 годов с гипертрофией происходившего в человеческой психике и психологии в рамках культурно-антропологического подхода и «красной смуты», рассмотрению российского революционного процесса как бунта.

Заключение тома изобилует легковесными заявлениями вроде: «Привычные ссылки на империалистические противоречия, как и на прочие социологические абстракции, вряд ли сегодня кого-нибудь удовлетворят» (с. 540). Был подвернут критике автором этих строк и

цитируемый ниже пассаж: «В принципе многообразие протекания любой революции, как и самой жизни, можно втиснуть в те или иные – желательно не очень жесткие – социологические параметры, и это вполне удовлетворит большинство современников, так же подверженных внушению посредством научных понятий, как их отдаленные предки – заклинаниям жрецов. Но нельзя забывать, что начавшаяся российская революция и последующие социальные катаклизмы оказались связаны с подключением к архаичному бунтарству факторов “непредсказуемости”, связанных с глобализацией человеческой истории, вследствие чего сама История стала вести себя “не по правилам”. А потому в основу изучения любой революции стоит положить исследование специфических реакций традиционализма на все более требовательные и все менее предсказуемые вызовы времени. Отсюда, кстати, и неистовые метания В. И. Ленина после своего мнимого октябрьского торжества» (с. 546).

Неизменным и вряд ли приемлемым остался и финальный абзац тома: «В ситуации “внутреннего отчаяния” различных культурных и социальных пластов российского общества Гражданская война делалась неизбежной (фраза неграмотная – что за “отчаяние пластов”? – В. Г.). Но могла ли она превратить прежнее “застойное” социальное пространство в динамично развивающуюся социальную систему? Могла, если бы одна часть общества не питалась энергией всеохватывающего бунта и утопией всеобщего равенства, а другая не помышляла о невозможной “реставрации” – то ли эфемерной демократии, то ли выродившегося самодержавия». Это опять-таки некое абстрактное философствование вместо финальной, четкой, ясной, логичной и обобщающей фразы тома о России в эпоху Первой мировой войне и революции.

В результате в отзыве автора этих строк был сделан итоговый вывод, что представленный текст рукописи не удовлетворяет высоким требованиям объективного и глубокого академического издания, не воплощает в полной мере представления, сложившиеся в современной исторической науке, и не может быть рекомендован в печать. Текст отражает главным образом взгляды и суждения ответственного редактора тома В. П. Булдакова, которому и принадлежит большая часть текста рукописи. Избранная методология с упором на культурно-антропологический и в какой-то мере историософский подход носит узкий характер и вряд ли может служить методологическим основанием академического издания. Историографические разделы тома нуждаются в кардинальной переработке, вдумчивом и объективном анализе существующей научной литературы, а в оценочных суждениях следует отказаться от субъективных и некорректных вы-

сказываний и оценок, высокомерного отношения к коллегам, предшественникам и современникам, а также обильного самоцитирования и фактически самовосхваления.

Был сделан вывод, что представленная рукопись не соответствует в полной мере классическим принципам научного исследования как в части методологии, так и историографии, источниковедения и самого текста: объективность, научность, репрезентативность, целостность, комплексность, системность. Представленный текст в значительной своей части субъективен, страдает от самоцитирования, а нередко публицистичен. Он во многом столицецентричен, не отражая и не раскрывая в полной мере жизнь страны и ее населения в основных регионах, в том числе на национальных территориях, развитие революционных процессов в них.

Еще один недостаток рецензируемого издания, – это стиль и язык рукописи, который производит впечатление удивительной нелюбви к русскому языку, засоренность вестернизмами (иностранными терминами, в том числе редко употребляемыми) и в результате текст в целом ряде случаев надо читать со словарем иностранных слов в руках, что будет отталкивать потенциальных читателей от знакомства и чтения тома.

Добавлю, что проблема стиля и языка является актуальной и для значительной части современных исторических исследований о революционной эпохе, когда авторы в погоне за мнимой и внешней научностью своих произведений и под влиянием процессов интернационализации и глобализации забывают в изложении родной русский язык, делая свои произведения малодоступными и непривлекательными для потенциальной широкой читательской аудитории.

Остается вопросом, в какой мере авторский коллектив, и в первую очередь ответственный редактор XI тома, авторству которого принадлежит текст о революционном процессе 1917 года в России, сможет исправить указанные недостатки. Дело в том, что этот том призван отражать не его собственные субъективные пристрастия и научные суждения, а положение дел в исторической науке, ее видение этих сложных страниц российской истории. Тем более что это многотомное издание призвано служить ориентиром и содержательной основой для понимания революционной эпохи как для специалистов, так и читателей, интересующихся этой тематикой, не только на грядущие годы, но и десятилетия.

К сожалению, в России сегодня не существует координирующего академического центра исследований о революционном процессе 1917 года в России. Указанный ранее Научный центр по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» АН СССР

был преобразован в 1992 году в Научный центр по изучению революций в России и продолжал свою довольно активную деятельность до смерти его председателя, академика П. В. Волобуева в 1997 году. После этого он, преобразованный в дальнейшем в Научный центр РАН по изучению социальных, реформ, движение и революций, постепенно свертывал свою деятельность и прекратил существование в 2019 году в соответствии с решением РАН.

II. Историография гражданской войны

5. Какие основные элементы включала в себя концепция истории Гражданской войны, доминировавшая в *советской* историографии?

Ее основу составлял так называемый героический миф о Гражданской войне в России, легитимирующий и созданный в результате победы в ней общественно-политический строй. Изучение Гражданской войны с позиций победителей стало характерной чертой советской исторической литературы. Это было далеко не случайно, а скорее отражает общий подход победителей к трактовке гражданских войн, который на многие годы закрепляется в истории, хотя побежденные и оказавшиеся в эмиграции или в другом государственном пространстве люди создают свою версию истории гражданской войны. Характерен в этом отношении пример КНР, где создана и прославляется история китайских коммунистов, Народно-революционной армии, которые, победив в войне, создали исторический фундамент для современного динамичного и успешного развивающегося Великого Китая, претендующего на ведущие позиции и лидерство в современном мире. В то же время в Китайской Республике (на Тайване) существует и господствует иная драмо-трагическая версия событий Гражданской войны в этой стране.

Неразрывная взаимосвязь Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны четко прослеживалась в советской историографии, а война трактовалась как продолжение революции и подъем классовой борьбы на более высокую стадию в общероссийском и международном масштабе. При этом ответственность за войну возлагалась на противников большевиков. Революции в истории оценивались в советской исторической литературе и с точки зрения их способности защищаться, в чем воплощался известный постулат лидера большевиков В. И. Ленина.

Классовая доминанта, классовый подход, анализ событий и процессов Гражданской войны сквозь призму классовой борьбы и великой классовой битвы пролетариата против внешней и внутренней контрреволюции были основополагающим постулатом советской историографии. Гражданская война трактовалась как наиболее острая форма классовой борьбы.

Неразрывное и органичное единство Гражданской войны и иностранной военной интервенции являлось одним из основных элементов советской концепции этой войны. Ответственность за ее развязывание возлагалась на всемирный империализм, а ее начало, длительность и ожесточенность объяснялись во многом именно действиями интервентов. В силу этого Гражданская война нередко трактовалась и как отечественная война во имя завоеваний революции, которую вели рабочие и крестьяне против внешней и внутренней контрреволюции, и в силу этого объявлялась «самой законной и справедливой из всех войн, какие знала до этого всемирная история»[10].

На международный империализм и внутреннюю контрреволюцию возлагалась вся полнота ответственности за те потери и жертвы, которые понесли Россия и ее население в этой войне.

Особое внимание в историографии уделялось изучению партии большевиков как руководящей и направляющей силы, воюющей партии, деятельность которой на фронте и в тылу во многом определила победный исход.

Ленинская концепция Гражданской войны являлась своего рода ядром, квинтэссенцией концептуального понимания и толкования ее происхождения, логики развития, исторического значения и последствий в советской историографии. Клятва в верности этой концепции, утверждение, что именно ее удалось воссоздать и представить исследователям, являлись высшей оценкой труда советских историков Гражданской войны в Советской России.

Концепт единого военного лагеря и превращение Советской России в таковой занимал важное место в советской историографии, и вытекающие из этого исторические уроки, опыт организации трактовались как неоценимые уроки истории.

Характерной для советских историков стала трактовка Гражданской войны в широком и узком смысле, когда в первом случае речь шла о военных столкновениях, имевших место на территории страны, но носивших региональный или локальный характер, а во втором – когда вся жизнь страны и общества была подчинена военному делу, потребностям обороны. Из этого проистекала и соответствующая периодизация Гражданской войны в России.

В советской исторической литературе доминировало не объективное изучение противников Советской России в Гражданской войне, а стремление к их разоблачению, обоснованию закономерности их поражения.

---

[10] Гражданская война в СССР. В 2 томах. Т. 1. М., 1980. С. 4.

Важным считалось обоснование закономерности победы большевиков в Гражданской войне, раскрытие ее причин и источников, доказательство превосходства сформировавшейся в ней советской военной науки над буржуазной военной наукой.

6. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии Гражданской войны в России?

Советская историография, основываясь на постулатах классовой борьбы, создала достаточно стройное видение и кажущееся логичным объяснение происхождения Гражданской войны, этапов ее развития и финала с точки зрения победителей.

К слабым чертам относится чрезмерная идеологизация, сосредоточенность во многом на изучении военных и политических аспектов, с недооценкой других, зависимость научных построений, суждений и выводов историков от власти и политики, господствующей конъюнктуры, абсолютизация роли классовый борьбы и недостаточный учет многих других факторов противостояния.

7. Какие основные элементы включает в себя концепция истории Гражданской войны, принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

Ответить на этот вопрос однозначно непросто, хотя автор и опубликовал на протяжении последних двадцати с лишним лет серию материалов (главы монографий об историографии Гражданской войны, статьи) о современной концептуализации Гражданской войны в России, сравнивая различные концептуальные и теоретико-методологические подходы к ее осмыслению[11].

Одной из основополагающих тенденций в изучении Гражданской войны в постсоветскую эпоху стал отход от традиционного для советского времени взгляда на нее сквозь призму героики, отказ от так называемого «героического мифа» о ней, но рассмотрение и осмысление ее как драмы

[11] Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000. Гл. 3; Он же. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012. Гл. 3; Он же. Истоки и феномен Гражданской войны в России: взгляд через столетие // Былые годы. 2015. Т. 36. Вып. 2. С. 382 – 387; Он же. Гражданская война в России: итоги изучения, современное состояние исследования, проблемы // Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории. М., 2020. С. 7–24; Он же. Гражданская война в России в современном научном понимании: концепция, содержание, последствия // Человек, общество и власть в эпоху «Русской Смуты» 1917–1920: Память, осмысление, примирение. Симферополь. 2020. С. 7–20 и др.

и трагедии страны и российского общества, в т. ч. с целью извлечения исторических уроков и недопущения ее или ее проявлений в будущем.

Гражданская война в России воспринимается и характеризуется сегодня как крайне сложный, многофакторный, противоречивый и уникальный исторический феномен с многообразием участников и сторон (государств и государственных образований, партий, движений, группировок), военных, политических, экономических, социально-классовых, социокультурных, культурно-религиозных, духовно-нравственных, национальных, национально-религиозных и межнациональных процессов, конфликтов и расколов, длительных и разнообразных, нередко переплетающихся между собой внутренних и международных столкновений и противоборств, больших и малых войн на постимперском пространстве (и с выходом за его пределы) с целью установления контроля над страной или ее отдельными территориями и организации государственной власти здесь, происходивших при широком вмешательстве в вооруженных и иных формах иностранных государств.

Гражданская война носила глобальный и тотальный характер, ибо охватила все пространство страны, включая самые удаленные ее уголки и даже выходя за ее пределы, разделила классы, слои, группы населения (линия раскола происходила как между ними, так и внутри них), развела, образно говоря, по разные стороны баррикад друзей, соседей, родственников и членов семей. Противоборство в ней велось на военном, политическом, дипломатическом, экономическом, социальном, культурном и национальном фронтах, но первостепенное значение имела вооруженная борьба, ибо от ее исхода в решающей степени зависел исход Гражданской войны.

Гражданская война была тесно, органично и неразрывно связана с Российской революцией, вытекая из нее, представляя собой наиболее ожесточенную и вооруженную стадию противоборства конфликтующих сторон и определяя ее исход, что в совокупности именуется сегодня Великой российской революцией.

Популярным в современной мировой историографии Гражданской войны в России является характеристика ее как серии или комплекса войн (гражданских войн) в разнообразии видов и форм вооруженных и иных противоборств. Автору неоднократно приходилось давать их характеристику в развернутом[12] и кратком[13] виде, поэтому ограничусь ссылками на опубликованные материалы.

---

[12] Голдин В. И. Гражданская война в России в современном научном понимании: концепция, содержание, последствия // Человек, общество и власть в эпоху «Русской Смуты» 1917–1920: Память, осмысление, примирение. Симферополь. 2020. С. 15–18.

Характеризуя истоки, генезис, предпосылки и причины Гражданской войны, считаю целесообразным рассматривать этот комплекс проблем, с одной стороны, в хронологических рамках так называемой «длинной» и «короткой» истории. В первом случае речь идет, по крайней мере, о годах и десятилетиях, предшествующих Гражданской войне, с конца XIX – начала XX века (процессы российской модернизации со всеми присущими им противоречиями, Крестьянская революция начала века, Первая русская революция, Первая мировая война), а во втором случае – о событиях и процессах 1917–1918 годов, когда прослеживается тесная взаимосвязь этой войны с событиями и процессами Первой мировой войны и Российской революции 1917 года.

Центр тяжести в исторической литературе постсоветского времени смещен на поиск внутренних корней и причин в объяснении истоков Гражданской войны в России, а традиционная для советского времени взаимосвязь ее начала и последующего протекания с иностранной военной и другими формами интервенции ушла на второй план и нередко вообще отсутствует в современных работах.

Но убежден, что причины российской Гражданской войны следует искать и характеризовать не только с точки зрения внутренних процессов и событий, происходивших в России, но и с учетом внешних факторов, глобальной геополитики и внешнего вмешательства, международной интервенции в различных ее формах и видах, причем как со стороны стран Четверного союза и Антанты, так и отдельных государств, входивших и не входивших в состав этих военно-политических коалиций.

При продолжающихся дискуссиях о периодизации Гражданской войны представляется правомерным характеризовать ее в широком смысле с 1917 по 1922 год, а в узком смысле, когда в стране происходила полномасштабная и фронтовая война, – с конца весны – начала лета 1918 по осень 1920 года.

Гражданская война в России была нераздельно связана с иностранной военной, политической, дипломатической, финансово-экономической интервенцией, а также с военно-морской и торгово-экономической блокадой Советской России, и в этом органичном единстве указанных составляющих она и должна раскрываться.

Современное понимание Гражданской войны в России требует ее осмысления, образно говоря на нескольких уровнях: международно-геополитическом, общероссийском, региональном, локальном и конкрет-

---

[13] Голдин В. И. К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР. СПб., 2022. С. 123.

ных людей, повседневности, с соединением этих знаний и характеристик воедино.

Последствия Гражданской войны, ее исторические уроки и историческая память о ней – это еще одна важная проблема или комплекс проблем и составная часть ее концептуального понимания. Обозначим лишь некоторые основные направления ее раскрытия: 1) материальный ущерб и человеческие потери; 2) изменение территории и населения страны, демографические последствия; 3) формирование военно-политического и экономического союза советских республик и создание СССР; 4) зачатки формирования социалистической системы и социалистической альтернативы мирового развития; 5) влияние войны на характер советской государственности, модель политического, социально-экономического развития и национально-государственного строительства; 6) выявление взаимосвязи Гражданской войны и сталинизма; 7) объяснение на опыте и уроках этой войны как начинаются, развиваются и чем оборачиваются гражданские войны; 8) из опыта российской Гражданской войны вытекает историческое предостережение от использования военно-силовых методов в решении политических и иных актуальных проблем страны, а также недопустимость использования помощи других государств во внутриполитической борьбе, ибо вмешиваясь в нее, иностранцы в первую очередь реализуют собственные цели; 9) потребность продуманной мемориальной политики государства и ее реализация в тесном взаимодействии со специалистами-историками и др.

Заметим, что существуют различные концептуальные подходы к осмыслению Гражданской войны, целый ряд из которых можно признать в той или иной степени продуктивными: изучение логики нарастания хаоса; рассмотрение войны с позиций синергетики как турбулентного пространства; осмысление природы, логики развития и проявлений насилия, эволюции психоментальности и психопатологии; столкновение и противоборство культур и разных систем культурных и духовных ценностей как экстренного способа культурного самоопределения путем культурного разлома и утверждения новых культурных ценностей; осмысление темы имперства как системного кризиса, смерть и возрождение империи, и др.

Более глубокому осмыслению особенностей феномена Гражданской войны в России способствует ее рассмотрение сквозь призму типологии гражданских войн и компаративистики, сравнительный анализ ее с крупнейшими гражданскими войнами XX века (в Китае, Корее, Испании, Финляндии) и более раннего времени (в США и Франции).

8. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии Гражданской войны в России?**

Для исторической науки в целом и для исследований, посвященных истории Гражданской войны, в частности, стал характерен методологический плюрализм. При ее изучении используются как классовый и формационный подход, так и многообразие иных – междисциплинарный, историософский, социокультурный, историко-антропологический, психоментальный, постмодернистский, модернизационный, цивилизационный, синергетический и др. В исследованиях используются теоретические наработки «новой политической», «новой социальной», «новой культурной истории» и др.

Уход от следования стереотипам и догмам видения Гражданской войны только как борьбы красных и белых, многообразие существующих исследовательских подходов, видение и исследование этой войны как серии или комплекса различных войн, военных, политических, национальных и иных конфликтов, осмысление столкновения в ней разных интересов, изучение ее на общенациональном, региональном и локальном уровнях, истории военной и иной повседневности, жизни, быта, поведения человека в ней делает понимание ее глубже и полнее.

В изучении истории Гражданской войны в России в постсоветский период на смену прежней моноидеологичности советской эпохи пришел и присутствует сегодня весь спектр политико-идеологических взглядов и оценок – от коммунистических и социал-демократических до либеральных, консервативных и монархических. Это современная реальность историографии, и нельзя сказать хорошо это или плохо, но это во многом обуславливает и остроту современных дискуссий о Гражданской войне и оценок ее событий, процессов и персоналий, когда в них сталкиваются сторонники и противники большевиков, русофилы и русофобы. Только сегодняшние схватки и войны протекают уже на интеллектуальных фронтах.

На смену доминировавшему в советский период изучению Гражданской войны с позиций победителей пришло стремление значительной части авторов изучать ее с антикоммунистических позиций, идеализируя противников большевиков и советской власти, но их апологетика ведет к той же крайней односторонности, далекой от объективного понимания тех сложных и крайне противоречивых событий.

III. Вопросы методологии

9. Какими методологическими инструментами (моделями, теориями) Вы пользуетесь в своей работе при изучении истории революции и Гражданской войны в России? Как Вы оцениваете их полезность и адекватность?

Я исповедую мультидисциплинарный подход, сочетая это с междисциплинарным синтезом. Гражданская война вообще, а российская в особенности – это исключительное сложное явление, и его следует изучать не только методами и средствами исторической науки, но и политических наук, конфликтологии, а также культурологии, социологии, психологии, других социальных наук, используя присущие им формы, методы, способы и средства познания и стараясь интегрировать все это воедино.

10. Какие дополнительные соображения Вы считаете необходимым высказать по проблемам методологии и историографии революции и гражданской войны в России?

При осмыслении этой сложной и болезненной, травмирующей и сегодня общество темы следует помнить и обязательно руководствоваться основополагающими принципами познания: историзм, объективность, комплексность, системность. Тщательно изучать и знать следует как отечественную, так и зарубежную историографию, не относясь к последней свысока, но и не идеализируя ее. В работе с источниками надо стремиться к репрезентативности источниковой базы, используя все существующие группы источников, тщательно проверяя источники на достоверность посредством их внешней и внутренней критики, а также реализуя в работе с ними принципы историзма, объективности и системности.

Икэда Ёсиро (Токийский университет, Япония)

I. Историография революции

1. Какие основные элементы включала в себя концепция революционного 1917 г., доминировавшая в *советской* историографии?

1) Возникновение общенародной (понимая под этим простонародье) поддержки партии большевиков к моменту Октябрьской революции.
2) Неспособность мелкобуржуазных партий уловить развитие исторического процесса человечества вообще и России в особенности.
3) Марксистская концепция неизбежности гибели капитализма и наступления социализма и ленинская концепция Первой мировой войны как симптома глубокого кризиса капитализма.

2. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии революционного 1917 г.?

Сильные черты заключаются в следующем:

1) Взгляд снизу. Хотя и сильно идеологизированная, советская концепция общенародной поддержки большевиков сделала возможным исследование поведения низших слоев населения, предшествуя тем самым «социальной истории» революции на Западе, которая возникла в 1970-е и 1980-е годы. Так, без книги В. И. Старцева «Очерки по истории петроградской красной гвардии и рабочей милиции» (1967) Рекс Уэйд не смог бы написать «Красная гвардия и рабочая милиция в Русской революции» (1984). Внимание к низшим слоям населения также привело к расширению объектов исследования, включая так называемых городских трудящихся. Обширны труды по обывательским элементам городов и связанным с ними «непролетарскими партиями», которые советские историки писали еще до начала перестройки.
2) Глобальный взгляд. Несмотря на шаблонность подхода (интернациональное значение Великого Октября), советская концепция обратила внимание на международный контекст событий в России.
3) Что касается внеконцепционных сторон дела, институционализация исследований 1917 года и учреждение местных ВАК наук в университетах и отделах академий является высоким достижением СССР. Это поощряло развитие историографии на местах. В начале 1990-х годов я удивился, обнаружив оригинальные работы о радикализации местных эсеров волжского историка Д. С. Точеного[1].

Слабые черты заключаются в следующем:

1) Обязательное обращение к идее классовой борьбы как основной движущей силе развития истории. Правда, и на Западе для «социальной истории» 1917 года характерна схематичность вследствие этой идеи.
2) Слабое (сравнительно) внимание к действиям и структуре государственного аппарата Временного Правительства. Тут работы В. И. Старцева не теряют ценности, но вообще в советской историографии недостаточно проанализирована деятельность каждого министерства и других органов Временного Правительства, а также ряда совещаний (Государственное совещание, Демократическое совещание, Предпарламент) организованных или Временным Правительством, или ВЦИКом. В связи с этим следует добавить, что труд О. Н. Знаменского по Учредительному Собранию остается классическим.

[1] Точеный Д. С. Банкротство политики эсеров Поволжья в аграрном вопросе (март–октябрь 1917 г.) // История СССР. № 4. 1969. и др.

3. Какие основные элементы включает в себя концепция революционного 1917 г., принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* **историографии?**

Я отвечаю, имея в виду ситуацию в современной России. Основные элементы концепции такие: Революция как хаос. Социально-политические конфликты в 1917 г. как поиск новой системы ценностей. Насилие как метод революционной коммуникации – выражения самоидентичности и переустановления властных отношений. В. П. Булдаков и Б. И. Колоницкий сыграли лидирующую роль в установлении данной ориентации.

4. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии революционного 1917 г.?**

Сильные черты заключаются, прежде всего, в тотальном осмыслении многогранности человеческого общества вообще и, в особенности, в моменте хаоса. Благодаря этому постсоветская историография преодолевает грань между историческими исследованиями и антропологией.

Что касается слабых сторон, можно выделить одну. Точнее, это не слабость, а лишь характерная черта данной стадии российской историографии 1917 года. Так, подчеркивание специфического российского контекста революции 1917 года (например, крушение имперской системы управления) привело к недостаточному вниманию к задаче определения места Российской революции в общеевропейском и глобальном контексте. Правда, революция 1917 года была, прежде всего, специфически «российским» событием, но все-таки надо обследовать вопрос: почему это событие оказало такое огромное влияние на другие страны, где существовали совсем иные политические и общественные порядки? Само собой разумеется, этим вопросом нужно заниматься, скорее всего, заграничным историкам, но мы желаем обсуждать его вместе с российскими коллегами.

II. Историография гражданской войны

5. Какие основные элементы включала в себя концепция истории Гражданской войны, доминировавшая в *советской* **историографии?**

Основным постулатом является тезис, что контрреволюция и военная интервенция принудили Советскую Россию провести в жизнь жестокую централизацию политики и экономики. По этому поводу есть параллельность историографии российской революции и гражданской войны и Великой Французской революции. Были и такие историки, кто отказался от тезиса о принудительности «военного коммунизма», включая прежде всего В. И. Биллика, но это исключение.

6. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии Гражданской войны в России?

Сначала хотелось бы написать об общей проблеме историографии российской гражданской войны и в СССР, и на Западе. Для изложения истории бывшей Российской империи от начала 1918 г. до начала 1920-х гг. были приняты несколько рамок подхода – «гражданская война», «военный коммунизм», «установление советской власти» и т. д. Взаимоотношения между этими рамками не всегда были ясно определенными, хотя эти понятия никак не идентичны. Можно было бы думать, что понятие «гражданской войны» включает в себе «военный коммунизм», но у меня такое впечатление, что первое касается прежде всего борьбы на фронтах (Красная Армия, Деникин, Махно, и т. д.), а последнее – различных политик большевистской партии. Иными словами, первое касается и большевистских, и небольшевистских сил, а второе лишь большевистского режима. Отсюда следует думать, что главная сложность заключается в унификации анализа действий небольшевистских сил (например, продовольственная политика КОМУЧа или пропагандистская работа ОСВАГа) с одной стороны, и действий большевистского режима (например, продразверстка или красный террор). Имея в виду все это, можно сказать о слабых чертах советской историографии гражданской войны: она не смогла интегрировать анализ деятельности тех и других правительств, поскольку деятельность советского правительства занимала в работах советских историков привилегированное место.

Данная слабость советского изложения периода гражданской войны касается основной схемы исследования в целом, поэтому она немного затрудняет выделение сильных «черт» исследований. Конечно, было много хороших отдельных трудов, но находить «черты», общие для них всех, сложно. Здесь хочу указать лишь о том, что одним из заметных достижений советской историографии является исследование создания государственных аппаратов в первые годы Советской власти. Книги Е. Н. Городецкого и М. П. Ирошникова и сейчас остаются стандартом. Правда, я не уверен, что их работы по установлению советской власти подходят к категории исследований по Гражданской войне.

7. Какие основные элементы включает в себя концепция истории Гражданской войны, принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

В постсоветской историографии более или менее исчезает вышеуказанная слабость советской схемы, поскольку советское правительство было поставлено вровень с другими, антибольшевистскими, правительствами. Теперь история гражданской войны расценивается как

новая смута (вместе с 1917 годом). Весь этот период и пространство наполнены конфликтами и поиском своей идентичности. Общечеловеческий вопрос о выживании при разрухе и голоде теперь занимает центральное место в исследованиях.

8. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии Гражданской войны в России?**

Можно повторить тот ответ, который был дан на вопрос 4. Добавлю лишь по поводу сильных черт, что этнические конфликты исследуются на основе богатого исторического материала (см., например, труды С. М. Исхакова). Что касается слабых сторон, желательно было бы расширить международные аспекты исследований. Например, как была связана ситуация внутри бывшей Российской империи с развитием событий в Польше, Турции, Монголии и т. д. Работы историков молодого поколения, включая, прежде всего, И. В. Саблина, сейчас открывают новые перспективы по этому поводу.

III. Вопросы методологии

9. Какими методологическими инструментами (моделями, теориями) Вы пользуетесь в своей работе при изучении истории революции и Гражданской войны в России? Как Вы оцениваете их полезность и адекватность?

В середине 1990-х годов, когда я был аспирантом в Токийском университете, меня привлекала теория лингвистического поворота. Ее влияние ослабело потом, когда я стал читать архивные материалы в Москве в качестве стажера ИРИ РАН. Чисто теоретическое размышление о взаимоотношениях между текстом и реальностью в значительной степени потеряло актуальность для меня, который должен был читать и анализировать горы материалов. Однако методологический вопрос о том, как истолковать материалы, которые писали в необыкновенной ситуации революции и гражданской войны, остается для меня важным. Работы В. П. Булдакова о представлениях власти среди обывателей, Б. И. Колоницкого о революционном дискурсе, всегда давали мне ценнейшие советы. В эти дни меня особенно интересует процесс о том, как определенные понятия воплощаются в политические институции, а последние, будучи уже созданы, оказывают в свою очередь влияние на понимание обществом этих понятий. Полезность и адекватность размышления о революционных представлениях и дискурсе ясна, поскольку процесс принятия отдельным человеком или коллективом окружающего мира имеет решительное значение для развертывания любого события.

10. Какие дополнительные соображения Вы считаете необходимым высказать по проблемам методологии и историографии революции и гражданской войны в России?

Без методологического размышления невозможно развитие исторической науки. И совместное международное обсуждение о теоретических вопросах должно помогать нам в дальнейшем углублении исторического исследования. Искренне желаю, чтобы наше сотрудничество и впредь продвигалось вперед.

В. В. Калашников (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург)

I. Историография революции

1. Какие основные элементы включала в себя концепция революционного 1917 г., доминировавшая в *советской* историографии?

Основные черты советской историографии революции 1917 года сложились в основном уже в 1920-е гг. Доминирующая концепция опиралась на ту трактовку событий, которая была создана В. И. Лениным. В разные периоды времени ряд вопросов в рамках этой концепции трактовались с различными акцентами, зачастую обусловленными политической ситуацией в стране и задачами текущего момента. Как известно, историки никогда и нигде не были свободны от давления со стороны власти и всегда были вынуждены так или иначе его учитывать. Советские историки не избежали этой участи. В 1930-е – 1940-е гг. речь шла о самых грубых формах давления, вплоть до физической расправы над теми, кто был заподозрен в уклонении от политической линии, определенной И. В. Сталиным. Тем не менее, на всем протяжении советского периода существовала научная историография Революции 1917 года в России. Созданная советскими историками концепция с успехом конкурировала с теми концепциями, которые создавали российские историки-эмигранты и их зарубежные коллеги. Об этот говорит тот факт, что в 1960-е – 1980-е гг. произошло существенное *сближение* позиций советских и части западных историков в трактовке ключевых вопросов 1917 года. Суть сближения наиболее ярко изложил известный западный историк консервативного плана, один из идеологов эпохи «холодной войны», проф. Р. Пайпс: «…за последние три десятилетия, – с негодованием писал Пайпс, – произошла конвергенция подходов со стороны советской и западной историографии применительно к теме революции и первых послереволюционных лет … Западные историки, особенно представители младшего поколения, все сильнее и сильнее склоняются к советскому взгляду на вещи, согласно которому в октябре 1917-го и впрямь произошла *народная* революция, в

ходе которой действия большевиков определялись *давлением широких масс*»[1]. В 1990-е гг. Пайпс и его сторонники развернули активную атаку как на «ревизионистов», так и на советскую историографию. В научном плане атака потерпела фиаско, но желающих открыто противостоять Пайпсу было немного как в России, так и за рубежом. Многие историки нашли выход в отказе от острых тем и переходе к изучению истории повседневности, вопросов культуры, языка, символов в эпоху революции (так называемые лингвистический и культурный повороты).

Проблема закономерности Февральской революции. Советские историки всегда признавали закономерность буржуазно-демократической революции в царской России и выводили ее из анализа тех процессов, которые доминировали в эпоху «третьеиюньской монархии» – периода между первой и второй революциями. В советской историографии доминировали тезисы о том, что царское правительство не смогло осуществить реформы, которые бы позволили предотвратить нарастание социальных конфликтов в предвоенной России. Так, аграрные реформы Столыпина не смогли остановить обострение земельного голода и не изменили менталитета большинства крестьян, которые выступали против принципа частной собственности на землю. Реформы не привели к созданию мощного слоя зажиточного крестьянства, готового встать на защиту этого принципа. Именно поэтому революция в России не могла избежать «черного передела», который выводил ее за рамки обычной буржуазной революции. Большое внимание уделялось трактовке природы и роли первой мировой войны. Историки оценивали эту войну как империалистическую со стороны всех великих держав, и отмечали ее роль «великого режиссера»: фактора, который привел к складыванию революционной ситуации в стране к началу 1917 г., а также создал условия для перехода от буржуазно-демократической к пролетарской революции.

Эти тезисы доминировали в работах Н. А. Рожкова и М. Н. Покровского – самых крупных марксистских историков в 1920-е годы[2]. В 1930-е годы эти позиции были закреплены в книге «История ВКПб. Краткий курс», установки которой являлись обязательными в сталинскую эпоху[3]. В 1960 – 1980-е годы советские историки создали целый ряд трудов, где на большом фактическом материале убедительно доказывали нарастание социальных конфликтов в России в довоенный период и создание революционной

---

[1] Пайпс Р. Три «почему» русской революции. СПб.: Феникс, 1996. С. 10, 11–12.

[2] Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: в 12 т. Том XII. М.: Книга, 1926. Покровский М. Н. Октябрьская революция: сб. статей 1917–1927. М.: Изд-во Ком. академии, 1929.

[3] История ВКП(б). Краткий курс. М.: Издательство ЦК ВКП(б), 1938.

ситуации в стране в годы мировой войны. Появился и ряд крупных обобщающих работ по истории Февральской революции. Из них отметим труды московских историков академика И. И. Минца и Э. Н. Бурджалова, ленинградских историков Р. Ш. Ганелина и В. И. Старцева[4]. Отличительной чертой 1980-х годов стала более активная и успешная разработка проблемы «кризиса верхов» в довоенной и военной России. Большое внимание уделялось роли субъективного фактора. Советские историки рассматривали отказ царя от подлинного реформаторства как главную политическую причину Февральской революции. При этом позиция царя трактовалась не как чисто субъективная ошибка, а как поведение, обусловленное самодержавной традицией управления с опорой на дворян-помещиков[5].

Проблема закономерности Октября. В советской историографии Октябрь рассматривался как закономерное событие, обусловленное тем, что буржуазно-демократическая революция в России существенно запоздала и произошла тогда, когда в стране уже складывались предпосылки для второй социальной войны – между буржуазией и пролетариатом. Важной особенностью России была высокая степень концентрации промышленности и промышленного пролетариата, который был готов бороться не только против самодержавия, но и за социализм. Не менее важной особенностью России была радикальная позиция крестьянства, которое выступало против частной собственности на землю и боролось за программу «черного» уравнительного передела земли в пользование тем, кто обрабатывает ее собственным трудом. Такая позиция объективно выводила революцию в России за рамки обычной буржуазной революции. Мировая война, чуждая интересам России и непонятная народу, не только обострила все довоенные конфликты, но и поставила вопрос о мире в ряд главнейших. Октябрьская победа партии большевиков в борьбе за власть стала закономерным результатом их готовности и способности решить ключевые вопросы о земле и мире так, как требовали массы рабочих и крестьян, в то время как правые социалисты и либералы отказывались от радикального решения этих вопросов.

Следует отметить, что советские историки вслед за Лениным уже в 1920-е гг. признавали тот факт, что Октябрьская революция была соверше-

---

[4] Минц И. И. История Великого Октября. В. 3 томах. Том 1. Свержение самодержавия. М.: Наука, 1977; Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. М.: Наука, 1967; Ганелин Р. Ш. Февральская буржуазно-демократическая революция в Петрограде // Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л.: Наука, 1967. Кн. 1; Старцев В. И. 27 февраля 1917 года. М.: Молодая гвардия, 1984.

[5] Кризис самодержавия в России: 1895–1917. Л.: Наука, 1984; Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989.

на вопреки ортодоксальной марксисткой теории революции. Эту мысль в докладе на I Всесоюзной конференции историков-марксистов в декабре 1928 г. развил самый авторитетный историк того времени М. Н. Покровский. Он назвал «антиленинскими» попытки трактовать Октябрьскую революцию в рамках ортодоксального марксизма и подчеркивал, что в условиях России большевики «прорвались к социализму … наперекор узко экономическим законам»[6]. Покровский прямо ссылался на статью Ленина «О нашей революции» (январь 1923 г.), посвященную анализу книги меньшевика Н. Н. Суханова «Записки о революции»[7]. Ленин называл «*бесспорным»* положение Каутского и Суханова о том, что «Россия *не достигла* такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». Однако далее он ставил вопрос: «Что если полная безвыходность положения, удесятеряя тем силы рабочих и крестьян, открывала нам *возможность иного перехода* к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах?»[8]. В 1920-е гг. эта позиция Ленина смущала ряд молодых марксистов, которые стремились трактовать Октябрь в русле ортодоксального марксизма и в этих целях преувеличивали степень зрелости российского капитализма. Они упускали из виду тот факт, что все программные документы партии большевиков, принятые в 1917 г., также исключали возможность прямого перехода России к социализму. В частности, в резолюции «О текущем моменте», принятой VII Апрельской конференцией РСДРП(б), Ленин отмечал, что в развитых странах Европы уже сложились экономические предпосылки для социалистической революции, а в отношении России делал иной вывод: «Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования». В то же время резолюция говорила о необходимости «разъяснения народу неотложности ряда практически назревших шагов к социализму». Речь шла о национализации земли, установлении государственного контроля за всеми банками, страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами. Ленин прямо писал, что в России «такие меры экономически вполне назрели, технически безусловно осуществимы немедленно, политически могут встретить поддержку подавляющего большинства крестьян, выигрывающего от этих преобразований во всех отношениях». В апреле 1917 г. большевики приняли концепцию «переходных шагов» общедемократиче-

---

[6] Покровский М. Н. Ленинизм и русская история // Историческая наука и борьба классов. М.; Л.: 1933. Вып. 2. С. 269.

[7] Суханов Н. Н. Записки о революции. Берлин - Пб. - М., изд. 3. И. Гржебина, 1922.

[8] Ленин В. И. О нашей революции // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380.

ского характера, которые в своем развитии подводили к социализму. Такие шаги рассматривались как возможные и необходимые[9]. Именно об этом Ленин писал уже в мартовских «Письмах из далека», отмечая, что социализм «непосредственно, сразу, *без переходных мер, в России неосуществим,* но вполне осуществим и *насущно-необходим* в результате … переходных мер»[10]. В годы мировой войны Ленин всегда рассматривал революцию в России как составную часть мировой революции, надеясь, что победа революции в России ускорит революцию в Европе, прежде всего в Германии. Тем не менее, он строил свою концепцию перехода России к социализму с опорой на внутренние факторы, отмечая высокую степень концентрации промышленности и пролетариата и особую позицию русского крестьянства в вопросе о собственности на землю. Советские историки руководствовались позицией Ленина.

Тезис об исторической необходимости Октября был сформулирован Лениным уже весной 1917 г. в приведенных выше словах о том, что переход к социализму был «насущно-необходимым» в условиях Русской революции. Советские историки раскрывали этот тезис как в узком, так и в широком смыслах. В узком смысле речь шла о выходе России из катастрофы, созданной неспособностью Временного буржуазного правительства всех составов решить назревшие общенациональные проблемы в условиях Первой мировой войны. В более широком плане речь шла о трактовке Октября как единственного способа решения проблемы преодоления отставания России от развитых стран Запада, особо опасного в эпоху империализма. Ленин, единственным из политиков того времен, сделал акцент на жесткой альтернативе, которая стояла перед Россией в начале XX века: «либо погибнуть, либо догнать передовые страны»[11].

Всемирно-историческое значение Октябрьской революции. В советской историографии Октябрь всегда рассматривался как событие, которое открыло новую эру в мировой истории, положив начало процессу перехода стран к социализму. Этот переход мыслился как длительная историческая эпоха, о чем Ленин писал еще в 1915 году[12]. Победа советского народа над фашизмом и та роль, которую стал играть СССР на мировой арене, выступая как оплот мира и социального прогресса, по-новому раскрыли значение Октябрьской революции. Советские историки закрепили

---

[9] См.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). М.: Госполитиздат, 1958. С. 255–258.

[10] Ленин В. И. Письма из далека // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 56.

[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С 198.

[12] Там же. Т. 26. С. 352. См. также: Т. 30. С. 112.

эту роль тезисом, который в 1970-ее годы был официально включен в программные документы КПСС: «Октябрь – главное событие XX века».

Помимо названных ключевых тезисов можно выделить еще ряд элементов концепции революции 1917 г., созданной советскими историками.

Два этапа единого процесса. Выделяя в революционном 1917 г. два ключевых этапа – Февраль и Октябрь, советские историки изначально рассматривали их как две революции, различные по своему социальному содержанию и смыслу, что и отражали названия: Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская социалистическая. В то же время они трактовали события революционного года как *единый непрерывный процесс.* Такой подход был заложен Лениным в марте 1917 г., когда он выдвинул принципиальный тезис о том, что Февраль есть только «первый этап … нашей революции»[13]. Эта мысль поддерживалась всеми крупными советскими историками революции.

Важной чертой советской историографии была общепринятая ***периодизация,*** которая также строилась на основе ленинского анализа событий 1917 года. Как уже было сказано, основными вехами являлись Февраль и Октябрь. Меж ними выделялся период так называемого мирного развития революции, на который приходилось три политических кризиса (апрельский, июньский и июльский). Последующий период рассматривался как период подготовки сил революции и контрреволюции к решающим битвам. Особо выделялись события корниловского мятежа в августе 1917 г., неудача которого запустила процесс большевизации Советов. Победа Октябрьской революции трактовалась с акцентом на роль Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, которое рассматривалось как высшая точка революции, обеспечившая переход власти в руки большевиков.

Движущие силы. На февральском этапе основными движущими силами революции считались пролетариат и все крестьянство, представленное в основном своей наиболее активной частью – солдатской массой. На октябрьском этапе отмечалась более сложная расстановка сил. С одной стороны, большевики решали вопросы о мире и земле при опоре на союз пролетариата с основными массами крестьянства. «В октябре 1917 г., – писал Ленин, – мы шли с крестьянством, со всем крестьянством. *В этом смысле* наша революция тогда была буржуазной»[14]. С другой стороны, задачу перехода к социализму большевики рассчитывали решить, опираясь на союз пролетариата с беднейшим крестьянством. Этот союз был социальной основой дик-

[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 11.
[14] Там же. Т. 37. С. 508.

татуры пролетариата, установленной в октябре 1917 г., т. е. политической основой Октября как социалистической революции.

Все отмеченные тезисы и положения и составляли концепцию истории 1917 года, принятую в советской историографии.

2. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии революционного 1917 г.?

Сильные черты заключались в обоснованной трактовке тех основных проблем истории Русской революции, о которых сказано выше. Однако в разные периоды развития советской историографии некоторые из этих проблем рассматривались упрощенно. Кроме того, был ряд явно слабых позиций, обусловленных влиянием ненаучных факторов.

Проблема зрелости предпосылок для перехода к социализму. Как уже было сказано, Ленин и Сталин, Рожков и Покровский никогда не говорили о зрелости объективных предпосылок для непосредственного перехода к социализму в России и видели выход в использовании стратегии переходных шагов. Однако уже в 1920-е гг. группа молодых историков стала преувеличивать степень готовности России для социалистической революции. В постсталинской историографии эта группа на какой-то период времени заняла доминирующие позиции. Сложилась так называемая «школа» А. Л. Сидорова, который занимал пост директора Института истории АН СССР и возглавлял группу советских историков, занимавшихся историей российского империализма. В нее входили такие известные историки как В. И. Бовыкин, П. В. Волобуев, М. Я. Гефтер, К. Н. Тарновский и другие. Завышая уровень развития капитализма, А. Л. Сидоров и его ученики стремились подчеркнуть однотипность российского монополистического капитализма с монополистическим капитализмом развитых стран. Этот тезис особенно выделял главный историограф «школы Сидорова» К. Н. Тарновский. Он объяснял Октябрьскую революцию *противоречиями высокоразвитого капитализма.* «Ленин, – писал Тарновский, – постоянно выделял *коренные* причины социалистической революции (противоречия высокоразвитого капитализма)»[15]. Готовность историка завышать степень зрелости России для социализма показывает следующая фраза: «… все высказывания В. И. Ленина, в которых он обосновывает необходимость и возможность победы пролетарской революции в России, содержат указания на *материальную подготовленность социализма*….»[16].

[15] Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. М.: Наука, 1964. С. 60, 62.
[16] Там же. С. 59.

Напомним, что весной 1917 г. Ленин прямо отрицал наличие такой «подготовленности» в России.

После смерти А. Л. Сидорова его ученики пересмотрели позиции своего учителя и в конце 1960-х гг. создали так называемое «новое направление», ведущим элементом которого стала концепция многоукладности российской экономики. Много лет спустя П. В. Волобуев, занявший в 1969 г. пост директора Института истории СССР АН СССР, так объяснил причины ее появления: «Нам стало ясно, что нельзя выводить Октябрьскую революцию напрямую из зрелости русского капитализма, *как мы это делали раньше*. … Многоукладность интересовала прежде всего как фактор, порождавший ту сумму социальных противоречий, без которых нельзя понять остроту и масштабы общественно-политического кризиса, растянувшегося в России почти на 20 лет и породившего революции 1905–1907 и 1917 годов»[17].

В рамках «нового направления» ряд правильных положений переплетался с ошибочными. Положительные моменты заключались в отказе от прямолинейных тезисов об *однотипности* капитализма в России и в странах Запада и о *зрелости* экономики России для социалистической революции. Отрицательные состояли в том, что А. М. Анфимов, М. Я. Гефтер, И. Ф. Гиндин, К. Н. Тарновский выдвинули тезис о «консервации» феодальных и докапиталистических пережитков в экономике России, которые российский капитализм якобы не мог *преодолеть*. М. Я. Гефтер писал, что в предвоенной России «старое оказалось способным *ассимилировать новое, превратить его в источник для себя*»; крепостнический уклад максимально «загрязнял» аграрный капитализм изнутри и в «существенной мере *подчинил его себе*»[18]. Гефтер трактовал причины революции 1917 г. при помощи тезиса о «кризисе системы», *зашедшей в тупик*. Аграрный историк Анфимов утверждал, что вплоть до первой мировой войны в земледельческом строе Европейской России *полукрепостнические* порядки *превалировали* над *капиталистическими*. Однако фактический материал, собранный самим Анфимовым, опровергал этот вывод и показывал, что капиталистический уклад активно влиял на развитие сельского хозяйства, втягивая массы крестьян в капиталистические отношения[19].

---

[17] Севостьянов Г. Н. (отв. ред.). Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 36.

[18] Гефтер М. Я. Многоукладность – характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск. 1972. С. 91.

[19] См. подробнее: Калашников В. В. Причины Русской революции. Советская историография 1917–1991. Глава 4.

Неоднозначные новации сторонников «нового направления» вызвали критику со стороны других историков, которая сочеталась с административным давлением, что нанесло существенный вред исторической науке в целом, затормозив творческий поиск многих ученых. В период «перестройки» сторонники «нового направления» вновь попытались занять лидирующие позиции в советской историографии, но успеха не имели: тезис о «консервации» докапиталистических отношений как доминирующей тенденции в экономике предвоенной России не нашел сторонников.

Пролетариат и крестьянство. К числу общих слабостей советской историографии следует отнести преувеличение роли пролетариата и недооценку роли крестьянства, а в связи с этим и недооценку национальных особенностей Русской революции, исход которой был обеспечен особым общинным менталитетом крестьянства. Очевидно, что акцент на пролетариат и недооценка роли крестьянства были обусловлены политическими требованиями, а не чисто научными просчетами со стороны историков.

Трактовка роли партии большевиков и их противников. Слабой стороной советской историографии является необъективная трактовка роли партии большевиков и ее конкретных лидеров в ходе борьбы за власть, а также роли политических противников большевиков. В сталинский период явно преувеличивалась роль Сталина, что нашло свое отражение в концепции «двух вождей» в Октябрьской революции, и крайне негативно оценивалась роль Л. Д. Троцкого. В постсталинский период концепция «двух вождей» была пересмотрена в отношении Сталина, и единственным вождем партии большевиков стал Ленин, деятельность которого рисовалась безошибочной. Никто из историков не решался ставить вопрос о том, насколько оправданным был в конкретных условиях первой мировой войны ленинский лозунг «поражения своего правительства». Никто не ставил вопрос о просчетах, допущенных Лениным накануне августовского мятежа Корнилова и т. п.[20]

Более существенной проблемой являлась неспособность советских историков преодолеть навязанную Сталиным оценку Троцкого как врага большевизма и ленинизма. Это вело к прямой фальсификации истории Октябрьской революции, в победе которой Троцкий сыграл вторую по важности роль после Ленина. Характерна негативная оценка, данная Троцкому в статье «Перманентная революция», помещенной в авторитетной «Советской исторической энциклопедии». Ее авторы писали: «марксистско-ленинскую теорию перманентной революции грубо извратили Парвус (А. Л. Гельфанд) и Л. Д. Троцкий, создавшие в 1905 *оппортуни-*

[20] См. об этом: Калашников В. В. Ключевые решения. История и историография. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2021. С. 259–260.

стич. т. н. теорию “перманентной революции”, в основе к-рой лежало *меньшевистское* отрицание революц. возможностей крестьянства, неверие в силы и способности пролетариата повести за собой демократич. элементы населения. По троцкистской теории “перманентной революции”, пролетариат *один*, без союзников, “*в одном сражении*” мог свергнуть самодержавие и взять власть в свои руки. Суть этой “теории” была выражена в лозунге “без царя, а правительство рабочее”, означавшем *перескакивание* через бурж.-демократич. этап революции»[21]. Все эти положения прямо искажали позиции Троцкого[22]. Вышедший в 1987 г. крупный коллективный труд «Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия» содержал статью о Троцком, где его «небольшевизм» подчеркивался в более мягких тонах. Троцкого по-прежнему представляли политиком, который якобы отрицал роль крестьянства и был склонен к «перепрыгиванию» через демократический этап революции. Иными словами, принципиального отказа от сталинской трактовки не произошло[23]. То же самое можно сказать и в отношении роли Л. Каменева и других «правых» большевиков, которые спорили с Лениным на протяжении всего 1917 года. Позиция «правых» упрощалась, и их позитивный вклад в победу Октября замалчивался[24].

Субъективный фактор. Сильной стороной советской историографии являлось признание решающей роли субъективного фактора в победе Октября. Этот аспект следует подчеркнуть и для того, чтобы показать несправедливость попыток западных историков исказить позицию советских историков при трактовке проблемы закономерности Октября. Целый ряд западных историков, включая упомянутого Р. Пайпса, утверждали, что советские историки были сторонниками тезиса о *предопределенности* победы большевиков в 1917 г. Этот тезис якобы вытекал из общей марксисткой теории революции[25]. На самом деле ни в марксистской теории революции, ни в истмате как общей теории истории, нет категории «предопределенность» для характеристики конкретных событий. И советские историки не считали Октябрь предопределенным исходом революционного 1917 г. И в этом случае они следовали позиции Ленина,

---

[21] Перманентная революция // Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 44.

[22] См. об этом: Калашников В. В. Ленин, Парвус, Троцкий: из истории создания концепций «непрерывной» революции // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб.: Астерион, 2023. С. 8–34.

[23] Троцкий // Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М.: Сов энциклопедия. 1987. С. 530

[24] Каменев // Там же. С. 219.

[25] Пайпс Р. Три «почему» русской революции. СПб.: Феникс, 1996. С.10.

который в ключевые октябрьские дни прямо говорил о возможной альтернативности в ходе событий. Достаточно вспомнить его письма и записки, написанные в ключевые дни Октября и содержащие фразы типа «промедление в восстании смерти подобно», «Нельзя ждать!! Можно потерять все!!»[26]. Эти слова трудно совместить с тезисом о «предопределенности» победы большевиков. В 1960-е – 1980-е гг. акцент на субъективный фактор (решающую роль Ленина) был особенно характерен для работ ленинградских историков. Впервые этот вопрос был остро поставлен на Всесоюзной научной сессии, которая в ноябре 1962 г. прошла в Ленинграде. Тогда молодой ленинградский историк В. И. Старцев смело говорил, что «*только огромная воля и энергия Ленина* … позволили преодолеть вредные влияния тактики ожидания съезда Советов» и обеспечить успех Октябрьской революции[27].

Пожалуй, самую откровенную формулировку дал профессор Ленинградского университета Н. А. Корнатовский в докладе на научной конференции, состоявшейся в год пятидесятилетия Октября. Ключевой тезис доклада гласил: «Октябрьский триумф стал возможен в результате *удачного* сочетания объективных и субъективных факторов. … Октябрьская революция придала в конечном итоге *решающее значение* субъективному фактору … стала возможной *только* потому, что во главе российского пролетариата и его политической партии стоял В. И. Ленин»[28]. За оценкой Корнатовского не стояло стремление возвеличить Ленина из конъюнктурных соображений, как это раньше делалось в отношении Сталина. Речь шла о выявлении решающей роли субъективного фактора на фоне объективных исторических процессов.

Следует отметить, что академик И. Минц занимал более осторожную позицию в этом вопросе и делал акцент не на субъективном факторе, а на «объективной неизбежности» Октябрьской революции, трактуя термин «неизбежность» как синоним терминов «закономерность» и «необходимость». Эту позицию Минц отстаивал до конца жизни[29].

---

[26] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.34. С. 435

[27] Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.: Наука, 1964. С. 62, 81, 464.

[28] Корнатовский Н. А. В. И. Ленин в Октябрьской революции // 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 3–5.

[29] Минц И. И. История Великого Октября. В 3 т. 2-е изд. Т. 1. 1977. С. 7. См. также выступление И. И. Минца, напечатанное в сборнике: Россия 1917 год. Выбор исторического пути. М.: Наука, 1989. С. 31.

3. Какие основные элементы включает в себя концепция революционного 1917 г., принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* **историографии?**

Подробный ответ на этот и другие вопросы дан в нашей статье «Новейшая историография Русской революции», напечатанной во втором разделе настоящего сборника. Здесь же наметим лишь ключевые моменты. Официозом стала *праволиберальная* концепция Русской революции, созданная в зарубежной историографии. Идейную суть правого либерализма четко выразил консервативный американский историк *Р. Пайпс*, апологет «холодной войны». Он объяснял Русскую революцию с акцентом на политические и культурные факторы: «…падение царизма было обусловлено культурными и политическими проблемами. … Экономические и социальные трудности *не вносили существенного вклада* в революционную угрозу, нависшую над Россией уже до 1917 г.»[30]. Наиболее активно эти идеи в отечественной историографии разрабатывал петербургский историк Б. Н. Миронов. Их отразили и публикации ряда сотрудников Института российской истории РАН, которые вслед за Пайпсом отрицали закономерность и историческую необходимость как Февральской, так и Октябрьской революции.

Характерной чертой постсоветской историографии стало крайне необъективное, порой откровенно враждебное, отношение к большевикам и их вождям, включая Ленина.

Значительная часть историков поддерживает эмигрантский миф о Русской революции как о «красной смуте», полагая, что историю революционного 1917 г. надо объяснять в категориях иррационального бунта «охлоса» как социальную патологию – болезненное отклонение от нормального состояния или процесса развития общества, возникшее под воздействием тягот Первой мировой войны.

4. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии революционного 1917 г.?**

Сильной чертой постсоветской историографии Русской революции является существенное расширение тематики исследований и источниковой базы. Позитивный эффект имела активная публикация новых документов, которые связаны с деятельностью политических противников большевиков. На этой основе появлялись важные работы по истории меньшевиков, эсеров, кадетов и других политических партий. Кроме того, можно говорить об удачном преодолении ряда слабых концептуальных позиций, при-

[30] Pipes R. A Concise History of the Russian Revolution. N.Y.: Alfred Knopf, 1995. P. 389.

сущих советской историографии. Одной из наиболее важных новаций следует признать новую трактовку роли Государственной Думы как центра и штаба революции в ключевые февральские дни, предложенную петербургским историком А. Б. Николаевым. Кроме того, он предложил новаторский тезис о «*думско-советском»* характере той власти, которая сформировалась *после 27 февраля и* обеспечила быструю и относительно мирную победу Февральской революции.

Главная слабость – отсутствие общей концепции революции, способной противостоять той, которая была создана в советской историографии. Путь к созданию такой концепции закрывает отказ от признания закономерности и исторической необходимости как Февральской, так и Октябрьской революций. Постсоветская система идеологических координат заставляет историков избегать «пресловутого классового подхода», что влечет за собой отказ четко определять социальный смысл всех событий. В итоге складывается нелепая ситуация: революция в трактовке современных историков перестала быть борьбой классов. Она превратилась в «красную смуту».

Слабой чертой постсоветской историографии следует признать трактовку ключевых вопросов стратегии и тактики большевиков в эпоху трех революций. Прежний уровень понимания этих сложных проблем попросту утрачен, что привело к появлению даже в авторитетных академических изданиях откровенно некомпетентных трактовок[31].

II. Историография гражданской войны

5. Какие основные элементы включала в себя концепция истории Гражданской войны, доминировавшая в *советской* историографии?

Следует отметить, что советские историки по-разному использовали термин «гражданская война». В широком смысле он выражал период острой классовой борьбы, в котором *вооруженная борьба* была только одной из форм борьбы за власть, и необязательно главной. Этот период начался восстанием солдат Петроградского гарнизона в февральские дни 1917 года и завершился в конце 1922 г. локальными операциями по присоединению Дальневосточной республики. В узком смысле «Гражданская война» – это особый период в истории революционной России, когда военный вопрос был главным и определяющим; это период крупномасштабной «фронтовой» войны с участием регулярных армий, который начался летом 1918 г. и продолжался до весны или до конца 1920 г. По нашему мнению, такая война закончилась весной 1920 г.

[31] См. об этом: Калашников В. В. Русская революция: ключевые решения. История и историография. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ. 2021. С. 203–205.

разгромом армий Колчака и Деникина. Вопрос о власти был окончательно решен в пользу красных.

Важнейшим элементом концепции Гражданской войны, созданной советскими историками, было признание *определяющей роли иностранной интервенции*, которая позволила антибольшевистским силам начать вооруженную борьбу за власть. Эта позиция была четко сформулирована в фундаментальной работе советских историков «Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия», второе издание которой вышло в 1987 г.: «Без прямого участия стран Антанты в Гражд. войне и без той политич., воен. и материальной помощи, к-рую они оказывали российской белогвардейщине, Гражд. война никогда не приняла бы таких масштабов, не была бы столь длительной и кровопролитной»[32].

Советские историки выделяли *три основных периода* в истории Гражданской войны. *Первый* – период борьбы с «демократической контрреволюцией», представленной партиями эсеров и меньшевиков. Они отказались признать власть Советов и попытались захватить власть под лозунгом Учредительного собрания. Самая первая и крупная попытка такого рода – создание Комуча при опоре на штыки чехословаков. Однако этот период оказался кратким из-за отказа крестьян воевать за Комуч, боевую силу которого составляли белочехи и бывшие царские офицеры. Судьбу Комуча разделили и другие образования такого рода.

Второй и самый главный этап Гражданской войны начался уже в ноябре 1918 г., когда адмирал А. В. Колчак, перейдя на британскую службу и опираясь на помощь англичан, совершил переворот и установил свою диктатуру. Советские историки всегда подчеркивали решающую роль Антанты в установлении диктатуры Колчака и в превращении его армии в существенную военную силу. В то же время они показывали слабость идейной программы Колчака и всего «белого» движения, которое за ширмой «непредрешения» прятало свое несогласие с «черным» переделом, национализацией земли, банков, фабрик и заводов, с превращением Советов в органы государственной власти. Отсутствие у Колчака программы, способной привлечь к нему симпатии рабочих и крестьян, обусловило его поражение. Такая же участь и по тем же причинам постигла Деникина.

После разгрома армий Колчака и Деникина война уже не являлась фронтовой, что и позволяет датировать окончания широкомасштабной войны весной 1920 г. Однако ряд историков делали акцент на большое число локальных крестьянских восстаний и фактически выделяли *третий период* Гражданской войны – крестьянский, делая акцент на руководящей

[32] Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 7, 9.

роли зажиточного крестьянства, сумевшего поднять середняка на борьбу против политики «военного коммунизма». Этот период закончился в результате введения НЭПа.

Советские историки уделяли внимание причинам победы большевиков над своими политическими противниками, и в этой связи особо подчеркивали позицию большинства крестьян, которые, несмотря на недовольство продразверсткой, поддержали красных в борьбе против белых.

6. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии Гражданской войны в России?

Сильные стороны показаны выше, а к числу слабых можно отнести несколько упрощенную трактовку целого ряда вопросов, связанных с характеристикой политических противников большевиков. Можно говорить и о пристрастной оценке событий, которые происходили в самом большевистском лагере. Речь идет о взаимоотношениях внутри высшего партийного и военного руководства. Сложные национальные проблемы (например, между Украиной и Россией) также не всегда трактовались адекватно.

7. Какие основные элементы включает в себя концепция истории Гражданской войны, принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

8. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* историографии Гражданской войны в России?

Концепция истории Гражданской войны, принятая в качестве доминирующей, в постсоветской историографии содержит следующие положения:

- отрицание *решающей* роли иностранной военной интервенции в возникновении крупномасштабной гражданской войны в России;
- попытка возложить основную ответственность за ее начало и жесткие методы ведения (и в этом контексте за большие жертвы) на большевиков;
- отрицание факта поддержки крестьянством Советской власти в ходе Гражданской войны.

Такие интерпретации ключевых вопросов истории Гражданской войны, по нашему мнению, являются, как минимум, очень спорными и не доказанными убедительными аргументами. Подробно эти вопросы рассмотрены в статье автора, помещенной в сборнике 2022 года[33].

[33] Калашников В. В. О некоторых трактовках истории Гражданской войны в новейшей историографии // Россия в эпоху революций и реформ. К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2022. С. 134–169.

III. Вопросы методологии

9. Какими методологическими инструментами (моделями, теориями) Вы пользуетесь в своей работе при изучении истории революции и Гражданской войны в России?

Нет ответа.

10. Какие дополнительные соображения Вы считаете необходимым высказать по проблемам методологии и историографии революции и гражданской войны в России?

Нет ответа.

В. И. Меньковский (БГУ, Минск)

I. Историография революции

1. Какие основные элементы включала в себя концепция революционного 1917 г., доминировавшая в *советской* историографии?

Прежде всего считаю необходимым уточнить терминологию, использованную в вопросах 1 и 5. «Советская историография», с нашей точки зрения, является термином, использование которого сегодня возможно лишь для обозначения политико-идеологического нарратива прошлого века, но никак не научной концепции. Поэтому сначала о проблемной стороне.

Работы советских историков 1920-х, 1930-х, 1940-х и т.д. годов были основаны на меняющейся внутриполитической парадигме, следовали за ней, менялись вместе с ней, и, соответственно, выполняли в первую очередь задачи исторической политики, а не исторической науки. В зависимости от политической линии («политической целесообразности») менялся набор героев и антигероев советской и мировой истории, пересматривалась «шкала ценности» произошедших событий, история мифологизировалась как «полезное прошлое». Таким образом, именно презентизм можно считать одним из основных элементов советской историографии в целом, и историографии революции в частности.

Следующий аспект связан с позиционированием методологии советской исторической науки как единственно верной. Использование «марксизма-ленинизма» в качестве единственного инструментария создавало ситуацию, в которой мировая историография рассматривались через категории «свой – чужой», «наша – не наша», «советская – антисоветская». Методологический детерминизм, т. е. представление о том, что только советская методология дает правильное понимание взаимосвязи и взаимообусловленности исторических явлений и процессов, мы рассматриваем как базовую составляющую советской историографии.

Еще один элемент был следствием изолированности советских историков от мирового исторического сообщества. Ограниченность персональных контактов, крайне затрудненный доступ к зарубежным публикациям, слабое владение иностранными языками создавали ситуацию непонимания и неприятия методологии и проблематики мировой историографии. После падения «железного занавеса» советскому поколению историков оказалось сложно войти в мировое историческое сообщество, правила жизни которого значительно отличались от их внутренней практики. Состояние замкнутости в географических, языковых, методологических, финансовых границах долгие годы характеризовало состояние советского исторического сообщества и, следовательно, производимого им продукта, т. е. «советской историографии».

2. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии революционного 1917 г.?

Объединим вопросы 2 и 6. Слабые черты историографии революции и гражданской войны проистекали из общих слабых черт советской историографии. Но, безусловно, революционный 1917 год и период гражданской войны имели особое значение для советской исторической науки, так как (с советской точки зрения) являлись важнейшими объектами исследования. Поскольку для «ранней» советской историографии само понятие «история» начиналось лишь с 1917 г., весь предшествующий период трактовался как «предыстория человечества». Поэтому революционный год, «триумфальное шествие советской власти», гражданская война изучались детально, подробно, по дням и часам.

Безусловным плюсом, с нашей точки зрения, было внимание к социальным составляющим революционного процесса. Социальная история, это вообще положительная компонента советской историографии. Революция анализировалась не как заговор (путч), а как социальное явление, вызванное реальными проблемами Российской империи. Антиимпериализм, т. е. резкую критику негативных сторон имперской формы правления в целом, и российской имперской практики в частности, мы бы выделили в качестве следующего положительная компонента советской историографии.

Советская научная историография создала базу и для государственной исторической политики, и для политики памяти во всех ее проявлениях. Историки вместе с деятелями культуры смогли выработать нарратив, который кардинально улучшил скучный, догматизированный государственный пропагандистский вариант и создали привлекательный героический миф первых лет становления и существования советской власти.

3. Какие основные элементы включает в себя концепция революционного 1917 г., принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

Вновь объединим вопросы, теперь 3 и 7. Считаю термин «постсоветская историография» достаточно противоречивым и в территориальном, и в темпоральном измерениях. Темпорально следует определиться, какой период времени мы включаем в понятие «пост…». Уже прошло более 30 лет после распада Советского Союза, новые независимые государства создали собственную историографию, в которой советский период истории рассматривается лишь как часть «долгой истории» Мы продолжаем использовать условное обозначение «пост…», позволяющее исследователям понимать друг друга, но крайне уязвимое с научной точки зрения. Нам используемая терминология представляется полезной, но временной, необходимость в которой постепенно исчезнет, и будет заменена использованием понятий новой историографической реальности, т. е. «постсоветскость» будет восприниматься как временное явление.

Территориально термин можно распространять на «постсоветское пространство», а можно и на весь мировой историографический комплекс, поскольку на западную советологию распад Советского Союза произвел, по крайней мере, не меньшее влияние, чем на советских историков. Если мы понимаем «постсоветскую историографию» как продукт деятельности историков новых независимых (постсоветских) государств, то необходимо отметить расходящиеся вектора результатов их исследований, с каждым годом во все большей степени отдаляющиеся друг от друга и, к сожалению, зачастую переходящие в состояние «войн за историю». Даже в категории русскоязычной историографии мы видим различные подходы, связанные с национальной принадлежностью исследователей. А внутри каждой национальной исторической школы находим глубокие различия, связанные с мировоззренческими, политическими, методологическими подходами исследователей. Поэтому мы не решились бы выделить «доминирующую концепцию».

4. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* историографии революционного 1917 г.?

В ответе на объединенные 4 и 8 вопросы хотелось бы сказать о том, что представляется наиболее значимыми достижениями историографического процесса. В отношении 1917 г. мы отметили бы прежде всего соединение в исторических исследованиях революционных событий в единый процесс, отказ от противопоставления Февраля и Октября. К достижениям следует отнести и стремление историков анализировать рево-

люционные события не только в столицах, но на всей территории Российской империи и Российской республики.

Безусловно, чрезвычайно важным стало введение в научный оборот огромного комплекса исторических документов, ранее недоступных в силу политических, идеологических, цензурных ограничений. Последний компонент относится и к научному изучению истории гражданской войны.

Важнейшим достижением «постсоветской историографии» гражданской войны мы считаем тот факт, что историки перестали делить участников событий этих лет на «наших» и «не наших», и сегодня вряд ли кто-то сможет применить категории «свой – чужой» к участникам гражданской войны. В результате возникла принципиально новая оценка гражданской войны. Война перестала трактоваться только как победа одной из противоборствующих сторон, но стала оцениваться как общенациональная трагедия.

II. Историография гражданской войны

5. Какие основные элементы включала в себя концепция истории Гражданской войны, доминировавшая в *советской* историографии?

Нет ответа. См. ответ на вопрос 1.

6. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии Гражданской войны в России?

Нет ответа. См. ответ на вопрос 2.

7. Какие основные элементы включает в себя концепция истории Гражданской войны, принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

Нет ответа. См. ответ на вопрос 3.

8. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* историографии Гражданской войны в России?

Нет ответа. См. ответ на вопрос 4.

III. Вопросы методологии

9. Какими методологическими инструментами (моделями, теориями) Вы пользуетесь в своей работе при изучении истории революции и Гражданской войны в России? Как Вы оцениваете их полезность и адекватность?

Нет ответа.

10. Какие дополнительные соображения Вы считаете необходимым высказать по проблемам методологии и историографии революции и гражданской войны в России?

Нет ответа.

А. В. Посадский (ПИУ РАНХиГС, г. Саратов)

I. Историография революции

1. Какие основные элементы включала в себя концепция революционного 1917 г., доминировавшая в *советской* историографии?

В соответствии с марксистской схемой исторического процесса, доминировала идея двух революций разной классовой природы. Помимо этого, предреволюционное развитие России, в том числе участие в Великой войне, оценивалось как неизбежные и исторически обусловленные кризис и крах. Соответственно, революционные процессы выглядели как неотвратимо неизбежные, обусловленные всем предшествующим развитием страны.

2. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии революционного 1917 г.?

Прежде всего, советская историография до самого конца СССР – это историография одной стороны, историография победителей. Наиболее интересным представляется сегмент историографии 1920-х – 1930-х гг. Эти книги писали участники, поэтому даже откровенная предвзятость интересна как явление. Позднесоветская историография не была богата и разнообразна, господствовала рутина заранее известных выводов.

3. Какие основные элементы включает в себя концепция революционного 1917 г., принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

Главное – единство революционного процесса. Методологические ключи предлагаются разные, в том числе с использованием инструментария исторической психологии (смута, массовое поведение в условиях неопределенности, власть символов и т. д.). О доминирующей концепции говорить, видимо, рано.

4. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* историографии революционного 1917 г.?

Разнообразие подходов – безусловно, сильная сторона.

В академическом пространстве довольно слабо представлен взгляд правых на события 1917 г.

II. Историография гражданской войны

5. Какие основные элементы включала в себя концепция истории Гражданской войны, доминировавшая в *советской* историографии?

Если не классовая борьба, то, по меньшей мере, язык классовой борьбы.

6. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии Гражданской войны в России?

Учитывая неизбежную классовую схему рассмотрения, наиболее ценной оказывается личностная, мемуарная составляющая. Поэтому ранняя историография более живая и содержательная, несмотря на идеологическую заданность.

7. Какие основные элементы включает в себя концепция истории Гражданской войны, принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

Доминирующей, пожалуй, нет, и это хорошо. Интересно, что даже академическое изучение заметно делится (в тематических предпочтениях, в эстетике изложения) на «белую» и «красную» части. Такое явление надо полагать вполне естественным после разрушительной революции. Подобное наблюдалось и наблюдается, например, во Франции. Становится все более очевидным, что русская гражданская война должна рассматриваться в широких контекстах второй половины Великой войны и становления послевоенного политического пространства. В то же время трудно согласиться с идеей Смила о множественности гражданских войн на протяжении 1916–1926 гг.

8. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* историографии Гражданской войны в России?

Появилось много активных и продуктивных исследователей, фактическое изучение событий Гражданской войны продвинулось далеко вперед. Однако известных научных школ весьма не много.

III. Вопросы методологии

9. Какими методологическими инструментами (моделями, теориями) Вы пользуетесь в своей работе при изучении истории революции и Гражданской войны в России? Как Вы оцениваете их полезность и адекватность?

Большие источниковые массивы по истории Гражданской войны нуждаются в дальнейшей разработке. Поэтому позитивистский подход далеко не исчерпал себя. В то же время специфика именно гражданской войны требует применения подходов из сферы исторической психологии, истории эмоций. Высокой объяснительной способностью обладают, на мой взгляд, соображения о демографических волнах и демографических «мешках», которые развивает В. Л. Дьячков.

10. Какие дополнительные соображения Вы считаете необходимым высказать по проблемам методологии и историографии революции и гражданской войны в России?

Нет ответа.

А. С. Пученков (СПбГУ, Санкт-Петербург)

I. Историография революции

1. Какие основные элементы включала в себя концепция революционного 1917 г., доминировавшая в *советской* историографии?

Советская историография делала акцент на переходном характере Февральской революции как революции буржуазно-демократической, а значит – неспособной удовлетворить в полном объеме политические и экономические требования трудового народа. При этом оговаривалось историческое значение свержение самодержавия. Судьбоносным объявлялся приезд В. И. Ленина в Петроград, поскольку Владимир Ильич в первые же дни после своего возвращения на родину выступил в печати с «Апрельскими тезисами», представлявшими, по сути, программу прихода к власти в России революционного пролетариата. Ученые также обращали внимание на феномен двоевластия – факт наличия в стране двух центров власти – Временного правительства и Петроградского совета, да и вообще системы Советов в целом. Нельзя не согласиться также и с тезисом о ключевом значении вопроса о войне, как одном из центральных вопросов 1917 года в России, служившим источником вечной политической нестабильности. Кроме того, советские историки серьезное внимание уделяли и вопросу о попытках политической консолидации сил, выступавших против дальнейшего углубления революции; в качестве важнейшего рассматривался также и вопрос о крахе выступления генерала Л. Г. Корнилова, неудача которого удивительным образом способствовала политической реанимации большевиков, находившихся на обочине после Июльских дней. Безусловно, центральной темой советской историографии 1917 года была стратегия и тактика партии большевиков; особое внимание при этом правомерно уделялось вождю Октября В. И. Ленину.

2. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии революционного 1917 г.?

Слабость советской историографии вытекала из тезиса о предопределенности падения власти сначала самодержавия в феврале 1917 года, а затем и Временного правительства в октябре 1917 года, а главное – из представления о готовности страны к пролетарской революции, свершив-

шейся в Октябре. Подобного рода исторический детерминизм был одновременно и силой, и слабостью советской историографии: с одной стороны, известная схематичность построений историков вынуждала их создавать строгую и, на первый взгляд, логически безупречную историческую концепцию, в которой итоговые выводы были известны заранее: подлинный создатель советской исторической науки В. И. Ленин успел дать свое объяснение в отношении едва ли не всех мало-мальски серьезных и значимых проблем истории революции и Гражданской войны. Отступление от ленинской трактовки воспринималось как выступление против линии партии; словом, историки вынуждены были приступать к разработке той или иной исторической проблемы с тем расчетом, чтобы их выводы совпадали с ленинскими высказываниями по тому или иному вопросу. Партийность советской исторической науки предопределяла ее фундаментальную проблему – догматику и схематизм. Сильной же ее стороной было поистине мастерское использование **доступных** документальных источников, мощный аналитический аппарат, чрезвычайно уважительное отношение как к слову, так и к собственной профессиональной репутации: ученые не были легковесны, их выводы покоились на серьезной (естественно, с учетом специфики, о которой будет сказано ниже) базе источников. Советские ученые исключительно добросовестно подходили к изучению тех проблем, которые были в почете у советской исторической науки: роль РСДРП (б), биографическая хроника В. И. Ленина, крестьянское и рабочее движение; революционное движение в армии и на флоте; подготовка и проведение Октябрьского вооруженного восстания и т. д.

Недоступность для советских историков материалов не только эмигрантских архивов, но и значительной части того поистине огромного архивного материала, который отложился в фондах ведущих советских архивохранилищ (в первую очередь, речь идет о коллекции «Пражского архива», перемещенного по итогам Второй мировой войны в СССР), приводила к снижению качества проведенных им исследований, обедняла их. Да, нередко историков пускали в ЦГАОР СССР (ныне – ГАРФ) для того чтобы поработать с материалами коллекции «Пражского архива» (вспомним того же Г. З. Иоффе, просмотревшего немало архивных дел в процессе подготовке своей известной книги «Крах российской монархической контрреволюции»), но сколь же малое количество источников им разрешали использовать для цитирования при подготовке финальной версии рукописи – той, с которой осуществлялась печать книги в типографии! Г. З. Иоффе, например, имел возможность сослаться лишь на малую часть собранного им богатого материала, при этом цитаты из П. Н. Милюкова, А. И. Деникина, В. В. Шульгина использовались в его монографии лишь

для того чтобы подтвердить тот или иной ленинский тезис – скажем, об узости социальной базы Белого движения. Цензурные запреты, вне всякого сомнения, пагубно влияли на советскую историческую науку. Вместе с тем нельзя пренебрегать и достижениями советских историографов 1917 года. Как можно забыть о классических работах Х. М. Астрахана, Е. Ф. Ерыкалова, О. Н. Знаменского, Г. З. Иоффе, И. И. Минца, В. И. Миллера, Г. Л. Соболева, Л. М. Спирина, В. И. Старцева, Ю. С. Токарева! Поколение, пришедшее им на смену, должно быть благодарно советским историкам за их труды.

3. Какие основные элементы включает в себя концепция революционного 1917 г., принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* **историографии?**

Несколько лет назад историческое сообщество нашей страны пришло к пониманию 1917 года как единого революционного процесса в рамках Великой российской революции. Подобная трактовка мне не кажется ни неестественной, ни вычурной. Более того, в современной историографии все большее признание получает тезис о восприятии Гражданской войны не просто в качестве прямого и непосредственного последствия общенационального кризиса 1917 года и повторного распада государственности в Октябре 1917 года, но и как продолжения процесса революционного преобразования российского общества. К слову, подобные оценки встречаются не только в исторической науке, но и в высказываниях современников, оставивших свои воспоминания о событиях 1917 года.

4. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии революционного 1917 г.?**

Сильной стороной современной историографии 1917 г. является глубокая разработка биографической проблематики: за последние десятилетия были опубликованы капитальные исследования, посвященные таким деятелям, как А. Ф. Керенский, В. М. Чернов, Л. Д. Троцкий, П. Н. Милюков, А. И. Гучков, Л. Г. Корнилов и др. Понятно, что в советское время работа над серьезным изучением биографии этих ключевых персоналий 1917 года не велась. При этом нельзя сказать, что ныне забыта и фигура В. И. Ленина: основатель советского государства по-прежнему привлекает внимание ученых: о Ленине пишут и историки, и писатели, и публицисты. Отдельно следует сказать и о Николае II. О пути на Голгофу последнего российского императора после его отречения от престола написано уже немало; полагаю, что в настоящий момент уже можно говорить о том, что в исторической науке формируется все более взвешенный и осторожный взгляд на Николая II, работа ведется и над изучением деятельности царя в

годы Первой мировой войны; мотивации решений, принятых им в дни Февральской революции; обстоятельно изучены и поведение Романовых в заточении, и обстоятельства их мученической гибели. Десакрализация образа монарха стала самостоятельным предметом изучения в серии трудов петербургского историка Б. И. Колоницкого[1]. Им же написана и во многом новаторская для историографии 1917 года монография, посвященная изучению символов власти в контексте политической борьбы[2].

1917 г. стал знаковым и для истории Русской Православной Церкви: в конце года она избрала своего первого за двести с лишним лет Патриарха – Тихона (Беллавина). Ученик Колоницкого П. Г. Рогозный подготовил талантливую книгу, посвященную истории Русской Православной Церкви в 1917 г.;[3] в дальнейшем его труды получили развитие в исследованиях других ученых.[4] Отдельно скажу пару слов и об одной из своих любимых книг – монографии Г. З. Иоффе, в названии которой перечислен полный состав пантеона главных революционных богов 1917 года[5]. И действительно: каждая из этих фигур, вернее, лишь все они вместе – Ленин, Керенский, Корнилов, – и смогли создать немыслимо сложный в политическом отношении семнадцатый год; вычеркнуть любую из них из истории Великой российской революции невозможно.

Как видим, в постсоветский период учеными были предложены не только новые трактовки событий 1917-го года: им удалось взглянуть на проблему Великой российской революции с нового ракурса, научную разработку получил целый ряд сюжетов, прежде остававшихся на периферии внимания специалистов. Современные исследователи 1917 г. невероятно плодовиты: из-под их пера за последние десятилетия вышли десятки, если не сотни, значительных трудов. К числу крупнейших достижений современной отечественной историографии 1917 г. я бы отнес труды В. П. Булдакова, Г. З. Иоффе, В. В. Калашникова, А. Б. Николаева, Н. Н. Смирнова, Г. Л. Соболева и др. К числу ее слабостей следует отнести явное пренебрежение историей большевистской партии в 1917 г. и перенос объекта исследовательского интереса практически исключительно на антибольшевистский лагерь – кадетов, октябристов, монархистов и т. д.

---

[1] Колоницкий Б. И. Трагическая эротика: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

[2] Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001.

[3] Рогозный П. Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

[4] Соколов А. В. Государство и Православная Церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг. Дис. д-ра ист. наук. СПб., 2015.

[5] Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.

II. Историография гражданской войны

5. Какие основные элементы включала в себя концепция истории Гражданской войны, доминировавшая в *советской* историографии?

Концепция истории Гражданской войны, предложенная советской историографией, базировалась на признании того, что Гражданская война была «развязана свергнутыми классами». Дополнением к этому выступал тезис об исторической обреченности Белого движения и его антинародной политике; ключевой роли В. И. Ленина, выступившего в роли основного организатора Красной армии, победившей объединенные силы Белого движения и интервентов. В сталинский период историки были вынуждены писать об изменнике Л. Д. Троцком, чья вредная для советской государственности деятельность была пресечена главным образом совместными действиями В. И. Ленина и его ближайшего соратника – И. В. Сталина. Не будем также забывать и о «трех походах Антанты», организованных международным капиталом против советской Республики. В еще более схематичной форме Гражданская война представлялась как борьба подлинно народной Красной армии, состоявшей из рабочих и крестьян, сумевшей победить вооруженную до зубов Белую армию, во главе которой стояли царские генералы.

6. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии Гражданской войны в России?

Они повторяют сильные и слабые черты советской историографии 1917 г. Применительно к Гражданской войне я особо оговорю следующее: антибольшевистский лагерь с конца 1920-х гг. не выступал в качестве предмета самостоятельного изучения: к белогвардейским лидерам приклеивались ярлыки; политическая программа Белого движения не была предметом серьезного научного анализа. Абсолютно не принимался в расчет религиозный фактор в истории Гражданской войны: то же духовенство показывалось исключительно в образе «белогвардейцев в рясе». В тени оставалась и роль военспецов в достижении победы Красной армии в Гражданской войне, обстоятельно изученная в наши дни в трудах А. В. Ганина[6].

7. Какие основные элементы включает в себя концепция истории Гражданской войны, принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

Гражданская война сейчас справедливо рассматривается как одна из величайших трагедий в истории страны, трагедия, в существенной степени

[6] См., например: Ганин А. В. Военспецы: очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2021.

повлиявшая на судьбу как российского государства, так и на судьбу русского народа в XX веке. И историки, и публицисты абсолютно правомерно указывают на то, что у каждой из двух основных сторон в Гражданской войне – белых и красных – была своя правда; правомерен также и тезис о том, что стопроцентной предопределенности в победе именно большевиков в Гражданской войне не было – и за белыми, и за красными стояли не только вооруженные армии, но и серьезная политическая программа, представлявшая собой свой вариант пути развития России на ближайшие десятилетия. Удача могла повернуться как к той, так и к другой стороне. Если же отойти от академических исследований, адресованных специалистам, и поговорить о ниве популяризации истории, то можно сказать о том, что в этом направлении сделан очень серьезный и уверенный шаг в сторону исторической истины: в том продукте, который предлагается вниманию школьника – на страницах учебника истории, посетителя – в зале музея, посвященном событиям Гражданской войны; и, наконец, зрителя – в добротном документальном фильме, подчеркивается, что и вожди Белого движения, и руководители партии большевиков по-настоящему любили Россию, в массе своей были настоящими бессребрениками, и искренне желали счастья своему народу. В свою очередь, великий Русский Исход на Чужбину показывается как трагедия: тысячи и тысячи талантливейших россиян были лишены возможности отдать свои знания и опыт Отечеству; большинство из них закончили свой век вне России.

8. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии Гражданской войны в России?**

Говоря о постсоветской историографии Гражданской войны в России, невозможно обойти вниманием так называемый историографический бум последних десятилетий: Гражданская война является одной из самых популярных тем для специалистов вот уже треть века.[7] Историография обогатилась серьезнейшими исследованиями по целому ряду проблем, которые прежде либо исследовались в рамках каких-то пропагандистских напевов, либо вовсе не были предметом серьезного научного анализа. Речь идет об изучении военного строительства на территории, контролируемой антибольшевистскими силами, политических лозунгах Белого движения, биографиях белых вождей, истории казачества, религиозном факторе в истории Гражданской войне, зеленом движении, внешнеполитической деятельности Белого движения, его национальной политике и т. д.

[7] Подробнее об историографии см.: Пученков А. С. Размышляя о Гражданской войне // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. №4. С. 33-37.

Чрезвычайно успешно разрабатывается проблематика истории Гражданской войны в регионах – глубокие исследования проведены специалистами, специально исследовавшими события междоусобицы в Сибири, на Севере, Северо-Западе России, Северном Кавказе, Юго-Востоке, в Крыму и на Украине. При этом наблюдается явный перекос в сторону антибольшевистского лагеря; по-настоящему крупными работами по истории Красной армии за последние годы отметился лишь А. В. Ганин.

Несомненно, сильнейшей стороной постсоветской историографии Гражданской войны, ее крупнейшим достижением является введение в научный оборот поистине огромного массива прежде неопубликованных документальных материалов. Это чрезвычайно важно для дальнейшего развития исторической науки. На мой взгляд, фундаментальные труды А. В. Венкова, А. В. Ганина, Р. Г. Гагкуева, В. И. Голдина, А. В. Посадского, А. В. Смолина, В. П. Федюка, В. И. Шишкина, успешно продолжающих работать над проблематикой Гражданской войны, уже составляют целую эпоху в историографии. Вместе с тем, и это поистине вызывает недоумение, никем из ведущих современных историографов Гражданской войны так и не подготовлен обобщающий труд по ее истории.

III. Вопросы методологии

9. Какими методологическими инструментами (моделями, теориями) Вы пользуетесь в своей работе при изучении истории революции и Гражданской войны в России? Как Вы оцениваете их полезность и адекватность?

Мои коллеги и ученики характеризуют меня как неисправимого позитивиста. Признаюсь, что подобная трактовка близка к истине: реконструкция события для меня является первостепенной по значимости; в свою очередь, потребность в интерпретации того или иного события, равно как и смелые концепции и догадки в отношении той или иной эпохи, лично у меня присутствуют далеко не всегда. Работа с уже опубликованными источниками, равно как и разыскание и введение в научный оборот неопубликованных архивных материалов – основа моей исследовательской работы. Я полагаю, что опора на источник – как это и принято в ленинградской исторической школе, – то, чему следует учить и последующие поколения историков.

10. Какие дополнительные соображения Вы считаете необходимым высказать по проблемам методологии и историографии революции и гражданской войны в России?

Воздержусь от ответа.

В. М. Рынков (ИИ СО РАН, г. Новосибирск)

I. Историография революции

1. Какие основные элементы включала в себя концепция революционного 1917 г., доминировавшая в *советской* историографии?

В советской историографии приоритет с 1920-х годов закрепился за концепцией революции как, во-первых, локомотива истории, продвинувшего Россию к более прогрессивному и социально справедливому строю, во-вторых, она оценивалась в парадигме формационного развития общества, и как считалось, обозначила переход к новой формации, завершала, с небольшими оговорками, эпоху капитализма в России.

2. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии революционного 1917 г.?

Безусловно, к сильной стороне советской историографии революции следует отнести масштабный, массированный сбор фактического материала под единую концепцию. Издание многочисленных сборников документов обеспечило доступность широкому кругу историков хорошо подобранной источниковой базы. Исследования по схожему тематическому сценарию проведены как на общероссийском, так и на региональном уровне, причем, на материалах практически всех регионов бывшей российской империи.

Это главное. Был еще ряд сильных сторон. Например, в 1950 – 1960-е гг. сформировался особый историографический язык, использование которого позволяло, не выходя за рамки единой и лояльной к политическому режиму методологии вести научные дискуссии и формулировать различные точки зрения. Конечно, это была риторическая оболочка, дававшая лишь некоторую свободы, не выходящую за рамки общей марксистской концепции. И тем не менее, условия для научной дискуссии были.

Сложилась практика рецензирования монографических трудов. Существование критических отзывов коллег поддерживало достойный уровень издаваемых публикаций и академический характер научной дискуссии, формировали достаточно высокие требования к исследовательской практике.

Но, конечно, концептуальная непротиворечивость была относительной; возможность дискуссии – ограничена. Слабыми сторонами советской историографии истории революции был ее отрыв от мировой историографии революций и от наиболее значимых отечественных достижений историографии, источниковедения, археографии, сформировавшихся при изучении дореволюционной истории.

Практику издания советских сборников документов по истории революционных событий 1917 и начала 1918 г. даже по сравнению с одновременно выходящими публикациями источников по истории «феодального» и «капиталистического» периодов сложно отнести вообще к научным публикациям. Источники публиковались без комментариев и элементарного археографического сопровождения, с неоговоренными купюрами и редактурой. Сами принципы подбора источников для публикации и их компоновки часто не выдерживает критики с точки зрения хорошо известных научных принципов.

3. Какие основные элементы включает в себя концепция революционного 1917 г., принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

Во-первых, постсоветский этап уже нельзя рассматривать как нечто целостное, т. к. историография за более чем три десятилетия претерпела серьезную эволюцию.

Во-вторых, в постсоветской историографии нет единой концепции, правильнее говорить о концепциях.

В 1990-е годы и в начале 2000-х происходило освоение наследия эмигрантской и зарубежной, прежде всего западной, историографии и методологических подходов. Это был длительный этап. Первые шаги в нем часто были связаны с элементарным изложением ставших доступными источников и выстраиванием принципиально нового по сравнению с советским исторического нарратива, основанного на мемуарных источниках и нередко весьма тенденциозных исторических исследованиях эмигрантов.

В середине первого десятилетия нового столетия изменилась ситуация с источниками и историографией. Благодаря развитию цифровых технологий значительная часть научных публикаций и некоторые источники стали доступны исследователям он-лайн, независимо от места проживания и близости к научным центрам. Это был тоже эволюционный процесс, который продолжает идти по нарастающей и сегодня. Сейчас по многим темам доступная информация имеется в избытке, включая значительные комплексы источников, и акцент неизбежно переносится на методику получения из них наиболее ценного для исследователя и на методологию интерпретации.

Концепция народной революции, той, что вызрела из глубинных объективных предпосылок, привела к власти сначала Временное правительство, а затем и большевиков, пережила серьезный кризис под влиянием различных теорий заговоров. К числу заговорщиков относили то политических масонов и их руководителей в Западной Европе, то союзников и

союзную дипломатию, видевшую в консервативной российской монархии слабое звено антигерманской коалиции и по одним трактовкам желавшую укрепить российский политический режим демократическими преобразованиями, по другим – стремившихся сознательно подтолкнуть Россию к краху и поучаствовать в дележе ее территорий и ресурсов наряду с германскими. Находились исследователи, подчеркивавшие германское влияние на распад российской империи. Но многие усматривали в поведении большевиков как истинных заговорщиков, не останавливавшихся ни перед чем на пути к завоеванию власти, главную, внутреннюю причину, предопределившую завоевание и удержание ими власти. Политическим оппонентам большевиков приписывали совестливость, стремление играть «по правилам» их оппонентов, то обвиняя их в политической близорукости, то героизируя как политических романтиков.

Мощным подкреплением для заговорщических концепций служат вполне серьезные исследования историков экономики позднеимперского периода, в целом оптимистично оценивавших развитие России накануне революции и склоняющихся к отсутствию предпосылок к серьезному революционному взрыву в 1917 г. Это обстоятельство заставляет многих исследователей искать объяснение случившемуся в сфере действия отдельных политических сил.

Но и идея народной революции получила неожиданное подкрепление с двух сторон. Во-первых, проведен анализ сдвигов в политической ментальности российского населения, политических настроениях и политической психологии или, как удачно акцентирует В. П. Булдаков – психопатологии народных масс. Благодаря оригинальной интерпретации огромного фактического материала, это направление исследований продемонстрировало обусловленность многих процессов не социальными и экономическими предпосылками, а куда более повлиявшими на политику психоментальными сдвигами. Во-вторых, исследователи попытались проследить институциональные перемены революционного года, и показали, что если глубинные предпосылки революционного слома отыскать непросто, то, когда он уже начался, эволюционировал по вполне объективным закономерностям. Ни затормозить его естественную эволюцию к распаду и вновь собиранию на совершенно новых и более жестких основаниях, ни запустить политический процесс в обратную сторону, дабы выйти из революционного кризиса, было просто не под силу никаким отдельно взятым политическим лидерам и группировкам.

4. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии революционного 1917 г.?**

Сильной чертой является методологический плюрализм и открытость.

Основной объем историографии формируется как обычно в провинции. Большинство авторов, несмотря на открытость источников и доступность исторических исследований, занимаются исследованием 1917 г. в отрыве от коллег и вне связи с мировой историографией. Прорывных исследований, включённых в мировой историографический процесс и одновременно опирающихся на новейшие российские региональные публикации, очень немного.

II. Историография гражданской войны

5. Какие основные элементы включала в себя концепция истории Гражданской войны, доминировавшая в *советской* **историографии?**

Многое из того, что уже отметил в отношении историографии 1917 г., справедливо и для изучения Гражданской войны. Поэтому добавлю лишь немногое. Во-первых, советская историография возлагала ответственность за Гражданскую войну, политический террор и многое другое на противников большевиков. Они демонизировались, им изначально приписывались преступные цели и методы их достижения.

По этой причине так называемая контрреволюция исследовалась предвзято, поверхностно. Основные усилия концентрировались на исследовании взглядов и деятельности победителей, при этом потенциал критики источников и критического анализа прошлого оставался очень ограничен. Выйти за рамки апологетики действий большевиков и советской власти было непросто и удавалось немногим.

6. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* **историографии Гражданской войны в России?**

Как и применительно к истории 1917 г., при исследовании Гражданской войны советская историография придерживалась системности в том, что по каждому региону создавались однотипные по методике подбора и интерпретации источников сборники документов и исследования. Это создавало фундированную исследованиями и доступными документами концепцию Гражданской войны. С данным обстоятельством приходится считаться и сегодня, а применительно к краеведению и сфере меморизации истории Гражданской войны взгляды советской историографии до сегодняшнего дня остаются господствующими.

7. Какие основные элементы включает в себя концепция истории Гражданской войны, принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

Во-первых, расширены ее хронологические рамки за счет включения в хронологию Гражданской войны крестьянских восстаний.

Во-вторых, возобновлена дискуссия о виновниках (инициаторах) Гражданской войны, и наряду с тезисом о равной ответственности всех основных политических акторов присутствует и даже преобладает стремление возложить ответственность на большевиков, которых большинство историков считают инициаторами Гражданской войны. Важно, что в современной историографии большевиков чаще всего изображают как силу, действия которой в Центре и на местах делали Гражданскую войну неизбежной.

8. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* историографии Гражданской войны в России?

Безусловно, сильными чертами является ее принципиально иная источниковая база. Историки давно ушли от принципа партийности в расстановке приоритетов при подборе источников. Практически не осталось недоступных историкам источников, и источниковая база, как правило, четко формируется под объект и задачи исследования.

Второй сильной чертой стал утвердившийся методологический плюрализм, который позволяет относительно свободно выбирать методику изучения Гражданской войны.

Произошел мощнейший крен в сторону изучения ситуации в антибольшевистском лагере Гражданской войны. Это вполне закономерный результат почти полного забвения советского времени, когда основная масса литературы писалась про победителей и исходя из логики победителей. И конечно, по данной причине мы знаем о противниках большевиков немного больше, чем в 1991 году.

В отображении лидеров антибольшевистского движения многие авторы придерживаются апологетического тона. Основная масса современных исследований, посвященных советскому лагерю, написаны с острокритических позиций. Историки показали многие негативные стороны действия победителей в Гражданской войне, прежде всего, репрессии по отношению к широким слоям населения.

Но тот факт, что в начале четвертого десятилетия со времени падения советской власти до сих пор практически нет глубоких исследований, посвященных советскому режиму, свидетельствует о существенных упущениях постсоветского этапа историографии. Общая картина

вырисовывается односторонняя и достаточно примитивная – победители победили благодаря циничности и беспринципности, способности не останавливаться ни перед чем во имя удержания власти. Серьезный анализ причин превосходства большевиков над своими политическими противниками пока еще только предстоит.

III. Вопросы методологии

9. Какими методологическими инструментами (моделями, теориями) Вы пользуетесь в своей работе при изучении истории революции и Гражданской войны в России? Как Вы оцениваете их полезность и адекватность?

Нет ответа.

10. Какие дополнительные соображения Вы считаете необходимым высказать по проблемам методологии и историографии революции и гражданской войны в России?

Нет ответа.

Д. И. Стогов (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург)

I. Историография революции

1. Какие основные элементы включала в себя концепция революционного 1917 г., доминировавшая в *советской* историографии?

Советская историография исходила, прежде всего, из ленинского тезиса о закономерном и объективном характере Февральской и Октябрьской революции. Вместе с тем, советская историческая наука на протяжении более, чем 70 лет советской власти претерпевала определенные изменения, и ее не следует рассматривать как нечто единое, целое и неизменное. Так, в 1920-е гг., которые характеризовались относительной свободой мысли, в некоторой степени существовал плюрализм научных подходов в плане оценок революционных событий 1917 г. Впрочем, на данном этапе становления советской историографии многие работы, писавшиеся современниками революционных событий, носили не строго научный, а публицистический характер. В них могли встречаться не только ленинские оценки революции (в том числе и ее причин), которые впоследствии стали эталоном советской исторической мысли, но и тезисы об элементах стихийности в революционном процессе, о весьма слабой степени вовлеченности руководства партии большевиков в организацию революционного процесса (в особенности касательно Февральской революции – и здесь, надо признать, историки 1920-х годов были весьма объективны). Также следует отметить, что многие научные труды, изданные в 1920-е гг., не

потеряли актуальности и в наше время (в том числе работы П. Е. Щеголева, В. П. Семенникова и др.). Введение в научный оборот и публикация огромного массива уникальных исторических источников, осуществленное исследователями 1920-х гг., заслуживает особого внимания и уважения. К примеру, знаменитым семитомником «Падение царского режима» (протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства), изданным под редакцией П. Е. Щеголева в 1920-е гг., широко пользуются и современные исследователи.

Период с 1930-х по 1950-е гг. в советской историографии революционных событий 1917 г. можно условно охарактеризовать словосочетаниями «период стагнации», «период догматичности». Эталоном для историков этого периода стала «концепция двух вождей», отразившаяся, в частности, в знаменитом «Кратком курсе истории ВКП (б)», согласно которому И. В. Сталин вместе с В. И. Лениным был одним из главных творцов Октября. Концепция носила явный идеологизированный характер и диктовалась необходимостью борьбы высшего партийного руководства с «троцкистами» и вообще с оппозицией в широком смысле этого слова. При этом весьма успешно решались практические задачи (борьба государственной власти с «внутренним врагом») в ущерб принципу научной объективности. Излишняя идеологизированность и догматизм явились краеугольными камнями, о которые споткнулась тогдашняя историческая мысль.

Третий этап развития советской историографии революционных событий 1917 г. относится к 1960 – 1980-м гг. и характеризуется появлением новаторских подходов в изучении данного исторического периода. Историки того времени по-прежнему исходили из ленинской концепции природы революции, при этом в их трудах появились и новые идеи. Важную роль в их формировании сыграло обсуждение в редакции журнала «История СССР» коллективной монографии ленинградских ученых «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде» (1967 г.), в которой, в частности, говорилось о решающей роли В. И. Ленина в ходе организации Октябрьского вооруженного восстания при весьма пассивной и выжидательной позиции большинства членов ЦК РСДРП (б)[1]. Заслуживает внимания школа А. Л. Сидорова, которая с 1950-х гг. приступила к изучению российской экономики предреволюционного периода. Стоит обратить внимание на проблему «масонского следа» в русской револю-

[1] См.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Кн. 2. С. 297.

ции, которая так или иначе была затронута в работах Н. Н. Яковлева[2], А. Я. Авреха[3] и В. И. Старцева[4]. В перестроечный период в развитие идей упомянутой коллективной монографии «Октябрьское вооруженное восстание» в активную фазу вошла дискуссия о возможных альтернативах развития революции. К примеру, В. И. Старцев фактически выдвинул тезис о возможных альтернативах революции на более ранних этапах отечественной истории, при этом соглашаясь с тезисом о неизбежности и необходимости Октябрьской революции 1917 г. и победы большевиков[5]. Эти и другие концепции позднесоветского периода заслуживают пристального внимания и не теряют своей научной актуальности.

Подводя некоторый итог, подчеркнем, что, несмотря на определенные идеологические установки, изначально заложенные в советскую историческую науку и исходящие от трудов В. И. Ленина, значительная часть советского периода отечественной историографии характеризуется весьма большим разнообразием научных подходов, научными дискуссиями, поисками новых идей.

2. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии революционного 1917 г.?

На наш взгляд, главной сильной чертой советской историографии революционного 1917 года является ее системность, приверженность определенному методологическому подходу (марксизм, теория общественных формаций), определенная четкость, ясность, слаженность, простота для понимания. Вполне оправданным в этой связи представляется подход, согласно которому главными причинами Февральской и Октябрьской революции 1917 г. являются причины социально-экономического характера. Они, действительно, на наш взгляд, носят фундаментальный характер. Заслуживают внимание также тезисы о закономерности революционных событий 1917 г., вытекающие из анализа социально-экономической ситуации в Российской империи накануне 1917 г.

Следует также отметить, что, несмотря на весьма сложные социально-политические условия, тем не менее, по ряду актуальных вопросов историографии русской революции в некоторые периоды советской истории (1920-е гг., 1960-е гг. и т. д.) велись оживленные научные дискуссии, способствовавшие лучшему пониманию событий революционного 1917 года. Немаловажным является привлечение советскими исследователями ши-

---

[2] Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1974.
[3] Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990.
[4] Старцев В. И. Российские масоны XX века // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 33–50.
[5] См.: Старцев В. И. Человек с ружьем в Октябре // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С. 151–156.

рокого круга исторических источников – как архивных документов, так и воспоминаний, дневников, частной переписки известных политических и общественных деятелей. Помимо упомянутых публикаций источников в 1920-е гг. много источников было опубликовано после хрущевской «оттепели» (например, историко-юридическая серия «Декреты Советской власти», изданная при непосредственном участии известного ленинградского историка С. Н. Валка, яркого представителя ленинградской исторической школы). Эти и другие публикации не теряют своей научной актуальности и по сей день и широко используются исследователями.

Что касается слабых черт советской историографии, то здесь, по нашему мнению, надо отметить следующее. Во-первых, чрезмерная увлеченность социально-экономическими причинами Февральской и Октябрьской революции 1917 г., хотя и носила объективный и оправданный характер, с другой стороны, приводила к некоторой недооценке социокультурного, ментального, духовного фактора, имевшего, тем не менее, определенное значение. Факты свидетельствуют, что русское общество предреволюционного времени в значительной степени было поражено безверием, и это один из немаловажных факторов, который привел к революции. Безверие распространялось среди высших классов русского общества, но постепенно все больше касалось простонародья, в особенности главного революционного класса – пролетариата. Отрицание существовавших около тысячи лет традиционных устоев общества неизбежно приводило к отрицанию императорской власти, державшейся на «трех китах» уваровской триады – «Православие, Самодержавие, Народность».

Об уязвимости «концепции двух вождей» мы уже говорили, отвечая на предыдущий вопрос.

Весьма спорным представляются также тезисы об исторической неизбежности революции и о неизбежности победы большевиков в октябре 1917 г.[6] Полагаем, что можно и нужно говорить о возможных альтернативах в развитии революционных событий 1917 г. Следует отметить, что эта проблема отчасти рассматривалась как историками 1920-х гг., так и в 1960–1980-е гг. Однако на наш взгляд, она требует дальнейшего осмысления.

3. Какие основные элементы включает в себя концепция революционного 1917 г., принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

В силу наступившего еще в период горбачевской «перестройки» определенного плюрализма мнений и отсутствия в действующей

[6] Подробнее см.: Калашников В. В. Об альтернативах в развитии Русской революции 1917 года (историографические заметки). С. 63.

Конституции РФ 1993 г. официальной идеологии следует отметить, что какой бы то ни было **доминирующей** концепции революционного 1917 года к настоящему времени не представлено. В некотором роде на такую доминирующую роль претендует концепция «Великой российской революции», которую нынешние власти рекомендуют включать в современные учебники отечественной истории. Однако, несмотря на ее активное продвижение, в том числе в государственных средствах массовой информации, она, на наш взгляд, пока что так и не стала доминирующей в современной историографии.

4. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии революционного 1917 г.?**

Сильной стороной постсоветской историографии представляется, главным образом, то, что исследователи получили бóльшую, чем в советский период, свободу выражения своих мыслей, что способствует оживленным научным дискуссиям, разработке новых концепций, лучшему переосмыслению достижений советской историографии. Заслуживают пристального внимания новые концепции, связанные с причинами и характером Февральской революции 1917 г. Среди них, в частности, отметим концепцию д.и.н., профессора А. Б. Николаева, который, использовав огромное количество исторических источников, смог переосмыслить роль Государственной думы в революционном процессе Февраля 1917 г. и пришел к выводу о том, что «Государственная дума играла руководящую роль в Февральской революции, начиная с 27 февраля 1917 г., пройдя путь от попытки реализовать идею о создании ответственного министерства (правительства) до проведения мероприятий, направленных на захват власти, создания Временного правительства и свержения самодержавия. Весь комплекс мероприятий, проведенный Государственной думой и ее органами, характеризует превращение думских либералов из оппозиционеров в буржуазных революционеров»[7]. Уже неоднократно приходилось анализировать[8] заслуживающую внимание концепцию д.и.н. М. А. Бабкина, который, изучив массу источников, в частности, сделал далеко идущее (хотя далеко не бесспорное) предположение о возможном наличии заговора среди

[7] Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 592.

[8] См., напр.: Стогов Д. И. Церковно-государственные отношения в России начала XX века // Электронный ресурс. Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2011/09/22/cerkovnogosudarstvennye_otnosheniya_v_rossii_nachala_hh_veka (дата обращения 14.07.2023).

духовенства с целью свержения царской власти[9]. Представляет интерес концепция д.и.н., профессора И. Я. Фроянова, который попытался структурировать революционный процесс, протекавший, по его мнению, в нескольких плоскостях: «революция для России», «Россия для революции», «революция против России»[10]. Эти и другие концепции способствуют дальнейшему развитию научной мысли.

Главным недостатком постсоветской историографии является то, что до сих пор она так и не смогла выработать некий единый методологический подход к изучению революции. Значительная часть историков, отвергнув марксистскую концепцию, не смогла предложить ничего принципиально нового. Весьма уязвимой представляется и концепция «Великой российской революции», которая, на наш взгляд, фактически копирует термин «Великая французская революция». С одной стороны, действительно, для огромной массы русских либералов и революционеров XIX – начала XX в. французская революция представлялась неким идеалом для переустройства России. Даже некоторые идеологи черносотенного движения в конце жизни сознавались, что в юности школьными и университетскими преподавателями им небезуспешно внушались мысли о положительном значении Великой французской революции[11]. Однако смешивать Февральскую революцию с Октябрьской, да еще и включать в «Великую российскую революцию» Гражданскую войну не представляется правильным. Февральская революция фактически ограничилась свержением самодержавия и не привела к коренному слому существовавших на тот момент социально-экономических отношений (да и политических тоже, так как принцип непредрешенчества фактически оставлял открытым даже вопрос о форме государственного устройства будущей России). Октябрьская же революция привела к полному слому социально-экономических и политических отношений в России, изменила ее культурный, духовный облик. По сути дела, Февральская революция во многим осталась своего рода верхушечным государственным переворотом, тогда как Октябрьская революция стала действительно революцией в подлинном смысле этого слова.

---

[9] Бабкин М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. М., 2011. С. 258–267.

[10] См.: Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997. С. 48, 68, 123.

[11] См., напр.: Шабельская Е. А. Красные и черные. Ч. 2. СПб., 1912. С. 259, 251.

II. Историография гражданской войны

5. Какие основные элементы включала в себя концепция истории Гражданской войны, доминировавшая в *советской* историографии?

Безусловно, советская историография Гражданской войны опиралась, в первую очередь, на труды В. И. Ленина, который отмечал, что «…гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса»[12]. Гражданская война в советской историографии традиционно рассматривалась как наиболее острая форма классовой борьбы, как инструмент, используемый в революциях для активизации классовой борьбы. В борьбе с властью буржуазии в ходе Гражданской войны победу одержала диктатура пролетариата. Выдвигался тезис о неизбежности и закономерности победы большевиков в ходе Гражданской войны.

6. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии Гражданской войны в России?

Говоря в целом, отметим, что, на наш взгляд, сильными чертами советской историографии Гражданской войны являются те же черты, которые характерны и для историографии революционных событий 1917 г. Еще раз напомним их: это системность, приверженность определенному методологическому подходу (марксизм, теория общественных формаций), определенная четкость, ясность, слаженность и т. д.

То же самое касается и слабых черт советской историографии. Это определенная идеологическая зашоренность, недооценка социокультурного, духовного фактора при анализе событий Гражданской войны.

7. Какие основные элементы включает в себя концепция истории Гражданской войны, принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

Как и в случае с революционными событиями 1917 г., в постсоветской историографии в силу отсутствия в России государственной идеологии и при наличии определенной свободы мнений пока что трудно говорить о какой бы то ни было **доминирующей** концепции истории Гражданской войны. Если же говорить о рекомендуемой структурами государственной власти современной России концепции «Великой российской революции»,

---

[12] Ленин В. И. Русская революция и гражданская война // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 215.

то, думается, что включение в нее Гражданскую войну вряд ли является оправданным решением. Гражданская война не является продолжением или тем более частью революции, Гражданская война – это следствие революции.

8. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии Гражданской войны в России?**

Сильные черты постсоветской историографии Гражданской войны, на наш взгляд, практически идентичны аналогичным чертам историографии революционных событий 1917 г. Это отсутствие идеологического давления на исследователей, свобода мысли, возможность изучения тех сюжетов (в том числе сюжетов социокультурного плана, духовной жизни, менталитета и т. д.), которые по идеологическим причинам недооценивались в советский период. Новые концепции истории Гражданской войны способствуют активизации научной мысли. Введен в научный оборот огромный пласт исторических источников, многие из них опубликованы. Представляется важным изучение некоторых отдельных сюжетов, связанных с историей Гражданской войны, которые практически не рассматривались (либо изучались весьма поверхностно) в советский период. Это касается, в первую очередь, изучения деятельности противников большевиков либо отдельных явлений общественной жизни. К примеру, петербургский ученый В. Б. Лобанов изучил деятельность антибольшевистских сил на Северном Кавказе[13], д.и.н. А. С. Пученков рассмотрел национальную политику А. И. Деникина[14], д.и.н. А. Ю. Давыдов изучил проблему мешочничества как нелегального снабжения населения в период Гражданской войны[15].

Отметим, что при всем разнообразии современных подходов и концепций, связанных с историей Гражданской войны, исследование, проведенное в 2018 г., четко продемонстрировало, что подавляющее большинство современных историков не рассматривают победу красных в Гражданской войне как случайность, а говорят либо о ее высокой вероятности, либо о неизбежности, что определяется преимуществами большевистской программы по различным направлением социально-экономической и политической жизни по сравнению с программами представителей «демократической контрреволюции» или белого движения и отсутствием какой бы то ни было внятной программы у

[13] Лобанов В. В. Белое движение на Северном Кавказе (ноябрь 1917 – май 1919 гг.). СПб., 2012 и др.
[14] Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). СПб., 2012 и др.
[15] Давыдов А. Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб., 2007.

«зеленого движения», а также об организационном и кадровом превосходстве большевистской партии и ее вождей[16].

Что касается слабых черт постсоветской историографии Гражданской войны, то, на наш взгляд, в целом они идентичны слабым чертам постсоветской историографии революционных событий 1917 г. Это, в первую очередь, отсутствие единого методологического подхода. Про некоторые изъяны концепции «Великой российской революции» в контексте истории Гражданской войны мы уже говорили. Остается до конца не определенным и вопрос о периодизации и хронологических рамках Гражданской войны. Если в советский период сложилась точка зрения (которая отразилась и в советских учебниках истории), согласно которой Гражданская война проходила в период с 1918 по 1922 г., то теперь многие исследователи выражают мнение о том, что она началась чуть ли не с февраля 1917 г. или, по крайней мере, с октября 1917 г. Думается, что вопрос о хронологических рамках и периодизации Гражданской войны представляется предметом для дальнейшего рассмотрения и изучения.

III. Вопросы методологии

9. Какими методологическими инструментами (моделями, теориями) Вы пользуетесь в своей работе при изучении истории революции и Гражданской войны в России? Как Вы оцениваете их полезность и адекватность?

В первую очередь, это традиционная марксистская концепция, укоренившаяся в советской историографии. Вместе с тем, думается, что ее следует дополнять (не подвергая сомнению значимость и важность теории общественных формаций) элементами цивилизационного подхода. В этой связи, на наш взгляд, полезно обращаться к трудам представителей французской «Школы анналов» и их последователей, у которых, с одной стороны, с марксизмом оставалась масса точек соприкосновения, но которые, с другой стороны, расширяя круг исторических источников и привлекая достижения смежных наук, изучали менталитет, проблемы самосознания, религиозности. На наш взгляд, следует не ограничиваться изучением только каких бы то ни было отдельных сюжетов, связанных с историей революционных событий 1917 г. и Гражданской войны (напр., изучать преимущественно историю партии большевиков или, наоборот, только

[16] Калашников В. В. Новейшая историография Гражданской войны в России: экспресс-анализ // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / Отв. ред. проф. В. В. Калашников; под ред. к.и.н. Д. Н. Меньшикова. СПб., 2018. С. 251–252.

историю белого движения), а рассматривать максимально большее количество явлений общественной жизни данного исторического периода, при максимальном привлечении разнообразных исторических источников.

10. Какие дополнительные соображения Вы считаете необходимым высказать по проблемам методологии и историографии революции и гражданской войны в России?

Думается, что необходимо, в первую очередь, всесторонне переосмыслить достижения как советской, так и постсоветской и зарубежной историографии. Заслуживают пристального внимания новые концепции, о которых было сказано в ответах на предыдущие вопросы. Они требуют дальнейшего развития, осмысления, доработки. Вряд ли на данном этапе следует стремиться к унификации научных представлений о Февральской и Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войне, но, вместе с тем, можно и нужно говорить о выработке некоего более-менее единого методологического подхода при изучении этого сложного и противоречивого периода отечественной истории.

К. А. Тарасов (Европейский университет, Санкт-Петербург)

I. Историография революции

1. Какие основные элементы включала в себя концепция революционного 1917 г., доминировавшая в *советской* историографии?

На мой взгляд, можно выделить следующие основные элементы советской историографии Революции 1917 г.:

- Разделение революционного процесса на Февральскую и Октябрьскую революции. Первая из них рассматривалась как буржуазная, а вторая как социалистическая.
- Вслед за работами Ленина выделялись Апрельский, Июньский и Июльский кризисы Временного правительства.
- Ключевым элементом историографии являлось внимание к особой роли партии большевиков и руководящей роли Ленина. Разногласия внутри партии зачастую игнорировались. Согласно этой интерпретации, руководство партии принимало основные решения, которые выполнялись на местах, а затем это влияло на организованные действия «массы».

2. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии революционного 1917 г.?

Сильной стороной советской историографии можно считать большое внимание к социальной и экономической истории революции. Несмотря

на указанные выше особенности интерпретации, в этом отношении в научный оборот было введено много материалов.

Слабой стороной историографии, на мой взгляд, было в значительной степени игнорирование или искажение деятельности других партий, кроме большевиков. Все они разделялись на мелкобуржуазные, буржуазные или контрреволюционные, а к пролетарским и революционным относились только большевики.

Кроме того, к недостаткам можно отнести то, что социальные слои рассматривались, как правило, только как объект влияния.

3. Какие основные элементы включает в себя концепция революционного 1917 г., принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* **историографии?**

Я бы не сказал, что существует какая-то единая концепция революции в постсоветской историографии. Тем не менее, доминирует точка зрения, которая выделяет февральский и октябрьский этапы в едином революционном процессе 1917 г. Некоторые события выделяются как момент перехода от революции к гражданской войне как отдельному периоду: Октябрьский переворот, роспуск Учредительного собрания, восстание Чехословацкого легиона и т. д.

Можно отметить интеграцию российской историографии в общемировую. Это выражается в том, что уделяется внимание культурной и психологической составляющей революции. Заметно внимание к региональной истории и изучению национальных движений. В большей степени признается влияние Первой мировой войны на революцию.

Заметно разделение историков на «оптимистов» и «пессимистов». Первые доказывают, что у революции либо вообще, либо до последнего момента не было серьезных предпосылок. Вторые указывают, что революционный взрыв был следствием глубоких противоречий в Российской империи, сложившихся задолго до 1917 г.

4. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии революционного 1917 г.?**

Сильной чертой постсоветской историографии я считаю больший плюрализм мнений, чем это возможно было ранее. Главное ее достижение я вижу в разработке истории небольшевистских политических партий, а также публикации источников по этой тематике.

К слабым чертам я отношу распад связей с научными сообществами не только бывших республик СССР, но и внутри Российской федерации. Зачастую складываются локальные исследовательские группы, которые не

имеют представления о деятельности по аналогичной или смежной теме в других институциях или регионах. Негативной чертой я также считаю повышение требований к публикационной активности в вузах, что приводит к появлению большого количества «статей», которые можно отнести лишь к симуляции научной деятельности.

II. Историография гражданской войны

5. Какие основные элементы включала в себя концепция истории Гражданской войны, доминировавшая в *советской* историографии?

Как и в случае с советской историографией революции, «главным героем» истории Гражданской войны являлись большевики. За исключением «вредных» течений, маркировавшихся как «левый уклон», «троцкизм» и т. д., разногласия и непоследовательность некоторых действий в партии уходили на задний план Повествование о конкурентах большевиков в борьбе за власть подавалось как история их «банкротства» и «краха».

Ключевой для советской историографии гражданской войны была роль иностранной интервенции в развязывании внутреннего конфликта.

Наконец, основное внимание уделялось военной истории Гражданской войны.

6. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии Гражданской войны в России?

Сильной чертой я могу назвать создание большого числа обобщающих работ, касающихся различных регионов страны. Вместе с тем их научная ценность неодинаковая. Некоторые из них с трудом можно отнести к исследовательским работам.

Слабой чертой можно признать специфическую интерпретацию противников большевиков. Социалисты, боровшиеся с большевиками, определялись как «демократическая контрреволюция». Цели белого движения часто трактовались как попытка восстановления монархии. Национальным движениям разной политической окраски придавались общие черты антинародных. Зеленое движение зачастую воспринималось как деятельность бандитских формирований.

7. Какие основные элементы включает в себя концепция истории Гражданской войны, принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

Если о постсоветской концепции революции можно говорить только условно, то обобщающей концепции гражданской войны, на мой взгляд, не существует вовсе. Она подается как комплекс разнообразных конфликтов и расколов. Часто говорится о разных «слоях» гражданской войны или

даже серии гражданских войн. Не существует даже общепринятой периодизации Гражданской войны в России, ее начала и конца.

8. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии Гражданской войны в России?**

Слабой стороной постсоветской историографии я считаю недостаток коллективных обобщающих работ и оригинальных гражданской войны. Кроме того, редкими являются исследования советской стороны: режима управления и строительства Красной армии.

К сильной стороне новейшей историографии я хотел бы отнести внимание к человеческому измерению Гражданской войны, культурным и антропологическим исследования повседневности. Отдельно я выделил бы также важность появившихся исследований революционного насилия, национального и крестьянского движений и политики антибольшевистских режимов.

III. Вопросы методологии

9. Какими методологическими инструментами (моделями, теориями) Вы пользуетесь в своей работе при изучении истории революции и Гражданской войны в России? Как Вы оцениваете их полезность и адекватность?

Для меня важны антропологические и культурные аспекты при изучении социальных групп. Это означает, что основное внимание уделяется символам, языку и другим культурным аспектам, которые влияли на ход и восприятие революции и гражданской войны. Анализируются публичные выступления и политические тексты, а также интерпретируется поведение социальных акторов. На мой взгляд, такой анализ дает наиболее глубокое понимание политических процессов революции.

Ц. Хасегава (Калифорнийский университет в Санта-Барбаре, США)

I. Историография революции

1. Какие основные элементы включала в себя концепция революционного 1917 г., доминировавшая в *советской* **историографии?**

2. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* **историографии революционного 1917 г.?**

Until the 1930s, Soviet historians made major contributions to scholarship on the Russian Revolution by publishing primary sources as well as memoirs written by participants in the revolution, including those who stood against the Bolsheviks. Above all, *Krasnyi arkhiv* played a major role in this. Since the Stalinist interpretation became the dogma that was imposed on historians in the

1930s, Soviet historians were not allowed to deviate from the Stalinist interpretation in *Short Course* that insisted on the primacy of the Bolshevik Party in leading the Russian Revolution. As far as the February Revolution was concerned, the Stalinist interpretation was challenged by E. N. Burdzhalov in 1956. I was a university student in Japan then, but I remember how the Budzhalov affair excited and invigorated the Japanese historians on Russia and the Soviet Union. Since then Leningrad historians began a new interpretation of not only the February Revolution, but also the Russian Revolution as a whole, based on new archival sources. A new collection of documents and new scholarship, represented by Leningrad historians, notably by V. I. Startsev, R. Sh. Ganelin, Iu. S. Tokarev, O. N. Znamenskii, and V. S. Diakin, and I. O. Leiberov – I should also add P. V. Volubuev and V. I. Miller in Moscow, – greatly influenced the Western and Japanese social historians, who saw the social movements as the foundation of the Russian Revolution. Although Leningrad school broke new grounds by stressing the respect for archival sources, they still could not overcome the overall straitjacket of Marxist-Leninist interpretation. There were many taboo subjects that they were not allowed to venture into. Because of this, Soviet historians failed to examine adequately the enemies of the Bolsheviks, including tsarist officials, the liberals, and the moderate socialists (Mensheviks and the SRs). The orthodoxy that the October Revolution was the zakonomernyi process dictated by objective historical conditions did not provide Soviet historians the opportunity to explore the role of accidents and the role of human agency as well as the subjects that did not fit neatly in the major Marxist-Leninist narrative of the revolution. In addition, Soviet historians were unable to utilize rich archival materials in the Prague archives, Hoover Institution Archive, and Bakhmeteff Archive, sources published in the West in such journals as *Russkaia letopis'*, *Arkhiv russkoi revoliiutsii*, numerous memoir materials written by émigrés, and émigré historians such as S. P. Mel'gunov and George Katkov. Furthermore, they were unable to utilize Western scholarship, and their contact with Western historians was limited only to informal ones when western historians visited the Soviet Union. My study on the February Revolution had to be introduced ironically in the form of criticism of «bourgeois falsifiers».

До 1930-х годов советские историки внесли значительный вклад в изучение русской революции, публикуя первоисточники, а также воспоминания участников революции, в том числе и тех, кто выступал против большевиков. Основную роль в этом сыграл в первую очередь «Красный архив». После того как сталинская интерпретация стала догмой, навязанной историкам в 1930-х годах, советским историкам не разрешалось от-

клоняться от сталинской интерпретации в «Кратком курсе» с ее утверждением о главенстве большевистской партии в руководстве русской революцией. В отношении Февральской революции сталинская интерпретация была оспорена Э. Н. Бурджаловым в 1956 году. Тогда я был лишь студентом университета в Японии, но помню, как выступление Бурджалова взволновало и воодушевило японских историков, изучавших Россию и Советский Союз. С тех пор ленинградские историки начали создавать новую интерпретацию не только Февральской революции, но и Русской революции в целом, основываясь на новых архивных источниках. Новый комплекс документов и новый подход к исследованиям, представленный ленинградскими историками, в частности В. И. Старцевым, Р. Ш. Ганелиным, Ю. С. Токаревым, О. Н. Знаменским, В. С. Дякиным и И. О. Лейберовым – я должен также добавить сюда П. В. Волобуева и В. И. Миллера из Москвы – оказали большое влияние на западных и японских социальных историков, которые рассматривали социальные движения как основу русской революции. Хотя ленинградская школа открыла новые горизонты, подчеркнув важность архивных источников, они все же не могли преодолеть общую смирительную рубашку марксистско-ленинской интерпретации. Было много запретных тем, которые им нельзя было затрагивать. Из-за этого советские историки не смогли должным образом изучить врагов большевиков, включая царских чиновников, либералов и умеренных социалистов (меньшевиков и эсеров). Ортодоксальное представление о том, что Октябрьская революция была закономерным процессом, продиктованным объективными историческими условиями, не давало советским историкам возможности исследовать влияние случайностей и человеческого фактора, а также темы, которые не вписывались в базовое марксистско-ленинское описание революции. Кроме того, советские историки не могли использовать богатые архивные материалы из Пражского архива, архива Гуверовского института и архива Бахметьева, источники, опубликованные на Западе в таких журналах, как «Русская летопись», «Архив русской революции», многочисленные мемуарные материалы, написанные эмигрантами, как и историков-эмигрантов, таких как С. П. Мельгунов и Г. М. Катков. Более того, они не могли использовать западную науку, а их контакты с западными историками были сведены к неформальному общению, когда западные историки посещали Советский Союз. Мое исследование о Февральской революции пришлось представить иронически, в форме критики «буржуазных фальсификаторов».

3. Какие основные элементы включает в себя концепция революционного 1917 г., принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* **историографии?**

4. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии революционного 1917 г.?**

First, Post-Soviet historiography has been liberated from the strait-jacket of the Marxist-Leninist interpretations. For the first time, historians can breathe freely, think freely, and publish freely. They can now explore formerly taboo subjects such as Freemasons and examine objectively those who stood against the Bolsheviks, such as the Mensheviks, and Kerenskii. Incidentally, B. I. Kolonitsii's work on Kerenskii, *«Tovatishch Kerenskii»,* is one of the great achievements of the post-Soviet historiography of the Russian Revolution.

Secondly, one of the most important features of the post-Soviet historiography is the use of emigre sources, which have been reproduced in new editions within Russia. The Prague archives that were seized by the Red Army, but had been closed during the Soviet period, has become available, and Russian historians could travel to the United States and use the archival materials at the Hoover Institution (for instance, massive Nikolaevsky papers), and the Bakhmeteff archive. Important archival materials are published in Russian publications, including Bazilii's interview with Guchkov and memoirs of P. Bark. In this sense, post-Soviet historiography of the Russian Revolution has truly become otechestvennaia history.

Third, the subjects of the new research have expanded to the tsarist government, Nicholas and his relatives, the Provisional Governments, the Duma, liberals, and moderate socialists. Another fine example of the post-soviet historiography is the superb study of the February Revolution by A. B. Nikolaev. Incidentally, study of the Russian Revolution in the Soviet period was heavily tilted to the study of the October Revolution. In the post-Soviet period, the February revolution now occupied the rightful place.

Fourth, another important feature of the post-Soviet historiography is that historians are examining the subjects that had been untouched in the soviet period: one good example is the study of prostitution and narcotics done by N. B. Lebina and M. V. Shkarovskii. Such topics include crime and police by V. I. Musaev, and study of alcohol by I. V. Narskii and Iu. Kjmelevskaia.

Finally, the post-Soviet historiography on the Russian Revolution is characterized by genuine interactions between Russian historians and historians abroad. Conferences that involve both Russian historians and historians abroad (including the newly independent states) that were unthinkable in the Soviet pe-

riod have been organized frequently, where genuine exchange of views and methodology has taken place. Some of conferences have yielded important publications, incuding, *Fevral'skaia revoliutsiia ot novykh istochnikov k novomu osmysleniiu* (Moscow, 1997), *Anatomiia revoliutsii: 1917 god v Rossii: Massy, partii, vlast'* (SPb, 1994), and *Epokha voin i revoliutsii, 1914–1922* (SPb, 2017). For the interaction between Russian historians and historians abroad, an important role is played by the monumental multi-volume publication of *Russia's Great War and Revolution* (Slavica). I would also add that another important feature of these interaction is the involvement of regional historians.

Во-первых, постсоветская историография свободна от смирительной рубашки марксистско-ленинских интерпретаций. Впервые историки могут свободно дышать, свободно мыслить и свободно публиковаться. Теперь они могут исследовать ранее запретные темы, например, масонов, и объективно изучать тех, кто выступал против большевиков, таких как меньшевики и Керенский. Кстати, работа Б. И. Колоницкого о Керенском «Товарищ Керенский» является одним из величайших достижений постсоветской историографии русской революции.

Во-вторых, одной из важнейших особенностей постсоветской историографии является использование источников эмигрантского происхождения, которые были воспроизведены в новых изданиях в России. Стали доступны Пражские архивы, которые были захвачены Красной Армией, но в советский период оставались закрытыми, и российские историки могли поехать в Соединенные Штаты и воспользоваться архивными материалами Гуверовского института (например, огромной коллекцией Б. И. Николаевского) и архивом Бахметьева. Важные архивные материалы опубликованы в российских изданиях, включая интервью Н. А. Базили с Гучковым и мемуары П. Барка. В этом смысле постсоветская историография русской революции действительно стала отечественной историей.

В-третьих, тематика новых исследований теперь затрагивает царское правительство, Николая и его родственников, Временные правительства, Думу, либералов и умеренных социалистов. Другим отличным примером постсоветской историографии является превосходное исследование Февральской революции А. Б. Николаева. Кстати, изучение русской революции в советский период было в значительной степени ориентировано на изучение Октябрьской революции. В постсоветский период достойное место заняла теперь и Февральская революция.

В-четвертых, еще одной важной особенностью постсоветской историографии является то, что историки исследуют темы, которые не были затронуты в советское время: здесь хорошим примером является исследование на тему проституции и наркомании, проведенное Н. Б. Лебиной и М. В. Шкаровским. Сюда же относится тематика преступности и полиции, затронутая В. И. Мусаевым, и работы И. В. Нарского и Ю. Ю. Хмелевской об алкоголе в годы революции и Первой мировой войны.

Наконец, постсоветская историография русской революции характеризуется подлинным взаимодействием между российскими и зарубежными историками. Часто происходят немыслимые в советское время конференции с участием как российских, так и зарубежных историков (включая сюда и государства на постсоветском пространстве), где происходит настоящий обмен мнениями и методами. Некоторые из конференций дали плоды в виде важных публикаций, в том числе «Февральская революция от новых источников к новому осмыслению»[1], «Анатомия революции: 1917 год: массы, партии, власть»[2] и «Эпоха войн и революций, 1914–1922»[3]. Для взаимодействия между российскими историками и историками за рубежом важную роль играет монументальное многотомное издание «Великая война и революция в России» (Slavica). Я бы также добавил, что еще одной важной особенностью этого взаимодействия является участие в нем региональных историков.

II. Историография гражданской войны

5. Какие основные элементы включала в себя концепция истории Гражданской войны, доминировавшая в *советской* историографии?

Нет ответа.

6. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии Гражданской войны в России?

Нет ответа.

7. Какие основные элементы включает в себя концепция истории Гражданской войны, принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

Нет ответа.

---

[1] 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: От новых источников к новому осмыслению. М., 1997.
[2] Анатомия революции: 1917 год: массы, партии, власть. СПб., 1994.
[3] Эпоха войн и революций, 1914–1922. СПб., 2017.

8. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии Гражданской войны в России?**

Нет ответа.

III. Вопросы методологии

9. Какими методологическими инструментами (моделями, теориями) Вы пользуетесь в своей работе при изучении истории революции и Гражданской войны в России? Как Вы оцениваете их полезность и адекватность?

10. Какие дополнительные соображения Вы считаете необходимым высказать по проблемам методологии и историографии революции и гражданской войны в России?

Western historiography on the Russian Revolution has shifted from the elite study to social history to post-modernist method of linguistic turn (language, symbols), gender studies, and to nationalism, colonialism, and empire. Post-Soviet historians have adopted some of these methods. The best example is Kolonitskii's series of works. I may be wrong, since I have not read widely in the field, but I have the impression that not enough cross-fertilization has taken place. More active interactions between Russian historians and historians abroad through international conferences and joint research projects should be encouraged. The current political climate has hampered interaction, but I hope that more active interaction will soon resume.

If one wants to know more about the trend of Western historiography on the Russian Revolution, and what books and articles have been written, the best place to go is: Rex Wade, «The Revolution at One Hundred: Issues and Trends in the Anglo-American Historiography of the Russian Revolution of 1917»[4].

Западная историография русской революции перешла от изучения элиты к социальной истории, к постмодернистскому методу лингвистического поворота (язык, символы), гендерным исследованиям, а также к темам национализма, колониализма и империи. Постсоветские историки переняли некоторые из этих методов. Лучшим примером тут является серия работ Колоницкого. Я могу ошибаться, поскольку я мало читал в этой области, но у меня сложилось впечатление, что нынешний уровень перекрестного обогащения недостаточен. Следует поощрять более активное взаимодействие между российскими и зарубежными историками посредством международных конференций и совместных исследовательских проектов. Нынешний политический климат препятствует этому, но я надеюсь на скорое возобновление более активного взаимодействия.

[4] См. Journal of Modern Russian History and Historiography. № 9. 2016. P. 9–38.

Если же кто-то захочет узнать больше о тенденциях западной историографии в отношении русской революции и о том, какие книги и статьи были написаны, лучше всего обратиться к работе Рекса А. Уэйда «Революция в ее столетие: проблемы и тенденции в англоязычной историографии Русской революции 1917 года»[5].

В. Ж. Цветков (МПГУ, Москва)

I. Историография революции

1. Какие основные элементы включала в себя концепция революционного 1917 г., доминировавшая в *советской* историографии?

Советская историография, исходя из формационного подхода, ориентировалась на преимущественное изучение социально-экономических, базисных предпосылок революции. Рассматривались признаки экономического кризиса, в частности, рост цен, ухудшение жизни рабочих и крестьян (при одновременном «обогащении буржуазии» на военных заказах), проблемы с хлебом в Петрограде в начале 1917 года. Экономические причины выделялись в качестве ведущего фактора социального протеста.

С точки зрения политической составляющей уделялось повышенное внимание деятельности партии большевиков, как партии единственно объективно оценивавшей перспективы развития страны. А политические позиции большевистской партии сводились преимущественно к работам В. И. Ленина, который также признавался едва ли не единственным теоретиком и практиком не только в РСДРП(б), но и во всем партийном пространстве России (да и мира в целом).

Показательно, что в советской историографии (также исходя из формационного подхода) было четкое разделение «февраля» и «октября» 1917 года. Первый определялся как «буржуазно-демократическая революция», второй – «Великая октябрьская социалистическая революция». Подобное разделение было важно не только с точки зрения различия движущих сил, целей и задач двух революций.

Очевидно, не стоит отрицать единства революционного процесса. Но, при этом, необходимо более четко разделять именно два этапа в нем. Неправомерно ставить в качестве детонатора революционного процесса только «февраль» 1917 года. Все-таки для него была характерна правопреемственность с Империей. А «октябрь» 1917 года полностью и

[5] Перевод данной статьи опубликован в настоящем сборнике.

категорически прерывал любую связь с всей предшествующей экономической, политико-правовой и идеологической системой. Поэтому и популярный ныне тезис о некоем «возрождении Российской империи в виде Советской России» – исторически некорректен.

2. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии революционного 1917 г.?

Безусловно сильные стороны – стремление к комплексному изучению проблем истории революции. Важно заметить повышенное внимание к социально-экономическим вопросам. Достаточно полно изучались революционные партии. В советской историографии был накоплен значительный опыт в изучении РСДРП и РСДРП(б). К сожалению, этот опыт остается недостаточно востребованным в современной историографии. Достаточно подробно изучалась региональная специфика, как с точки зрения источниковедческой, так и историографической.

Слабые – уже отмеченное выше чрезмерное акцентирование внимания на деятельности партии большевиков и лично Ленина. Явно недостаточное внимание к их оппонентам – буржуазным, монархическим партиям и даже к умеренным социал-демократам. Мало и только в негативном контексте изучалась политика Временного правительства. Малочисленными были исследования, посвященные формированию контрреволюции, что отчасти объясняется отсутствием свободного доступа к документам по истории антибольшевистского сопротивления, Белого движения, Русского Зарубежья.

3. Какие основные элементы включает в себя концепция революционного 1917 г., принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

На данный момент, на мой взгляд, сложно говорить о некоей единой концепции в историографии в отношении революционных событий 1917 года. Тем не менее, весьма перспективным представляется дальнейшее развитие исследований социальной истории, истории повседневной жизни в России в период революции и Гражданской войны.

Достаточно заметной представляется концепция, в соответствии с которой любые революционные перемены неприемлемы уже потому, что это именно революционные, радикальные изменения. Прочная, стабильная государственность, в любом ее формате, считается позитивной по сравнению с государственностью слабой, непрочной. А стабильность государства определяется наличием сильного лидера (от императора до партийного вождя) и состоянием силовых структур (вооруженных сил, спецслужб, полиции/милиции), а отнюдь не степенью обоюдного доверия

и взаимодействия власти и общества, активностью самоуправления, развитием гражданских прав и свобод.

Этот оценочный критерий используется при рассмотрении революционных событий 1917 года. В качестве источниковой базы подобная концепция опирается, в частности, на воспоминания военных, участников Белого движения, представителей монархических кругов эмиграции или ветеранов РСДРП(б) – РКП(б). Активно озвучивается данный концепт в суждениях о прошлом у многих современных политиков, политологов и публицистов. О степени объективности и историчности данного концептуального подхода судить не приходится.

4. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии революционного 1917 г.?**

Наиболее сильные и перспективные тенденции проявились, по моему мнению, в период перестройки, во второй половине 1980-х гг., в частности тогда, когда отмечался 70-летний юбилей «Великого Октября». В исследованиях появилась необходимая свобода суждений, гипотез и в то же время сохранялась культура научной методологии, глубина и критичность при изучении источников, академичность в изданиях. По сути, эти черты стали основой для постсоветской историографии. Однако данный период не оказался длительным. И если еще в начале 1990-х гг. он был заметен, то уже с середины десятилетия стало преобладать стремление к сенсационности и апологетике, то есть к тому, что ранее было характерно для исторической публицистики, но не историографии.

В то же время многие исследования выделяются глубиной анализа, стремлением использовать разнообразные источники, рассмотреть те или иные проблемы с точки зрения их важности для понимания особенностей развития России в революционный период.

К числу слабых черт, на мой взгляд, надо отнести заметное влияние конспирологических размышлений на тему различных «заговоров элит» против «самодержавной власти», деятельности масонских лож и т. д. К этому приводит отмеченное выше некритическое восприятие многих источников, в первую очередь эмигрантской мемуарной литературы. Однако нельзя игнорировать и проявление в этом стремлений объяснить крайне сложные процессы прошлого упрощенной схемой влияния «темных сил», неоправданно преувеличенного интереса к субъективным факторам развития истории.

По-прежнему не хватает подробных, объективных исследований, посвященных деятельности Временного правительства, органов земско-городского самоуправления, общественных организаций.

К сожалению, для некоторых исследований характерным становится политизированный подход, a priori заданные негативные оценочные суждения в отношении, например, большевиков («немецкий шпионаж») или членов Временного правительства («безвольные интеллигенты», «масонские деятели»). Есть и стремление сохранить в неизменном виде типичные для советской историографии оценки применительно к правоте «ленинского курса» и обреченности «буржуазной политики».

II. Историография гражданской войны

5. Какие основные элементы включала в себя концепция истории Гражданской войны, доминировавшая в *советской* историографии?

В советской историографии этот период определялся словосочетанием: «иностранная военная интервенция и гражданская война». В подобном расположении понятий менялись местами причина и следствие. Гражданская война была первична, и она стала прямым результатом революционных событий 1917-го года. Это не игнорировал и Ленин, считавший Гражданскую войну неизбежным актом классовой борьбы и сопротивления «свергнутых эксплуататорских классов». Данная оценка стала основополагающей и в отношении других Гражданских войн XX столетия (например, в Испании и в Китае).

6. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии Гражданской войны в России?

Сильная сторона заключалась, безусловно, в тщательном анализе особенностей боевых операций, проводимых РККА, с точки зрения стратегии и тактики, эволюции военного искусства. Сильной стороной следует признать также внимание к работе партии большевиков в военных условиях, к политике превращения страны в «единый военный лагерь».

К числу слабых сторон можно было бы отнести малочисленные исследования по истории антибольшевистского сопротивления, Белого движения, «демократической контрреволюции». В немногих монографиях, посвященных данной тематике, следовало в обязательном порядке соблюдать «классовый подход» в оценке противников советской власти, показывать их «историческую обреченность» и т. д.

В истории Гражданской войны явно преобладал интерес к военной составляющей, а экономико-политическая проблематика рассматривалась в рамках истории РКП(б) и «военного коммунизма». Впрочем, и здесь оставалось немало «белых пятен», в частности, в отношении проблем взаимоотношений большевистской партии и советов, советов и комбедов, ревкомов и советов и др.

7. Какие основные элементы включает в себя концепция истории Гражданской войны, принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* **историографии?**

Как и в отношении к оценке революции, я бы не стал говорить о некоей доминанте. Нет даже единого мнения относительно хронологии гражданской войны (а возможно ли вообще говорить о конкретной дате ее начала и конца?). Есть заметная тенденция объяснять причины Гражданской (внутренней) войны внешним воздействием (иностранной интервенцией). Не менее заметна тенденция, сводящаяся к стремлению «перевернуть страницу истории», то есть не изучать проблематику гражданской войны во избежание опасных и неуместных ассоциаций и аналогий. Тем более, что ни роста экономики, ни идеологически монолитного единства, ни громких военных побед над внешними врагами – ничего этого в период гражданской войны не было.

Существует оценка войны как «трагедии братоубийства». Следуя этой, бесспорной, в принципе, формулировке, можно подойти к выводу, что гражданская война представляет собой «кровавую бойню», в которой у участников нет ни определенных программ, ни идеалов, ни собственной правды, а есть лишь обоюдная ненависть.

Все эти тенденции и оценки объяснимы и оправданы, но они не должны влиять на научное, объективное, разностороннее изучение процессов гражданской войны. Именно это и должно стать доминирующим фактором в формировании современных концептуальных направлений.

8. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии Гражданской войны в России?**

Сильные – прежде всего появившаяся возможность использования прежде закрытых и малодоступных исторических источников. Их ввод в научный оборот позволил прийти к новым выводам и суждениям. Появилась свобода от давления идеологических стереотипов и установок. Налицо стремление к изучению самых разнообразных проблем истории Гражданской войны – от социально-экономических и социально-политических до социокультурных и вопросов социальной психологии, антропологии.

Среди слабых черт хотелось бы отметить чрезмерное, подчас доверие к новому источнику, отсутствие критики, особенно в отношении мемуарной литературы. Проявляется и еще более худший признак – сознательное игнорирование одних свидетельств и фактов при усиленном внимании к другим. Очевидно, это свидетельствует о недостаточной подготовке к работе с источниками.

Среди концепций сохраняется известная доля политизированности, а также откровенная реанимация оценок, господствовавших в советской партийно-политической историографии (под видом, якобы, «нового прочтения»).

III. Вопросы методологии

9. Какими методологическими инструментами (моделями, теориями) Вы пользуетесь в своей работе при изучении истории революции и Гражданской войны в России? Как Вы оцениваете их полезность и адекватность?

Полагаю, что наиболее приемлемым, независимо от общественно-политических реалий и от идеологических установок, должен оставаться принцип историзма. Благодаря ему представляется возможным рассматривать события прошлого без отрыва от всей прошедшей эпохи и не переносить современные оценки в прошлое, мерить его сегодняшними критериями. Но, безусловно, и другие методологические подходы могут оказаться востребованными.

10. Какие дополнительные соображения Вы считаете необходимым высказать по проблемам методологии и историографии революции и гражданской войны в России?

Наиболее важное и актуальное соображение заключается в недопустимости внедрения в историческую науку какой бы то ни было единообразной концепции или единообразной методологии. На какие бы благие намерения подобное стремление не опиралось. Иначе неизбежен возврат к некоему подобию прошлого в историографии и методологии (в неизменном виде возврат в прошлое невозможен). А такие многогранные и разносторонние события нашей истории, как Великая Российская революция и Гражданская война – невозможно свести к единственной историографической концепции и к единственной исторической методологии.

Д. О. Чураков (МПГУ, Москва)

I. Историография революции

1. Какие основные элементы включала в себя концепция революционного 1917 г., доминировавшая в *советской* историографии?

В советской историографии со временем утвердился обобщающий подход, характерный для большинства выходивших работ. Его основой была верность официальной идеологии. В рамках её на первое место выступало официальное понимания истории как процесса. Движущей силой этого процесса принято было считать классовую борьбу, а

инструментом перехода на новый уровень исторического развития – революцию. Поскольку в основе официальной идеологии лежали различные трактовки диалектического и исторического материализма, переход на более высокие уровни должен был пониматься как движение по спирали. Но это понимание в советской историографии Октября практически отсутствовало, что порождало многие ошибки в изучении революционных процессов.

2. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии революционного 1917 г.?

Сильные и слабые стороны советской историографии мне видятся в одном и том же – классовом подходе. Когда базовые принципы партийности, исторического материализма, марксизма-ленинизма применялись с умом, без фанатизма, творчески – получалось интересно. Доведение перечисленного до абсурда приводило к состоянию, которое можно определить известной фразой «сон разума».

3. Какие основные элементы включает в себя концепция революционного 1917 г., принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

В постсоветской историографии нет доминирующей концепции либо методологии. Современное общество находится в постоянном отрицании прошлого, и в научных кругах нет единого понимания исторического развития вообще и нашей страны в частности.

Можно выделить три основных подхода со множеством внутренних течений:

- обновлённый (иногда формально) прежний советский (формационный) подход;
- теория модернизации;
- цивилизационный подход.

4. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* историографии революционного 1917 г.?

Кризис методологии является главной слабой чертой постсоветской историографии. Отсутствие доминирующей научной методологии ведёт к таким отрицательным явлением, как скрытый плагиат у западных авторов, возврат к позитивизму, мелкотемье и т. д.

Сильной стороной современной историографии является расширение источниковой базы, проблематики исследований и расширение возможностей знакомства с историческими школами других стран.

II. Историография гражданской войны

5. Какие основные элементы включала в себя концепция истории Гражданской войны, доминировавшая в *советской* историографии?

Нет ответа.

6. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии Гражданской войны в России?

Нет ответа.

7. Какие основные элементы включает в себя концепция истории Гражданской войны, принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

Нет ответа.

8. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* историографии Гражданской войны в России?

Нет ответа.

III. Вопросы методологии

9. Какими методологическими инструментами (моделями, теориями) Вы пользуетесь в своей работе при изучении истории революции и Гражданской войны в России? Как Вы оцениваете их полезность и адекватность?

Традиционно в качестве историософской основы своих работ я использую доработанные мною приёмы философии практики, для которой основой критерия истины является исторический опыт и его реализация в нашей повседневности. Кроме того, остаюсь стойким приверженцем принципа историзма как основы любого исторического исследования.

Основным полем брани за современное научное познание и методологию в настоящий момент для меня является межпредметность, системный подход, когда историк расширяет границы исторического познания за пределы учебника истории для 4 класса и видит всё движение исторического времени во всей его многомерности и сложности.

В современной РФ на словах межпредметные связи по-прежнему поддерживаются. Но на практике ведётся упорная, последовательная борьба по их искоренению. Структурные принципы различных классификаторов и кодификаторов науки и научного знания примитивизируют науку, исключают огромные пласты исторической практики из научного поиска. Межпредметные связи подрубаются под корень. То же делает узкая специализация научных журналов, диссертационных советов, грантов и т. д.

Примером является проблема революции. Если ты пишешь о революции 1917 года, то можешь рассчитывать на публикацию в историческом

журнале, получение гранта по исторической науке, защиту диссертации в историческом диссовете. Но если, не дай бог, тема твоих исследований цветные, оранжевые, цветочные и т. д. революции, то, с огромной долей вероятности, тебя перенаправят политологам. Но и там материалы могут не пройти, поскольку историческое исследование шире политологического и, например, редакции политологических журналов, просто не понимают сути проблемы, подходов, практического инструментария, которые использовались историком в написании статьи.

Та же переадресовка с соответствующими результатами с большой вероятности получается при изучении таких жизненно важных для современного исторического познания тем, как: глобализация, терроризм, геополитика, ТНК, НКО, ЧВК, локальные войны, гибридные войны, структура конституционного права и т. д.

Вместе с тем будущее науки вообще и исторической науки в частности именно в межпредметности. Ни один серьёзный грантодатель, такой как фонд Рокфеллеров и т. д., не выделит ни цента на исследования, в основе которых не заложен системный подход и межпредметность. Отсюда с неизбежность следует вывод, что искусственное дробление научного знания в РФ не случайно, а может расцениваться как элемент глубокой гибридной геополитической атаки на нашу страну с применением т. н. «организационного оружия». Цель подобных действий вполне себе очевидно – затормозить развитие российской науки, пустить его по ложному руслу, вернуть в XIX век, не дать отечественным учёным-историкам подключиться к работе по созданию и пропаганде национально образа будущего с опорой на исторический опыт нашей страны.

10. Какие дополнительные соображения Вы считаете необходимым высказать по проблемам методологии и историографии революции и гражданской войны в России?

Нет ответа.

В. В. Шелохаев (ИРИ РАН, Москва)

I. Историография революции

1. Какие основные элементы включала в себя концепция революционного 1917 г., доминировавшая в *советской* историографии?

Если попытаться «ухватить» суть этих концепций, то их можно свести к следующим основным пунктам.

Во-первых, обращу внимание на формальные количественные моменты. Неизмеримо высокий удельный вес разных видов исследований (документальных публикаций, коллективных и индивидуальных монографий, научных сборников, статей), свидетельствует о том, что преимущественное внимание исследователей было обращено на изучение «главного события XX века» – Великую Октябрьскую революцию 1917 года. При таком вполне объяснимом подходе Февральская революция оказывалась в «тени» Октября, историографический акцент автоматически переносился на Октябрь 1917 года. При этом также следует иметь в виду, что в свете утвердившихся в советской историографии ленинских оценок акцентировка делалась на качественно различных характеристиках Февральской и Октябрьской революций. Напомню, что уже применительно к оценке типа Первой российской революции 1905–1907 гг. между ленинскими и меньшевистскими оценками наметили принципиальные расхождения: если В. И. Ленин считал ее революцией типа 1789 г., то Г. В. Плеханов и многие другие меньшевистские теоретики считали ее революцией типа 1848 года. Такие принципиально различные теоретические и методологические подходы обуславливали и различные оценки «качества» Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Неслучайно в советской историографии преимущественное внимание было сосредоточено на трех исходных моментах: во-первых, на анализе предпосылок (объективных и субъективных) Великого Октября; во-вторых, на роли гегемонии российского пролетариата и, в-третьих, на характеристике руководящей роли большевистской партии. Едва ли нужно специально доказывать, что В. И. Ленин и его единомышленники, а вслед за ними и советские исследователи, пытались доказать сравнительно высокий материально-технический уровень предпосылок Великого Октября, причем акцент при этом делался на изучении государственно-монополистического капитала. Достаточно напомнить о широко известной в историографии «школе А. Л. Сидорова», в рамках которой работали многие крупные советские историки, специализирующиеся на исследовании именно объективных предпосылок Великого Октября. Их изучению были

посвящены многие индивидуальные и коллективные монографии, проведено множество разного уровня научных конференций и симпозиумов. Неслучайно некоторые ученики из «школы А. Л. Сидорова» (в частности, Гефтер, Волобуев и Тарновский) в новых условиях середины 50-х – начала 70-х годов обратились к изучению многоукладного характера российской экономики. В свою очередь, это привело их к корректировке своих представлений о ее более сложносоставной структуре, а главное – к более реалистическим представлениям об уровне развития российского социума и специфике конфигурации и взаимодействия общественных и политических сил на арене освободительного движения.

Во-вторых, в советской историографии (вплоть до начала 70-х годов) проводилась мысль о «непрерывной» и нарастающей роли гегемонии пролетариата, а также его «партийного ядра» – большевистской партии. Достаточно вспомнить «проработку», учиненную Отделом науки ЦК КПСС во главе с Трапезниковым в начале 70-х годов за сравнительно робкие попытки некоторых исследователей усомниться в тотальной непрерывности гегемонии пролетариата, а также выдвинуть предположения о союзе пролетариата со всем крестьянством в период между Февралем и Октябрем 1917 года.

В-третьих, следует учитывать тот непреложный факт, что в традициях становления и развития революционной мысли в России ее интеллектуальное меньшинство делало акцент на роли именно субъективного фактора, который и должен был сыграть компенсирующую роль при «недостатках» объективных предпосылок, включая и революционные преобразования постоктябрьского периода. В этом смысле В. И. Ленин продолжил эту традицию, считая, что при недостающей зрелости объективных предпосылок наличие мощного и целенаправленного субъективного фактора в лице большевистской партии может нивелировать эти «шероховатости» объективного порядка. Идея о возможности «скачка» из «царства необходимости» в «царство свободы», к сожалению, оказалась настолько живучей, что ее не удается преодолеть до сих пор.

В-четвертых, именно исходные ленинские положения, положенные в основу советской историографии, определяли ее основную проблематику и предопределяли окончательные выводы. При всех несомненных достижениях многих поколений советских исследователей в области изучения (по количественным показателям) Октябрьской революции – это (при смене идеологических парадигм в 1991 г.) обнажило многие «проблемные места» историографии данного периода. По сути, это вскрывало зияющие противоречия между подлинной наукой и идеологически мотивирован-

ными подходами к изучению исторического процесса и в широком и в узком смысле, включая, в том числе, и революции 1917 года.

2. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии революционного 1917 г.?

Сильные стороны – в выявлении и публикации массовых источников, в расширении исследовательского диапазона. Наметилась тенденция к сочетанию макро- и микро-исследовательских методов исследования. При этом микро-исследования (прежде всего на региональном уровне) определяли внесение определенного рода корректив и в исследования обобщающего характера.

Слабые стороны обусловлены априорно навязанными теоретико-методологическими подходами и идеологическими пристрастиями, что и вошло в противоречие с подлинно научными принципами. В целом это большая и, к сожалению, пока еще не преодоленная порочная традиция, уходящая своими корнями в историю генезиса и эволюции российской общественной мысли (кстати, не только революционной, но и консервативной, и либеральной).

3. Какие основные элементы включает в себя концепция революционного 1917 г., принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

Во-первых, постсоветская историография, провозгласившая себя некой антитезой советской историографии, так до сих пор и не смогла освободиться от многих «родимых пятен» последней. Она также связала себя «обручами» идеологической парадигмы, правда, иной, но все же не менее далекой от подлинной науки. «Раскрутка» исторического процесса в ином идеологическом порядке приводит к «движению по кругу», а не по восходящей научной спирали. Продолжает сохраняться та же неистребимая российская черта противостояния внутри интеллектуального меньшинства, различные представители которого продолжают навязывать друг другу свои «единственно верные» точки зрения.

Во-вторых, в последнее три десятилетия был значительно расширен горизонт публикации источников, исследовательской тематики. Однако это, к сожалению, не привело к выработке единства именно научных подходов к оценке событий 1917 года. Остается не преодоленным разрыв в осмыслении единства революционного процесса в 1917 году. В этом смысле «пространство» между Февралем и Октябрем продолжает нуждаться в глубоком самостоятельном исследовании. Именно в этом «пространстве» развертывалась драматическая «сшибка» между социальными, политическими и партийными силами, действующими на арене борьбы за

выбор дальнейших путей исторического развития России. В свое время П. В. Волобуев подготовил отдельную монографию, посвященную как раз проблеме путей выбора исторического развития. Думаю, что в этом направлении еще предстоит значительная исследовательская работа, как публикаторского, так и собственно монографического характера.

4. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* **историографии революционного 1917 г.?**

На мой взгляд, существенные приращения знания получены в области изучения Февральской революции 1917 года, наметились определенные сдвиги в осмысление единства революционного процесса, «переходные цепочки взаимосвязей» между Февралем и Октябрем 1917 года. Несомненным позитивным моментом является большее внимание к изучению совокупности объективных факторов («зрелости» или «недозрелости») различных типов революций, более рациональный исследовательский подход наметился и в оценках субъективных факторов (например, признания «равноправия» различных типов идеологий – консерватизма, либерализма, социализма; а также типов политических партий).

Однако в числе еще не достаточно исследованных и осмысленных проблем остаются такие вопросы, как тип социально-экономического, политического и культурного развития пореформенной России; сравнительный анализ типов идеологий (консерватизма, либерализма и социализма), особенностей периодов общественного движения, динамика расстановки общественно-политических сил на исторической арене. Самое же главное, на мой взгляд, – отсутствует осмысление особенностей российского типа исторического процесса в его целом.

II. Историография гражданской войны

5. Какие основные элементы включала в себя концепция истории Гражданской войны, доминировавшая в *советской* **историографии?**

Для историографии советского периода были характерны те же «симптомы «болезни» – примат внимания на:

1) историю формирования Красной армии, ее, как правило, успешные военные операции; на формирование кадров нового типа армейского руководства, прежде всего, выходцев из глубинных народных низов;
2) руководящую роль коммунистической партии в лице ее теоретиков и идеологов, а также выдающихся практиков, заявивших о себе в годы Гражданской войны;
3) разоблачение «реакционной» и «контрреволюционной» сущности Белого движения;

4) агрессивной роли международного империализма;
5) разоблачение «предательской сущности» консервативных, либеральных и социалистических партий (т. н. «третья сила»).

Разумеется, подобные подходы не исключали расхождений в оценках между представителями формирующейся (в большей степени) и уже сложившейся (в последующий период) советской школы исследователей. Однако подавляющее число исследователей (начиная с 30-х годов) неизменно руководствовались соответствующими ленинскими идеологическими установками и оценками. Советские историками (хотели они того или нет) вынуждены были не «выходить из берегов», априори заданными господствующей идеологией и предопределенными «правилами игры» в системе соответствующей политической системы. Отмечу, что даже лучшие исследования по истории Гражданской войны, подготовленные и изданные в 60–80-х годах XX века страдали (правда, в меньшей степени, чем исследования 30–50-х годов XX в.) теми же «симптомами».

6. В чем Вы видите сильные и слабые черты *советской* историографии Гражданской войны в России?

Могу сказать то же, что сказал в ответах на первые 5 вопросов. Так же расширялось поле исследований, вводились новые источники, появлялось гораздо больше деталей. Однако сама проблема изучалась все же однобоко, ибо вторая сторона Гражданской войны – Белое движение – продолжала оставаться в гораздо меньшей степени изученной. Гражданские войны, в которых по преимуществу участвуют соотечественники – это подлинная трагедия, особенно в многонациональных и многоконфессиональных странах, что, на мой взгляд, требует от исследователей особого подхода. К сожалению, в советский период исследователям, руководствующимся соответствующей идеологией и методологией, не удалось воссоздать реальной объективной картины Гражданской войны 1917–1922 годов именно как целостного явления, в котором переплетены разнонаправленные альтернативы, действуют разнонаправленные факторы.

7. Какие основные элементы включает в себя концепция истории Гражданской войны, принятая в качестве доминирующей в *постсоветской* историографии?

К сожалению, в постсоветский период имеет место иной «перекос» – уже в сторону детального изучения Белого движения, которое нередко представляется в том же сугубо идеологическом ракурсе, как это в свое время делалось в советской историографии, освещавшей историю другой стороны фронта Гражданской войны. Едва ли нужно специально доказывать бесперспективность подобного рода однобоких подходов.

8. В чем Вы видите сильные и слабые черты *постсоветской* историографии Гражданской войны в России?

Опять же речь идет о расширении исследовательского поля, более интенсивном вовлечение различных видов источников, большем внимании к проблемам «схватки» между теоретиками и идеологами политических партий. В постсоветской историографии более интенсивно стала изучаться история Гражданской войны применительно к отдельным регионам (особенно национальным); к различным формам массовых движений («атаманщина»), их идеологии и психологии. Большее внимание стало уделяться истории «маленького и рядового» участника не только на фронтах Гражданской войны, но и в тылу, где шла не менее сложная борьба за выживание в условиях голода, безработицы, тотального разрушения производства и коммуникаций. В реальной жизни (причем по ту и по другую сторону фронтов Гражданской войны) жили, трудились и выживали те же российские граждане, принадлежавшие к разным национальностям и конфессиям. Гражданская война в 1917–1922 годах должна быть осмыслена как подлинная катастрофа российского народа, которая никогда не должна повториться.

III. Вопросы методологии

9. Какими методологическими инструментами (моделями, теориями) Вы пользуетесь в своей работе при изучении истории революции и Гражданской войны в России? Как Вы оцениваете их полезность и адекватность?

Когда начинающий исследователь приступает к изучению той или иной темы или проблемы, то для него, как правило, характерно обращение к тем или иным теоретическим моделям. Причем это зачастую делается еще до момента ознакомлениям с источниками, которые при таком априорном подходе начинают восприниматься, а затем подгоняться в исследовании именно под заранее избранную методологическую схему. Это сугубо порочная практика. К такому выводу приходишь после многолетней научной практики. Мне представляется, что исследователь в первую очередь, избрав ту или иную тему, должен самым тщательным образом изучить максимально возможную совокупность источников, постараться их критически сопоставить и проанализировать, что, в конечном счете, и позволит ему составить собственный оценочный взгляд на изложение исторических событий. Иными словами, речь идет об исследовательском здравом смысле, позволяющем ему создать самостоятельную научную работу, т. е. стать творцом Иного, а не транслятором чьих-то априорных теоретико-методологических установок.

10. Какие дополнительные соображения Вы считаете необходимым высказать по проблемам методологии и историографии революции и гражданской войны в России?

Мой исследовательский опыт убеждает в том, что любые идеологии и методологии носят исключительно временный характер. Более того, они с логической неизбежностью приводят к искажению реально протекающего исторического процесса и объективно ведут к историографическому застою. Именно это подтверждает постоянная смена историографических парадигм, обусловленная меняющимися идеологиями, а следовательно, и методологиями. Едва ли нужно кого-либо убеждать в том, что за последние сто лет так и происходило. Смена политических систем, в основе которых лежали различные идеологические представления и вытекающие из них теоретико-методологические установки, всегда оказывала определяющее влияние на историографическую ситуацию. Получался некий замкнутый круг, а не поступательное развитие историографической мысли. Одна из целевых задач современной историографической мысли состоит в преодолении такого рода порочного круга, выход на инновационный тип современного исследования. Это, в свою очередь, будет способствовать формированию и воспитанию нового поколения россиян, способных критически осмыслить исторический опыт развития собственной страны и делать собственный выбор, основываясь исключительно на здравом смысле.

II. СТАТЬИ

В. И. Голдин

Красное партизанское движение на востоке России в орбите дискуссий

Изучение истории партизанского движения в Гражданской войне в России занимало особое и почетное место в советской историографии. Причем при его рассмотрении не требовалось пояснения, что это красное партизанское движение, ибо это считалось само самой разумеющимся. В постсоветский период ситуация кардинально изменилась. Нередко происходит смешение понятий «партизанское движение» и «повстанчество». Партизанское движение в одной из публикаций определяется как форма повстанчества, вооруженного сопротивления населения (в основном крестьян) на конкретной территории политике советской власти и белых правительств с использованием традиционных методов партизанской борьбы (скрытная дислокация отрядов в труднодоступной местности, их внезапные нападения и т. д.).

Ряд современных авторов считает вообще невозможным использовать термины «партизанское движение» и «партизанская борьба» для характеристики крестьянского повстанческого движения в Гражданской войне, утверждая, что они применимы только при характеристике форм борьбы населения против иностранных захватчиков[1]. Пояснение красное партизанское (краснопартизанское) движение необходимо еще и потому, что в годы Гражданской войны существовало и является сегодня предметом изучения белое партизанское (белопартизанское) движение.

Исследователи, в том числе современные, нередко относят партизанское движение ко второму по значимости военно-стратегическому фактору в разгроме колчаковщины, в восстановлении на территории Сибири советской власти и в победе большевизма здесь[2]. Действительно красное партизанское движение в Сибири и, добавим, на Дальнем Востоке играло важную роль в борьбе с белогвардейцами и интервентами.

Истории партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке посвящена обширная литература, сложившаяся главным образом в советский

---

[1] Кондрашин В. В. Партизанское движение // Россия в Гражданской войне: Энциклопедия: в 3 т. Т. 2. М., 2021. С. 688.

[2] Ларьков Н. С., Шишкин В. И. Партизанское движение в Сибири во время Гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 4. Новосибирск, 2012. С. 76–77.

период. В советской историографии история партизанского движения в России в целом, и особенно в Сибири, была одной из самых разрабатываемых тем, где существовало и разнообразие жанров творчества и публикаций – воспоминания, документальные издания, научно-популярные и научные статьи и монографии. Уже в 20–30-е годы и в дальнейшем публиковались многочисленные воспоминания, статьи и книги руководителей и видных участников партизанского движения в Сибири и в Приморье[3], а также сборники материалов и документов[4]. Позднее эта литература становится предметом историографического осмысления в ряде научных публикаций[5].

В советский период на тему подполья и партизанского движения активно защищались кандидатские, а нередко и докторские диссертации, выполненные на материалах всей страны или различных ее регионов[6]. Наряду с публикацией монографий обобщающего характера о партизанском движении в стране[7], теме партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке в советский период было посвящено много работ книжного формата[8]. В конце 50-х годов вышло в свет второе издание докумен-

---

[3] Яковенко В. Г. Записки партизана. М.; Л., 1925; Красноярск 1988; Ильюхов Н., Титов М. Партизанское движение в Приморье. 1918–1920 гг. Л., 1928; Щетинкин П. Е. Борьба с колчаковщиной. Очерки борьбы на Минусинском фронте. Новосибирск, 1929; Третьяк И. Я. Партизанское движение в Горном Алтае в 1919 году. Новосибирск, 1933; Барнаул, 1968 и др.

[4] Партизанское движение в Сибири. М., 1925; Повстанческое движение на Алтае. Новосибирск, 1935; Партизанское движение в Западной Сибири в 1918–1919 гг. Партизанская армия Мамонтова и Громова. Новосибирск, 1936 и др.

[5] Плотникова Е. М. Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 – первая половина 1930-х гг.). Томск, 1974. С. 218–245; Шишкин В. И. Большевики и партизанское движение в Сибири в освещении советской литературы 1920 – начала 1930-х годов // Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Новосибирск, 1987; С. 57–77; Он же. Дискуссионные проблемы истории партизанского движения в Сибири в советской историографии 1920-х – начала 1930-х годов // Социальная активность трудящихся советской сибирской деревни. Новосибирск, 1988. С. 6–29.

[6] См., например, докторские диссертации: Стишов М. И. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири годы гражданской войны, 1918–1920 гг. М., 1962; Почанин И. З. Партийное подполье в Белоруссии в борьбе за власть Советов в 1918 году. М., 1967; Плотников И. Ф. Большевистское подполье на Урале и в Сибири в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). Пермь, 1967; Павлов Я. С. Руководство РКП (б) подпольем и партизанским движением в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Киев, 1982 и др.

[7] Павлов Я. С. В. И. Ленин и партизанское движение. Минск, 1975; Он же. Народная война в тылу интервентов и белогвардейцев: (Руководство РКП (б) подпольной и партизанской борьбой в годы вооруженной иностранной интервенции и гражданской войны). Минск, 1983.

[8] Мирзоев В. Г. Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1919 гг.). Кемерово, 1957; Лифантьев А. Н. Очерки о шиткинских партизанах. Красноярск, 1957;

тов и материалов о партизанском движении в Западной Сибири[9]. К числу дискуссионных проблем в советский период историографии относились периодизация партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке в целом и в отдельных регионах этой обширной территории, его масштабы и количественные характеристики, роль большевиков и других политических партий и сил в развитии партизанского движения и др. При этом налицо было стремление большинства историков доказать руководство партии большевиков этим движением, что соответствовало и политико-идеологическим постулатам советской эпохи.

В энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» была помещена большая статья под названием «Партизанское движение» с отдельными подразделами, где характеризовалось его развитие на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, на Севере России, на Северном Кавказе[10]. В энциклопедии указывалось, что, по неполным данным, в партизанских отрядах Сибири насчитывалось 140–150 тыс. бойцов[11]. Новосибирский историк В. И. Шишкин утверждал в это же время в своей статье, что к концу 1919 – началу 1920 года только в крупных соединениях и отрядах Сибири было до 140–150 тыс. партизан[12]. Численность партизан на Дальнем Востоке традиционно оценивалась в 50 тыс. человек, и они продолжали борьбу до октября 1922 года.

В постсоветский период тематика партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке утратила актуальность, и результатом стало появле-

---

Скороходов В. П. Из истории партизанской борьбы в Восточной Сибири (отряды Н. А. Бурлова и Каландаришвили). Иркутск, 1957; Ужгин С. С., Фролов Н. С. Партизанское движение против Колчака. Алма-Ата, 1957; Жигалин Я. П. Партизанские отряды занимали города… . Барнаул, 1965; Дворянов Н. В., Дворянов В. Н. В тылу Колчака. 2-е изд., перер. и доп. М., 1966; Дубина И. Д. Партизанское движение в Восточной Сибири. 1918–1920. Иркутск, 1967; Кадейкин В. А. Сибирь непокоренная (Большевистское подполье и рабочее движение в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны). Кемерово, 1968; Агеев А. В. Амурские партизаны: Очерк по истории партизанского движения в Амурской области (1918–1922 гг.). Благовещенск, 1974; Нелюбин А. Е. Из истории партизанского движения в Прибайкалье. Улан-Удэ, 1974; Логвинов В. К. В борьбе с колчаковщиной. Очерки о красноярском большевистском подполье и партизанском движении в Енисейской губернии. 1918–1920 гг. Красноярск, 1980 и др.

[9] Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.). Документы и материалы. 2-е изд. Новосибирск, 1959.

[10] Гражданская война и военная интервенция в СССР. Издание второе. М., 1987. С. 429–440.

[11] Там же. С. 433.

[12] Шишкин В. И. Борьба большевиков за объединение сибирских партизан с Красной армией (декабрь 1919 – апрель 1920 г.) // Большевики во главе трудящихся масс Сибири в трех российских революциях. Новосибирск, 1986. С. 81.

ние лишь единичных публикаций, что было обусловлено политико-идеологической конъюнктурой антисоветского и антибольшевистстского характера. В советское время, как отметил несколько лет назад профессор В. И. Шишкин, сам активно писавший тогда на эту тему, работы по истории партизанского движения в Сибири выполнялись в героико-романтическом и апологетическом ключе[13]. В постсоветский период их направленность изменилась, приобретая не только критический, но в ряде случаев даже дискредитирующий красных партизан характер.

Вместе с тем, еще в начале XXI века в ряде монографий, со ссылкой на предшествующие исследования, утверждалось, что на заключительном этапе борьбы с колчаковским режимом поднялось около 140 тыс. человек в Сибири и до 50 тыс. на Дальнем Востоке[14].

Из обобщающих статей о партизанском движении в Сибири, подготовленных в постсоветский период известными сибирскими специалистами по этой тематике, докторами исторических наук, следует отметить, прежде всего, публикацию Н. С. Ларькова в «Исторической энциклопедии Сибири». Он выделял в партизанском движении два этапа. Первый охватывал период со второй половины 1918 по первую половину 1919 года и характеризовался, по мнению этого историка, возникновением многочисленных, преимущественно небольших, разрозненных, либо слабо связанных между собой партизанских отрядов, которым были присущи аморфность, несогласованность действий, слабая дисциплина, выборность комсостава, митингование по всем, даже маловажным вопросам. К середине 1919 года численность партизан Западной Сибири указанный исследователь оценивал в 10 тыс. человек.

Второй этап охватывал период со второй половины 1919 по начало 1920 года. Его особенностью была возросшая организованность и массовость партизанского движения, что воплощалось в создание партизанских республик, полков, дивизий, корпусов и фронтов. Вершиной военного строительства повстанческо-партизанских сил в колчаковском тылу, по утверждению Н. С. Ларькова, являлось создание в конце января 1920 года Восточно-Сибирской советской армии, сформированной по образцу Красной армии, и в значительной своей части, состоявшей из партизан. Он указывал, что общее количество сибирских партизан составляло около 140 тыс. человек (из 400 тыс. партизан Гражданской войны), которые от-

---

[13] Шишкин В. И. Власть и население партизанских регионов Сибири во время Гражданской войны // Гражданская война в России. Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922. Санкт-Петербург, 2020, С. 394–409.

[14] Голуб П. А. Мятеж, взорвавший Россию. М., 2003. С. 164–165; Он же. Белый террор в России (1918–1920 гг.). М., 2006. С. 417.

влекали на себя осенью 1919 года до 20 % колчаковских войск, а в районах, контролируемых ими, проживало в разное время до 1,8 млн человек или 25 % населения Сибири[15].

Впрочем, в 2012 году в совместной статье Н. С. Ларькова и В. И. Шишкина указывалось, что эти цифры, возможно, завышены[16]. В более поздней публикации Шишкина вновь указывалось на завышенность всех этих названных цифр и добавлялось, что последние неверны. Этот автор утверждал, что в 1918–1919 годах население Сибири составляло примерно 10,8 млн человек, т.е. в районах, находившихся под властью партизан, временно могла оказаться не четверть, а менее пятой части сибиряков[17].

В 2010-х годах был опубликован ряд работ книжного формата по Дальнему Востоку – краеведа А. Ю. Тарасова, а также В. Г. Хитрого, книга которого вышла в свет на следующий год после защиты им кандидатской диссертации[18].

Постепенно усиливался критический настрой в описании исследователями партизанского движения. Отмечалось, что оно было сложным феноменом и неоднородным явлением. Указывалось, что оно, состоявшее в основном из крестьян, развивалось под сильным и противоречивым воздействием элементов стихийности и сознательности. Особенности социальной психологии крестьянства обуславливали неустойчивый характер его революционности. Стихийный крестьянский анархизм содержал в себе элементы отрицания всякой власти вообще и нередко выливался в акты самосудов, бессмысленных разрушений, грабежей, а иногда и настоящих погромов[19].

---

[15] Ларьков Н. С. Партизанское движение // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 579–581.

[16] Ларьков Н. С., Шишкин В. И. Партизанское движение в Сибири во время Гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 4. Новосибирск, 2012. С. 76.

[17] Шишкин В. И. Власть и население партизанских регионов Сибири во время Гражданской войны // Гражданская война в России. Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922. Санкт-Петербург, 2020, С. 394.

[18] Тарасов А. Ю. Партизанское движение в Амурской области: проблемные вопросы, гипотезы, выводы. Благовещенск, 2013; Он же. Партизанское движение и подполье на территории Хабаровского края в период колчаковщины: проблемные вопросы, факты, решения. Благовещенск, 2013; Он же. Антиколчаковское партизанское движение в Приморье (1919–1920). Проблемные вопросы, гипотезы, решения, выводы. Хитрый В. Г. Партизанское движение в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке России (1918–1920): Современный взгляд. Автореф. дис. … канд. ист. н. Владивосток, 2015; Он же. Партизанская борьба на Дальнем Востоке. Хабаровск, 2016.

[19] Ларьков Н. С. Партизанское движение // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 579–581.

Если в советское время апофеоз партизанского движения в конце 1919 – начале 1920 года, когда партизаны занимали города, описывался с пиететом и восхищением, воплощаясь даже в названия книг[20], то в постсоветский период стало указываться, что вступление партизан в города было не только их победой над колчаковским режимом, но неприязнь и ненависть крестьян к городам несли беду последним, выливаясь в войну деревни и города. Поэтому приход Красной армии в города, ставшие добычей повстанцев, нередко был для них спасением.

Таким образом, историки ушли от прежней идеализации партизанского движения. В упомянутой совместной публикации его ведущих сибирских исследователей Н. С. Ларькова и В. И. Шишкина отмечалась сложность и противоречивость этого недостаточно изученного социально-политического явления, некоторые вопросы которого вызывают дискуссию. Указывалось, что требуют уточнения численность партизан, их потери, социально-психологическая характеристика, внутренние противоречия, степень влияния на народные массы различных политических партий и групп, масштабы партизанского террора и др.[21]

В. И. Шишкин в последней из своих статей, посвященных партизанскому движению, охарактеризовал две партизанские республики – Степно-Баджейскую и Тасеевскую (Северо-Канскую), о которых и раньше писал целый ряд авторов. При этом он указывал, что феномен партизанского движения в Сибири остается недостаточно изученным и слабо понятым, нуждается в продолжении его исследования на более широкой источниковой базе, с применением новых научных подходов и методов с целью дать максимально полный и объективный портрет этого явления[22].

К изучению Гражданской войны и различных аспектов и проблем партизанского движения на востоке страны, его переосмыслению и роли в войне в этом регионе обращались в постсоветский период и другие историки, весьма по-разному расставлявшие акценты в своих работах, прежде всего в монографиях, или даже принципиально различавшиеся в оценках[23].

---

[20] Жигалин Я. П. Партизанские отряды занимали города… . Барнаул, 1965.

[21] Ларьков Н. С., Шишкин В. И. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. Выпуск 4. Новосибирск, 2013. С. 81.

[22] Шишкин В. И. Власть и население партизанских регионов Сибири во время Гражданской войны // Гражданская война в России. Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922. СПб., 2020, С. 395.

[23] Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003; Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005; Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: Победители и побежденные. Абакан, 2006; Мармышев А. В., Елисеенко А. Г.

В 2015 году во Владивостоке была защищена уже упомянутая кандидатская диссертация В. Г. Хитрого по истории партизанского движения на Дальнем Востоке, ограниченная почему-то только периодом 1918–1920 годов[24], а на следующий год этот автор поспешил издать книгу о партизанской борьбе на Дальнем Востоке[25]. Подводя общие итоги партизанского движения в этом регионе в рассматриваемый период, этот исследователь отметил, что оно прошло все стадии развития, характерные для партизанской войны в гражданских войнах. Перечисляя их, В. Г. Хитрый указал неудачные попытки организации партизанских отрядов войскового типа, стихийность зарождения, последующее разрастание сопротивления населения, вылившееся в широкую повстанческую крестьянскую войну, дальнейший переход к непосредственно партизанской тактике. Он добавлял, что этому процессу были присущи все характерные черты такого сложного процесса, как партизанская борьба: самостоятельность партизанских командиров, «батьковщина» и «партизанщина», превращавшая отдельные партизанские отряды в бандитские.

В. Г. Хитрый отметил, что в ходе становления партизанского движения все политические партии левого толка, выступавшие против контрреволюции, не смогли наладить действенного управления зарождающимся партизанским движением. Автор пришел к выводу, что вопреки устоявшемуся мнению и установкам советских историков роль РКП(б) в руководстве партизанским движением на Дальнем Востоке не была абсолютной. Заметим, что применение термина «установка» в данном случае непонятно, а указанное мнение было действительно господствующим в советское время, хотя, добавим, и не разделялось всеми авторами, писавшими на эту тему. В. Г. Хитрый указал, что в рядах партизан были широко представлены и иные политические партии, особенно леворадикальные: левые эсеры, анархисты, максималисты[26]. Об этом пишут сегодня и другие исследователи.

Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008; Курышев И. В., Гривенная Л. А. Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства Западной Сибири и Северного Казахстана в годы гражданской войны (1918–1921). Ишим, 2010; Кокоулин В. Г. Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.). Новосибирск, 2017; Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны / Сост. И. В. Курышев. Ишим, 2018 и др.

[24] Хитрый В. Г. Партизанское движение в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1920): современный взгляд. Автореф. … дис. канд. ист. н. Владивосток, 2015.

[25] Хитрый В. Г. Партизанская борьба на Дальнем Востоке. Хабаровск, 2016.

[26] Хитрый В. Г. Партизанское движение в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1920): современный взгляд. Автореф. … дис. канд. ист. н. Владивосток, 2015. С. 24–25.

Указанный историк охарактеризовал особенности тактики дальневосточных партизан, сильные и слабые стороны их действий, а также указал на провал противопартизанских действий белогвардейцев и интервентов и причины этого. Характеризуя командиров партизанских отрядов, В. Г. Хитрый отметил, что сама среда выдвигала на должности лидеров яркие неординарные личности, что являлось непременным фактором всех партизанских движений. При переходе к более управляемым формам партизанской борьбы, добавил он, попытки устранить «сверху» того или иного партизанского вожака наталкивались на мощное сопротивление партизанских масс[27].

Предметом продолжающихся и сегодня давних дискуссий, где исследователи высказывают полярные суждения, является оценка деятельности и драматических судеб отдельных партизанских командиров, например, Г. Ф. Рогова[28] и Я. И. Тряпицына[29].

---

[27] Хитрый В. Г. Партизанское движение в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1920): современный взгляд. Автореф. … дис. канд. ист. н. Владивосток, 2015. С. 25.

[28] Шишкин В. И. Еще раз о Рогове и «роговщине» // Октябрь и гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение. Томск, 1985. С. 102–126; Шуклецов В. Т. Причерненские партизаны. Кто они – герои или бандиты? (Историография и источники) // Проблемы историографии партийных организаций Сибири. Томск, 1989. С. 53–59; Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX века: антигосударственный бунт и негосударственная организация трудящихся – теория и практика. Ч. 2 (1918–1925). Омск, 1996. С. 63–64; Он же. О некоторых тенденциях и явлениях в исследовании Гражданской войны на территории Сибири в постсоветский период историографии // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. Омск, 2019. С. 318–324; Рогов Г. Ф. (Кузнецк, декабрь 1919). Аннотированный список литературы. Новокузнецк, 2010; Федоров А. Ю. Революционная эпопея анархистов Григория Рогова и Ивана Новоселова // Прямухинские чтения 2017. М., 2018. С. 338–353; Тепляков А. Г. Сибирские партизаны Г. В. Рогова в современной историографии: между мифом и исторической критикой // Historical Courier. 2021. No. 6 (20). С. 193–203; Рублев Д. И. Рогов Григорий Федорович // Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: в 3 т. Т. 2. М., 2021. С. 61–62; Он же. Роговщина // Там же. Т. 3. М., 2021. С. 62–63 и др.

[29] Птицын С. А. Николаевск в 20-м. Воспоминания партизана. Хабаровск, 1934, 2013; Лёвкин Г. Г. Было, но быльем не поросло… Хабаровск, 2006; Смоляк В. Г. Междоусобица. По следам нижнеамурской трагедии. Хабаровск, 2008; Тепляков А. Г. Суд над террором: партизан Яков Тряпицын и его подручные в материалах судебного заседания // «Атаманщина» и «Партизанщина» в гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. М., 2015; Жекотов Ю. В. Те печальные амурские дни. Историческое исследование. Николаевск-на-Амуре, 2017; Кривенький В. В., Малафеева Е. Г., Фуфыгин А. Н. Яков Тряпицын без легенд: новые данные о судьбе партизанского командира // Acta Eruditorum. 2018. Вып. 26. С. 126–129; Рублев Д. И. Тряпицын Яков Иванович // Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: в 3 т. Т. 2. М., 2021. С. 453–454; Трагедия Николаевска-на-Амуре 1920 г.: гибель «русской Помпеи» / Сост. и ред. Ф. А. Попов. М., 2022 и др.

В 2023 году вышла в свет объемная (840 стр.) монография кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института истории Сибирского отделения РАН А. Г. Теплякова под названием «Красные партизаны на востоке России. 1918–1922»[30]. Подзаголовок этой книги: «Девиации, анархия и террор» и ее аннотация, где феномен партизанщины определяется как погромное движение, убеждает в том, что автор решил сосредоточиться на деструктивных элементах этого сложного социально-политического явления.

Знакомство с оглавлением книги А. Г. Теплякова подтверждает это. Наименования четырех частей книги звучат так: 1. «Истоки анархического бунта»; 2. «От советского криминала к партизанскому»; 3. «Сумма девиаций и классовый террор»; 4. «Власть партизанская». Для более глубокого понимания намерений автора и содержания книги приведем наименования некоторых глав: «Традиция бунтов и самосудов»; «Запрограммированное насилие»; «Криминальные лидеры во главе партизанской стихии»; «Разбой как способ существования»; «Дезинформация, провокации и террор как способы мобилизации и подавления»; «Повстанцы и алкоголь»; «Сексуальное насилие»; «Террор и вандализм» и т. д. Вот в таком виде предстают красные партизаны перед читателями.

Определяясь с методологией и, в частности, с понятийно-терминологическим аппаратом своей монографии, А. Г. Тепляков указал, что так как «партизанское движение» – нейтральный термин, то он использует в своей книге понятие «партизанщина», которое, как и «атаманщина», несет негативную окраску, подразумевая, прежде всего, разрушительный анархизм данного явления[31].

В понимании сущности партизанщины автор книги следует за Э. Хобсбаумом, который оценивает это как «социальный бандитизм, ставший типичной реакцией сельской массы на капитализм в эпоху, которая заканчивается к середине XX века уходом от традиционного общества»[32]. Заметим в связи с этим, что в советской историографии повстанческое движение (главным образом крестьянское) в годы Гражданской войны расценивалось и характеризовалось именно как бандитизм или политический бандитизм. Но в постсоветский период исследователи ушли от такого толкования, оперируя более академическими терминами и стремясь

---

[30] Тепляков А. Г. Красные партизаны на востоке России. 1918–1922: девиации, анархия и террор. М., 2023.
[31] Там же. С. 69.
[32] Хобсбаум Э. Бандиты. М., 2020. С. 11; Тепляков А. Г. Красные партизаны на востоке России. 1918–1922: девиации, анархия и террор. М., 2023. С. 9.

рассматривать это явление – а партизанское движение было его органичной частью – с объективных научных позиций.

Приведем некоторые содержательные и оценочные пассажи из книги А. Г. Теплякова. Краснопартизанское движение для него, будучи частью крестьянской квазивойны 1917–1922 годов, – это «растянувшаяся на годы полоса массовых убийств, насилия, грабежей, погромов, вандализма», которая «значительно способствовала моральному упадку, алкоголизации и криминализации больших масс населения, демонстрировавших весь спектр вариантов девиантного поведения … Это убийства, истязания, грабежи, погромы, изнасилования, расправы над пленными, уничтожение материальных и духовных ценностей, вандализм, надругательство над трупами, глумление над чувствами верующих и пр.»[33].

«В действиях партизанщины, атаковавшей белую государственность, можно видеть системные и крайние проявления советчины вообще: стремительный вооруженный прорыв во власть, реквизиции, конфискации и грабежи как способ существования, свирепые бессудные расправы, неразборчивая месть и социальные чистки, – утверждает А. Г. Тепляков. – Значительная часть партизанских лидеров были криминальными личностями, остальные же потворствовали насилию над всеми, кого считали врагами»[34].

Характеризуя ситуацию в регионе, автор книги пишет: «Анархические партизанские шайки и крупные отряды контролировали в 1919 – начале 1920-х годов огромные территории Сибири и Дальнего Востока. Это было время полевых командиров, опьяненных чувством превосходства вооруженного человека над безоружным. Революционное неистовство маргинализированной толпы сочеталось с разжиганием в ней классовой ненависти усилиями эсеро-большевистских и анархических элементов»[35].

Что касается количественных характеристик партизанского движения, то, по мнению А. Г. Теплякова, численность партизан в Сибири накануне краха колчаковской власти составляла не 140–150 тыс., но, вероятно, не более 70–80 тыс. человек[36]. В отношении количества партизан Дальнего Востока на конец января 1920 года Тепляков солидаризуется с мнением благовещенского краеведа Ю. А. Тарасова, который писал, что она была втрое меньше традиционно приводимой численности в 50 тыс. человек – не более 17 тыс., из которых более четверти являлись бывшими колчаковскими солдатами и казаками, перешедшими на сторону партизан недавно, в декабре 1919-го и в

[33] Тепляков А. Г. Красные партизаны на востоке России. 1918–1922... С. 816.
[34] Там же.
[35] Там же.
[36] Там же. С. 20.

январе 1920 года[37]. Наконец, количество партизан в России, по утверждению Теплякова, следует сократить с традиционных 400 тыс. до 200–250 тыс.[38] При этом никаких аргументов в пользу такого суждения и ссылок на источники автор книги не приводит, хотя к настоящему времени сложилась обширная историография этой темы – в частности, современное осмысление с характеристикой его масштабов нашло, например, повстанческое движение на Украине, направленное против интервентов и белогвардейцев.

Завершая книгу, А. Г. Тепляков признается в главной задаче ее написания – окончательно отправить в прошлое «созданный пропагандой столетней давности легендарно-героический образ красных партизан», который, по его утверждению, уже взят под сомнение многими историками. Более того, он стремится опровергнуть «советскую версию российской истории», которая, по мнению автора книги, «до сих пор прочно сидит в головах огромной части россиян, включая правящую элиту[39].

Таким образом, охарактеризованная монография – это, по сути, антиистория партизанского движения или ее новая антисоветская мифология, призванная заменить так называемую советскую мифологию. Книга пропитана не просто неприязнью, но ненавистью автора к красным партизанам, объекту своего исследования. В результате А. Г. Тепляковым оказались забыты ключевые принципы научного исследования: объективность, научность, целостность, системность, комплексность. Поэтому эту книгу нельзя оценивать по меркам науки, ибо во главу угла в ней поставлен политико-идеологический мотив. А. Г. Теплякова выводит из себя, что не только современные жители Сибири и Дальнего Востока сохранили добрую память о своих земляках, лидерах партизанского движения, устанавливая им сегодня памятники и мемориальные доски, но и, как он разочарованно пишет, «Россия сохраняет и реконструирует памятники Щетинкину, Лазо, Каландаришвили и множеству прочих повстанческих главарей»[40].

Заметим, что А. Г. Тепляков обильно цитирует московского историка В. П. Булдакова, который с его психопатологией российской смуты XX века выступает для него в качестве авторитета и образца для подражания. Вместе с тем, тот в авторском введении к своей «Красной смуте», вышедшей в свет в 1997 году, уже в первом абзаце указывал, что книга посвящена, по преимуществу, только одному аспекту Октябрьской революции – насилию. «В этом смысле, – добавлял Булдаков, – она является

---

[37] Тарасов Ю. А. Антиколчаковское партизанское движение в Приморье (1919–1920 гг.): проблемные вопросы, гипотезы, решения, выводы. Саарбрюкен, 2012. С. 262; Тепляков А. Г. Красные партизаны на востоке России. 1918–1922... С. 20.
[38] Тепляков А. Г. Красные партизаны на востоке России. 1918–1922... С. 20.
[39] Там же. С. 821.
[40] Там же.

заведомо и намеренно односторонней»[41]. Подобный вступительный абзац был бы полезен и для книги А. Г. Теплякова.

Завершая характеристику указанной книги, следует добавить, что стремясь дискредитировать красных партизан, ее автор старается всячески обелить и идеализировать их противников, приуменьшить масштабы белого террора. Заметим, что делает он это уже не в первый раз[42], хотя и без особых успехов и не находя желаемого отклика и поддержки в научном сообществе.

Кардинально отличается от оценок и выводов А. Г. Теплякова в отношении красных партизан, фактически дискредитирующих их, большая статья доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН Л. И. Галлямовой, посвященная роли партизанского движения и опубликованная в Трудах этого института в 2023 году. История Гражданской войны на российском Дальнем Востоке, подчеркнула она, неразрывно связана с историей партизанского движения, в котором участвовала значительная часть политически активного дальневосточного населения. Хотя повстанческое движение зародилось как стихийное и было направлено против произвола и террора интервентов и белогвардейцев, на сторону партизан впоследствии переходило всё больше крестьян-середняков, довольно зажиточных крестьян, рабочих, интеллигенции и даже офицеров колчаковской армии, указывает автор статьи. Всех их объединяли патриотические чувства к своей Родине, подчеркивает Л. И. Галлямова. «Партизанское движение на российском Дальнем Востоке началось как борьба за восстановление власти Советов, но стало развиваться всё более массово и широко, превращаясь в своей основе в войну против иноземных захватчиков, приобретая характер отечественной освободительной войны»[43], – таков итоговый вывод этой статьи авторитетного дальневосточного ученого.

Таким образом, дискуссия по проблемам партизанского движения на востоке России продолжается, и было бы своевременным и значимым появление новых фундаментальных исследований, объективно и всесторонне раскрывающих эту сложную и важную тему на материалах, как этого обширного региона страны, так и России в целом.

---

[41] Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 5.

[42] Тепляков А. Г. Белый террор в современной историографии: традиционная мифология против попыток переосмысления // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности. Новосибирск, 2022. С. 58–74.

[43] Галлямова Л. И. Фактор партизанского движения в борьбе с иностранной интервенцией на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны в России // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2023. Т. 41. С. 85–100.

В. В. Калашников

Новейшая историография Русской революции

Общие замечания

Данная статья написана на основе ряда последних работ автора, включая некоторые главы монографии «Русская революция: ключевые решения. История и историография»[1]. Она примыкает к статье «О некоторых трактовках истории Гражданской войны в новейшей историографии», опубликованной в сборнике материалов Санкт-Петербургской конференции 2022 года[2]. Обе статьи написаны для того, чтобы создать повод для открытого обсуждения в историческом сообществе подготовленных макетов XI и XII томов 20-ти томной «Истории России», рассчитанной на то, чтобы долгое время формировать историческое сознание нашего народа. Такое обсуждение позволит избежать опасных промахов, которые способны усилить раскол не только среди историков, но и в обществе. Подобный раскол негативно скажется на ситуации в стране, которая в настоящее время ведет борьбу против агрессивных сил мирового империализма. Эта борьба по-особому освещает советскую эпоху, поскольку сегодня как никогда очевидно, что постсоветская Россия может вести такую борьбу только потому, что опирается на научный, экономический и оборонный потенциал, созданный в советский период, а итоговая победа возможна только при опоре на советский опыт. В таких условиях прежнее предвзятое и даже враждебное отношение к истории советского периода недопустимо.

Выражая свою точку зрения, автор не претендует на знание истины в последней инстанции и готов принять все аргументированные возражения.

Три направления. Основные черты постсоветской историографии Русской революции 1917 г. сложились в так называемую «эпоху Ельцина» – эпоху реставрации капитализма в России в его наиболее антигуманных формах. В сфере идеологии характерными чертами эпохи стали агрессивный антикоммунизм и антисоветизм в сочетании с апологией режима Ельцина, который подавался как торжество демократии. Своего рода символом этой эпохи тотального искажения исторической правды стал знаменитый «Ельцин центр», построенный в Екатеринбурге. Понятно, что в

---

[1] Калашников В.В. Русская революция: ключевые решения. История и историография. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ. 2021.

[2] Калашников В. В. О некоторых трактовках истории Гражданской войны в новейшей историографии // Россия в эпоху революций и реформ. К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2022. С. 134–169.

таких условиях отечественным историкам при трактовке столь острых сюжетов как Русская революция было трудно оставаться на чисто научных позициях. Очень немногие историки открыто защищали свои взгляды, выраженные в работах советского периода, хотя мало кто отказывался от них напрямую. Преобладала тактика умолчания, ухода от выражения мировоззренческой позиции, от прямых ответов на ключевые вопросы, от острых тем. Однако было немало и тех, кто активно участвовал в создании антисоветской историографии Русской революции. Эта историография разбивается на научную и псевдонаучную. Последняя останется за пределами анализа. Статья посвящена анализу позиций авторитетных историков, обладающих высоким научным статусом, работающих в авторитетных научных учреждениях. Особое внимание уделено работам, вышедшим под грифом Института российской истории РАН, которые служат ориентирами для многих исследователей.

Своего рода официозом в постсоветской историографии стали ***праволиберальные*** концепции революции, созданные зарубежными историками. Идейную суть этих концепций четко выразил известный антисоветчик Р. Пайпс, работы которого в 1990-е гг. переводились и печатались массовыми тиражами на деньги Дж. Сороса и прочих «друзей» новой России, рекомендовались к изучению в вузах, несмотря на явную ущербность его позиции. Пайпс отрицал важность социальных и экономических причин Русской революции и объяснял ее с акцентом на политические и культурные проблемы: «…падение царизма было обусловлено культурными и политическими проблемами. … Экономические и социальные трудности *не вносили существенного вклада* в революционную угрозу, нависшую над Россией уже до 1917 г.»[3]. Причины Октября трактовались в таком же ключе с акцентом на «верхушечный» характер переворота. В отечественной историографии эти идеи активно разрабатывал петербургский историк Б. Н. Миронов.

Одновременно, уже в 1990-е годы, возродилась **православно-монархическая** историография революции 1917 года. В чистом виде она осталась маргинальным направлением. Из крупных историков к нему открыто примыкал только А. Н. Боханов, который идеализировал деятельность последнего монарха и объяснял Русскую революцию «утратой православного самосознания и церковности значительной частью дворянства и интеллигенции, потерей национальной идентичности, сформированной на основе христианских норм и традиций, отказ от Православия –

[3] Pipes R. A Concise History of the Russian Revolution. N.Y.: Alfred Knopf, 1995. P. 389. Все выделения в тексте за исключением особо оговоренных сделаны автором статьи.

вот подлинная причина революции»[4]. При этом автор не ставил и не отвечал на вопрос о том, почему на защиту православия и прежнего строя не встал русский народ. Речь идет не только о пролетариате. Как известно, основной социальной силой всех русских революций являлось крестьянство, и именно позиция крестьян определила их итоги. Взгляды Боханова не раз подвергались критике. Сошлюсь на мнение известного петербургского историка В. И. Старцева, высказанное в отношении разделов учебника «История России. XX век» (М., 1996): «Бохановская … “проза” вызывает не только возражения с точки зрения ее содержания, но и прямо-таки неприятное чувство». Неприятное чувство вызывала фальсификация истории всех трех русских революций. В частности, Старцев так отзывался о трактовке Бохановым событий 9 января 1905 г., которая оправдывает действия царя: «Все описание этого дня в книге – откровенное издевательство над памятью сотен людей, убитых царской властью»[5].

Отметим, что историки-монархисты ведут активную пропаганду своих взглядов, нападая на тех, кто их не разделяет. Об этом говорит уже само название конференции, которая проходила в Петровском зале гостиницы «Националь» 15–16 октября 2010 г.: «Научный православный взгляд на ложные исторические учения». Заявленная цель: «утверждение исторической правды и опровержение псевдонаучных трактовок»[6]. Псевдонаучными были признаны советская и леволиберальная историография. На деле несостоятельными являются все основные позиции сторонников православно-монархической историографии, и по этой причине она также будет практически исключена из историографического анализа. Впрочем, в упомянутой книге «Русская революция: ключевые решения» такой анализ сделан в отношении ряда наиболее важных работ, написанных монархистами.

В нулевые годы в отечественной историографии стало формироваться третье направление, которое с большой долей условности можно назвать ***«имперским»***. Основной причиной его рождения стал очевидный провал так называемых «либеральных» реформ 1990-х гг., что сделало либерализм непопулярной доктриной в российском обществе. Однако православно-монархическое направление не смогло использовать эту ситуацию и преодолеть свою маргинальность. «Имперская» историография имеет более светский характер, но также идеализирует историю Императорской

[4] См. написанный Бохановым в ноябре 2013 г. призыв закрепить в Конституции РФ особую роль православия: https://боханов.рус/2023/10/20/о-русской-идеи/. Дата обращения 10.12.2023 г.

[5] Вопросы истории. 1997. № 11. С. 163, 164.

[6] См.: Научный православный взгляд на ложные исторические учения» // https://ruskline.ru/news_rl/2010/10/19/nauchnyj_pravoslavnyj_vzglyad_na_lozhnye_istoricheskie_ucheniya/. Дата обращения 10.12.2023 г.

России и в модернизированной форме возрождает уваровскую триаду «православие, самодержавие, народность». Весьма ярко новые тенденции проявились в 2014 году – столетнюю годовщину начала первой мировой войны, когда группа историков пыталась представить ее как Вторую отечественную и справедливую со стороны царской России. На этом фоне осуждались действия либеральной и социалистической оппозиции как пораженческие и предательские. Сошлемся на доклад, сделанный на научной конференции «Россия и Первая мировая война: история и память» Е. Ю. Сергеевым, президентом Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Говоря о трех отличительных особенностях этой войны, докладчик в качестве третьей называл ее особый характер со стороны России: «для нее *война с самого начала* явилась Второй Отечественной, о чем впоследствии *стыдливо умалчивала* официальная советская историография, но что всегда подчеркивали русские историки-эмигранты»[7]. Вопрос о том, как такая оценка соотносится с военными целями царской России, Сергеевым не ставился. Он «стыдливо умолчал» об этих целях. Напомним о них. Осенью 1914 г. Николай II просил передать президенту Франции Р. Пуанкаре, что желает присоединения к Российской империи Восточной Пруссии, Познани, Польской Силезии, Галиции и Буковины[8]. Весной 1915 г. царь потребовал и в целом получил от союзников неохотное и условное согласие на передачу России черноморских проливов. Требования царя, переданные в Париж и Лондон в виде Памятной записки министра иностранных дел России С. Д. Сазонова, гласили: «вопрос о Константинополе и Проливах должен быть решён окончательно, согласно вековым чаяниям России»[9]. Царь хотел получить все европейское побережье зоны проливов от Черного моря до Эгейского, а потом и часть азиатского побережья. Захват проливов не исчерпывал претензий царя. В мае 1916 г. страны Антанты вели переговоры о разделе Турции. «Если нашей армии удастся дойти до Синопа, – гласила резолюция Николая II, – то там и должна будет пройти наша граница»[10]. Граница по Синопу – это претензия на восточную половину Турции.

---

[7] Сергеев Е. Ю. Новые подходы к исследованию Первой мировой войны // Великая война: сто лет. СПб. Нестор-История. 2014. С. 16.

[8] Отметим, что историки-монархисты не отрицают наличия у царя таких целей, но не оценивает их как империалистические, полагая, что вся внешняя политика Николая II доказывает его «христианское миролюбие». См., например, Мультатули П. В. Внешняя политика императора Николая II. М.: ФИВ, 2012. С. 739.

[9] Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг.: Серия 3. 1914–1917 гг. Том 7. Ч. 1. С. 393.

[10] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Госполитиздат, 1952. С. 452–453.

Е. Ю. Сергеев и его сторонники «забыли» о том, что три самых значительных премьера предвоенной России (С. Ю. Витте, П. А. Столыпин и В. Н. Коковцов) проводили политику уклонения от войны с Германией и Австро-Венгрией. Напомним точный вывод П. А. Столыпина: «Россия выстоит и одержит победу только в *народной* войне»[11]. Борьба за захват проливов и значительной части территории мусульманской Турции не могла стать «народной» войной. Она не могла не ослабить империю даже в случае победы. Турки не могли быть лояльными подданными. Ввязавшись в ненужную войну, Николай II закрыл перед Россией возможность мирной модернизации, открыл дорогу радикальной революции. Именно от этого его предостерегал в своей записке один из умнейших монархистов П. Н. Дурново, узнав об отставке премьера Коковцова, выступившего в январе 1914 г. против установки царя, гласившей, что «Путь к Константинополю идет через Берлин»[12]. Однако воля царя доминировала в процессе принятия решений, многие из которых оказались преступными.

Впрочем, многие историки не называют Первую мировую войну Второй отечественной для России, но отказываются признавать ее империалистический характер. Именно эта позиция доминирует в коллективной монографии *«Россия в годы первой мировой войны»,* которая вышла в 2014 г. под эгидой ИРИ РАН. «Политкорректность» авторов монографии проявилась в замене термина «империалистическая политика» в отношении политики царской России на термин «имперская политика». При этом историк Д. Б. Павлов квалифицированно проанализировал действия царского правительства на мировой арене накануне войны и фактически раскрыл империалистический смысл этих действий[13]. Тем не менее, Павлов считает, что царь не был готов использовать сараевское убийство для начала борьбы за проливы и стремился к миру[14]. Такая трактовка снимала с царя ответственность за развязывание войны. Отказ от признания империалистического характера войны со стороны России закрывает путь к объективному осмыслению истории Русской революции.

Концептуальные тренды. Как уже говорилось ранее, наиболее авторитетным научным центром по изучению истории Русской революции является ИРИ РАН, сотрудники которого в год столетия Русской революции представили двухтомное исследование «Российская революция

---

[11] Столыпин П. А. Переписка. М.: РОССПЭН, 2004. С. 425–426.
[12] Delcasse to MAE 29. I. 1914. AMAE, C. P. Russie N.S. 42. Цит. по: Luntinen P. French Information on the Russian War Plans. Helsinki: SHS, 1984. P. 202.
[13] Россия в годы первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М.: Полит. энциклопедия. 2014. С. 44–45.
[14] Там же. С. 88, 89–90.

1917 года: власть, общество, культура», заявленное как *коллективная монография*. Двухтомник содержит целый ряд глав и параграфов, написанных на высоком научном уровне с привлечением большого числа новых источников. Вводные разделы и заключение двухтомника отражают своего рода официозную трактовку истории Русской революции, которая с высокой долей вероятности будет отражена и в томах двадцатитомной «Истории России». Именно поэтому анализ ключевых позиций авторов юбилейного двухтомника и станет для нас приоритетной задачей. В наиболее общем виде эти позиции сформулированы в обращении «К читателю», подписанном ответственным редактором Ю. А. Петровым, признанным авторитетом в области экономической истории России начала XX века, но выступающим в данном случае в роли директора ИРИ РАН, который доводит до широкой общественности позицию, выработанную сотрудниками института.

В обращении автор говорит о «потребности современного российского общества после длительного периода идеологического, политического и историографического *мифотворчества* революции перейти к объективному осмыслению ее как исторически закономерного звена непрерывного исторического развития России»[15]. Из контекста следует, что критика направлена и в адрес советских историков Русской революции, которых автор упрекает в «восхваляющем мифотворчестве».

Что можно сказать по поводу такой критики? На наш взгляд, процитированные выше строки отразили типичную черту постсоветской историографии: предвзятое отношение к советской историографии. В чем состоит предвзятость в данном конкретном случае? Нельзя отрицать тот очевидный факт, что именно советские историки рассматривали Февральскую и Октябрьскую революции как закономерные звенья истории России, а в постсоветский период основные усилия критиков были направлены как раз на то, чтобы отрицать эту закономерность, особенно в отношении Октября. Иными словами, «длительный период мифотворчества» в этом вопросе надо было ограничить постсоветской историографией, исключив из него советскую. Отметим и то, что в упомянутом двухтомнике нет признания Февральской и Октябрьской революций *закономерными* и исторически *необходимыми* явлениями в истории России. Получается, что двухтомник не содержит того «*объективного осмысления*» революции, к которому призывал Ю. А. Петров.

---

[15] Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2017. С. 8.

Отметим, что в том же юбилейном 2017 г. при активном участии ИРИ РАН вышла энциклопедия «Россия в 1917 году», которая также содержат много прекрасных статей по частным вопросам, написанных на высоком уровне. Однако и она показывает нежелание руководителей проекта признать закономерность и историческую необходимость Русской революции. В вводном очерке, подписанном редколлегией, эта проблема решается так: «“Великие потрясения” 1917 г. *не были запрограммированы* предшествующим развитием, но и *успехи* этого развития не смогли исключить драматического сценария исторического процесса»[16].

Вернемся к тезису о «восхваляющем мифотворчестве». Оно усматривается в известном марксистском положении, согласно которому все революции в принципе выступают как «локомотивы истории»[17]. Однако во всех странах, включая Россию, они действительно выступали в таком качестве, и этот опыт истории авторы двухтомника опровергнуть не могут. Советские историки действительно идеализировали историю Октября, но эта идеализация не искажала причин, смысла и значения этой революции.

Если ставить вопрос о «мифотворчестве», то постсоветская историография страдает этим недугом куда больше, чем советская.

«Красная смута». Пожалуй, самый крупный и вредный миф в постсоветской историографии состоит в стремлении рассматривать Русскую революцию не как борьбу широких народных масс за построение общества, основанного на принципах социальной справедливости, а как «смуту», как иррациональные порывы «охлоса», как социальную патологию – болезненное отклонение от нормального состояния или процесса развития общества. Миф о «красной смуте» был рожден правой эмигрантской литературой и подхвачен наиболее реакционной частью западной историографии. В свою очередь этот миф отвергали как псевдонаучный не только советские историки, но большинство зарубежных специалистов, сторонников самой сильной школы в западной историографии Русской революции – «ревизионистов», которые доминировали на Западе в 1970 – 1980-е гг. Отвергали потому, что на деле революция (при всех неизбежных эксцессах) показала высокую сознательность народных масс, которые сами и вполне рационально определяли свои интересы и заставляли политические партии превращать их в программные требования. Достаточно вспомнить самый массовый феномен революции: борьбу крестьян за землю. В революционном 1917 году одним из важнейших событий стал I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, на который уже в

[16] Россия в 1917 году. Энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 5.
[17] Там же. С. 4.

мае крестьяне со всех русских губерний привезли сотни наказов, предлагавших реальную программу решения аграрного вопроса, четко вписанную в российские условия. Созданный на их основе сводный крестьянский наказ был принят большевиками в октябре 1917 г. в виде Декрета о земле и, по сути, определил судьбу Русской революции. На основе последующего Закона о социализации земли крестьяне зимой–весной 1918 г. самостоятельно и без особых эксцессов провели грандиозную аграрную реформу.

В постсоветской историографии миф о «смуте» возродился не только в трудах историков православно-монархического направления, но и в работах историков иной ориентации. Важную роль в его создании и пропаганде сыграл известный историк, ныне главный сотрудник ИРИ РАН В. П. Булдаков. Этот миф был положен в основу вышедшей в 1997 г. его монографии «Красная смута»[18], которая противоречила всем предыдущим работам Булдакова, написанным до 1992 г. Со временем В. П. Булдаков придал своей концепции еще более радикальный характер, что отражают и написанные им главы юбилейного двухтомника 2017 г. В них он рассматривает события революции как акции, в основе которых лежали «разрушительные инстинкты и утопические вожделения вооруженных толп», а в качестве одной из главных причин революции выступают «психопатологические настроения масс»[19]. В. П. Булдаков – талантливый и весьма эрудированный историк, и я всегда испытывал сожаление по поводу того, что именно он занимает такую необъяснимую для меня позицию.

Отметим, что позиция Булдакова не встретила открытой критики со стороны других авторов двухтомника, но и не получила общей поддержки. Впрочем, определенной поддержкой высокого уровня можно считать согласие ответственного редактора двухтомника с тезисом о том, что зима–весна 1918 г. была не периодом «триумфального шествия Советской власти», а временем «торжества военизированной *охлократии*», поскольку «власть на местах переходила не столько к большевизированным Советам, сколько к вооруженным солдатским массам». Во вводном очерке Энциклопедии этот тезис повторен от лица Редколлегии: «В сущности, *вся первая половина 1918* г. была временем торжества военизированной охлократии»[20]. Авторы пишут, что это *доказали* «научные исследования последних лет»[21]. Нам неизвестны такие исследования, и их не может

[18] Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.
[19] Российская революция 1917 года. Т. 2. С. 297–298, 551.
[20] Россия в 1917 году. Энциклопедия. С. 10.
[21] Российская революция 1917 года. Т. 1. С. 10–11.

быть по той простой причине, что уже к весне 1918 г. завершилась демобилизация старой армии, и никаких «вооруженных солдатских масс» в русских губерниях в первую половину 1918 г. просто не было.

Никакого «торжества охлократии» не было и до завершения демобилизации: в ноябре–декабре 1917 г. по всей стране спокойно и организованно проходили выборы в Учредительное собрание. В деревне, как известно, победили не большевики, а их противники эсеры, а в столицах большевики честно боролись за победу с кадетами, которые набрали много голосов. Иными словами, «вооруженный охлос» не повлиял на ход выборов. Что касается Советов, то в большинстве регионов страны процесс перехода власти в руки Советов, причем не обязательно большевизированных, проходил в основном мирно и может быть назван «триумфальным». Крестьянин часто ставил знак равенства между Советами и прежними органами общинного самоуправления, что облегчало процесс становления Советской власти в деревне. В любом случае, Советы или община, как правило, обеспечивали порядок на своей территории до начала Гражданской войны и даже в ходе нее – там, где это было возможно.

Параграфы 6-ой главы 2 тома, написанные Булдаковым для подтверждения тезиса о «торжестве военизированной *охлократии»*, по меньшей мере, неубедительны, поскольку в них приводятся различные случаи насилия, включая уголовные преступления, пьяные погромы, самосуды, которых было немало по всей России и при власти Временного правительства. «Игра в примеры», к тому же взятых из ненадежных источников антибольшевистской направленности – слабый аргумент. Интересно отметить, что в главах первого тома, посвященных становлению Советской власти в стране в период с октября 1917 г. по июль 1918 г. (раздел 5, глава 5, написанная Е. П. Малышевой и А. Ю. Бахтуриной, и глава 6, написанная Т. Г. Архиповой и М. А. Андреевым), процесс становления Советской власти рассмотрен объективно и в целом в русле советской историографической традиции с многочисленными ссылками на работы советских историков. В упомянутых главах нет тезиса о «торжестве военизированной *охлократии*», якобы подменившей Советы в первой половине 1918 года. С той же ситуацией мы сталкиваемся при анализе глав, посвященных крестьянству (В. В. Кондрашин) и рабочим (А. П. Корелин). В них нет тезиса о «разрушительных инстинктах и утопических вожделениях вооруженных толп» как ключа к пониманию событий революции [22]. Крупнейший специалист по проблемам крестьянства в эпоху гражданской

[22] См. очерки, написанные А. П. Корелиным и В. В. Кондрашиным: Там же. Т. 1. С. 268–279, 318–355.

войны В. В. Кондрашин в своей личной монографии прямо оспаривает точку зрения Булдакова: «В настоящее время в историографии получила распространение идея, будто охватившее российскую деревню в первые десятилетия XX века революционное движение было обусловлено пагубным влиянием на психику крестьян войн и революций, а само крестьянское движение, по сути дела, явилось стихийным бунтом опьяненных безнаказанностью и безвластием, вкусивших на фронтах мировой войны крови мужиков. Россия в очередной раз познала мужицкий бунт, “бессмысленный и беспощадный”. Перед читателем предстает образ своекорыстного, эгоистически настроенного по отношению к городу и государству мужика, хитрого, подчиняющегося лишь голой силе, не способного ни на что другое, кроме разрушения и удовлетворения своих потребностей за счет других, словом, антигосударственника и антипатриота»[23].

Однако в двухтомнике ИРИ РАН прямых возражений против позиции В. П. Булдакова нет. Напротив, есть авторы, которые его поддерживают. Например, Т. А. Филиппова видит «политико-культурный смысл» Русской революции в том, что «не только – а *возможно и не столько* – объективные социально-экономические и военные обстоятельства следует считать причиной Великой революции. Свою разрушительную роль сыграли и трудно подающиеся измерению *политико-культурные факторы*, насквозь проникнутые к тому же психопатологическими *настроениями масс*»[24]. Обосновать тезис о том, что эти факторы определяли «смысл» и ход Русской революции Филиппова даже не пытается. Она просто ссылается на Булдакова как на неоспоримый авторитет. Иными словами, навязанный консервативными западными историками миф об иррациональном характере действий рабочих и крестьян России в эпоху революции занимает видное место в постсоветской историографии, в том числе и в ключевых работах, изданных ИРИ РАН. Читая эти авторитетные издания, многие молодые историки воспроизводят трактовку Булдакова, считая ее достижением новейшей отечественной историографии.

Именно эта ситуация вызывает у меня особую тревогу в связи с подготовкой двадцатитомной «Истории России». Если XI том, посвященный Русской революции, будет содержать миф о «красной смуте», то это вызовет активный протест со стороны многих историков и широкой общественности, поскольку речь идет не о персональной книге Булдакова (в

[23] Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. С. 80.
[24] Российская революция 1917 года. Т. 2. С. 549–550.

конце концов каждый историк вправе иметь свою точку зрения), а о крупном государственном проекте, который реализуется под эгидой академического института. Наверняка найдется немало тех, кто резко выступит против попытки в таком важном издании трактовать борьбу народов России за социальное освобождение в категориях «разгул охлоса», «пароксизм бунта» и т. п. В этих трактовках вполне можно усмотреть прямое оскорбление рабочих и крестьян России – тех, кто совершил Великую революцию, отстоял независимость страны в период иностранной военной интервенции, а затем построил государство, победившее фашизм. Как уже было сказано, в современной ситуации любые антисоветские мифы раскалывают общество, мешают укреплению его единства, а, следовательно, объективно работают в интересах врагов России. Я далек от мысли о том, чтобы выходить за рамки академической критики, и вновь предлагаю устранить возможные проблемы путем открытого обсуждения макета XI тома двадцатитомной «Истории России» в кругу специалистов.

Новый концепт. В обращении «К читателю» ответственный редактор двухтомника формулирует важнейшие черты того, что он считает новой трактовкой истории Русской революции, созданной под эгидой ИРИ РАН. В качестве «господствующей историографической тенденции» историк называет трактовку «событий 1917–1921 гг. как единой Великой российской революции, прошедшей несколько этапов, включая Февральскую, Октябрьскую революции и Гражданскую войну»[25]. Что можно сказать по этому поводу? Как минимум, что никакой принципиальной новизны в расширительном толковании границ революции нет. И дело не только в том, что уже первый многотомный труд, созданный в СССР под названием «История Гражданской войны в СССР», охватывал период с февраля 1917 по осень 1922 года. Дело в том, что советские историки всегда рассматривали события революционного 1917 года и Гражданской войны как единый процесс. Такой подход был заложен Лениным уже в марте 1917 г., когда он выдвинул тезис о том, что Февраль есть только «первый этап … нашей революции»[26]. Осенью 1921 г. Ленин, опираясь на пройденный путь, показал неразрывную содержательную связь двух этапов единого революционного процесса, четко различая при этом классово-политическую суть Февраля и Октября. Он подверг критике тех социалистов, которые не сумели понять реального соотношения «между буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революциями. Первая перерастает во вторую. Вторая, мимоходом, решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело

[25] Российская революция 1917 года. Т. 1. С. 8.
[26] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 11.

первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую»[27]. Этот тезис подхватил и развил М. Н. Покровский: «Октябрьская революция не есть какая-то особая революция, непроницаемой переборкой отделенная от «буржуазной» революции февраля того же года, а есть высшая точка подъема *всего революционного движения* этого года. И этому нисколько не мешает то обстоятельство, что Февральская революция еще не была социалистической, как не мешает и то, что Октябрю оставалось кое-что доделать по части буржуазно-демократической революции и доделать немало»[28]. Эта мысль поддерживалась и проводилась во всех крупных работах советских историков. Известный трехтомник академика И. И. Минца «История Великого Октября» начинался с истории Февральской революции, которой был посвящен весь первый том. Автор показал, что Февраль открыл дорогу к Октябрю, сделав Россию самой свободной страной с самыми острыми классовыми противоречиями. Той же концепции придерживались и авторы знаменитого двухтомника, созданного в рамках «ленинградской школы» по истории революции. Он назывался «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», но в первом томе речь шла о причинах и событиях Февральской революции в Петрограде, готовившей почву для Октября[29].

Отметим, что ряд современных историков относятся к концепту «Великая российская революция» с подозрением, справедливо видя в нем попытку снять акцент с Октябрьской революции, которая была заключительным и, уже поэтому, главным этапом Русской революции. В частности, петербургский историк профессор А. В. Гринев открыто осуждает новый концепт как «очередную попытку конъюнктурной трактовки прошлого России, не имеющей ничего общего с научным объяснением реальной истории»[30]. Гриневу возразили историки В. С. Измозик и С. Н. Рудник, которые указали на ряд ошибок и противоречий в статье Гринева. Но они резко ослабили свои позиции, заявив о том, что на протяжении многих лет подчеркивали «*абсолютную не научность»* понятий «Февральская» и «Великая Октябрьская социалистическая революция»[31]. Из текста следует, что авторам не нравится трактовка Февраля как буржу-

---

[27] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 147.

[28] Покровский М. Н. Предисловие // Октябрьская революция. Сб. Статей. М.: Ком. Академия, 1929. С. 5.

[29] Ганелин Р. Ш. Февральская буржуазно-демократическая революция в Петрограде // Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Кн. 1.

[30] Гринев А.В. Современный концепт Великой российской революции как очередной псевдонаучный миф // Клио. 2021. № 1. С. 13-25.

[31] Измозик В. С., Рудник С. Н. Современное осмысление исторических событий или «очередной псевдонаучный миф»? // Клио. 2021. № 4. С. 185.

азно-демократической революции, а Октября – как социалистической. Однако убедительных аргументов в защиту своей позиции они не выдвигают. Нельзя опровергнуть тот очевидный факт, что политическим результатом Февраля был переход государственной власти в руки либералов, которые стремились осуществить программу буржуазно-демократических реформ. Либералы получили поддержку правых социалистов, наиболее влиятельных партий в стране. Именно эти политические итоги Февраля и позволяют характеризовать его как буржуазно-демократическую революцию. Тот факт, что за восемь месяцев Временное правительство не смогло завершить намеченную программу реформ никак не может изменить политической и классовой сути Февральской революции. В свою очередь в октябре 1917 г. к власти пришли большевики – иная политическая партия с иными целями и с опорой на иные социальные силы. Уже первые шаги большевиков (ликвидация частной собственности на землю, национализация банков, транспорта, крупнейших монополий) говорят о том, что в России произошла социалистическая революция, в ходе которой общедемократические реформы сочетались с социалистическими и наполнялись социалистическим содержанием. Тот факт, что Октябрь «доделал» работу, которую начал Февраль – не повод отрицать социалистическую суть Октября, который дал власть в руки партии, начавшей строить социализм.

Ни во введении, ни в заключении юбилейного двухтомника Октябрь ни разу не характеризуется как *социалистическая* революция. Очевидно, что это не случайность. Однако позиция замалчивания исторического смысла Октября уже сама по себе превращает новый концепт «Великой российской революции» в псевдонаучную конструкцию.

Похожие мысли приходят в голову и в связи с включением в концепт «Великая российская революция» периода Гражданской войны. Мы отмечали, что такой подход уже использовался и может быть использован. Важно понимать: с какими целями? Трудно избежать вывода о том, что в постсоветской историографии эта «новация» является очередной попыткой сделать большевиков ответственными за широкомасштабную гражданскую войну: напрямую выводить ее из Октябрьской революции, которая на самом деле не сопровождалась крупными вооруженными конфликтами. «Большая» гражданская война в России развернулась лишь летом 1918 г. в результате иностранной интервенции, которая пришла на помощь силам внутренней контрреволюции[32]. Советская историография

[32] См. об этом подробно: Калашников В. В. О некоторых трактовках истории Гражданской войны в новейшей историографии. С. 142–144.

никогда не отрицала связь между Октябрем и Гражданской войной. Приведем лишь одну оценку, данную авторитетным советским историком В. Д. Поликарповым: «Гражданская война со стороны пролетариата означала *продолжение политики революции*, борьбу в защиту ее завоеваний; со стороны же буржуазии она была продолжением корниловщины – и по политической программе и по фактическому развитию контрреволюции»[33]. В то же время советские историки дружно отвергали попытки игнорировать роль интервенции как фактора, который сделал в России возможной масштабную гражданскую войну. В постсоветской историографии роль интервенции намеренно игнорируется, что окончательно превращает концепт «Великой российской революции» в псевдонаучную конструкцию.

Иные «новации». Определенные сомнения вызывают и другие положения, представленные в двухтомнике как позитивные новации. Так, вводные разделы содержат тезис, что «*важным достижением* стало утверждение в научной среде представления о революции как о сложном и *многофакторном процессе*, а не одномоментном событии»[34]. Мне неизвестна ни одна работа советских историков, в которой какая-либо из трех российских революций рассматривалась как *однофакторное* и *одномоментное* событие. Все три революции всегда рассматривались как результат воздействия целого ряда экономических, социальных и политических причин, отражавших долговременные и кратковременные тенденции развития. Если говорить об Октябрьской революции, то ее историю советские ученые начинали обычно с апреля 1917 г., когда партия большевиков приняла новую стратегическую цель: борьбу за победу пролетарской революции в России. И далее шло описание многофакторного процесса, который обусловил их победу в октябре и дальнейшее закрепление этой победы, включая такие меры, как роспуск Учредительного собрания и подписание Брестского мира. При этом Октябрьская революция, как и Февральская, всегда ставилась в контекст первой мировой войны, все аспекты которой так или иначе влияли на причины, ход и итоги революции.

Трудно признать новацией и тезис о том, что «*теперь* революция предстаёт частью *системного кризиса* империи, вызванного мировой войной»[35]. Тезис об общем кризисе Российской империи, обусловленном тяготами мировой войны, изначально присутствовал в советской, эмигрантской и зарубежной историографии, хотя формулировался по-

[33] Поликарпов В. Д. Пролог Гражданской войны в России. М.: Наука, 1976. С. 10.
[34] Российская революция 1917 года. Т. 1. С. 8.
[35] Там же. С. 8.

разному, необязательно в терминах «системный» кризис. И революция всегда рассматривалась как результат и часть этого общего кризиса. В чем новизна? В том, что общий кризис назвали «системным»? Авторы не формулируют каких-либо новых выводов, которые вытекают из применения нового понятия.

Одной из новаций современной историографии авторы двухтомника считают «отказ рассматривать революцию 1917 года как *резкий и радикальный разрыв* с предыдущими социально-политическими и экономическими практиками»[36]. Этот тезис также вызывает недоумение, поскольку все первые декреты Советской власти, начиная с декретов о земле, мире, рабочем контроле, национализации банков представляли собой радикальный разрыв с предыдущими социально-экономическими практиками в ключевых аспектах. Создание государства Советов было радикальным разрывом с прежними политическими практиками. Появление такого тезиса лишь усиливает подозрение в стремлении представителей официальной историографии принизить исторический смысл Октября как социалистической революции. Сказанное не означает отрицания того общеизвестного факта, что в истории России были определенные черты, которые проявляли себя как в имперский, так и советский периоды. Речь идет о высокой роли государства в ускорении экономического и культурного развития, высоком уровне концентрации власти, низком уровне развития демократических институтов и т. п. Эти особенности были обусловлены необходимостью в разные эпохи решать одну и ту же задачу: ликвидировать опасное отставание от Запада. Задача, как правило, решалась путем усиления роли государства и концентрации власти в руках немногих. Однако в досоветский и советский периоды задача решалась на принципиально разных социально-экономических и политических основах.

Отметим еще одну характерную особенность двухтомника. Многие авторы предпочитают не трактовать революцию как острую форму борьбы классов за свои интересы. Отказ от классового подхода – типичная позиция для постсоветской историографии. В результате доходит до смешного: история революции под пером ряда современных историков перестает быть историей борьбы классов.

Подводя итог краткому анализу концептуальных основ двухтомника, трудно избежать вывода о том, что никакой новой научной концепции Русской революции в постсоветский период создано не было. Она нигде не изложена в обобщенном виде, что и объясняет факт отсутствия каких-либо сводных очерков по истории как Февральской, так и Октябрьской

[36] Российская революция 1917 года. Т. 1. С. 9.

революциям или Русской революции в целом. Читатель двухтомника не может получить внятного ответа на вопрос о причинах, значении, социальной сути и историческом значении этих революций.

Напомним, что в советской историографии такой ответ был дан, и никто не доказал его ошибочность в принципиальных аспектах. Об этом красноречиво говорит и тот историографический очерк, который содержит упомянутый двухтомник. Авторы очерка, историки В. В. Тихонов и С. В. Журавлев, написали его в критическом тоне по отношению к советской историографии, но не решились прямо критиковать работы видных советских историков, отмечая высокий уровень и актуальность работ московских историков Э. Н. Бурджалова и И. И. Минца, ленинградских историков В. И. Старцева, Г. Л. Соболева и других представителей «ленинградской школы». Как известно, все эти работы были основаны на доминирующей в советской историографии ленинской концепции истории революции. В. В. Тихонов и С. В. Журавлев приводят основные положения этой концепции и тоже не решаются ее критиковать. Иными словами, противопоставить ленинской концепции революции что-либо существенное они не могут. Выход из этой ситуации авторы, как и многие их коллеги, видят в том, чтобы обратиться к «Краткому курсу» и сделать заявление о пороках сталинской концепции, которая оттеснила ленинскую. «Краткий курс» действительно содержал немало пороков, носящих важный (например, пресловутая версия «двух вождей»), но не принципиальный характер с точки зрения основной концепции истории Революции. В главных чертах «Краткий курс» повторял концепцию, созданную Лениным. В постсталинский период она получила дальнейшее развитие.

Приведенные критические замечания отнюдь не направлены на то, чтобы отрицать целый ряд позитивных достижений, которые получены в постсоветской историографии при исследовании более частных вопросов. Они не направлены и персонально в адрес ответственного редактора двухтомника Ю. А. Петрова, чьи работы по экономической истории отличаются глубиной и объективностью. На наш взгляд, его вводный текст отразил ту ситуацию, которую так или иначе учитывают все историки. В любой стране они всегда были вынуждены считаться с позицией правящих кругов, особенно те ученые, кто занимает важные официальные должности. Свою политическую волю новая российская буржуазия проявила уже в самом факте отмены в постсоветской России даты 7 ноября – главного государственного праздника в СССР, годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Этот акт ориентировал историков на негативную трактовку Октября: революция в одночасье перестала

быть и «Великой» и «социалистической». Именно позиция нового господствующего класса обусловила попятное движение в трактовке ключевых вопросов истории Русской революции, присущее постсоветской историографии. Попятное движение выразилось, прежде всего, в стремлении *отрицать или замалчивать* закономерность и историческую необходимость как Февральской, так и Октябрьской революций. А с тем, чтобы скрыть классовый характер новых трактовок, «классовый подход» был объявлен «пресловутым», т. е. заведомо неправильным.

Историография Февральской революции

Проблема закономерности Февраля. В постсоветский период резко усилилась апология результатов развития России в эпоху третьеиюньской монархии: реформ Столыпина, внешней и внутренней политики самодержавия в начале XX века. Цель – представить Февраль случайным и ненужным событием. В то же время следует отметить, что эта позиция всегда встречала сопротивление со стороны ряда авторитетных историков, которые видели слабость новых трактовок.

Разные точки зрения на характер развития предвоенной России породили спор между так называемыми «оптимистами», которые говорили об усилении социальной стабильности российского общества в эпоху третьеиюньской монархии, и «пессимистами», которые говорили об обострении социальных конфликтов, чреватых революцией. Оба термина поначалу использовались в западной историографии, а затем были перенесены и в отечественную.

Точку зрения «оптимистов» наиболее активно защищал известный петербургский историк Б. Н. Миронов в монографии «Благосостояние населения и революции в имперской России», который принял трактовку Пайпса. Отметив высокие темпы экономического развития страны в предвоенной России, автор сделал вывод: «русские революции *не имели объективных предпосылок* с точки зрения марксистско-ленинской теории; они являлись в первую очередь *политическим и культурным переворотом*; их причины надо искать не в провале*, а в успехах* модернизации, в трудностях перехода от традиции к модерну, в *политических* практиках, в особенностях политического дискурса»[37].

Самое слабое место в этой трактовке – отрицание объективных предпосылок, т. е. острых социально-экономических конфликтов, которые и стали причиной революционного взрыва как в 1905, так и в 1917 годах.

[37] Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Весь мир, 2012. С. 556.

Выдвигая «политические практики» на первое место среди причин революции, историк как бы забыл, что все «политические практики» в царской России имели глубокие социально-экономические корни. То же самое можно сказать и о культурных традициях. В крестьянской среде веками доминировала культура сельского «мира», общины. Эта культура сохранилась до эпохи трех революций и обусловила итог Русской революции: победила та партия, которая выполнила общинные аграрные требования крестьян. Однако общинная культура создавалась и сохранялась под воздействием важных социально-экономических и политических факторов. Ее нельзя считать чисто духовной культурой. Возражения вызывают и слова Миронова о том, что причины революции следует искать в «успехах модернизации». Как можно говорить об успехе, например, реформ Столыпина, которые обострили социальные конфликты в деревне?

Миронов, защищая свою позицию, подверг несправедливой критике советских историков, в том числе и своих бывших коллег по Ленинградскому отделению Института истории СССР. Он утверждал, что причины революции они выводили, опираясь на концепцию тупикового системного кризиса российского «социума», а эта концепция якобы была основана на «*ленинско-сталинской концепции* российского империализма как *военно-феодального*, загнивающего, или паразитического, и *умирающего* капитализма»[38]. Однако в работах советских историков не было ни концепции тупикового системного кризиса российского «социума», ни ленинско-сталинской концепции умирающего российского капитализма, которые Миронов объявил «парадигмой» советской историографии[39]. Для советских историков Февральская революция являлась результатом «кризиса самодержавия», отражавшего невозможность сохранить в *неизменном* виде уже *отжившие* институты власти и управления, а не *тупика*, в котором якобы оказалось все общество. Понятие «кризис» в советской историографии фиксировало факт нарастания конфликта между старым и новым. И если власть была неспособна разрешить этот конфликт путем реформ, кризис превращался в революцию.

Что касается «ленинско-сталинской концепции российского империализма как *военно-феодального*, загнивающего, или паразитического, и *умирающего* капитализма», то ни у Ленина, ни у Сталина такой концепции не было. Миронов произвольно объединил ленинскую характеристику *мировой эпохи* империализма с ленинской характеристикой *царизма*.

---

[38] Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции… С. 39.

[39] Критику позиции Б. Н. Миронова см.: Калашников В. В. Причины Русской революции 1917 года. О «парадигмах» советской историографии // Революция 1917 года в России. новые подходы и взгляды. СПб.: РГПУ, 2018. С. 9–21.

Термин «военно-феодальный империализм» Ленин упомянул всего дважды в работах 1915 г. для характеристики внешней политики царизма. Особо отметим отсутствие данного термина в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». В свою очередь Сталин упомянул этот термин только в 1924 г., причем в том же значении, что и Ленин. Ряд историков (Н. Н. Ванаг, П. И. Лященко) использовали его для характеристики всего российского общества, но их трактовка не получила поддержки Сталина и не была включена в «Историю ВКП(б). Краткий курс» – каноническую книгу той эпохи. После смерти Лященко термин был признан ошибочным и более не применялся[40]. Попытка М. Я. Гефтера в 1970-е гг. трактовать причины революции 1917 г. при помощи тезиса о «кризисе системы», зашедшей в «тупик», признания не получила [41].

Ряд историков убедительно оспорили позиции Миронова[42]. В последние годы «оптимисты», на наш взгляд, стали утрачивать свои позиции, завоеванные ранее в результате не столько научного, сколько идеологического натиска правого крыла зарубежных историков. Важную роль сыграла позиция авторов третьего тома монографии «Реформы в России» (2016), посвященного истории второй половины XIX – начала XX вв. Редактор тома В. В. Шелохаев выразил ее так: «…нежелание самодержавной, а затем и «обновленной» после революции 1905 г. власти считаться с мнениями и запросами общества вели к *нарастанию противостояния* в стране … к общенациональному кризису, который уже *не мог* быть разрешен мирным реформистским путем»[43]. Отметим, что В. В. Шелохаев предложил свой вариант понятия «системный кризис», трактуя его как путь к прогрессу, а не тупик: «По сути кризис – это объективно необходимое транзитное состояние перехода из одного качества в другое. Он становится вызовом для системы, обусловливающим её последующее развитие»[44].

Важной чертой постсоветской историографической традиции стало стремление пересмотреть трактовку результатов аграрных реформ П. А. Столыпина. В *советской историографии* доминировал тезис о том,

---

[40] Калашников В. В. Причины Русской революции. Советская историография. 1917-1991. СПб.: СПБГЭТУ, 2020. Главы 2 и 3.

[41] Гефтер М. Я. Многоукладность – характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности". Свердловск. 1972. С. 91.

[42] См., например: Островский А. В.: 1) О модернизации России в книге Б. Н. Миронова // Вопросы истории. 2010 № 10. С. 119–140; 2) К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Вопросы истории, 2011, № 6. С. 129–144.

[43] Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в.: В 4-х т. М.: Политическая энциклопедия, 2016. Т. 3. Вторая половина XIX – начало XX в. С. 12.

[44] Шелохаев В., Соловьёв К. Кризис Российской империи как историографическая проблема // Российская история. 2018. № 2. С. 142.

что «столыпинская реформа не устранила необходимости революции»[45]. В *постсоветской историографии* эту точку зрения отстаивал А. М. Анфимов[46]. Однако ряд авторов стали оценивать реформы как успешные. Известный историк-аграрник В. Г. Тюкавкин, пересмотрев свои прежние взгляды, назвал неправильными тезисы о том, что столыпинские реформы потерпели «*крах»*. Теперь он видел в них в целом успешную реализацию давних замыслов царя, ссылаясь на то, что планы реформ обсуждались в правительстве задолго до 1905 г., а также на то, что реформы способствовали развитию рыночных отношений, расширению посевных площадей, развитию кооперации, улучшению форм землепользования и т. п.[47]. Иными словами, Тюкавкин «забыл» о том, что советские историки видели «крах» аграрной реформы Столыпина в ее *главном (охранительном)* аспекте: в неспособности правительства разрушить общину, ослабить общинную психологию крестьян и создать крупный слой крестьян-собственников, готовых защищать частную собственность на землю. Что касается других аспектов реформы, то никто не отрицал позитивного экономического значения землеустроительных работ, устранявших чересполосицу, переселения за Урал, кооперации и других мер, которые способствовали развитию рыночных отношений в деревне. Напротив, в развитии капиталистических отношений в деревне советские историки видели процесс формирования объективных предпосылок для социалистической революции.

Отметим, что в книге Тюкавкина и в работах целого ряда других историков были предприняты попытки связать определенные успехи в развитии сельского хозяйства России в предвоенные годы именно с реформами Столыпина. Пожалуй, наиболее развитую систему аргументов в пользу этой точки зрения предложил М. А. Давыдов в книге «Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте–Столыпина»[48]. Однако ни Давыдов, ни Тюкавкин, ни другие историки не смогли доказать, что успехи в сельском хозяйстве были вызваны созданием индивидуального крестьянского хозяйства, с которым Столыпин изначально связывал свои расчеты на экономический и социальный прогресс. Число хуторян и отрубников, возникших в результате реформы, оказалось слишком малым,

---

[45] Дубровский С. М. Столыпинская реформа: капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л.: Прибой, 1925. С. 275.

[46] Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М.: ИРИ РАН, 2002.

[47] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа М.: Памятники истор. мысли. 2001. С. 132–147, 148.

[48] Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте–Столыпина. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2016.

чтобы влиять на общие результаты развития сельского хозяйства. Более того, нет доказательств, что крестьяне, укрепившие земли в собственность, хозяйствовали в равных условиях успешнее, чем общины. Более убедительной является точка зрения, согласно которой главными факторами роста стало улучшение методов ведения хозяйства *всеми слоями крестьянства* под влиянием общего роста культуры земледелия и развития товарной экономики. Рост начался уже в конце XIX в., и реформы Столыпина не улучшили прежней динамики. Так, урожайность главных зерновых культур с десятины по пятилеткам составила: в 1901–1905 г. – 48,5 пудов ржи и 44,4 пудов пшеницы, в 1906–1910 – соответственно 44,7 и 41,0 пуд, в 1911–1915 г. – соответственно 53,0 и 44,3 пудов[49]. Таким образом, урожайность пшеницы не выросла, а ржи – упала в первые годы реформ, а затем выросла на фоне высоких урожаев в благоприятных климатических условиях 1912–1913 гг. Прирост урожая в годы реформ был во многом обеспечен ростом площади посевов на 10,5 млн дес. (+14 %)[50]. Рост посевов был лишь отчасти связан с переселением крестьян за Урал. Отметим, кстати, что большинство переселенцев жили на новом месте так, как привыкли жить, т. е. в общинах. Иными словами, переселение не разрушало общинный менталитет крестьян. Сохранение общинной психологии у крестьян, негативное отношение к частной собственности на землю подрывали стабильность третьеиюньской монархии и создавали ситуацию, когда любая революция в России должна была принять радикальные формы и выйти за рамки обычной буржуазной революции типа тех, что победили в Европе в XIX столетии.

В 2017 г., в год столетия Русской революции, в Санкт-Петербурге прошла международная конференция, на которой были представлены результаты опроса 11 зарубежных и 14 отечественных историков Русской революции. Из них только один участник поддержал позицию «оптимистов» в вопросе о направленности развития предвоенной России, девять высказались как «пессимисты», остальные отметили противоречивость процессов развития[51]. При этом никто не отрицал наличия острых социальных конфликтов, делавших «третьеиюньскую монархию» уязвимой при появлении дополнительных экономических и социально-политических нагрузок, созданных мировой войной. Большинство участников рассматривали мировую войну как фактор, который делал революцию в России если не неизбежной, то весьма вероятной.

---

[49] Дубровский С. М. Столыпинская реформа... С. 73–74, 76.
[50] Там же. С. 75.
[51] Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2017. С. 139.

Свержение самодержавия. В 1990-е годы существенное влияние приобрела *либеральная* концепция истории Февральской революции, которая сохранила свои позиции и в начале «нулевых». Февраль оценивался как демократическая революция, которая была *неоправданно* прервана в октябре 1917 г. радикальным крылом российских социалистов, использовавших тяготы мировой войны. В 2007 г., в годовщину 90-летия революции, на «круглом столе», проведенном в ИРИ РАН на тему «Февральская революция 1917 г. в российской истории», известный историк А. Н. Медушевский оценил Февральскую революцию «как мощный рывок в развитии демократии», «первую массовую демократическую революцию XX в.», которая «породила целое направление революций данного типа», и отметил, что Февраль был «незавершенной», «оборванной» демократической революцией[52]. Иными словами, он признавал закономерность и необходимость Февраля как буржуазно-демократической революции, но отрицал необходимость Октября.

Либеральной трактовке противостояла православно-монархическая, которая нашла сторонников даже среди ведущих сотрудников ИРИ РАН. Речь идет не только о Боханове, но и о В. И. Лаврове, который в начале 2000-х гг. занимал важный пост замдиректора ИРИ РАН по науке. В 2007 г. на круглом столе в ИРИ РАН на тему «Февральская революция 1917 г. в российской истории» В. М. Лавров объяснил причины падения самодержавия так же, как и Боханов: «Русское православное самодержавие зашаталось тогда, когда оскудела и превратилась в формальность православная вера, … когда сотворили идолов из серебряных и золотых рублей, из демократии и социализма, из соответствующего им “прогресса”»[53]. Естественно, что вопрос, почему «оскудела и превратилась в формальность православная вера» Лавров не ставил. Он тоже «забыл», что официальная церковь всегда защищала и оправдывала власть и порядки в царской России, в том числе и крепостное право, при котором помещики веками обращались с крепостными хуже, чем со скотом. Русский крестьянин чаще всего был искренним христианином, поскольку буквально принимал учение Христа о нестяжательстве и осуждении богатства («Не можете служить Богу и мамоне»), и именно поэтому крестьянин понимал, что светские и церковные власти царской России грубо нарушали заповеди Христа. Реакцией на эту ситуацию стало широкое распространение в русских губерниях разных сект и форм старообрядства, которое некоторые историки считают чуть ли не главной силой в Русской революции,

[52] См.: Февральская революция 1917 г. в российской истории // Отечественная история. 2007. № 5. С. 5, 10.
[53] Там же. С. 4, 10.

что, конечно же, явное преувеличение[54]. О том, каким малым авторитетом обладала РПЦ среди крестьян, говорят результаты выборов в Государственную думу. Крестьяне предпочитали избирать явных или скрытых социалистов, а не попов. В первой Думе из 499 депутатов было избрано всего 16, а во второй Думе 20 священников. Так что официальное православие уже давно не обеспечивало стабильности монархического строя. Следует отметить, что многие коллеги Лаврова по институту не разделяли его позиций, но мало кто был готов критиковать его открыто.

В юбилейном 2017 г. на конференциях и в изданиях, приуроченных к столетней годовщине, большинство историков предпочитали не делать четких оценок сути, роли и значения Февральской революции. Таких оценок нет и в двухтомнике, подготовленном под эгидой ИРИ РАН. Как уже отмечалось, в нем вообще нет сводного очерка по истории Февраля. Более того, в двухтомнике нет связанного описания и трактовки ключевых событий революции, особенно ее первых дней. Нет рассказа о борьбе петроградских рабочих и солдат столичного гарнизона за свержение самодержавия[55].

Однако в работах других историков такое описание и трактовки есть.

Р. Ш. Ганелин. Особое внимание заслуживает многолетняя работа над этими сюжетами, проведенная Р. Ш. Ганелиным. Ее итоговые результаты изложены в обширной главе в коллективной монографии «Февральская революция» (2014), опубликованной как третий том проекта «Первая мировая война и конец Российской империи», а также в сборнике последних статей историка, изданном незадолго до его смерти под названием «В России двадцатого века» (2014). В вопросе о предпосылках и причинах Февральской революции Ганелин поддерживает точку зрения «пессимистов» и в этой связи с иронией обыгрывает названия известных фильмов С. Говорухина: напоминает, что слова «так жить нельзя» принадлежали видному царскому министру С. Ю. Витте, который характеризовал ими отношение современников именно к дореволюционной России, к той, «которую мы потеряли»[56].

Историк уделял особое внимание кризису «верхов» и показал отсутствие у правительства и либеральной оппозиции четкой программы выхода из углублявшегося общероссийского кризиса, что ставило на повестку

---

[54] Пыжиков А. В. Грани русского раскола. М.: Концептуал, 2018.

[55] Интересно, почему нет? Можно предположить, что после канонизации Николая II, историки не захотели показать роль царя как автора приказа о расстреле мирных демонстраций в Петрограде, который превратил воскресный день 26 февраля во второе издание «Кровавого воскресенья» и породил восстание солдат Волынского полка.

[56] В России двадцатого века» М.: Новый хронограф, 2014. С. 23.

дня революцию как способ его разрешения[57]. Ганелин рассмотрел версию о «двух заговорах», при помощи которых Николай II (сепаратный мир) и либералы (дворцовый переворот) стремились остановить революцию, и сделал справедливый вывод о том, что попытки заключения сепаратного мира и организации дворцового переворота, остались «предметом проблематичных и не слишком определенных планов»[58]. Автор четко определяет позицию царя накануне революции: готовность распустить Думу и подавить народные выступления военной силой.

Р. Ш. Ганелин подробно описал каждый день с 23 по 26 февраля, выявив их характерные особенности. Он подчеркнул, что революция началась в результате стихийных выступлений рабочих столицы, к которым не призывала ни одна из политических партий. Историк показал, что генерал Хабалов в первые дни революции не хотел применять оружие против демонстрантов и надеялся на мирное окончание «беспорядков». В свою очередь и левые партии не призывали к оружию. Все изменил приказ царя, который привел к стрельбе по мирным демонстрантам. Именно эта стрельба спровоцировала акцию протеста: бунт учебной команды Волынского полка, которая накануне больше всех стреляла по демонстрантам на Знаменской площади. Ганелин подчеркнул стихийный характер солдатского бунта, видя в нем непосредственную реакцию солдат на стрельбу по безоружной толпе[59]. По нашему мнению, предложенная Р. Ш. Ганелиным трактовка событий первых февральских дней является наиболее точной. Она преодолевает стремление советских историков преувеличить роль партии большевиков в организации Февральской революции, а также отвергает многочисленные версии о «заговорах», которые якобы и играли главную роль в февральские дни.

А. Б. Николаев. События 27 февраля и четырех последующих дней наиболее убедительно воссоздал и по-новому интерпретировал петербургский историк А. Б. Николаев. Его работы наиболее ярко отразили те позитивные новации, которые появились в постсоветской историографии Февраля и были связаны с анализом роли Государственной думы в победе революции. Произошел своего рода возврат к концепции П. Н. Милюкова, который еще в 1917 г. выдвинул тезис о решающей роли Думы в победе революции. Выступая в Москве на Государственном совещании 14 августа 1917 г., он утверждал: «Неверно, что своей победой революция обязана неорганизованной стихии. Она обязана этой победой Государственной

[57] В России двадцатого века» М.: Новый хронограф, 2014. С. 400.
[58] Там же. С. 371.
[59] Первая мировая война и конец Российской империи. В 3-х тт. Февральская революция. Т. 3. СПб. Лики России, 2014. С. 112, 118, 140, 158.

думе … объединившей весь народ, а не отдельные партии и давшей санкцию перевороту»[60]. Этот же тезис Милюков развивал уже в качестве профессионального историка в своей книге «История второй русской революции». Он отмечал, что именно Дума «дала уличному и военному движению центр, дала ему знамя и лозунг и тем превратила восстание в революцию, которая кончилась свержением старого режима и династии»[61]. Милюков отнюдь не утверждал, что думцы начали революцию, и вел речь именно о причине ее *победы*, повторяя во всех работах, что революция «победила с того момента, когда во главе ее стала не сила, а символ: законопослушная четвертая Дума»[62].

А. Б. Николаев провел наиболее фундированное исследование роли Государственной думы в февральско-мартовские дни и издал целый ряд работ по этой теме[63]. В год столетия революции он обобщил свой труд в двухтомной монографии под провоцирующим названием «Думская революция»[64]. А. Б. Николаев показал, что советские историки недооценивали реальную роль Думы в дни революции и ее вклад в победу. Такая недооценка была присуща и автору этих строк, который изложил самую радикальную версию советской историографической традиции в докладе на научной конференции «Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды», организованной кафедрой русской истории РГПУ им. А. И. Герцена 19–20 января 1993 г. по инициативе и под руководством В. И. Старцева. В докладе говорилось, что «единственным авторитетным политическим центром *в стране* в февральские дни являлась Государственная Дума», что создание Временного комитета Госдумы (ВКГД) «*автоматически* превращало Думу … в руководящий центр революции в глазах всего населения страны»[65]. Для автора доклада главным было то, что ВКГД был *воспринят* как штаб революции, а не то, что он *реально действовал* как

---

[60] Государственное совещание (9–15 августа 1917 г.). Стенограф. отчет. М.–Л. 1930, С. 128.
[61] Милюков П. Н. История второй русской революции. Т.1. Вып. 1–3. София, 1921. С. 39.
[62] Милюков П. Россия на переломе… С. 28.
[63] Николаев А. Б.: 1) Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002; 2) Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. Монография. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2005; 3). Государственная Дума и Февральская революция // Первая мировая война и конец Российской империи. В 3-х тт. Февральская революция. Том 3. СПб. Лики России, 2014. 2-е издание, испр.
[64] Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017.
[65] Калашников В. В. Проблема двоевластия в революционном 1917 году // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды: сб. ст. СПб.: Третья Россия, 1993. Вып. 1. С. 18–21.

такой штаб[66]. А. Б. Николаев убедительно доказал, что ВКГД *не только воспринимался, но и сознательно действовал* как реальный центр и штаб революции, как орган власти, признанный фактически всей страной с момента получения известий о его создании.

А. Б. Николаев отнюдь не отрицает решающей роли стихийного социального протеста низов, который и положил начало революции, признает ее глубокий социальный характер. Автор отмечает, что Дума «*втянулась*» в революцию, и поначалу являлась «*одним из центров революции и штабов восстания в Петрограде*», а затем, опираясь на свой авторитет народного представительства, повысила свою роль и создала «*орган новой революционной и правительственной власти*» в лице ВКГД, присвоив себе «права власти верховной». На множестве примеров автор показал, что акции, совершаемые членами ВКГД или их эмиссарами, действовавшими по поручению ВКГД, убеждали население в том, что уже существует новая власть. Действия ВКГД позволили быстро решить три важнейшие задачи: 1) парализовать сопротивление сил монархической контрреволюции в масштабе всей страны; 2) распространить революцию в провинции; 3) овладеть аппаратом государственного управления, заставить его работать в интересах новой власти без сбоев.

На первый взгляд такие оценки ведут к преуменьшению роли Петроградского Совета рабочих депутатов – второго штаба и центра революции. Однако А. Б. Николаев сумел избежать этого дисбаланса, выдвинув новаторский тезис о «*думско-советском»* характере той власти, которая сформировалась в решающие февральские дни. Этот тезис является важнейшим историографическим вкладом А. Б. Николаева. Более важным, чем обоснование революционного характера действий Думы. Богатый материал, который приводит Николаев в своих книгах, доказывает важность «*думско-советского»* сотрудничества в истории первых дней революции. Это сотрудничество не было сотрудничеством равных партнеров, ибо только орган Думы имел *общенациональный* авторитет, что обеспечило «первенство думской власти над советской». Однако в столице в те дни роль Петросовета была не менее важной, и давление Петросовета на ВКГД во многом определяло позицию последнего. Работы А. Б. Николаева содержат принципиально новую трактовку истории Февральской революции, которая представляет собой существенный шаг вперед по отношению к советской историографии.

---

[66] См. об этом: Калашников В. В. О роли Государственной думы в истории Февральской революции // Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии: сб. докл. межвуз. науч. конф. СПб., 27 ноября 2015 г. СПб., 2016. С. 163–178.

С тем чтобы представить наиболее авторитетные современные трактовки истории Октября вновь обратимся к двухтомнику «Российская революция…», а также к энциклопедии «Россия в 1917 г.», которые вышли в юбилейном 2017 г. под грифами РИО и ИРИ РАН. Как уже отмечалось, эти работы отличает нежелание авторов прямо признать закономерность и историческую необходимость Октября, подлинно демократический и народный характер революции, давшей крестьянам землю и уничтожившей капиталистическую эксплуатацию. Добавим к этому и стремление негативно оценивать деятельность большевиков, включая Ленина. В то же время в текстах юбилейных изданий заметно падение уровня понимания многими авторами ключевых вопросов истории Октябрьской революции, особенно таких, как стратегия и тактика борьбы большевиков за ее победу. Последнее связано с почти полным отказом от разработки этих тем.

В энциклопедии статьи о Ленине и большевиках написал И. С. Розенталь, который представляет их в негативном свете («неразборчивость в средствах», «экстремисты», «авантюристы» и т.п.), демонстрируя не только пристрастный подход, но и плохое знание проблем, о которых писал. Так, например, в статье «Ленин» автор утверждал, что Ленин считал дореволюционную Россию «страной ср[еднего] уровня развития капитализма», и «отрицал возможность успеха аграрных преобразований сверху»[67]. В действительности Ленин никогда не называл Россию страной *среднего* уровня развития капитализма и признавал возможность успеха реформ Столыпина. Такие оценки говорят о том, историк не в курсе тех сложных споров, которые шли в среде большевиков, а затем в советской историографии по этим вопросам.

Апрельский курс. Некомпетентность Розенталя явно проявляется в одном из важнейших вопросов истории Октября, а именно: в вопросе о причинах появления и сущности новой стратегической концепции, созданной Лениным и одобренной партией большевиков весной 1917 г. на VII Всероссийской конференции РСДРП (б). Напомним, что прежняя стратегическая концепция, принятая на III съезде РСДРП в 1905 г., не предполагала непосредственного перехода к социалистической революции после победы буржуазно-демократической, а в апреле 1917 г. Ленин поставил перед партией задачу борьбы за власть для осуществления такого перехода на основе концепции «переходных» шагов общедемократического характера, которые наполнялись социалистическим содержанием. Принятие новой стратегической концепции осложнялось тем фактом, что она очень напо-

[67] Розенталь И. С. Ленин // Россия в 1917 г. Энциклопедия. С. 512.

минала концепцию перманентной революции, которую еще в 1905 г. создал Троцкий, и которую Ленин ранее неоднократно критиковал. В 1920-е годы Сталин, стремясь лишить Троцкого чести первого автора концепции непрерывной революции, утверждал, что Ленин в 1905 г. тоже выступал за непрерывную революцию и критиковал Троцкого не за идею непрерывного развития революции, а за неправильное толкование роли крестьянства: «Ленин воевал … со сторонниками “перманентной” революции не из-за вопроса о непрерывности, ибо Ленин *сам стоял* на точке зрения непрерывной революции, а из-за недооценки ими роли крестьянства…»[68].

Советские историки (по крайней мере, видные специалисты) прекрасно знали реальное положение дел, но не решались радикально пересмотреть позицию Сталина по столь острому вопросу, поскольку в СССР не была осуществлена политическая реабилитация Троцкого. Открытый пересмотр начался только 1991 г., когда вышла статья С. В. Тютюкина, где автор отверг тезис об игнорировании Троцким демократического этапа революции и отрицании революционной роли крестьянства, показал различие во взглядах Троцкого и Парвуса, который не был сторонником перманентной революции, а также показал близость позиций Троцкого и Ленина в 1917 году[69].

Розенталь явно не понимал сложности проблемы и поэтому в своих статьях делал противоречивые заявления. Так, он утверждал, что «в 1905–07 большевики видели в “гегемонии пролетариата” средство макс. углубления бурж.-демократич. рев-ции дальше рубежа, приемлемого для “либеральной буржуазии”, чтобы, не останавливаясь “на полпути”, “*сейчас же*” переходить к социалистич. рев-ции»[70]. Иными словами, автор статьи разделял тезис Сталина о том, что в 1905 г. большевики выступали сторонниками непосредственного («сейчас же») перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Понятно, что автор не смог сослаться на какую-либо резолюцию, принятую большевиками, в которой ставилась такая цель. Чуть позже, в противоречии с приведенной выше трактовкой, автор писал, что «после возвращения в Петроград из эмиграции Ленина в стратегии и тактике большевиков произошла *кардинальная переориентация*»[71]. Возникает вопрос: о какой кардинальной пе-

---

[68] Сталин И. Об основах ленинизма // О Ленине и ленинизме. Издание 2-е. Л.: Госиздат, 1925. С. 58–59, 62.

[69] Тютюкин С. В. Л. Д. Троцкий в годы первой российской революции // История СССР. 1991. № 3. С. 87, 98–99.

[70] Розенталь И. С. Российская социал-демократическая рабочая партия (большевики) // Россия в 1917 году. Энциклопедия. С. 834.

[71] Там же. С. 835.

реориентации можно говорить в свете прежнего утверждения, что еще в 1905 г. большевики хотели «*сейчас же»* переходить к социалистической революции. Розенталь не видел тех различий, которые существовали в позициях самого Ленина в 1905 г. и в 1917 г., равно как и различий в позициях Троцкого и Ленина в эти годы. Он утверждал, что «в 1917 в России была реализована идея непрерывной рев-ции, которую Л. (Ленин – *В.К.*) и Л. Д. *Троцкий* отстаивали еще в 1905»[72]. Как уже было сказано, в 1905 г. Ленин занимал иную позицию, чем Троцкий, а в 1917 г. Ленин занимал иную позицию, чем в 1905 г.

Историк В. А. Демин в статье «Апрельские тезисы» фактически дезавуировал позицию Розенталя, справедливо подчеркнув, что эти тезисы «резко противоречили предшествующему курсу большевистского руков[одства]»[73].

Троцкому в энциклопедии посвящена краткая статья, написанная А. В. Резником. Все принципиальные вопросы, связанные с оценкой сути позиций Троцкого и Ленина в 1905 и 1917 г., в ней не рассмотрены. В статье говорилось лишь о том, что в 1905 г. Троцкий «сблизился с А. Л. Парвусом по вопросам о единстве РСДРП и теории “перманентной революции”», а после Февральской революции Троцкий «не выдвигал программы, отличавшейся от программы РСДРП(б)»[74]. На деле Парвус в 1905 г., как и Ленин, был противником стратегии непрерывной революции, и не мог сблизиться с Троцким в этом вопросе. Создается впечатление, что редакторы недопустимо урезали статью Резника. А между тем в энциклопедии нет статьи, посвященной проблеме «перманентной» революции, т.е. нет статьи по ключевой проблеме истории Октября.

В юбилейной монографии ИРИ РАН «Российская революция 1917 года: власть, общества, культура» (2017) эта ключевая проблема также не рассмотрена специально. Она затрагивается в связи с «Апрельскими тезисами», о которых лишь в заключительных главах первого тома написал историк П. Ю. Савельев – автор общего очерка, посвященного российской социал-демократии. Он кратко перечислил «Апрельские тезисы» без какой-либо попытки поставить вопрос о том, почему они появились, и как Ленин обосновывал свой новый стратегический курс. Савельев подчеркнул близость позиций Ленина и Троцкого, но показал и разницу, отметив, что Ленин уповал на поддержку большинства крестьян, а Троцкий – на международную солидарность пролетариата[75]. Во втором томе к Апрель-

---

[72] Розенталь И. С. Российская социал-демократическая рабочая партия (большевики) // Россия в 1917 году. Энциклопедия. С. 513.
[73] Демин В. А. Апрельские тезисы // Там же. С. 48.
[74] Резник А. В. Троцкий // Там же. С. 961–962.
[75] Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. Т. 1… С. 690–691, 695.

ским тезисам обратился В. П. Булдаков, который также перечислил их в нескольких строках и оценил апрельский «план» Ленина как «нереалистичный», как утопию, отметив, что «бывают времена, когда для взбаламученных масс утопии кажутся единственно возможной реальностью»[76]. И это говорилось о «плане», который был большевиками успешно реализован по всем основным пунктам: Временное правительство потеряло поддержку масс, и было свергнуто, большевики пришли к власти при опоре на Советы, создали Советское государство, отбросив «буржуазный парламентаризм», приступили к реализации переходных шагов к социализму и в итоге построили Великую державу – СССР.

Отметим, что объективные историки всегда отмечали удивительную прозорливость Ленина, который уже весной 1917 г. предсказал, что ни российские либералы, ни российские социалисты не дадут ни мира, ни земли, и именно поэтому большевики получат шанс повести за собой не только рабочих, но и большинство крестьян. Однако Булдаков видит эти события по-другому: «Ленину “помогли” события, которых никто не ожидал. Возможно именно из этого родился *миф* о творце революции»[77].

Что можно сказать по поводу такого тезиса? В мировой историографии уже сто лет является общепризнанным тезис о том, что Ленин сыграл ключевую роль в победе Октября, и таким образом являлся «творцом революции». И если в двухтомнике ИРИ РАН, представленном как «коллективная монография», эта общепринятая позиция отвергается, и роль Ленина в революции оценивается как «миф», то возникает законный вопрос: разделяют ли данный тезис В. П. Булдакова ответственный редактор тома Ю. А. Петров и другие авторы двухтомника? Согласны ли они и с тезисом В. П. Булдакова о том, что успех стратегии Ленина был обусловлен «переложением доктрины на язык разрушительных инстинктов отчаявшихся толп»? Согласны ли они трактовать события Октябрьской революции как «характерное … соединение провокации и анархии, утопии и психоза»?[78] Вопросы носят риторический характер, поскольку никто из авторов не выступил с критикой позиции В. П. Булдакова, а Ю. А. Петров не оговорил, что по ряду принципиальных вопросов отдельные авторы формулируют точки зрения, которые не совпадают с позицией ответственного редактора. Повторим, что именно эта ситуация заставляет нас опасаться за содержание XI тома по революции в рамках двадцатитомного проекта.

---

[76] Российская революция 1917 года… Т. 2. С. 24.
[77] Там же. С. 25.
[78] Там же. С. 24, 25.

При описании истории борьбы большевиков за власть В. П. Булдаков высказывает целый ряд верных положений, но ставит их в искаженный контекст: трактует Октябрь в рамках мифа о «красной смуте», которую использовали коварные большевики.

Примером искаженного толкования является тезис В. П. Булдакова о том, что Второй съезд Советов рабочих и солдатских депутатов «рассматривался большевиками как своего рода ширма для прикрытия действий совсем иного рода»[79]. При этом автор не сообщает, какие же иные действия готовили большевики. На деле большевики никогда не рассматривали съезд Советов как ширму. Напротив, весь сентябрь и октябрь в партии боролись два течения. Оба делали ставку на съезд, но по-разному представляли себе путь к власти. Ленин требовал провести восстание и взять власть, не дожидаясь созыва съезда Советов с тем, чтобы потом получить его санкцию. Троцкий и многие другие члены ЦК настаивали на том, чтобы вопрос о власти был решен на съезде и съездом. В сентябре ЦК регулярно отказывался поддержать точку зрения Ленина. В октябре Ленин добился решения ЦК (10 октября), которое принимало его план, но реально преобладала позиция Троцкого, считавшего, что большевики могут выступить до съезда только в ответ на выступление контрреволюции. Стремление ждать решения съезда доминировало в ЦК даже тогда, когда Керенский 24 октября дал повод к выступлению, приказав запретить публикацию большевистских газет, взять под охрану ключевые объекты столицы, начать легальное преследование членов ВРК и т. п. Видя выжидательную позицию ЦК, Ленин весь день 24 октября писал гневные записки, требуя взять власть, не дожидаясь решения съезда Советов: он боялся «колеблющегося голосования»[80]. Под нажимом Ленина к утру 25 октября большевики установили контроль над ключевыми объектами столицы, но Временное правительство оставалось в Зимнем дворце. В ночь на 26 октября уже в ходе начавшегося съезда Советов отряды ВРК провели практически мирный «штурм» Зимнего. Получив известие о таком успехе, съезд принял решение о переходе власти в руки Советов, принял декреты о земле и мире, сформировал ЦИК и СНК. Так была реализована стратегическая цель большевиков, намеченная в апреле 1917 г. Никаких «действий иного рода», связанных со съездом, большевики не планировали.

Отметим, что работу II съезда Советов В. П. Булдаков описывает исключительно в негативных тонах и заявляет, что «никаких социалистиче-

[79] Российская революция 1917 года… Т. 2. С. 290.
[80] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 436.

ских решений» на съезде принято не было[81]. Таким образом, мы вновь сталкиваемся с попыткой отрицать социалистический характер Октября. Попытка явно негодная уже потому, что съезд отдал власть в руки большевиков, которые открыто ставили своей целью переход к социализму. В этом и был основной политический смысл Октябрьской революции. Упомянем и о том, что уже декрет о земле был несовместим с буржуазной революцией. Он нарушал принцип частной собственности не только в отношении помещиков, но и в отношении всей банковской системы, поскольку большинство помещичьей земли было заложено в банках. Все дальнейшие шаги большевиков также говорили о том, что они уже осенью 1917 года запустили процесс овладения командными высотами в экономике, нарушая принцип частной собственности.

Откровенно необъективным смотрится тезис В. П. Булдакова, что в результате решений съезда Советов «у власти оказались люди, менее всего склонные строить новую государственность. Их целью была мировая революция»[82]. Анализируя действия Ленина в первые месяцы Советской власти и в эпоху Гражданской войны, нельзя избежать вывода о том, что его главной практической целью было сохранение власти большевиков в России. Борьба за заключение Брестского мира показала это особенно наглядно[83]. Позицию Ленина поначалу оспаривали многие члены ЦК, но потом «левизна» была изжита. Нельзя забывать и о том, что организованный пролетариат – опора большевиков – взял власть для того, чтобы строить свою новую жизнь в России. Он не собирался жертвовать своей победой в интересах мировой революции. Эти рабочие и были опорой Ленина в борьбе против «леваков» из числа молодых интеллигентов типа Н. Бухарина.

О работе Учредительного собрания В. П. Булдаков пишет в еще более негативном свете, сравнивая заседание с «жизнью в сумасшедшем доме». Историк воспроизвел примитивный миф о «разгоне» большевиками «учредилки», без указания на важнейшие факты: 1) отказ правых социалистов признать переход государственной власти в стране в руки Советов; 2) уход большевиков и левых эсеров с заседания именно в результате этого отказа; 3) отсутствия у оставшихся делегатов права принимать какие-либо решения в связи с потерей кворума.

После ухода большевиков эсеры не имели шансов на то, что собрать необходимый кворум на следующий день или позже. В этой связи напом-

[81] Российская революция 1917 года… Т. 2. С. 296.
[82] Там же. С. 297–298, 551.
[83] Калашников В. В. Русская революция: ключевые решения. С. 303–316.

ним и о позиции депутатов, избранных от национальных регионов. Многие из них просто не приехали в Петроград, а другие не признавали прав Собрания на принятие решений, обязательных для национальных регионов. Наиболее ярко это показали делегаты от Украины. Победившие на выборах украинские эсеры прислали в Петроград маленькую делегацию с наказом не принимать обязывающих решений. Присланные депутаты предложили Собранию такой план действий: «созыв краевых учредительных собраний и *конгресса* народов России, долженствующего объединить и *завершить* работы краевых собраний и в окончательной форме установить условия союза российских республик»[84]. Понятно, что *Конгресс народов России* – это конгресс равноправных народов, а *союз* республик – необязательно федеративное государство. В ночь на 9 января Центральная Рада приняла IV Универсал, которым УНР провозглашалась «суверенным государством украинского народа». Иными словами, в те дни Конституанта была уже нежизнеспособным учреждением и в силу позиций делегатов от национальных окраин. По сути, большевики «не разгоняли» Собрание, а выявили и зафиксировали его неправомочность. Отказ крестьян, рабочих и даже буржуазии защищать такую Конституанту говорит сам за себя.

Подводя итог краткому анализу той трактовки истории Октября, которая была дана авторами юбилейного двухтомника, изданного под грифом ИРИ РАН, еще раз обратим внимание на три важных момента.

Первое. В тексте отсутствует обобщающий очерк по истории Октября, который бы давал ответы на основные вопросы: причины победы, социальный смысл, историческое значение Октябрьской революции.

Второе. В тексте отсутствует прямое признание закономерности и исторической необходимости социалистической революции в России в конкретных условиях начала XX века. Впрочем, косвенное признание в последних строчках главы по истории социал-демократии дал П. Ю. Савельев: «Революция 1917 г. со всей очевидностью показала, что ни консерватизм, ни либерализм (как идеология и политическая практика) так и не смогли укорениться на российской почве, стать структурной компонентой менталитета большинства народа»[85]. В этой фразе трудно не увидеть скрытую цитату из знаменитой работы известного британского историка Э. Карра, который в самый разгар «холодной войны» осмелился написать, что «буржуазная демократия и буржуазный капитализм западного образца … не могли укорениться на российской почве, и поэтому

[84] Всероссийское Учредительное собрание. М.-Л.: Госиздат, 1930. С. 85–86.
[85] Российская революция 1917 года... С. 743.

политика Ленина была *единственно приемлемой* с практической точки зрения в конкретных условиях текущей политики в России. Отрицать ее как преждевременную – значило повторять, как сказал однажды Ленин, “довод крепостников, говоривших о неподготовленности крестьян к свободе”»[86].·Иными словами, британский историк признал *необходимость* Октября хотя бы в той конкретной ситуации, которая сложилась для России в 1917 году. Он решился на большее, чем сотрудники ИРИ РАН почти век спустя. В этой связи следует вспомнить и известного американского историка Т. фон Лауэ, который в начале 1960-х сделал еще один шаг вперед и признал историческую необходимость большевизма для решения ключевой задачи, стоявшей перед Россией в начале XX века в принципе (т. е. вне зависимости от текущей кризисной ситуации 1917 года). В своей книге «Почему Ленин? Почему Сталин? Переоценка русской революции» он подробно обосновал тезис об Октябре как единственно возможном способе ликвидировать опасное отставание России перед лицом Запада, вступившего на путь борьбы за передел мира[87]. Авторы отечественного академического двухтомника по истории Русской революции не решились даже поставить этот вопрос.

Третье. Ключевые работы сотрудников ИРИ РАН показали невозможность создания научной концепции Русской революции в системе идеологических координат, принятых в «лихие 1990-е». В этой системе можно построить только очередной, в данном случае *историографический* «Ельцин-центр». Не хотелось бы, чтобы сотрудники ИРИ РАН, в котором работает немало настоящих ученых, оказались в числе активных строителей такого центра в виде XI тома по истории Русской революции в рамках двадцатитомной «Истории России».

---

[86] Carr E. H. The Bolshevik Revolution, 1917-1923. Vol. I. New York, The Macmillan Company, 1951 P. 100.

[87] Laue T. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian revolution. 1900–1950. New York, 1964.

Л. В. Ланник, К. А. Тарасов

Германская империя и антибольшевистское подполье в Петрограде: шанс для «Великой Единой России» (июнь – ноябрь 1918 г.)

Исследование взаимодействия Германии с антибольшевистскими силами в начале Гражданской войны сталкивается с целым рядом трудностей. Многие проблемы вызываются скудостью введенной в научный оборот источниковой базы. Так, развитие советской историографии этой темы долгое время ограничивалось не только спецификой методологии и угла зрения, но и доступом к источникам[1]. С документами следственных дел Чрезвычайной комиссии могли работать лишь немногие избранные. Но даже эти исследователи ограничивались изучением истории борьбы с антибольшевистским подпольем[2]. Мотивы, политические программы, непосредственная деятельность контрреволюционных сил в таких работах, как правило, давались в самом общем виде. Публикации же следственных дел были крайне редкими[3]. Лишь в последние два десятилетия ситуация стала меняться к лучшему. Частичный доступ к архивам ФСБ дал возможность подробного освещения некоторых из заговоров против советской власти[4]. Тем не менее, история контактов различных кайзеровских инстанций и антибольшевистского подполья даже в самых лучших работах грешат неоправданными обобщениями или попросту ошибками[5]. Виной тому, вероятно, тот же недостаток источников.

---

[1] См., напр.: Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М. 1982; Зимина В. Д. Крах германофильской монархической контрреволюции на юге России в годы Гражданской войны и интервенции. Калинин, 1989.

[2] Корнатовский Н. А. Разгром контрреволюционных заговоров в Петрограде в 1918–1919 гг. Л., 1972; Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1, 2. М., 1978; Кутузов В. А. и др. Чекисты Петрограда на страже революции. Партийное руководство Петроградской ЧК 1918–1920 гг. Л., 1987.

[3] Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Красная книга В.Ч.К. Т. 1, 2. М., 1920, 1922.

[4] Из крупных работ последних лет можно выделить Чемакин А. А. «Анонимный центр»: Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920). М., 2020; Ратьковский И. С. Гражданская война в России. Охота на большевистских вождей (1917–1920). М., 2021; Ганин А. В. Белый агент при Сталине. Жизнь и борьба генерала Носовича. М., 2022; Измозик В. С., Гехт А. Б. Британский разведчик Пол Дюкс и петроградские чекисты. СПб., 2023.

[5] Гражданов Ю. Д., Зимина В. Д. Союз орлов: Белое дело России и германская интервенция в 1917–1920 гг. Волгоград, 1997; Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России, 1918–1920 гг. СПб., 1999.

Куда более скромна зарубежная историография вопроса, в том числе германская. Исключение вот уже более полувека составляет В. Баумгарт, опубликовавший не только до сих пор единственную монографию по политике Кайзеррейха на Востоке, но и серию статей и публикаций важнейших источников. Однако и в его основной работе контакты германских эмиссаров в РСФСР с монархическими организациями упоминаются лишь в двух (хоть и довольно объемистых) примечаниях, представляющих собой в основном пересказ нескольких документов из Политического архива германского МИДа[6]. Еще в 1966 г. В. Баумгарт справедливо отметил, что факт спонсирования данных организаций через германские представительства является достаточно новым для историографии. Однако с тех пор ни в Германии, ни в других странах исследование Белого движения и его монархического крыла в этом направлении существенно не продвинулось[7]. Причиной тому, помимо прочего, прекращение издания новых источников из фондов ведомства на Вильгельмштрассе (Auswärtiges Amt, AA). До сих пор не опубликованы в сколько-нибудь заметном объеме материалы по деятельности германских посольств В. фон Мирбаха[8] и К. Гельфериха в Москве. Крупные сборники документов с германской стороны (периода руководства П. фон Хинтце[9]) имеют лишь вспомогательное значение. Источники же по работе советского полпредства[10] прямо не затрагивают подобные темы, поскольку советские ведомства, включая ЧК, долгое время имели лишь самое общее представление о контактах Германии с подпольем. Таким образом, при давно диагностируемой двойственности германской Ostpolitik (а, скорее всего, и куда более многогранной ее структуре) сколько-нибудь существенно обеспечена опубликованными источниками лишь наиболее официальная – советско-германская – часть.

Между тем ситуация с источниками далеко не столь беспросветна, как об этом пишут, объясняя нехватку сведений о взаимодействии Германии с

---

[6] См., подр.: Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966. S. 213–214. Anm. 19, S. 324–326. Anm. 80.

[7] Вершиной немецкоязычной историографии остается: Katzer N. Die weisse Bewegung in Russland: Herrschaftsbildung, praktische Politik und politische Programmatik im Bürgerkrieg. Köln, 1999.

[8] Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau April-Juni 1918 // VfZ. Bd. 16 (1969). Hf. 1. S. 66–96.

[9] Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918. München, 1998.

[10] Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Документы / Сост. А. Ю. Ватлин, Л. В. Ланник, Т. Пентер. М., 2023.

антибольшевистскими силами[11]. Документы Политического архива МИДа неполны, но их можно дополнить материалами следствий Чрезвычайной комиссии, отложившихся в архивах ФСБ. Взятые в совокупности, они позволяют реконструировать события с высокой долей достоверности. В данной статье авторы предприняли попытку проследить взаимодействие немцев с антисоветским подпольем на германских и российских материалах. Для нас важно рассмотреть их взаимосвязь, проанализировать мотивации обеих сторон, понять динамику этих взаимоотношений. Речь в статье пойдет об одном из контактов, установленном между дипломатическими представителями Германии и одной из подпольных офицерских организаций Петрограда. Исследование этого двустороннего взаимодействия позволит оценить реальные возможности осуществления военного переворота в бывшей столице в контексте так и не реализованной осенью 1918 г. операции «Шлюссштайн».

Условия для активизации содействия Германской империи антибольшевистскому подполью созрели к началу июня 1918 г. Особую активность в этом направлении проявили важнейшие сотрудники германского посольства: К. Рицлер, имевший немалый опыт взаимодействия с различными социалистическими деятелями в Стокгольме, и кадровый дипломат граф Р. фон Бассевиц[12]. К этому времени и сам глава кайзеровской миссии граф В. фон Мирбах пришел к выводу о необходимости сотрудничества с Белым движением, так как крах Советской власти, по его мнению, был неминуем[13]. Именно в это время германский эмиссар направил в Берлин несколько донесений о контактах с антибольшевистским подпольем. Часть из них касались Петрограда, куда для переговоров выезжал не только Рицлер (в середине июня)[14], но и Бассевиц (в конце мая – начале июня)[15]. Особые контакты с военным крылом подполья поддерживали –

---

[11] См., напр.: Ланник Л. В. Источники личного происхождения о деятельности германского посольства в Москве в 1918 г.: дефицит показаний // Вестник БГУ. 2023. № 1. С. 100–109.

[12] О составе германских миссий в Москве и особенностях их комплектования: Ланник Л. В. Непосильная гегемония. Германская империя на фронтах Гражданской войны в России. М., 2023. С. 28–35.

[13] См., подр.: Ланник Л. В. Непосильная гегемония. С. 79–84.

[14] В донесении Мирбаха в ночь с 19 на 20 июня не называется точной даты переговоров Рицлера в Петрограде с делегатом от Д. Л. Хорвата, А. В. Колчака, Г. Н. Потанина и А. И. Путилова о возможности отправки «нескольких германских полков» в случае начала антибольшевистского мятежа (PA AA. RZ 201/10105/2–4). Именно Рицлер курировал и дальнейшие связи с этой группой, см. его донесение от 22 июля 1918 г.: Kurt Riezler. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente. S. 722–726.

[15] См. донесение Мирбаха от 2 июня с запиской Бассевица о его поездке в Петроград и встрече с Путиловым и др. 1 июня: PA AA. RZ 201/2003. Bl. 78–80.

не ставя об этом в известность дипломатов – военные, приданные германской миссии в РСФСР, в т. ч. майор К. фон Ботмер[16].

В отчетах Мирбаха особое место уделялось некому лейтенанту Альбертсу, представлявшему тайную организацию флотских офицеров. Первое донесение об этих переговорах посол отправил вечером 23 июня 1918 г., успев провести некоторую верификацию полученных данных. Флотский офицер сообщил, что по указанию англичан наркомвоен Л. Д. Троцкий готовит подрыв судов Балтийского флота. Организация Альбертса поставила своей задачей сохранить флот, избавиться от британской опеки, а также помешать созданию внутренних фронтов. По этим вопросам подпольщики хотели действовать в контакте с Германией[17].

Британские представители действительно опасались, что Балтийский флот, приведенный из Гельсингфорса в Кронштадт, будет захвачен немцами в случае их успешного наступления. В связи с этим в середине мая 1918 г. британский военно-морской атташе Ф. Кроми добивался у Троцкого согласия взорвать военные корабли. Одновременно Кроми тайно собрал группу морских офицеров с целью уничтожения флота, если бы оправдались слухи о его передаче немцам. Подготовка к взрыву основных судов эскадры не осталась секретом. О ней знал не только командный состав, но даже матросы. Это стало поводом для волнений в Минной дивизии, стоявшей в Петрограде и Кронштадте, в мае–июне 1918 г.[18] Затопление большей части Черноморского флота 18 июня 1918 г. как будто подтверждало реальность повторения такого и на Балтике. То, что именно черноморские события спровоцировали организацию Альбертса на контакты с немцами, подтверждается датировкой меморандума, представленного Мирбаху – 19 июня[19]. Очевидно, Германия была не заинтересована в уничтожении флота, а значит, интересы подпольщиков с бывшими противниками России совпадали.

Донесение посла заинтересовало сотрудников тогда лишь намечавшегося «русского отдела» МИДа Германии[20]. У них сразу возникла идея от-

---

[16] См., напр.: Bothmer K.v. Moskauer Tagebuch 1918. Paderborn, 2010. S. 70–72.

[17] К сожалению, два шифрованных фрагмента так и не смогли разобрать. Сохранилось две копии, но лишь одна из них с резолюциями сотрудников германского МИД: PA AA. RZ 201/10106/21–22; RZ 201/10484/63–64.

[18] Назаренко К. Б. Ледовый поход Балтийского флота. Кораблекрушение в море революции. СПб., 2020. С. 195, 199, 208–209, 258–259, 262 и далее; Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019. С. 81.

[19] Текст в переводе на немецкий: PA AA. RZ 201/10484/106–107.

[20] См.: Sütterlin I. Die „Russische Abteilung“ des Auswärtigen Amts in der Weimarer Republik. Berlin, 1994.

править в Петроград офицера германского флота, назначив для этого военно-морского атташе при посольстве Мирбаха. Такой специалист мог бы заняться восстановлением боеспособности Балтийского флота и его выводом из-под контроля большевиков, как то рекомендовала программа, «заслуживающая доверия», по мнению посла[21]. Судя по всему, вначале группу российских морских офицеров курировал капитан Айлерс, а затем его сменил сотрудник германского генконсульства Кляйе, контакты с которым некоторые члены группы (фон Рихтер, он же граф фон Штернбург, например) поддерживали и позднее[22].

Из отчета последнего следует, что под именем лейтенанта Альбертса скрывался В. В. Кожин. Тот, впрочем, позже сменил псевдоним на фон Хаген. В группу подпольщиков также входил его брат, кирасирский офицер Д. В. Кожин (под псевдонимом фон Кониц), а также некие фон Рихтер и Будилович[23] (он же Киттель). По словам Кляйе, группа работала под руководством графа фон Бассевица и была связана с еще одной организацией, куда входили бывший премьер-министр А. Ф. Трепов, полковник П. П. Дурново и Путилов[24]. Эти сведения подтверждаются докладной запиской, составленной в марте 1919 г. по поручению генерала Н. Н. Юденича. В ней говорилось, что в конце 1918 г. граф фон Бассевиц перенес свою основную деятельность в Выборг, куда в январе 1919 г. перебрались его сотрудники: П. П. Дурново, кирасиры фон Рихтер (граф Дегенфельд) и Д. В. Кожин (фон Кониц), его брат лейтенант В. В. Кожин («фон Гаген»), лейтенант А. А. Эбелинг и другие[25].

---

[21] PA AA. RZ 201/10105/21–22.

[22] См. переписку германской миссии в Стокгольме с АА весной 1919 г. относительно Рихтера, его вызывающего поведения и последующей высылки из Швеции: PA AA. RZ 201/19600/267–271.

[23] По всей видимости, искаженное написание фамилии Бутвиловский. О нем ниже.

[24] PA AA. RZ 201/19600/270–271. Вероятнее всего имеется в виду не крупный промышленник А. И. Путилов, находившийся в этой время за границей, а А. С. Путилов, игравший значительную роль в организации полковника П. П. Дурново (см. Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930–1931 годы. М., 2000. С. 397, 402–403).

[25] Gerua collection. Box 4. Folder 11. Hoover Institution Library & Archives; см. также отчет германского посланника в Гельсингфорсе Брюка от 13 января 1919 г.: PA AA. RZ 201/19595/131. Путаница с псевдонимами, однако остается. В германских документах отложился доклад неустановленного лица от сентября 1919 г. Этот человек встретился в Копенгагене с лично знакомым ему по Москве и Пскову Кожиным, называя его при этом бароном Рихтером и Хагеном. «Альбертса» он считает на тот момент расстрелянным (PA AA. RZ 201/10124/320). В ноябре 1919 г. генерал Б. В. Геруа, председателем Особой военной миссии в Великобритании, рапортовал, что встретил Рихтера, выдававшего себя за князя Витгенштейна. Он знал его по подпольной деятельности в Петрограде осенью 1918 г. На рапорте

Почти одновременно с переговорами с немцами В. В. Кожин установил контакт с другой подпольной организацией, во главе которой стоял генерал Б. В. Шульгин. Ее сотрудник Д. Д. Зуев дал позднее показания, что морской летчик Кожин присоединился к ним в июне или начале июля 1918 г. как представитель «флотских кругов»[26]. Организация Шульгина появилась еще в начале 1918 г., и в нее входили бывшие гвардейские офицеры[27]. Примерно с конца весны Б. В. Шульгин в своих планах рассчитывал на помощь Германии. Он стремился сохранить в Петрограде как можно больше своих людей для восстания при удобном случае, например, наступлении со стороны Пскова или Выборга[28]. Для вербовки офицеров использовалось несколько явочных пунктов: помещение Гвардейского экономического общества, а также как минимум три кафе[29]. Организация внедряла бывших офицеров в подразделения Красной армии[30]. Такая деятельность продолжалась ими даже летом–осенью 1918 г., когда в Петрограде шли активные аресты представителей командного состава[31].

Д. Д. Зуев утверждал, что подпольщики также обратили особое внимание на железнодорожную сеть Петрограда, важную при наступлении на город извне. На «хлебное» место в охрану железных дорог сами стекались бывшие солдаты и офицеры, оставшиеся после демобилизации без средств к существованию. Штабс-капитан Преображенского полка Д. Д. Бутовский, по свидетельству Зуева, получил «благословение» обеспечить комплектование отрядов охранения верными людьми[32]. Он начал работать на Финляндской железной дороге 1 июля 1918 г., заняв в итоге должность инспектора для поручений при управлении охраны Финляндской, Примор-

---

Н. Н. Юденич поставил резолюцию: «Подозреваю, что под фамилией Рихтер скрывается Кожин. Арестовать и расследовать (Yudenich collection. Box 3. Folder 11. Hoover Institution Library & Archives).

[26] Тинченко Я. Ю. Указ. соч. С. 358.

[27] Тарасов К. А. «Все, кто против большевиков, – с нами»: деятельность организации Шульгина-Филоненко в Петрограде (январь – март 1918 г.) // Новейшая история России. 2019. №3. С. 580–594.

[28] Нелидов Н. Д. Заговоры в Петрограде // Белое дело. Летопись белой борьбы. 1928. Т. 4. С. 204, 205; Корнатовский Н. А. Разгром контрреволюционных заговоров в Петрограде в 1918–1919 гг. С. 18; Тинченко Я. Ю. Указ. соч. С. 354.

[29] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 7; Борьба за Петроград, 15 октября – 6 ноября 1919 года. Пг., 1920. С. 164; Тинченко Я. Ю. Указ. соч. С. 347, 358, 371; Ратьковский И. С. Петроградская ЧК и организация доктора В. П. Ковалевского в 1918 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 104.

[30] Тинченко Я. Ю. Указ. соч. С. 374.

[31] СПб НИЦ Мемориал. Ф. 017 (К-1). Оп. 1. Д. Организация «Великая Единая Россия» (Далее – СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР). Т. 1. Л. 4; Измозик В. С., Гехт А. Б. Указ. соч. С. 59.

[32] Тинченко Я. Ю. Указ. соч. С. 355.

ской и Ириновской железных дорог[33]. Л. К. Филатов, донесший в ЧК на деятельность подпольной организации осенью 1918 г., также утверждал, что Бутовский был одним из двух главных «распорядителей» этой конспиративной работы. По его словам, в охрану железной дороги внедрялись верные люди из бывших преображенцев, а также солдат и офицеров других полков. Таких, по его словам, насчитывалось 4,5 тыс. человек[34].

Немцам было известно, что для прикрытия деятельности и обеспечения кадров заговорщиков использовались также петроградские фабрики, четыре банка и два кооператива[35]. Вероятнее всего, упомянутые два кооператива – это артель «Мирный труд» и кооператив «Заготовитель», попавшие позже в поле зрения ЧК. Чекистам удалось установить связь работников обоих предприятий между собой и с бывшими генералами Н. С. Аносовым и Б. В. Шульгиным[36].

Из доноса Филатова известно, что квартиру В. В. Кожина посещали Д. Д. Бутовский, С. А. Бутвиловский и другие офицеры[37]. Причем бывший лейтенант флота Бутвиловский служил в охране Финляндской железной дороги на ириновском направлении[38]. Туда же Бутовский устроил и В. В.Кожина[39]. Еще одного морского офицера, А. Н. Павлова, доносчик считал наравне с Бутовским главным «распорядителем» работы по внедрению бывших офицеров на железную дорогу[40]. Филатов указал, что В. В. Кожин часто посещал германское консульство в Юсуповском дворце, откуда получал деньги. Кроме того, из разговоров подпольщиков он сделал вывод, что главными руководителями организации являлись В. М. Пуришкевич и Б. В. Шульгин[41].

После нового доноса весной 1919 г. чекистам стали известны имена еще нескольких участников из этой группы: вместе с С. А. Бутвиловским

---

[33] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 17.
[34] См.: Там же. Л. 4.
[35] PAAA. PZ 201/2011. Bl. 31.
[36] Измозик В. С., Гехт А. Б. Указ. соч. С. 39, 67, 591. Показания Б. П. Берга подтверждают, что генерал Аносов входил в организацию. Он назвал его «хорошим работником» (Журавлев В. Форпост Петербурга: Три века ратной истории Ораниенбаума-Ломоносова. СПб.: Первый класс, 2011. С. 263). Аносов вместе с «Альбертсом» подписывал документы о получении денег от немцев (PA AA. RZ 201/2012. Bl. 32).
[37] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 15.
[38] Базанов П. Н. Братство Русской Правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья. М., 2013. С. 199.
[39] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 21 об.
[40] Там же. Л. 4.
[41] Там же. Л. 15, 15 об. Имена Шульгина и Пуришкевича в качестве руководителей организации назвал немцам и сам «Альбертс» (PAAA. PZ 201/2011. Bl. 31).

и В. В. Кожиным работали В. В. Дитерихс и Л. Н. Эльснер[42]. По версии чекистов, «Заготовитель» и «Мирный труд» были созданы одновременно на немецкие деньги, полученные через Бутвиловского[43]. Во втором из них, кроме самого Бутвиловского числились Павлов и Дитерихс[44].

А. Н. Павлова, В. В. Дитерихса, С.А. Бутвиловского и Л. Н. Эльснера объединяло то, что они были выпускниками Морского корпуса 1911 г.[45] Вполне вероятно, что в деятельности организации принимал участие еще один их однокурсник – С. А. Селлинг, расстрелянный после восстания форта «Красная горка» в июне 1919 г.[46] В. В. Кожин тоже учился в Морском корпусе, но его не закончил[47].

Из чекистских и германских документов следует, что подпольная организация морских офицеров носила двойное название «Великая Единая Россия» и «Братство Белого креста» (иногда партия «Белый крест» или просто «Белый крест», далее для краткости – ВЕР). Она уже не раз упоминалась в исследовательской литературе[48]. Авторы монографии «Чекисты Петрограда на страже революции» представляли ее прямой германской резидентурой, которая не только получала деньги, но и конкретные задания[49]. П. Н. Базанов характеризовал эту организацию как монархическую, германофильскую и ультранационалистическую[50]. Встречаются указания, что основателем ВЕР был известный монархист Н. Е. Марков[51].

Установить иерархию в ВЕР достаточно сложно. Как уже было сказано, члены организации называли своими лидерами генерала Б. В. Шульгина и В. М. Пуришкевича. Однако, по словам Д. Д. Зуева, Шульгин вынужден был бежать из Петрограда вскоре после ареста своей сестры[52]. Она была

---

[42] Кутузов В. А. и др. Указ. соч. С. 258.
[43] Там же. С. 339.
[44] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 6; Измозик В. С., Гехт А. Б. Указ. соч. С. 37; Базанов П. Н. Указ. соч. С. 199.
[45] Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 401.
[46] Тактический центр: Документы и материалы. М., 2012. С. 576.
[47] Опись «Аттестационные тетради» фонда РГА ВМФ «Морское училище» (https://rgavmf.ru/fond/432/fond-432-opis-2?page=4).
[48] Корнатовский Н. А. Борьба за красный Петроград (1919). Л., 1929. С. 19–20; Кутузов В. А. и др. Указ. соч. С. 210–214; Рутыч Н. Н. Указ. соч. С. 81, 395; Базанов П. Н. Указ. соч. С. 199–200.
[49] Кутузов В. А. и др. Указ. соч. С. 210.
[50] Базанов П. Н. Указ. соч. С. 199.
[51] Смолин М. Б. Монархический ригоризм Имперского Зубра // Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. М., 2002. С. 18; Марков Н. Е. Думские речи. Войны тёмных сил. М., 2011. С. 30.
[52] Тинченко Я. Ю. Указ. соч. С. 358.

задержана по делу доктора В. П. Ковалевского 24 августа и вскоре расстреляна[53]. По словам чекистского агента в организации, Шульгина служила курьером для своего брата, который на момент донесения скрывался в Олонецкой губернии[54]. Про В. М. Пуришкевича известно, что в апреле 1918 г. он был выпущен из петроградской тюрьмы, а в сентябре оказался в Киеве[55]. Вероятно, между этими датами политик находился в Петрограде, но неизвестно, какую деятельность он вел в это время.

Согласно многочисленным германским донесениям, основные переговоры велись с «Альбертсом», то есть В. В. Кожиным. Однако один из отложившихся в архиве меморандумов подписан С. Альбертсом в качестве секретаря, а не председателя[56]. Вступивший в контакт с организацией через В. В. Дитерихса Б. П. Берг назвал С. А. Бутвиловского главой организации[57]. Однако сам Бутвиловский утверждал, что был приглашен в организацию своим другом А. Н. Павловым в мае 1918 г.[58] Согласно документам, которые позже нашли при нем, бывший офицер занял должность секретаря и заведующего отделом иностранных дел организации[59].

---

[53] Ратьковский И. С. Петроградская ЧК и организация доктора В. П. Ковалевского в 1918 г. С. 110.

[54] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 5. Известно, что позже генерал Б. В. Шульгин принимал участие в формировании Южной армии, которое началось летом 1918 г. по инициативе герцога Г. Н. Лейхтенбергского в Киеве (Голинков Д. Л. Указ. соч. Кн. 1. С. 141; Тинченко Я. Ю. Указ. соч. С. 358).

[55] Бардадым В. В. М. Пуришкевич в Екатеринодаре. Штрихи к политическому портрету // Кубань. 1991. № 6. С. 55. Осенью 1917 г. В.М. Пуришкевич сотрудничал с генералом М. В. Алексеевым, использовавшим для прикрытия своей конспиративной деятельности благотворительное общество «Белый крест» (см. Ратьковский И. С. Гражданская война в России. С. 14–43; Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии. От возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). М., 2021. С. 66–121). Вполне возможно, что из-за этого ВЕР считала себя частью братства «Белого креста».

[56] PA AA. RZ 201/10116/31–35. Особое положение Кожина–Альбертса, которого немцы считали едва ли не главной организации, вероятнее всего объяснялось тем, что он мог хорошо владеть немецким языком. Мать братьев Кожиных имела немецкое или балтонемецкое происхождение (Bad Arolsen Archives. 03010101 12 124). Авторы признательны И. Р. Петрову за указание на этот и ряд других источников из германских архивов.

[57] Журавлев В. Указ. соч. С. 263.

[58] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 18, 19. Из путаных воспоминаний А. Н. Павлова о Бутвиловском можно сделать вывод, что тот вступил в Добровольческую армию, участвовал в боях против красных и получил ранение (возможно, в декабре 1917 г.). Затем с юга страны через Воронеж под видом «американского журналиста» Бутвиловский перебрался в Москву и Петроград (возможно, в апреле 1918 г.) (Павлов А. Н. Наш выпуск 1905–1911–1951 годы // Морские записки. Т. IX. Нью-Йорк, 1951. С. 139). Авторы признательны А. Ю. Емелину за указание на этот источник.

[59] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 121.

Кроме того, в переписке с Бутвиловским Павлов хотя и общается с ним на «ты», отдает ему определенные распоряжения. Вместе с показаниями Л. К. Филатова это все говорит о том, что А. Н. Павлов занимал ведущую роль среди этой группы морских офицеров.

Политическую программу подпольщиков можно узнать благодаря документам, найденным у С. А. Бутвиловского при его аресте. Первая часть программы ВЕР датирована 15 апреля 1918 г.[60] Четырьмя ее главными принципами названы: «мир, христианство, твердая власть, национализм». В тексте говорилось, что Россия была втянута в войну англичанами из-за их стремления к могуществу. При этом самой стране нечего было делить с Германией. ВЕР считала, что «все партии, идущие под флагом “союзнической ориентации”, продолжают губить нас»[61]. Все это сочеталось с трезвым анализом внешнеполитической ситуации. Авторы программы понимали, что Германия вынужденно поддерживает большевиков как единственную партию мира и не может пойти на оккупацию и восстановление монархии. Поэтому в программе значилось, что ВЕР должна полагаться на собственные силы в борьбе с красными, отказываясь использовать помощь иностранного оружия. Только в таком случае она рассчитывала пересмотреть Брест-Литовский договор[62].

Подпольщики были уверены, что Россия вскоре сама прогонит прочь большевиков[63]. В грядущем перевороте деятели ВЕР парадоксальным образом считали возможным опереться на местные Советы. Они утверждали, что Советы легко «перекрасятся в любую окраску» и «можно заставить их работать в том духе, который необходим»[64]. Речь все-таки шла о перевыбранных органах самоуправления, поскольку в программе они названы «Советами христианских, русских верных и честных сынов Родины». Пользуясь недовольством в стране, подпольщики планировали установить свою «временную диктатуру»[65]. Затем деятели ВЕР считали необходимым скорейшее решение национального, рабочего и аграрного вопросов, при этом выступая против социализма. И только потом, после «успокоения»

---

[60] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 2. Л. 167.
[61] Там же. Л. 185.
[62] Там же. Л. 185–186. Пересказ этой программы отложился в германских документах, датированных 3 ноября 1918 г.: PA AA. RZ 201/10116/48–55.
[63] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 2. Л. 168. А. Н. Павлов характеризовал подпольную деятельность С. А. Бутвиловского как «подготовление национальной революции на флоте, запоздало кончившуюся восстанием в Кронштадте» (Павлов А. Н. Указ. соч. С. 139).
[64] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 2. Л. 180.
[65] Там же. Л. 189 об.

населения требовалось созвать Земский собор[66]. Особую роль в «национальном возрождении» отводилась патриарху, который единственный мог бы объединить «все христианские элементы страны»[67]. В начале октября 1918 г. патриарху Тихону должны были предложить подписать воззвание с изложением внутренней и внешней политики ВЕР[68].

В целом нужно сказать, что, несмотря на специфическую политическую программу, это один из немногих примеров того, как антисоветское движение стремилось использовать существовавшие структуры в свою пользу. Расчет на то, что местные Советы быстро откажутся от лояльности большевистскому центру, конечно, следует признать наивным. Однако стремление проводить социальные реформы показывает, что члены ВЕР понимали, что победа большевиков в октябре 1917 г. не была ни случайностью, ни следствием заговора. Следовательно, антибольшевистский переворот одними военными средствами без опоры на население обречен на провал.

Реакция германских флотских инстанций и вообще встречные шаги в связи с инициативой «Альбертса» заставили себя долго ждать. Дело в том, что темп событий и количество флуктуаций в советско-германских отношениях в конце июня – середине июля были таковы, что на развитие подобных проектов в кайзеровских ведомствах не оставалось ни ресурсов, ни времени. Лишь 19 июля глава флотского ведомства сообщил в МИД (в ответ на запрос от 3 июля), что согласен отправить постоянного эмиссара в Москву, а предложения «Альбертса» еще предстоит обсудить[69]. Время, однако, было упущено. К этому моменту участники волнений в Минной дивизии были разоружены, среди них прошли аресты. В то же время к руководству германской внешней политикой как раз приступал новый статс-секретарь вице-адмирал в отставке П. фон Хинтце[70]. Он считался экспертом по России, благодаря многолетнему пребыванию в Санкт-Петербурге. Фон Хинтце был твердо намерен добиться действительно конструктивного взаимодействия с РСФСР вне зависимости от симпатий и антипатий.

Однако одновременно сложился и редкостный консенсус среди германских эмиссаров в столицах РСФСР: К. Рицлера, возглавлявшего посольство после убийства Мирбаха и до прибытия его преемника (которым

---

[66] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 2. Л. 189 об., 190, 190 об.
[67] Там же. Л. 183 об.
[68] Там же. Т. 1. Л. 119. 25 июня Мирбах отправил донесение, где упоминал о предложении «Альбертса» добиться замены патриарха Тихона на явно прогермански настроенного митрополита Антония (занимавшего кафедру в Харькове) и его просьбе передать программный меморандум в Киев (PA AA. RZ 201/10484/105).
[69] PA AA. RZ 201/10485/2.
[70] См., подр.: Paul von Hintze. S. 75ff., 442ff.

только 19 июля был назначен К. Гельферих), генерального консула в Москве Г. Э. Хаушильда и генерального консула в Петрограде Й. Брайтера (прибыл 13 июля) [71]. Все они были убежденными сторонниками подготовки скорейшего разрыва с большевиками, полагая, что только так удастся упредить их неминуемое крушение под ударами проантантовских сил. Гельферих смог прибыть в Москву только 29 июля. Здесь он быстро начал действовать вопреки полученным от Хинтце инструкциям по налаживанию позитивных взаимоотношений с большевиками[72]. К этому времени Рицлер с коллегами уже успели развить самую бурную деятельность, договариваясь с различными казавшимися им перспективными антибольшевистскими силами[73].

За две следующих недели произошло многое: отъезд посольств Центральных держав из Москвы, а затем из Петрограда, резкое ухудшение обстановки для РККА сразу на нескольких фронтах, а также быстрая эскалация кризиса в Финском заливе, ставшая прелюдией к основной фазе подготовки операции «Шлюссштайн»[74]. И несмотря ни на что, в это время в Берлине готовилась новая базовая советско-германская сделка – Добавочный договор. Из-за этого Гельфериху, Рицлеру и их сотрудникам пришлось, по меньшей мере, отложить реализацию своих планов по подготовке мятежа против СНК. Тем не менее, размещение после 20 августа остатков кайзеровского посольства в Пскове открывало возможности для более активного взаимодействия с Петроградом. Это позволяло миновать опасные проекты в Москве, где власть большевиков – как показали события 6–7 июля 1918 г. – свергнуть куда сложнее, чем казалось многим деятелям Белого движения. Из Пскова, находившегося под германской оккупацией, было значительно удобнее отправлять в Берлин сверхсекретные сведения, если до этого удавалось их получить из Петрограда.

Взаимодействие с ВЕР в эти недели проследить не удается. Лишь в ночь с 25 на 26 августа Бассевиц строго секретной шифровкой из Пскова

---

[71] К сожалению, архивы генеральных консульств в Москве и Петрограде сильно пострадали при их эвакуации и попытке конфискации советскими властями в ноябре 1918 г., да и до сих пор разобраны далеко не полностью: PA AA. RAV 181, 237.

[72] См., подр.: Ланник Л. В. Миссия Гельфериха в Москве: забытая флуктуация советско-германских отношений летом 1918 г. // Россия и современный мир. 2020. № 4. С. 189–212.

[73] См.: Ланник Л. В. Непосильная гегемония. С. 290–300, 345–356.

[74] Baumgart W. Unternehmen “Schlußstein“: zur militärisch-politischen Geschichte des 1. Weltkrieges. Berlin, 1970; Чистиков А. Н. Советско-германские отношения летом 1918 г. в исследованиях В. Баумгарта и Х. Хервига (к истории операции «Шлюссштайн») // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XIX веков в зарубежной историографии. СПб., 1994. С. 132–151.

сообщал, что Брайтер накануне провел с «Альбертсом» совещание. Напомним, что днем ранее была арестована сестра генерала Б. В. Шульгина. Вероятно, приезд «Альбертса» в Псков мог объясняться опасениями провала всей организации. Офицер сообщил, что 8–9 тыс. бойцов его организации готовы к решительным действиям. В донесении говорилось, что они взяли под свой контроль железные дороги Петроград-Москва и Петроград–Рыбинск. Однако пока не удалось достигнуть договоренности о координации с Добровольческой армией генерала М. В. Алексеева и с М. К. Дитерихсом, начальником штаба Чехословацкого корпуса. «Альбертс» просил выплатить остаток обещанных ему денег в размере в 2,7 млн[75]. К донесению Бассевица было приложено разъяснение (видимо, от Рицлера) о том, что общая сумма в 3,5 млн руб. требовались подпольщикам для финансирования своих людей в течение 3–4 месяцев. При этом 800 тыс. рублей были выплачены под расписку «Альбертса» (датированную 6 июля) «по поручению центра В.Е.Р. от священника Владимира Восторгова»[76], но без твердых гарантий, что финансирование будет продолжено[77]. Все это говорит о том, что контакты между ВЕР и немцами были прерваны больше полутора месяцев. Кроме того, видимо, активные действия планировались заговорщиками не ранее истечения 3–4 месяцев финансирования, то есть в октябре–ноябре.

В эти же дни резко активизировались контакты различных германских инстанций (включая Обер Ост) с другими представителями антибольшевистского подполья. В это время в высших штабах – в отличие от дипломатического ведомства – полагали, что в ближайшие недели начнется реализация операции «Шлюссштайн» как на море, так и на суше. Брайтер в Петрограде напряженно ожидал финальной санкции на выплату средств, постоянно запрашивая Бассевица в Пскове, ведь на этом продолжал настаивать «Альбертс». Из северной столицы выехал для доклада в Обер Осте офицер разведки капитан Айлерс, описывавший общую обстановку как крайне сложную для большевиков. Он заявил, что «Альбертсу» уже были выплачены 3,5 млн руб. Однако теперь информация об этих

---

[75] PA AA. PZ 201/2011. Bl. 31.

[76] Вероятнее всего имеется в виду Владимир Востоков. Священник выступал с резкой критикой большевизма и агитировал в пользу монархии. В начале 1918 г. он находился на нелегальном положении в Подмосковье, продолжая писать антибольшевистские статьи для газеты «Мир», которую выпускали члены ВЕР. В октябре 1918 г. Востоков выехал за пределы Советской России на Украину (Чемакин А. А. «Крестовый поход против социализма»: деятельность священника Владимира Востокова и «Братства Св. Креста» на белом Юге России в 1919–1920 годах // Тетради по консерватизму. 2022. № 4. С. 145).

[77] См.: PA AA. RZ 201/2011. Bl. 31–33a.

расходах заинтересовала 1-го генерал-квартирмейстера и реального главу германского Главнокомандования Э. Людендорфа, который стремился контролировать все и вся и сомневался в оправданности любых проектов, что поддерживают на Вильгельмштрассе[78]. Выплаченные средства позволили дипломатам (а из германской Ставки их постоянно обвиняли в недопустимой пассивности) ссылаться на то, что необходимые меры для противодействия Антанте принимаются[79], под этим предлогом торпедируя любые проекты военных операций против Советской России.

В целом в германском МИДе крайне неодобрительно относились к любым действиям, способным омрачить советско-германские отношения, поскольку Хинтце был настроен последовательно реализовать Добавочный договор от 27 августа 1918 г. и секретные протоколы к нему[80]. Подтверждением выгодности сделки с Москвой стал первый выплаченный 10 сентября 1918 г. транш золотом, а также начало наступления РККА в Поволжье. Пока П. фон Хинтце возглавлял МИД, а большевики продолжали соблюдать условия Добавочного договора, все попытки помочь подполью были тщетны. Таким образом, скепсис в отношении антибольшевистских проектов эмиссаров Кайзеррейха в РСФСР мог только нарастать.

Крайне сложная структура принятия решений и неэффективные каналы связи приводили к тому, что самое перспективное – с точки зрения организаторов возможного переворота – время было безвозвратно упущено. С началом красного террора в первые дни сентября условия деятельности подполья и его связи с иностранными эмиссарами радикально ухудшились. В то время разразился скандал с оружием, обнаруженным в дипломатическом багаже германского генконсульства в Петрограде. Это был серьезный повод к аресту генконсула, что угрожало разрушить все связи подполья с немцами. Скандал удалось уладить не без труда, но и не без последствий. Советские власти стали подозревать немцев в грубом злоупотреблении дипломатической неприкосновенностью[81].

В этих условиях стало очевидно, что для подполья остается лишь два варианта: сильно рискуя, дожидаться начала операции «Шлюссштайн» в Петрограде или пытаться срочно выехать через Финляндию или в сторону Пскова. В Пскове дипломаты продолжали развивать сотрудничество с мо-

---

[78] См. PA AA. RZ 201/2012. Bl. 29, 32.

[79] См. ответ на запрос Верховного главнокомандования от унтер-статс-секретаря Бусше от 4 сентября 1918 г.: PA AA. RZ 202/22293/43.

[80] Ватлин А. Ю., Ланник Л. В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.

[81] См., подр.: Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. С. 554–563.

нархистами, принимая все новых эмиссаров и готовя съезд, который должен был бы убедить Берлин и Ставку в потенциале именно такого варианта дальнейшей Ostpolitik. Активизировалась координация псковского и киевского центров монархической «эмиграции». Бегство из РСФСР усиливалось, но подполье упорно не желало признать очевидное: Германия более не могла позволить себе вооруженную акцию против большевиков даже ограниченного масштаба. К 27 сентября 1918 г. операция «Шлюссштайн», не раз откладываемая под различными предлогами, была окончательно снята с повестки дня в связи с быстрым ухудшением стратегической обстановки для Центральных держав[82]. Контрагенты Брайтера, как и он сам, об этом могли лишь догадываться.

Охлаждение дипломатических представителей Германии к проекту восстания не осталось незамеченным для членов ВЕР. В одном из меморандумов, направленных в Берлин, они отметили, что консульства в Петрограде и Москве «не принимают участия во внутренней политике»[83]. О потере интереса дипломатов к ВЕР говорит донесение, отправленное Брайтером в Берлин 20–22 сентября. Он сообщил, что «Альбертс» до сих пор никаких средств из одобренных ему к началу сентября не просил и не получал, а потому, по-видимому, нашел иной источник средств. Дипломат считал более важным теперь финансирование правого политика Н. Е. Маркова 2-го и его организации[84].

К началу октября, видимо, потеряв терпение, «Альбертс» с двумя другими морскими офицерами прибыл в Псков, добиваясь встречи с Рицлером, который ранее последовательно содействовал любым проектам контактов германских дипломатов с антибольшевистским движением. Однако Рицлер давно отбыл в отпуск и не собирался возвращаться в Псков. Остававшийся в городе граф Бассевиц провел несколько бесед с «Альбертсом», выясняя планы и приняв от него еще один меморандум, ответить на который он не мог без санкции Берлина. Морской офицер заверял о высокой степени самостоятельности своей организации. Он просил лишь назначить дату переворота, наиболее выгодную Германии и гарантированный нейтралитет немецких войск, когда он начнется. Одновременно «Альбертс» уточнял детали финансирования и имел ряд иных просьб[85].

---

[82] См., подр.: Ланник Л. В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб., 2020. С. 152–157; Ланник Л. В. Непосильная гегемония. С. 391–403, 428–431, 459–462.
[83] PA AA. RZ 201/2015. Bl. 66.
[84] См.: PA AA. RZ 201/2014. Bl. 25–25a.
[85] Ibid. Bl. 64-66a.

Некоторые подробности нового раунда переговоров с немцами известны благодаря другим источникам. П. М. Бермондт-Авалов со слов В. Г. фон Розенберга[86], одного из инициаторов создания в Пскове добровольческой Северной армии, рассказывал о прибытии из Петрограда примерно в середине сентября 1918 г. некоего «Гагена» с двумя другими «элегантными русскими штатскими – все под вымышленными фамилиями и с германскими дипломатическими паспортами». «Гаген» назвал себя «представителем и руководителем русской монархической партии “Белого Креста”». К нему отнеслись с большим подозрением. Эти подозрения усилились, когда выяснилось, что «настоящее» его имя Альбертс и что он, прежде чем пойти на службу в германское консульство, работал «финансовым комиссаром у большевиков». Безусловно, здесь речь шла о Кожине-Альбертсе-Хагене[87].

По всей видимости, участником этой поездки являлся и А. Н. Павлов. Так, он писал 5 октября С. А. Бутвиловскому, что в Пскове представителей ВЕР вначале приняли за авантюристов и даже отвели в контрразведку. В этом письме можно найти целый ряд пояснений к меморандуму, отправленному в Берлин 4 октября. Морской офицер рассказывал своему компаньону, что имел разговоры с Б. Б. Линде, еще одним из инициаторов создания Северной армии. Об этой деятельности Павлов отзывался очень невысоко, указав нехватку финансирования, фактической организации и реальных сил[88]. В меморандуме от 4 октября, говорилось, что формирование армии в Пскове до определения даты антибольшевистского восстания является вредным, «учитывая количество сложных деталей, болтливость офицеров, [открыто] разгуливающих в погонах»[89]. В том же документе организация просила уточнить наиболее выгодную дату для антибольшевистского выступления. В письме Бутвиловскому Павлов отметил: «Какие бы решения не были приняты, я считаю, что к декабрю надо быть готовым, в связи с ними надо и действовать»[90].

По словам Павлова, его партнеров по переговорам «смущал» вопрос о Красной армии. Им было гарантировано, что, если удастся захватить советское руководство («центральную шайку») и отрезать центр от поволж-

---

[86] См. Прибалтика между двумя революциями. Германские добровольцы в антибольшевистской борьбе. СПб., 2021. С. 21–44.

[87] Авалов П. М. В борьбе с большевизмом. Глюкштадт; Гамбург, 1925. С 67–68. Жена В. В. Кожина показала, что в начале 1918 г. он работал финансовым комиссаром Народного банка (СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 21 об.).

[88] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 118.

[89] PA AA. RZ 201/2015. Bl. 66.

[90] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 119.

ского фронта Гражданской войны, страна будет поставлена перед свершившимся фактом, а, следовательно, армия не будет представлять угрозы[91]. Более подробно эти планы описаны в записке от 3 ноября. Ее составил для немцев некий Шоссов, под именем которого вероятнее всего скрывался А. Н. Павлов. В записке говорилось, что организация должна была ликвидировать одновременно центральную власть в Москве и Петрограде. Для ареста, по замыслу заговорщиков, достаточно было броневика и 500 вооруженных людей. С помощью забастовки на железной дороге и уничтожения средств связи планировалось отрезать оба города от остальной страны. Особую роль должна была сыграть агитация газеты «Мир» с лозунгами поддержки местных Советов. Расчет был на то, что латышские части будут нейтрализованы или даже перейдут на сторону восставших благодаря агитации. Весь переворот по возможности должен был пройти без всякой крови, чтобы «не пугать напрасно большевистскую партию в провинции». И только после переворота должна была вступить в дело добровольческая армия. Ее следовало сформировать в Двинске и Минске за две недели до ожидаемого переворота, чтобы опять же не пугать раньше времени большевиков[92].

Основные переговоры в Пскове А. Н. Павлов вел через военного атташе германского посольства майора В. Шуберта. Ему удалось установить контакт с представителем Правого центра, неким Винтер-Свистуновым. План действий ВЕР им понравился, но, по словам Павлова, они боялись, что реальной силы за подпольщиками нет, и они просто «теоретики». Шуберт должен был вскоре посетить Петроград, чтобы убедиться в серьезности предложений организации. Для того, чтобы представить ВЕР в более выгодном свете Павлов просил Бутвиловского договориться с Н. С. Аносовым, Г. В. Бурманом и М. К. Бахиревым, чтобы они «изображали из себя центр монархической группы ВЕР»[93]. Эти же лица упомянуты в меморандуме от 4 октября, как люди имена которых требовалось держать в секрете до переворота[94]. По всей видимости, все трое бывших высших офицеров признавались известными именами, но на самом деле не занимали ведущих ролей в организации. Более того, первых двоих следовало познакомить только с двумя частями программы из трех[95], а последнему

[91] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 118 об.
[92] PA AA. RZ 201/10116/52–54. Чекистский агент Алье, внедренный в организацию 14 октября, сообщал, что руководство ВЕР искало специалистов взрывного дела (СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 7).
[93] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 118.
[94] PA AA. RZ 201/2015. Bl. 66.
[95] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 119.

объяснить политические взгляды лишь в общих чертах и уверить в том, что ВЕР выступает против оккупации Петрограда[96]. Германскому же представителю Павлов просил при встрече «карт наших действий не открывать», а о «взглядах на будущее» рассказывать лишь в общих чертах («без программы, она их напугает»)[97]. Зная политическую программу ВЕР с опорой на Советы и стремлением пересмотреть Брестский мир, такие предосторожности не выглядят удивительными. На пути в Москву майор Шуберт действительно заезжал в Петроград, примерно 18–24 октября[98]. Однако не ясно, состоялась ли его встреча с С. А. Бутвиловским.

Как ни странно, авантюрные планы ВЕР, заинтересовали германских дипломатических представителей: Хаушильд 10 октября просил уточнить у Рицлера детали проекта вокруг деятельности «Альбертса» и компании[99]. Хотя унтер-статс-секретарь министерства иностранных дел Штумм 12 октября заверял Брайтера, что вооруженного вмешательства для свержения большевиков по-прежнему не будет, он подчеркивал, что контакты с подпольем терять не следует[100]. К этому времени в Берлине прошла реорганизация германского правительства, и сторонник позитивных отношений с РСФСР П. фон Хинтце потерял место в кабинете Макса Баденского. Его преемником стал бывший статс-секретарь колониального ведомства В. Зольф, куда менее интересовавшийся Восточной Европой и вовсе не настроенный к сложным маневрам на Востоке. Курс на поощрение антибольшевистских проектов вновь стал складываться и в Берлине, и на советской территории, где своих контрагентов подбадривали Брайтер и Хаушильд, а также вернувшийся к концу октября через Петроград в Москву майор Шуберт.

О новом росте интереса к антибольшевистскому движению говорит и то, что в Пскове в конце октября должен был проводиться некий очень представительный съезд монархистов под германским патронажем[101]. Вероятно,

---

[96] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 118. Л. К. Филатов показывал, что Бахирев является членом организации (СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 16).

[97] Там же. Л. 119.

[98] Подробных мемуаров о деятельности Шуберта в Москве не сохранилось, однако в Политическом архиве МИД отложились копии его донесений в верховное командование, которые позволяют надежно датировать его проезд через Петроград и возвращение в столицу РСФСР, где его и застал разрыв дипломатических отношений в начале ноября 1918 г.

[99] PA AA. RZ 201/2015. Bl. 116.

[100] PA AA. RZ 201/2015. Bl. 130.

[101] Вопрос об этом не раз ставили с 10 сентября 1918 г. монархисты (А. П. Горсткин, Г. М. Дерюгин, Н. Н. Лавриновский и др.), затем они выехали в Киев, однако в связи с нестабильностью курса гетманского правительства к концу октября вернулись к идее монархического съезда в Пскове, ведь прежняя попытка в Киеве была не слишком

имея это в виду, Павлов отправил 20 октября еще одно письмо Бутвиловскому. Он предлагал своему сотруднику приехать в Псков для переговоров, где них примут участие фон Бассевиц и майор Шуберт. Для лучшей презентации Бутвиловский должен был захватить с собой комплект газеты «Мир», а бумаги и портфель Павлова доставить через консульство[102].

Павлов также поделился некоторыми сведениями по организации выпуска газеты в Одессе, поскольку узнал, что в Москве закрыли выпуск «Мира». Встреча в Пскове с генералом А. Е. Вандамом, возглавившем добровольческие части, не дала ожидаемого для Павлова результата. Тот заявил, что стоит вне политики и не знает, что собой представляет организация «Белый крест»[103]. Это была заметная неудача, поскольку в эти дни быстрыми темпами пошло формирование с помощью германских военных Северной армии в Пскове, которое поначалу обещало значительный результат[104].

Несмотря на этот ряд неудач, тон в требованиях «Альбертса» резко сменился. 16 октября Брайтер получил от него срочный запрос о выплате 2,8 млн руб., так что немедленно запросил о согласии на поддержку именно этой группы, а не предполагавшегося еще недавно транша для Маркова 2-го. Кроме того, «Альбертс» рекомендовал перевести в Псков редакцию прогерманской газеты «Мир». К 20 октября последовала реакция: Брайтера просили выплатить «Альбертсу» пока что 1,8 млн руб.[105] Вероятно, свое воздействие оказал меморандум от имени ВЕР от 16 октября, где давалась оценка внутренней ситуации в РСФСР. Подпольщики утверждали, что «оздоровление масс настолько быстро двигается вперед, урок проходит насколько последовательно, что всякий переворот изнутри будет приветствоваться»[106]. Свои шансы на свержение СНК подпольщики оценивали так высоко, что 19 октября «Альбертс» запросил возможность послать своего представителя на грядущую международную конференцию по выработке мирного договора между Антантой и Центральными державами[107].

24 октября (или накануне) Павлов-Шоссов выехал из Пскова в Киев для организации там издания газеты «Мир». Об этом Бассевиц сообщил в Берлин, запрашивая инструкций. Одновременно был отправлен и подроб-

---

успешной. См., подр.: PA AA. RZ 201/2013. Bl. 8, 108-110; 2014. Bl. 13, 230; Чемакин А. А. Киевский монархический съезд («Съезд консервативных деятелей Украины») 18–20 июля 1918 г. // Вопросы истории. 2021. № 12. С. 56–72.

[102] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 120-120 об.

[103] Там же.

[104] См., подр.: Ланник Л. В. Непосильная гегемония. С. 594–598.

[105] PA AA. RZ 201/2016. Bl. 38, 85.

[106] PA AA. RZ 201/10116/31-41.

[107] PA AA. RZ 201/2016. Bl. 89.

ный меморандум об организации «Белый крест», датированный 3 ноября и, вероятно, составлен Павловым. 26 октября последовал срочный (и также шифрованный) ответ от заместителя главы МИД Р. Надольны, где одобрялись дальнейшие контакты, в том числе уже в Киеве, но дополнительных инструкций не последовало[108]. В тот же день Бассевиц отправил из Пскова Максу Баденскому меморандум (оригинал с подписью «Альбертса» и его перевод) с оценкой обстановки от 16 октября[109]. Таким образом, интерес к подполью у германских дипломатов сохранялся, но они не спешили поощрять его активную деятельность.

Однако, хотя явно наметились перспективы для расширения сотрудничества ВЕР с немцами, их планы рухнули. Дело в том, что 28 октября на пограничном пункте Торошино под Псковом был задержан С. А. Бутвиловский, имевший при себе паспорт на имя Иоганна Киттеля. Эти документы передал ему генеральный консул Брайтер через В. В. Кожина[110]. Очевидно, Бутвиловский ехал в Псков по просьбе А. Н. Павлова на встречу с Бассевицем и Шубертом. При нем был найден портфель с бумагами, подробно рассказывающими о деятельности ВЕР. Из писем Павлова Бутвиловскому можно сделать вывод, что тот переходил границу с документами ВЕР для того, чтобы дать подробное представление о политической программе организации. У арестованного было найдено удостоверение с печатью ВЕР. По нему Бутвиловский мог вести переговоры со всеми политическими партиями от имени организации, а также «вступать в непосредственное сношение с представителями иностранных держав (Германии, Польши, Литвы, Украины)[111].

Одновременно в Петрограде прошла серия арестов. Кроме Бутвиловского задержаны были Д. Д. Бутовский, жена В. В. Кожина – А. Е. Кожина. Власти разыскивали братьев Кожиных и фон Рихтера. Но младшего Кожина и Рихтера спрятали в германском консульстве и помогли им выехать в Финляндию[112], а В. В. Кожин скрылся из Москвы, где в это время находился, как только появились первые сведения об обысках членов организации[113].

Согласно показаниям Б. П. Берга, сотрудничавшего с ВЕР, «в конце зимы организация лопнула с серией доносов», «восемь человек расстре-

---

[108] См.: PA AA. RZ 201/10757/211.
[109] См.: PA AA. RZ 201/10116/31–41.
[110] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 19 об.
[111] Там же 1. Л. 121.
[112] PA AA. RZ 201/19600/270–271.
[113] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 24.

ляно, остальные дезорганизованы»[114]. 9 апреля 1919 г. ЧК постановила расстрелять С. А. Бутвиловского и Д. Д. Бутовского. В отношении жены Кожина дело было прекращено из-за ее беременности[115]. Берг также рассказал на допросе: «После ареста Бутвиловского некоторое время организация восстанавливалась. Начальником сделался Дидерикс Владимир Владимирович, но вследствие отсутствия денежных средств пришлось перейти в подчинение к англичанам, к человеку, известному под названием Шефа»[116]. Шефом называли британского агента Пола Дюкса. Как известно из чекистских документов, избежавшие ареста и оставшиеся в Петрограде В. В. Дитерихс и Л. Н. Эльснер продолжили деятельность организации, сменив ориентацию на союзническую и вскоре начав плотное сотрудничество с Дюксом[117]. Вновь выйти на организацию ЧК удалось весной 1919 г. Тогда был арестован Л. Н. Эльснер, расстрелянный 23 апреля 1919 года[118]. В. В. Дитерихс же бежал в Финляндию и позже вступил в состав Северо-Западной армии[119].

Бассевиц выехал в Берлин не позже последних чисел октября (прибыл в столицу 2 ноября), фактически свернув деятельность германского представительства в Пскове. Прибывший туда 6 ноября 1918 г. «Альбертс» (впервые названный в донесении Кожиным, но тут же был указан и его новый псевдоним – Хаген) попросту не застал партнера для переговоров, а потому собрался немедленно ехать в Берлин, о чем сообщил остававшийся в Пскове капитан Паризелле. Тогда же собрался из Киева через Варшаву и Павлов-Шоссов[120].

По-видимому, встречи не произошло, но не вполне ясно, кто именно не прибыл. Возможно, Кожин-Альбертс-Хаген решил остаться в Пскове, пытаясь сыграть заметную роль в дальнейшем становлении Северной армии, от которой тогда еще ожидали быстрого развертывания и успешной обороны от большевиков. А. Е. Кожина на допросе показала, что за три дня до взятия частями РККА Пскова, то есть примерно 22 ноября, получила записку от мужа, в который тот сообщил, что находится в городе[121]. Возможно и Павлов не смог добраться до Варшавы в связи с началом ре-

---

[114] Журавлев В. Указ. соч. С. 263.
[115] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 2.
[116] Журавлев В. Указ. соч. С. 263
[117] Кутузов В. А. и др. Указ. соч. С. 214, 257; Измозик В. С., Гехт А. Б. Указ. соч. С. 50. В воспоминаниях П. Дюкс очень обтекаемо писал о своих контактах в Советской России и не называл ни имен, ни названий организаций (Там же. С. 127–354).
[118] Измозик В. С., Гехт А. Б. Указ. соч. С. 59.
[119] Рутыч Н. Н. Указ. соч. С. 401–402.
[120] PA AA. RZ 201/20278/200–201.
[121] СПб НИЦ М. Ф. 017. Д. ВЕР. Т. 1. Л. 24.

волюции в германских войсках, неразберихи в Польше, а уж тем более в связи с началом 14–16 ноября 1918 г. восстания Директории против гетмана. 28 ноября по каналам германского представителя в Киеве графа фон Берхема Павлов-Шоссов срочно запрашивал о местонахождении «сотрудника Хагена-Альбертса и Кожина», подозревая, что он в Пскове[122].

Основную деятельность граф Бассевиц перенес в Выборг приблизительно с 10 декабря 1918 г. Сюда же в начале января 1919 г. прибыли братья Кожины и фон Рихтер. Причем, Кожин-Хаген приехал вместе с Паризелле. Бассевиц выделил им 1,5 млн марок для того, чтобы они помешали созданию белых сил и сближению большевиков с Финляндией. Сюда же должен был прибыть лейтенант Павлов[123].

Игра в псевдонимы и организационная импровизация становились все более подозрительными. Однако на фоне спешного (и с грехом пополам срежиссированного) разрыва советско-германских отношений 5–6 ноября 1918 г.[124], революции в Германии, Компьенского перемирия и начала нового этапа схватки за (пока) оккупированные германскими войсками территории бывшей Российской империи подобные мелочи не имели шансов на пристальное внимание в МИД Германии, не говоря уже о верховном главнокомандовании.

По неясной причине А. Н. Павлов так и не приехал в Выборг. Он продолжил свою деятельность в эмиграции, используя прежнее название Братство Белого Креста и лозунги вроде «Христиане всех стран, соединяйтесь», «Вся власть выборным Советам», «Собор земли Русской за Великую единую Россию»[125]. А похождения Кожина-Альбертса-Хагена в дальнейшем были связаны с его попытками сохранить германское финансирование зимой 1918–1919 гг., изображая дальнейшую политическую деятельность и поддерживая иллюзию влияния на группировки русских монархистов в Финляндии и Прибалтике.

Несмотря на то, что основные члены организации ВЕР либо сбежали из РСФСР, либо были арестованы, антибольшевистскую деятельность ряда связанных с ними лиц можно проследить вплоть до осени 1919 г. Тогда несколько бывших офицеров, служивших в Красной армии и флоте, были изобличены в подготовке восстания в Петрограде для поддержки наступления генерала Н. Н. Юденича. В октябре–ноябре 1919 г. в заключении

---

[122] PA AA. RZ 201/10116A/28.
[123] Gerua collection. Box 4. Folder 11. Hoover Institution Library & Archives. См. также PA AA. RZ 201/19595/131.
[124] См., подр.: Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. С. 80–82.
[125] Базанов П. Н. Указ. соч. С. 201.

находились Н. С. Аносов, Б. П. Берг и М. К. Бахирев. Вскоре все они были расстреляны[126].

Проведенная реконструкция взаимодействия германских дипломатических представителей с организацией морских офицеров показывает, что последняя была далека от того образа германской резидентуры, как это представляли в прежней историографии. Хронические разногласия акторов германской Ostpolitik относительно перспектив сотрудничества с антибольшевистскими силами сказывались и в данном случае. Причинами этого была и крайняя нестабильность кадрового состава на различных постах в Берлине, Петрограде и Москве, и стремительно менявшаяся обстановка, и ведомственная, а то и личная борьба, конкуренция, симпатии и антипатии. В некоторые моменты кампании 1918 г. складывалась благоприятная обстановка для более масштабной поддержки подполья, причем не только политической, но и финансовой, но уже очень скоро согласованные (в Москве, Петрограде и даже в Берлине и в Спа, где находилась германская Ставка) шаги вновь тормозились. Раз за разом упускалось очередное окно возможностей для активизации действий по свержению советской власти, по меньшей мере, в северной столице. В итоге взаимодействие не выходило за пределы некоторого финансирования, причем его конечным адресатом могли оказаться непосредственные контрагенты германских эмиссаров, а вовсе не стоявшие за ними (якобы) крупные подпольные организации.

Военное крыло антибольшевистского движения в Петрограде оказалось заложником прогрессирующего кризиса доверия к его дееспособности при несомненных успехах ЧК и советских инстанций в разгроме противника за счет чрезвычайных, а то и прямо террористических мер. По собранным чекистами показаниям и фрагментарным данным, сохранившимся в германских архивах, восстанавливается сеть контактов, профессиональных и личных, которые использовались для поддержания деятельности «Великой Единой России», по меньшей мере, на основных этапах ее существования. Между членами группы трудно определить иерархию, и уже тем более не удается доказать, что все они разделяли единую программу, изложенную в сохранившихся меморандумах для кайзеровских инстанций. Даже пресловутая внешнеполитическая ориентация носила, как и в большинстве аналогичных случаев, скорее ситуативный характер. Она менялась в зависимости от конкретных условий и декларировалась лишь до тех пор, пока интересы подполья или стремление к физическому выживанию совпадали с активностью британских или германских эмиссаров. Парадоксальным образом, эта

[126] Измозик В. С., Гехт А. Б. Указ. соч. С. 109, 576.

рыхлая структура позволила некоторым номинальным членам организации избегать арестов на протяжении длительного времени, а также добиться весомой финансовой (а то и паспортно-визовой) поддержки, более чем достаточной для личных нужд.

Открытым остается вопрос о потенциале ВЕР в те недели августа-сентября, когда советская власть в Петрограде была особенно уязвима для удара извне даже минимальными силами, как и планировалось в рамках операции «Шлюссштайн». Проверить реальность заявлений заговорщиков о тысячах готовых к вооруженным акциям последователей и о способности установить контроль над определенными объектами при хотя бы косвенном содействии кайзеровских войск так и не пришлось. Неэффективная система принятия решений в рамках германской политики на Востоке в 1918 г., комедия масок и псевдонимов, взаимная неискренность не способствовали реализации планов заговорщиков, даже если предположить наличие у них возможностей, сопоставимых с рядом других организаций, своевременно разгромленных ЧК или переориентировавшихся на иные проекты борьбы с советской властью. Закономерным итогом даже, казалось бы, самого успешного опыта опоры на германские финансово-дипломатические ресурсы стал арест и гибель многих членов ВЕР, а также затяжная карьера мелких политических авантюристов для тех из них, что вовремя бежали из РСФСР.

Д. И. Стогов

Деятельность русских монархистов в эмиграции

В настоящее время в связи с «консервативным поворотом», наблюдаемом в последние годы во властных структурах и российском обществе в целом, в значительной степени усиливается интерес к деятельности русских консерваторов, в том числе монархистов (черносотенцев) конца XIX – начала XX в.[1] Исследователями анализируется их политическая деятельность, философские взгляды. В значительно меньшей степени современная историография уделяет внимание жизни и деятельности русских монархистов в послереволюционный период. В 2012 г. мы опубликовали статью, посвященную судьбам отдельных представителей русского монархического движения после окончания Гражданской войны[2]. Вместе с тем, в данной работе жизнь русских монархистов в эмиграции затрагивается весьма фрагментарно. Настоящая статья ставит перед собой цель проанализировать деятельность известных монархистов после окончания Гражданской войны.

В прошлом году мы отмечаем столетие окончания Гражданской войны и образования на обломках бывшей Российской империи нового государства – СССР. Памятная дата дает лишний повод обратиться к судьбам русских монархистов, при жизни ревностно отстаивавших идею сохранения Российской империи, оказавшихся в силу определенных обстоятельств за рубежом.

В небольшой по объему статье мы рассмотрим в первую очередь деятельность лидеров и активных участников монархического движения в эмиграции.

В отечественной историографии, на наш взгляд, наиболее обстоятельно изучена эмигрантская жизнь лидера крупнейшей монархической организации царской России – «Союза русского народа» (СРН), члена Государственной думы **Николая Евгеньевича Маркова** (1866–1945)[3].

---

[1] Кирьянов Ю. И. Русское собрание 1900–1917. М., 2003; Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М., 2013; Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. СПб., 2015.

[2] Стогов Д. И. Судьба лидеров правых партий в годы Гражданской войны // Гражданская война в России: проблемы истории и историографии: сб. докл. межвуз. науч. конф., г. Санкт-Петербург, 29 ноября 2013 г. / Отв. ред. д. и. н., проф. В. В. Калашников. СПб., 2014. С. 157–165.

[3] Ганелин Р. Ш. Н. Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму // Евреи в России: история и культура. Сб. науч. трудов. СПб.: б/и, 1998. Вып. 5. С. 211–218; Иванов А. А., Машкевич С. В., Пученков А. С. Неизвестные страницы биографии Н. Е.

Правый политик участвовал в работе различных эмигрантских организаций («Съезд хозяйственного восстановления России», «Высший монархический совет»), а также принимал участие в церковной деятельности (Первый и Второй Всезарубежные Соборы Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ)). Исследователи сходятся во мнении, что Марков, выступая против советской власти, являлся весьма неоднозначной фигурой в эмигрантской среде (в частности, он разделял антисемитские взгляды и даже сотрудничал с германскими нацистами, хотя и считал идеологию нацизма неприемлемой для России). Вместе с тем, политик до конца жизни оставался идейным монархистом и пытался (хотя и неудачно) консолидировать разрозненные эмигрантские монархические организации.

Заслуживает внимания также весьма неоднозначная эмигрантская деятельность **митрополита Антония (Алексея Павловича Храповицкого;** 1863–1936), почетного председателя Почаевского отдела СРН, первого архиерея – члена старейшей монархической организации – «Русского Собрания» (РС). Еще проживая в годы Гражданской войны в Екатеринодаре, митрополит Антоний являлся председателем Временного высшего церковного управления юго-востока России (ВВЦУ). Первоначально он считал, что деятельность ВВЦУ за границей следует прекратить, а поместные Церкви должны взять на себя окормление многочисленных беженцев из России. Когда митрополит узнал о намерении Врангеля сохранить армию для возможной в перспективе борьбы с большевиками, владыка изменил свою точку зрения и стал считать, что российскую зарубежную церковную организацию за границей нужно сохранить[4].

14 февраля 1921 г. митрополит Антоний перебрался в Королевство сербов, хорватов и словенцев (в Сербию), с февраля–марта 1921 г. проживая до своей кончины в городе Сремски-Карловцы (здесь митрополиту была предоставлена резиденция, бывший дворец Карловацких патриархов).

Митрополит Антоний являлся председателем Карловацкого церковного собора (Всезагранично русского церковного собрания, впоследствии названного Собором, ноябрь–декабрь 1921 г.). Вскоре митрополит возгла-

---

Маркова: по материалам Бахметьевского архива // Научный диалог. 2013. № 11 (23). С. 30–43; Ромов Р. Б. Марков Николай Евгеньевич (1866–1945) // https://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/04/22/markov_nikolaj_evgen_evich_1866-1945 (дата обращения 05.08.2023); Серегин А. В. Монархические организации русской эмиграции в Европе в 1919–1933 годах. Структура. Идеология. Деятельность. Автореф. дис. ... к. ист.н.: 07.00.02. М., 2010; Стогов Д. И. Н. Е. Марков: жизнь и деятельность русского монархиста в изгнании // Русско-византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 116–127; Иванов А. А. Вождь черной реакции. Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023.

[4] Антоний (Храповицкий Алексей Павлович) // Православная энциклопедия. https://www.pravenc.ru/text/116026.html (дата обращения 10.08.2023).

вил «Высшее русское церковное управление за границей» (ВРЦУ), образованное Собором. В течение 15 лет митрополит Антоний являлся председателем Собора архиереев и Архиерейского Синода РПЦЗ, с 1931 г. по решению Архиерейского Синода РПЦЗ носил титул «Блаженнейший». На Соборе РПЦЗ были приняты различные документы с резкой критикой советской власти. Вскоре после этого, 5 мая 1922 г., вышел указ Святейшего Патриарха Тихона, согласно которому ВРЦУ было упразднено. Одновременно подтверждалось каноническое право митрополита Евлогия (Георгиевского) на управление православными русскими приходами в Западной Европе[5]. 10 ноября 1923 г. последовал новый указ Патриарха Тихона, которым это решение еще раз подтверждалось. Естественно, указам Патриарха Тихона руководящие органы РПЦЗ во главе с Антонием не подчинились.

25–27 июня 1926 г. в Сремских Карловцах состоялся очередной Архиерейский Собор РПЦЗ, который в связи с кончиной 7 апреля 1925 г. Патриарха Тихона принял решение признать Местоблюстителем Патриаршего престола митрополита Крутицкого Петра (Полянского), а также потребовал полного подчинения себе всего русского церковного зарубежья. Митрополиты Евлогий и Платон не согласились с этим решением, признав за Собором только «морально-общественное, но отнюдь не каноническое и не судебно-административное значение». В результате от РПЦЗ отошли Западноевропейский и Североамериканский митрополичьи округа[6].

13 сентября 1929 г. владыка Антоний в специальном «Воззвании к православным русским людям» признал право на престол великого князя Кирилла Владимировича с 1924 г., хотя ранее он признавал «верховным вождем» великого князя Николая Николаевича.

28 августа 1932 г. митрополит подписал Соборное послание РПЦЗ, осудившее масонство как преступную организацию; масонов же следовало, согласно этому документу, отлучать от Церкви[7].

При митрополите Антонии произошел полный разрыв РПЦЗ с Московским Патриархатом (после декларации митрополита Сергия (Страгородского) о признании советской власти). Вместе с тем владыка Антоний

---

[5] Степанов А. Антоний (в миру Храповицкий Алексей Павлович) // Черная сотня. Историческая энциклопедия / Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов, отв. ред. О. А. Платонов. М., 2008. С. 34–37. С. 36.

[6] Там же.

[7] Окружное послание Собора архиереев Русской Православной Церкви Заграницей ко всем верным чадам Русской Православной Церкви, в рассеянии сущим. 28 августа 1932, Сремские Карловцы // Русская Православная Церковь Заграницей. 1918–1968. Т. 1. Под ред. гр. А. А. Соллогуб. Нью-Йорк, 1968. Стлб. 269–271.

резко осуждал всяческие вмешательства Константинопольского Патриархата во внутреннюю жизнь Русской Церкви. Так, 16 октября 1924 г. после того, как Константинополь признал обновленческий Синод высшим церковным управлением в России, Антоний выразил протест. Также он осуждал попытки Фанара подчинить себе диаспору Русской Церкви.

Отстаивая каноничность православия, владыка Антоний боролся с различными проявлениями церковного модернизма. Так, в 1935 г. Архиерейский собор РПЦЗ, который возглавлял митрополит Антоний, признал еретическим учение протоиерея Сергия Булгакова, декана Православного богословского института в Париже, о Софии Премудрости Божией[8].

Вместе с тем, несмотря на попытки со стороны Московской Патриархии урегулировать конфликт с РПЦЗ (путем посредничества Патриарха Сербского Варнавы), до конца своей жизни митрополит Антоний (Храповицкий) по-прежнему оставался в жесткой оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому) и его политике признания советской власти. Сохранил он и монархические убеждения.

В последние годы своей жизни владыка Антоний уже не мог вставать и ходить. Перед кончиной он принял схиму. Скончался владыка 10 августа 1936 г. в Сремских Карловцах. Патриарх Сербский Варнава 12 августа совершил отпевание митрополита в соборной церкви Белграда. Отметим, что при жизни он оказывал покойному неизменное покровительство и защиту. Владыка Антоний был похоронен в Белграде в склепе Иверской часовни[9]. В 1945 г. в Югославии находился Патриарх Московский и всея Руси Алексий I, который совершил панихиду по митрополиту Антонию. Так уже после кончины владыки произошло его символическое примирение покойного с Матерью-Церковью.

Подводя некоторые итоги, отметим, что, как и Н. Е. Марков, митрополит Антоний в своих проповедях, речах и трудах, оставаясь убежденным монархистом, выражал непримиримую позицию по отношении к советской власти, отказался поддерживать Декларацию митрополита Сергия, разделял антисемитские взгляды. Сближает позиции двух правых деятелей и тот факт, что оба, первоначально отказываясь признавать права великого князя Кирилла Владимировича на русский престол, впоследствии признали их и, таким образом, оказались в стане легитимистов. Правда, в отличие от Маркова, митрополит не запятнал себя прямыми контактами с нацистами.

---

[8] Степанов А. Антоний (в миру Храповицкий Алексей Павлович) // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 36.

[9] Там же.

Гораздо хуже изучена жизнь других монархистов-эмигрантов, которым, как правило, посвящены лишь отдельные краткие статьи в справочниках и энциклопедиях. Эмигрантская деятельность одного из соратников Н. Е. Маркова по СРН (в 1909–1910 гг. являлся товарищем председателем Главного совета этой структуры), организатора существовавшего в годы Первой мировой войны правого кружка **Александра Александровича Римского-Корсакова** (1850–1922) была не столь насыщенной, как у Маркова, хотя бы по причине его преждевременной кончины в 1922 г. Тем не менее, приведем несколько биографических фактов, связанных с именем Римского-Корсакова. Переехав в 1918 г. Ригу, он вместе с Н. Е. Марковым вскоре принял участие в попытке генерала Н. Н. Юденича «идти на Петроград»[10]. В 1920 г. Римский-Корсаков переселился в Берлин, где играл видную роль среди русской монархической эмиграции. Являлся председателем «Русского комитета» в Берлине (с марта 1921 г.) и «Русского общественного собрания в Берлине (с начала 1921 г.), а затем членом «Совета объединенных русских организаций». В марте 1921 г. А. А. Римский-Корсаков был избран председателем «Русского комитета» в Берлине вместо Ф. Н. Безака, который несколько позже покинул Германию и переехал в Данию[11]. В том же 1921 г. участвовал в Съезде хозяйственного восстановления России, являлся сначала председателем съезда, а затем, уступив свое кресло А. Н. Крупенскому, стал первым из товарищей председателя съезда, входил в президиум съезда[12]. А. А. Римский-Корсаков руководил собранием на храмовом празднике монархистов в Берлине осенью 1921 г. Скончался 26 сентября 1922 г. в Берлине, погребен на местном кладбище Тегель[13]. Его могила сохранилась и расположена слева от могилы русского живописца Н. П. Богданова-Бельского (1868–1945)[14].

---

[10] Подробнее см.: Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции. От Антанты – к Германии: по новым документам. М.; Л: Госиздат, 1926. С. 200; Гражданов Ю. Д., Зимина В. Д. Союз орлов. Белое дело России и германская интервенция в 1917–1920 гг. Волгоград, 1997. С. 73.

[11] О деятельности Ф. Н. Безака в эмиграции в начале 1920-х гг. см.: Иванов А. А. Кавалергард императрицы полковник Федор Николаевич Безак // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 334–335.

[12] Степанов А. Д. Римский-Корсаков А. А. // Святая Русь. Русский патриотизм: Большая энциклопедия русского народа / Гл. ред., сост. О. А. Платонов, сост. А. Д. Степанов. М., 2003. С. 619.

[13] А. А. Римский-Корсаков [Некролог] // Руль. 1922. № 5581. С. 5.

[14] Стогов Д. И. «Он заслужил большую популярность среди монархистов». Александр Александрович Римский-Корсаков // https://ruskline.ru/analitika/2005/11/18/on_zasluzhil_bol_shuyu_populyarnost_sredi_monarhistov (дата обращения 05.08.2023).

Известный черносотенец, председатель Совета РС (1901–1906 гг.), первый почетный член РС, почетный председатель 1-го Всероссийского съезда русских людей в Санкт-Петербурге (8–12 февраля 1906 г.) **Дмитрий Петрович Голицын (Муравлин)** (1860–1928) закончил свою жизнь в эмиграции, бежав в 1920 г. из Советской России. Проживал в Венгрии, в 1921 г. был представителем ВМС в этой стране, с 1922 г. являлся представителем великого князя Кирилла Владимировича, предлагал ему объявить себя местоблюстителем престола. Вскоре отошел от активной политики, но печатал статьи и стихи в монархических изданиях, в том числе в журнале «Двуглавый орел», который редактировал Н. Е. Марков. Писал о необходимости сохранении в незыблемости православия и уповании на милость Божию. По вопросу о перспективах возрождения монархии в России Голицын, как Н. Е. Марков и митрополит Антоний, являлся убежденным легитимистом[15]. Скончался в городе Вышеграде в Венгрии.

Митрополит Евлогий (**Василий Семенович Георгиевский**; 1868–1946, возведен в сан митрополита постановлением Священного Синода по предложению Патриарха Тихона 30 января 1922 г.), один из членов-учредителей черносотенного «Русского окраинного общества» (РОО), проживал сначала в Сербии. Участвовал в Рейхенгалльском съезде, в ходе которого отслужил молебен, а затем панихиду по всем «за Веру, Царя и Отечество живот свой положившим». Разделял легитимистские взгляды по вопросу о престолонаследии. 26 марта 1921 г. указом Патриарха Тихона был назначен управляющим приходами в Западной Европе. Позже жил в Париже (где потом и умер), организовал там богословский институт, в котором преподавали С. Н. Булгаков, А. В. Карташев и другие известные философы. После публикации декларации митрополита Сергия (Страгородского) о поддержки советской власти перешел в оппозицию к Московскому Патриархату, в 1930 г. был запрещен в священнослужении, в феврале 1931 г. со своими приходами перешел в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, образовав из русских приходов в Западной Европе Парижский Экзархат. Во время Великой Отечественной войны поддержал СССР, в 1945 г. получил советский паспорт и 25 августа 1945 г. воссоединился с Московским Патриархатом, став митрополитом, экзархом Западной Европы[16].

Еще один знаменитый иерарх Церкви, в прошлом товарищ председателя московского монархического Братства Воскресения Христова, участ-

[15] Серегин А. В. Монархисты-легитимисты и Русский общевоинский союз // Новый исторический вестник. 2014. № 1 (39). С. 91.

[16] Степанов А. Евлогий (в миру Георгиевский Василий Семенович) // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 196.

ник «Союза русских людей» **митрополит Анастасий (Александр Алексеевич Грибановский**; 1873–1965), эмигрировал в Константинополь, возглавил там «Русский комитет», участвовал в работе Всезаграничного Карловацкого церковного собора, являясь председателем отдела духовного возрождения. В 1924 г. покинул Константинополь, жил в Болгарии, участвовал в освящении Александро-Невского собора в Софии. В Югославии участвовал в очередном архиерейском соборе, был назначен наблюдающим над делами Русской духовной миссии в Иерусалиме. В течение десяти лет (с декабря 1924 г.) служил на Святой земле. В 1935 г. был возведен в сан митрополита, жил в Сремских Карловцах, являлся помощником митрополита Антония (Храповицкого).

После кончины владыки Антония в 1936 г. был избран на пост председателя Архиерейского Синода и Собора РПЦЗ. Позже переехал в Белград (вместе с Синодом РПЦЗ), в ходе немецкой оккупации дал благословение на образование воинских частей из русского населения, сотрудничавших с гитлеровцами. Вместе с тем, к фашизму как идеологии в целом относился отрицательно, считая, подобно Н. Е. Маркову, его неприемлемым для России и русских. В частности, на Свято-Владимировском торжестве в Белграде (1938) он недвусмысленно высказался: «Фашизм – такой тип государственного устройства, какой никак не может быть нашим идеалом. Он основан на началах принуждения, простирающихся на самую идеологию человека. Но вне свободы – нет нравственного подвига и нет нравственной ответственности. Без последних же мы не мыслим русского православного государства»[17]. В сентябре 1944 г. митрополит бежал вместе со всем составом Синода в Вену, затем в Карлсбад, а летом 1945 г. переехал в Мюнхен. В сентябре 1950 г. освятил в Брюсселе храм-памятник Николаю II и всем русским людям, убиенным в революционные годы. В ноябре 1950 г. переехал в США, в мае 1964 г. ушел на покой, похоронен в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле[18].

Стоит отметить, что практически все рассмотренные нами монархисты, так или иначе, сошлись во мнении о необходимости поддержки в качестве кандидата на престол великого князя Кирилла Владимировича. С другой стороны, участники Приамурского земского собора, состоявшегося в июле–августе 1922 г. во Владивостоке из числа белых сторонников монархии (наиболее заметной фигурой среди них был генерал М. К. Дитерихс), не смогли выдвинуть конкретную кандидатуру на рос-

[17] Юбилейный сборник в память 150-летия Русской Православной Церкви в Северной Америке. Нью-Йорк, 1945. С. 34.

[18] Степанов А. Анастасий (в миру Грибановский Александр Алексеевич) // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 29–30.

сийский престол, ограничившись весьма размытым заявлением о том, что им должен стать «законный Государь из Дома Романовых»[19].

Анализируя эмигрантские судьбы известных черносотенцев, неизбежно приходим к выводу, что, несмотря на разность подходов по отдельным вопросам общественной и церковной жизни русского зарубежья (поддержка великого князя Кирилла Владимировича как главного претендента на престол или же несогласие с этой кандидатурой; поддержка митрополита Евлогия (Георгиевского) либо митрополита Антония (Храповицкого) и структур РПЦЗ; готовность сотрудничества по отдельным вопросам с германскими нацистами или полное их неприятие и т. д.), в одном практически все монархисты русской эмиграции оставались последовательными – они по-прежнему, как и в былые, дореволюционные годы, подчеркивали идею первенства православия, необходимость сохранения монархической формы государственности (в том или ином виде, в зависимости от своих политических предпочтений), выражали отрицательное отношение к масонству, в той или иной степени подвергали критике советский строй. Вместе с тем, многочисленные попытки монархистов консолидировать свои разрозненные ряды оказались обреченными на провал. Монархическая идея в итоге не стала господствующей в русской эмигрантской среде, а по мере естественного ухода из жизни эмигрантов – столпов монархизма, становилась, скорее, некой экзотикой в среде русского рассеяния.

[19] Даватц В. Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926. С. 48.

В. В. Семенов

Керенский и Корнилов: искание Генерала на белом коне в 1917 г.

Вступление

Феномен массового ожидания и искания Генерала на белом коне, обнаруживающийся при тесном соприкосновении с историческими сюжетами рубежа XIX–XX вв., в немалой степени интересен благодаря тому, что ему удалось пронизать все без исключения слои российского населения от династических вершин до народных толщ. Эта символическая фигура обладала рядом самоочевидных, понятных условностей: так, белый конь традиционно сопутствовал воинам-победителям и триумфаторам, от плеяды античных и библейских героев до маршала Г. К. Жукова, принимавшего на белоснежном жеребце московский Парад Победы 1945 г. Каноничная предметность данного образа наиболее прочно соединена с такими общеизвестными историческими фигурами как Цезарь и Наполеон. Именно императору французов удалось привнести почти словарную определенность в современное понимание этого идеала, и именно он полноценно связал образ с харизматическим лидерством[1]. Присущие данному типу лидерства энергетическая сила, динамизм, иррациональность и идея эмоциональной общности оказались закономерно востребованы в Российской империи, чему способствовал упадок патримониального самодержавия. Это гармонировало с наполеоновским амплуа диктатора-харизматика, чье право на власть оправдывалось не отживающей традицией, а приобретенным доверием широких масс, а сама власть являлась неограниченной в силу исключительности своего носителя – того, что классик мировой социологии М. Вебер именовал «господством личности гения»[2].

Генерал на белом коне как тип русского героя

Идеал «Генерала на белом коне» был персонифицирован на русской почве прославленным полководцем М. Д. Скобелевым во второй половине XIX в. Этот молодой военачальник, пробивший себе дорогу благодаря незаурядному таланту и отчаянной смелости, сам сотворил свой фактурный и памятный образ, бесстрашно появляясь в гуще сражений в

---

[1] Подробнее см.: Семенов В. В. Генерал на белом коне: сложение культурного архетипа и символа // Записки Забайкальского отделения Российского исторического общества. 2023. № 1. С. 6–10.

[2] Baehr P. Caesarism, charisma, and fate: Historical sources and modern resonances in the work of Max Weber. New Brunswick, 2008. P. 101; Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / пер. с нем. Т. 4. Господство. М., 2019. С. 35.

белоснежном кителе и на молочного цвета коне[3]. Спустя несколько десятилетий поэт Александр Блок ретроспективно упомянул о нем как о ярчайшем видении Русско-турецкой войны 1877–78 гг. – последней победоносной кампании Российской империи:

Их речи об одном твердят:
Как Белый Генерал на белом
Коне, средь вражеских гранат,
Стоял, как призрак невредимый,
Шутя спокойно над огнем[4].

Генерал на белом коне в лице Скобелева стал новым типом русского героя, интуитивно понятным и близким, и встречающим живое преклонение как в образованных кругах, так и в простонародье. Он сделался частью широкой мечты о преисполненном энергии и харизмы национальном лидере и вожде[5]. В этой мечте угадывались очертания наполеоновского феномена, который воодушевлял Скобелева, занимал его мысли, также, возможно, невольно управляя и его жестами[6]. Неудивительно, что свидетели триумфального прибытия Белого генерала из очередного туркестанского похода увидели в нем силуэт Первого консула, возвращающегося из Египта. Эта меткая аналогия зашла чрезвычайно далеко. Высшие сферы стали усматривать в нем «генерала от пронунциаменто», что на языке того века означало военного, способного пойти на переворот ради повторения наполеоновской карьеры[7]. Секретарь французского посольства Э.-М. де Вогюэ под впечатлением от речей Скобелева назвал его «опасным сумасшедшим», готовым для роли Бонапарта[8]. Преждевременная, окутанная слухами кончина народного любимца не дала осуществиться возможным планам. Однако кричаще броская, экзальтирующая фигура Скобелева стала ярким ориентиром для множества честолюбивых военных, окончательно сформировав русский идеал «Генерала на белом коне».

---

[3] Кнорринг Н. Н. Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Исторический этюд // Белый генерал. М., 1991. С. 37; Немирович-Данченко В. И. Скобелев: Личные воспоминания и впечатления // Белый генерал. М., 1991. С. 306, 358.

[4] Блок А. А. Возмездие. Пб., 1922. С. 35–36.

[5] Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С. 204–205. Справедливо утверждение современной исследовательницы Б. Л. Шапиро, что в этом символическом образе «оформились массовые ожидания от верховной власти» (см.: Шапиро Б. Л. Русский всадник в парадигме власти. М., 2021. С. 455).

[6] Генерал М. Д. Скобелев: «Мы не хозяева в своем собственном доме» / публ. Л. Рябченко // Источник. Документы русской истории. 1993. № 5–6. С. 38–59.

[7] Кнорринг Н. Н. Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Исторический этюд. С. 247.

[8] Там же. С. 186.

С началом Первой мировой войны эта мечта пронизала страну от династических вершин до народной толщи. Легенда о Генерале на белом коне, «будто бы являвшемся в русскую армию и принесшим ей зарок непобедимости», стремительно охватила часть солдатских масс, передаваясь из уст в уста[9]. Именно к нему, наводящему своим появлением оторопь на врагов и прогоняющему их восвояси, солдатское мышление возводило иррациональные корни победы над немцами на Висле осенью 1914 г. Один провинциальный стихотворец отозвался на эту фронтовую легенду такими строчками:

И в каждом бою (так легенда сложилась)

На белом коне генерал боевой,

Под градом свинца, там, где смерть поселилась,

Являлся в черте огневой![10]

Газеты сообщали, что по наводнившим русские окопы бесхитростным устным рассказам призрачный Генерал на белом коне был волен определять участь солдата, и встретившему на себе его взгляд обещаны были и жизнь, и здоровье. Поклонение простого воина фантомному, никем по-настоящему не виденному Всаднику, якобы возникавшему то в солдатских траншеях, то в горячке боя, обнаруживало запрос рядовых масс на живую, походную связь с начальниками, которые по-суворовски делили бы с ними наравне все опасности и лишения. Во многом всё это восходило к еще свежей памяти Скобелева и его неповторимой популярности. В публицистике первого года мировой войны, соответствующие моменту солдатские видения напрямую увязывались с фигурой «любимого героя, вождя-защитника» недавнего прошлого: «И если говорят, что Белый генерал турецкой кампании 1877 года Михаил Дмитриевич Скобелев умер, то любовь к нему русского народа воскрешает его в своих ожиданиях, как защитника государства… Никто, кажется, так страстно не желал побить германцев и австрийцев, как этот грозный для них Белый генерал, Михаил Дмитриевич. Понятно желание русского народа, да и всех славян, видеть его в своих рядах теперь»[11].

Власти проявляли интерес к этому мистическому дискурсу, пытаясь исподволь овладеть им[12]. Думается, не случайно в годы войны скакун белой масти был частым спутником выездов Николая II. Можно лишь со-

---

[9] Военные эпизоды // Курская быль. 1914. 6 ноября. № 266. С. 2.
[10] Иванов Т. Белый генерал // Курская быль. 1914. 19 ноября. № 279. С. 2.
[11] Ювачев И. П. Война и вера // Исторический вестник. 1915. Т. 139. № 2. С. 583.
[12] Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020. С. 657.

гласиться с предположением современного исследователя Б. И. Колоницкого, «что это должно было способствовать формированию образа императора-победителя, “полководца на белом коне”»[13]. Та же тактика, очевидно, была не чужда и дяде государя, Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу Младшему, – прекрасному кавалеристу, бравшему свое главным образом выдающимися внешними данными. Привязанность августейших дяди и племянника к белым лошадям была известна еще задолго до того – со времен совместной службы в лейб-гусарах в 1880-х гг.[14] При этом, несомненно, что в данном аспекте, чаяния и предпочтения народных низов были действительно восприняты наверху со всей серьезностью, найдя отражение в репрезентативных практиках власть предержащих.

Керенский: генерал от политики

Ожидание и страстное желание появления этого заведомо необыкновенного человека – Генерала на белом коне – достигли своего пика в годину Русской революции. В те дни сложилось воедино всё. Страну влекли и направляли, по отзыву влиятельного предпринимателя П. П. Рябушинского, три начала: «несбыточная мечта, невежество и демагогия»[15]. Народ живо искал спасителя, который вывел бы Россию из теснины внутренних противоречий, и неистово жаждал вождя, способного довести до победы в войне. Революционное время с его бьющей через край энергией новизны, обещавшей всякому решительному индивиду невиданные прежде шансы на личный успех, одного за другим выбрасывало наверх людей, стремившихся к этой роли. Храбрецы без твердых убеждений, ловцы дешевой популярности, казарменные витии и уличные трибуны, желавшие добиться славы, власти или признания, стремительно вспыхивали и столь же молниеносно угасали, освобождая место на новых соискателей успеха. Но среди этого ералаша неисполненных амбиций нашелся человек, чья буйная искра, вспыхнувшая в самые первые дни революции, не только не погасла в следующие же недели, но, напротив, разгоралась всё сильнее с каждой новой конвульсией терзающейся страны. На авансцену русской истории в тот год вышел А. Ф. Керенский – один из наиболее популярных оппозиционных депутатов Государственной Думы последнего, четвертого созыва.

Будучи мастером политической игры, он быстро вознесся на вершину и в дальнейшем неуклонно выказывал всепоглощающую тягу и реши-

---

[13] Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2021. С. 190.
[14] Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 29, 36.
[15] Государственное совещание: [стеногр. отчет]. М.-Л., 1930. С. 255.

мость удержаться у кормила. Будучи необыкновенно восприимчивой личностью, Керенский тонко чувствовал психологию исключительного времени. Он сразу понял убийственную правоту слов видного политика В. В. Шульгина: «В революционное время люди только те, кто держит в руках винтовку. Остальные – это мразь, пыль, по которой ступают эти – “винтовочные”»[16]. Иначе говоря, «оружию критики», как подметил социолог П. А. Сорокин, неизбежно приходит на смену «критика оружием»[17]. И дабы иметь в глазах человека с ружьем право на власть над ним, и чтобы не быть для него же, как тогда говорилось, штафиркой, шпаком и рябчиком во фраке, Керенский, ни дня прежде не носивший никакой формы кроме гимназического и студенческого мундиров, облек себя в полувоенный френч защитного цвета, фуражку и краги для верховой езды. Он даже поддался на уговоры и попытался оседлать лошадь. Двадцатиодно-летний юнкер Леонид Каннегисер, своими глазами увидевший самого популярного человека страны на летнем смотре под Петроградом, не скрывая восторга, написал в стихах:

На солнце, сверкая штыками –
Пехота. За ней, в глубине, –
Донцы-казаки. Пред полками –
Керéнский на белом коне.
<…>
И если, шатаясь от боли,
К тебе припаду я, о, мать! –
И буду в покинутом поле
С простреленной грудью лежать, –
Тогда у блаженного входа,
В предсмертном и радостном сне
Я вспомню – Россия. Свобода.
Керенский на белом коне[18].

[16] Шульгин В. В. Дни. Л., 1926. С. 105–106.

[17] «Выдвижение на первые роли руководителей “критики оружием” – необходимая функция всякой революции» (Сорокин П. А. Социология революции. М., 2005. С. 251). При этом Сорокин использовал формулировки меньшевика И. Г. Церетели, сказанные на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в отношении большевиков (см.: Историческое заседание // Правда. 1917. 13 (26) июня. № 80. С. 2).

[18] Леонид Каннегисер: Статьи Г. Адамовича, М. А. Алданова, Г. Иванова. Из посмертных стихов Леонида Каннегисера. Париж, 1928. С. 80–81.

Потенциально это был очень сильный шаг. Верно использованный и развитый, он позволил бы Керенскому довершить свой новый образ, предельно приблизив его к архетипу Белого всадника. Однако «Агасфер русской революции», не совладав с природой лошади, потерпел обидную неудачу. Руководивший смотром генерал П. А. Половцов, сам вложивший повод в руки Керенского, потом сардонически пересказывал, как тот «взгромоздился в седло и… поехал по фронту», сопровождаемый конюхами, готовыми подхватить ездока, если тот упадет с лошади, и больше напоминающий епископа верхом, нежели полководца[19]. Талантливый актер, по оценке Шульгина, «министр революционной театральности», как сочно выразился Ленин, – Керенский смог вскружить голову вчерашнему студенту поэту Каннегисеру, но не профессиональной «военной косточке». Попытка всецело гражданского человека обмануть порядок вещей и заместить своей персоной милитарный идеал закономерно срезалась на такой, казалось бы, незначительной мелочи.

Стихи Каннегисера оказались посмертными, увидев свет лишь спустя десятилетие после его гибели. Но были слышавшие их в авторском произнесении, в пересказе, читавшие в рукописи. «Неразливный» юношеский друг поэта-мстителя Сергей Есенин вспомнил о колоритном описании в работе над поэмой «Анна Снегина»[20]. Использовав его, Есенин бережно отнесся к памяти прежнего наперсника – в его опубликованных строчках скорее видится оммаж Каннегисеру, чем насмешка над ним или его кумиром, так и не вышедшая из черновиков:

Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смрадном огне
Тогда над страною калифствовал
Керенский на белом коне[21].

Есенин хорошо понимал причину подобной экзальтированности пьянящей фигурой Керенского. Сознавал ее и поэт-эмигрант Анатолий Штейгер: «Ничего, что слова “Керенский на белом коне” у многих теперь вызывают улыбку. Но надо вспомнить, *чем* был для большинства Керенский в 1917 году и как его видел, или хотел видеть восторженный и спутанный мальчик и *какие* слова он нашел для Керенского… Во всяком

[19] Половцов П. А. Дни затмения: Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцова в 1917 году. Париж, 1918. С. 92–93.
[20] Письма Леонида Каннегисера Сергею Есенину // Наш современник. 1990. № 10. С. 161. Красноречивое определение дружбы двух поэтов принадлежит Марине Цветаевой (см.: Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М., 1994. С. 285).
[21] Есенин С. А. Полное собрание сочинений. В 7 т. Т. 3. Поэмы. М., 1998. С. 161, 406.

случае эти слова Керенским не заслужены»[22]. Вместе с тем хранитель каннегисеровских записей Георгий Иванов, познакомивший Штейгера со стихами расстрелянного поэта, не сдерживал иронии по отношению к временщику революции:

Снится им – из пустоты вселенской,

Заново (и сладко на душе)

Выгарцует этакий Керенский

На кобыле из папье-маше[23].

Пожалуй, за исключением этого запоминающегося случая и сам Керенский, и его гражданские паладины гарцевали верхом лишь в иносказательном смысле[24]. Он более не приближался к формальному повторению архетипического образа, тем более что прямые ассоциации с Бонапартом приносили для него, вожака революционных масс, не всегда желательные плоды[25]. Важно отметить, что призрак Генерала на белом коне, небесспорно названный одним из исследователей «интеллигентским фантазмом революционного времени», не только обладал огромной притягивающей силой, но и в самом деле пугал и обескураживал определенную часть интеллигенции[26]. В глазах представителей крайне левого политического спектра мечта о Генерале на белом коне являлась, бесспорно, реакционным феноменом и потому была им чужда[27]. В данном аспекте эту символическую фигуру можно утвердительно рассматривать как часть левой демонологии[28]. Тем не менее, сам Керенский, невзирая на свою революционность, не торопился целиком отрекаться от традиционного символизма[29].

Пренебрегая полным соблюдением внешней формы, он стремился соответствовать духу народной мечты с ее запросом на фигуру победителя. Керенский ударился в поиски военного триумфа, изрядно исколесив ли-

---

[22] Выделено автором строк. Штейгер А. С. Мертвое «да». Электрон. дан. Рудня; Смоленск, 2009. Режим доступа: www.kniga-online.com (дата обращения: 5.11.2023).

[23] Иванов Г. В. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. Стихотворения. М., 1993. С. 541.

[24] Карабчевский Н. П. Дело о гибели Российской империи. М., 2018. С. 176.

[25] Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» март–июнь 1917 г. М., 2021. С. 341, 343.

[26] Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 321, 349–350.

[27] Shlapentokh D. The Counter-Revolution in Revolution. Images of Thermidor and Napoleon at the Time of Russian Revolution and Civil War. Basingstoke ; London, 1999. P. 11.

[28] Неспроста с первых дней же советской власти руководство партии и страны питало страх перед появлением такой личности из рядов молодой Красной армии, что накладывало отпечаток на его взаимоотношения с Вооруженными силами (см.: Finer S. E. The man on horseback: the role of the military in politics. New Brunswick, 2002. P. 100, 104).

[29] Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. С. 149.

нию фронта в обе стороны, призывая солдатские массы на решительный бой. «Главноуговаривающий» – так он был прозван за эти попытки. По замечанию современника, «в армию вводился новый элемент духовной подготовки в виде революционного экстаза Керенского»[30]. Для последнего это была рискованная ставка: ее успех стал бы успехом его имени, открывая перед «вождем демократии» скрытую прежде ипостась подлинного триумфатора; неудача выбивала бы из-под его ног ту зыбкую непостоянную опору, на которой он стоял – популярность, замешанную на массовом психозе и всеобщей экзальтации.

Однако на кону летнего наступления стояла не только политическая карьера Керенского, но и судьба мятущейся России. Как красноречиво писал остро переживавший всё происходившее со страной генерал А. И. Деникин, «победа давала мир внешний и некоторую возможность внутреннего. Поражение открывало перед государством бездонную пропасть»[31]. Солдатская масса, разложившаяся, по меткой формулировке современника, до «шкурно-демобилизационного типа»[32], была не способна сражаться и побеждать. Во многом авантюрное предприятие предсказуемо окончилось катастрофой, и звезда Керенского, вознесшаяся сверх всяких ожиданий, стремительно пошла на спад. Общество разглядело, что от Генерала на белом коне в военном и морском министре присутствуют только поза, «глаза… бонапартьи и цвета защитного френч»[33]. Неудачное наступление русской армии, фатально подорвав престиж эксцентричного площадного вождя, выдвинуло на передний план фигуру совсем другого толка – генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова.

Корнилов: Гай Марий современности

Общество разочаровывалось в фанаберистых мастерах слова. Но отрезвление от театральности «керенщины» не умерило тягу к обретению харизматического вождя и через него – простого очеловеченного ответа на все запутанные проблемы и расхождения времени. Американский публицист А. Р. Вильямс, посетивший российскую столицу летом 1917 г., отметил, что в обществе сами собой начались настойчивые поиски «Человека меча», «Человека на коне» – той поистине сильной фигуры, что не потерпит революционного сумасбродства и станет править железной

---

[30] Стратегический очерк войны 1914–1918 г.: в 7 ч. Ч. 7. М., 1923. С. 66.

[31] Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск, 2002. С. 192.

[32] Вырубов В. В. Воспоминания о корниловском деле / публ. Н. В. Вырубова // Минувшее: Исторический альманах. № 12. М.; СПб., 1993. С. 24.

[33] Маяковский В. В. Владимир Ильич Ленин: Поэма; Хорошо: Октябрьская поэма. М., 1938. С. 106–107.

рукой[34]. Таким железноруким автократом многим виделся генерал Корнилов. В этом выходце из сибирских казаков, герое войны, за плечами которого значились боевые заслуги и дерзкий побег из плена, чувствовалась природность лидерства. Его яркую, колоритную выразительность характеризовала не внешняя фактурность, а харизма личности – подлинного вожака, а не демагога. Она притягивала к себе, позволяя с легкостью завладевать вниманием окружающих. Это было исключительно важно для претворения любых политических амбиций, ведь по удивительно точному сравнению свидетеля эпохи военного историка Н. Н. Головина, «обывательское мнение… отворачивалось от Кутузовых и искало Багратионов»[35].

Провальное июньское наступление, обнаружившее паралич военной власти, парадоксально стало трамплином для этого жестокого поборника порядка и дисциплины. Всего в две недели он, активно продвигаемый Керенским, прошел путь от одного из четырнадцати командующих армиями к посту Верховного Главнокомандующего[36]. С февральских дней окруженный революционным флером и реноме носителя «демократизма», столь разительно непохожий на одеревенелых рутинеров старорежимной армии, Корнилов, видимо, мог рассматриваться министром-председателем Временного правительства как идеальная фигура на роль маршала революции. Однако, оказавшись на самом верху армейской иерархии, строптивый военачальник поспешил продемонстрировать свою политическую самостоятельность и своемыслие, уверовав, как заметил Н. Н. Головин, «в то, что Россия может быть спасена только им, Корниловым»[37]. Мемуарист А. Н. Вознесенский полагал, что утвердившийся в своем мессианизме Корнилов был тогда воспринят Керенским уже как опасный «кандидат на амплуа генерала на белом коне», т. е. на место и статус, которые он отводил единственно самому себе[38].

В их непродолжительной схватке за первенство победа осталась за более искушенным в политической игре «народным министром». События конца августа 1917 г., проходящие в источниках под определениями «корниловского заговора, мятежа, выступления или восстания», и поныне остаются противоречивыми. Бесспорно лишь то, что незрелая попытка

---

[34] Williams A. R. Through the Russian Revolution. New York, 1921. P. 72.
[35] Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. 1. Кн. 2. Таллин. 1937. С. 8–9.
[36] Тютюкин С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.) М., 2012. С. 211.
[37] Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. 1. Кн. 2. Таллин. 1937. С. 9–10.
[38] Вознесенский А. Н. Москва в 1917 году. М.; Л., 1928. С. 96.

Корнилова добиться личной диктатуры провалилась, и генерал почти в одночасье пал от властного исполнителя должности главковерха до положения бесправного арестанта на грани самоубийства[39]. Устранение соперника не помогло Керенскому надолго удержать власть: это была его пиррова победа, давшая ему только два месяца отсрочки фатального политического конца. Исследователь Р. Абрахам красноречиво подметил: «И всё же, если Керенский был вторым Бонапартом, то теперь он был Наполеоном 1812–13 гг., преодолевавшим бушующий поток на ходулях, что раскалывались прямо под ним»[40]. После обросшего фантасмагоричными толками бегства министра-председателя из Зимнего дворца утром 25 октября 1917 г. он сам стал «отыгранной картой» даже для своих однопартийцев, вскоре навсегда эмигрировав за границу. Полвека последующей жизни Керенского его современный биограф уместил всего лишь в двадцатую часть жизнеописания[41].

Итак, семнадцатый год сперва утвердил, а затем дезавуировал все до единой претензии на роль спасителя страны. В известном смысле стал «живым трупом» Керенский, потерпели неудачу и амбиции его армейского визави. По мнению последнего военного министра Временного правительства А. И. Верховского, отмеченному в его дневнике, Корнилов совершенно не подходил для амплуа Генерала на белом коне: «Это честный солдат, очень смелый, очень твердый, но совсем не политик»[42]. Действительно, если Керенский был *только* политик, тщетно пытавшийся выстроить себе милитарный образ, то Корнилов в противоположность ему был *только* военный, чье отношение к политике было смесью подозрения, отвращения и непонимания. Один из некрологов неистового генерала именовал отсутствие у него «специфического чутья политика» несчастьем и для него самого, и для России[43]. «Если существовал в мире человек, совершенно не созданный для политики, то это был именно генерал Корнилов», – подтверждал лично знавший его современник[44]. Очевидно, для

---

[39] Комаровский Е. А. Генерал-от-инфантерии Л. Г. Корнилов // Белое движение. Исторические портреты: Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель… М., 2006. С. 29; Цветков В. Ж. Лавр Георгиевич Корнилов // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 55–84.

[40] Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. New York, 1987. P. 31.

[41] Федюк В. П. Керенский. М., 2009. 405 с.

[42] Верховский А. И. Россия на Голгофе: (из походного дневника 1914–1918 гг.) М., 2014. С. 142.

[43] М. Г-н [Ганфман М. И.] Памяти Корнилова // Сегодня. Рига. 1928. 13 апреля. № 98. С. 2.

[44] Вырубов В. В. Воспоминания о корниловском деле / публ. Н. В. Вырубова // Минувшее: Исторический альманах. № 12. М.; СПб., 1993. С. 23.

того, чтобы подтвердить схожие мессианские притязания в это чрезвычайное время, необходимо было неразрывно совмещать в себе обе сущности – полководца и государственного деятеля, военного профессионала и политического практика.

Из уст офицеров ударных частей, преданных Корнилову, звучало, что «вера в генерала Корнилова имела границу: если бы он нас послал на гражданскую войну, полк этого приказания не исполнил бы»[45]. Действительно, Гражданская война наступила без его участия, но, уже начавшись, она дала второй шанс устремлениям Корнилова. Тюрьма, куда он был определен Керенским, лишь удесятерила его силы[46]. В декабре 1917 г. на пока еще тихом Дону Корнилов со своим нажитым реноме политически «красного»[47], оживотворил движение, которое со временем получит название Белого. Это стало одним из множества парадоксов, придавших колоссальную драматическую живость и насыщенность той поистине экстраординарной эпохе. Вполне в духе времени, притягивавшего противоположное и сопрягавшего несовместимое, появились слухи, что на Дону будто бы объявился и Керенский, желавший повторно войти в реку союза с Корниловым[48]. Однако, если звездный час первого был ощутимо позади, то лебединая песнь последнего еще не была спета.

Про «бараньи мозги» Корнилова иронизировали все – от его предшественников в должности Главковерха генералов Брусилова и Алексеева до иностранных наблюдателей и отечественных политических акул[49]. Но даже недоброжелатели признавали за ним «львиное сердце»: и Ленин, конечно, не случайно именовал его «первым по смелости контрреволюционером»[50]. Шаткое подобие гражданского мира заставляло Корнилова против воли прикладывать руку к безмерно тяготившей его политике. Война вернула генерала в его родную, единственно близкую ему стихию прямой и от-

---

[45] Дело генерала Л. Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках: Авг. 1917 г. – июнь 1918 г.: в 2 т. Т. 2. М., 2003. С. 182.

[46] История гражданской войны в СССР. Т. 2. М., 1947. С. 13.

[47] Гиацинтов Э. Н. Записки белого офицера. М., 2010. С. 108.

[48] Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб., 2021. С. 95–98.

[49] Половцов П. А. Дни затмения: Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцова в 1917 году. Париж, 1918. С. 185; Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 276–277; Вырубов В. В. Воспоминания о корниловском деле / публ. Н. В. Вырубова // Минувшее: Исторический альманах. № 12. М.; СПб., 1993. С. 24; Милюков П. Н. Россия на переломе. Т. 2. Париж, 1927. С. 57.

[50] Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 233.

крытой борьбы. Фактически он и сам был стихией. Корнилов сумел, отбросив ненавистные ему игры плаща и кинжала, безоглядно отвернуться от политики и вместе с тем стать ее живым олицетворением для сотен и тысяч своих соратников[51]. Он, наконец, обрел и диктаторскую власть, персонифицировав ее в себе как в символе веры. Его духовная диктатура ненависти не была ни реставрационной, ни революционной: она зиждилась не на лелеемых образах прошлого или будущего, а на фанатичной, полурелигиозной нетерпимости по отношению к анархии, измене и национальному позору.

Он был диктатором только для своей малочисленной Добровольческой армии, но неспроста «красный граф» А. Н. Толстой окрестил однажды добровольцев «последним бродячим клочком России»[52]. Корнилов стал воплощенным знаменем именно потому, что в разгар революции, когда правительство вело речь лишь о ее успехах и нуждах, он первым открыто поднял вопрос, а нужна ли стране революция, ставящая под сомнение существование самой России. Потому для многих людей, исповедовавших Родину в своем сердце, она в ту пору находилась непосредственно там, где был Корнилов. Искание Генерала на белом коне достигло тогда своего апогея, когда отголоски этого внутреннего состояния общества проникли и в далекую от традиционного символизма риторику большевиков[53]. Совершенно неудивительно, что именно в белом стане – лагере «генеральской контрреволюции» – обнаруживали эту необыкновенную, спасительную личность. Многие свидетели эпохи, равно как и ее исследователи, схожи во мнении, что в первый год Гражданской войны белые были ближе всего, чтобы добиться желаемого и отпраздновать триумф в столице Отечества. Но гибель от разорвавшейся гранаты в последний день весны 1918 г. не позволила Корнилову пройти по этому пути, одновременно лишив Белое движение определяющей фигуры лидера, проповедовавшего цель и обозначавшего подходы к ее достижению; вождя, которому едва ли можно было отыскать равнозначную замену.

Заключение

Сложившийся из череды смысловых напластований, фактурный символ Генерала на белом коне стал одним из крупнейших идеалов «долгого

---

[51] Пауль С. М. С Корниловым // Белое дело. Ледяной поход. М., 1993. С. 183.

[52] Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5: Хождение по мукам. Кн. 1 и 2. М., 1959. С. 346.

[53] См. к прим.: IV Всероссийская конференция профессиональных союзов: 12–17 марта 1918 г.: (Протоколы и материалы) / собр. и обраб. для печ. М. Заяц, Ю. Милонов. М., 1923. С. 40. Также: Душенко К. В. Красное и белое: Из истории политического языка: сб. ст. М., 2018. С. 53.

XIX века». Его стержневыми внутренними составляющими были качества, сопряженные с харизматическим типом лидерства, благодаря чему ожидание Генерала на белом коне можно назвать следствием национальной тоски по вождям-харизматикам и героям во власти. Этот идеал был живо воплощен на русской почве генералом М. Д. Скобелевым и после его безвременной кончины продолжал оставаться частью коллективного воображаемого. В начале XX века, уже на излете уходящей эпохи, он правил воображением и будоражил сознание, пронизывая страну от высшего столичного света до глубин черного народа. Тогда, с одной стороны, политика впервые стала определяющей основой жизни общества; с другой же, переиначивая известную фразу, ружье начало определять сознание людей. Революционная острота времени, хаотично выталкивая наверх то одну, то другую фигуру, требовала от них становиться теми, кем они по природе не являлись: оттого военные принуждены были становиться политиками поневоле, а политики – облачать себя и свои мысли в полувоенную форму. «Отцы солдатам» – генералы – стихийно выдвигались на стезю отцовства масс и государственной работы, а площадные и кабинетные вожди, напротив, побуждались распространять проекцию своего авторитета в подчеркнуто милитарной форме на армию как коренную основу любого воюющего государства.

Одни из крупнейших фигур своего времени по своему положению и исторической роли – А. Ф. Керенский и Л. Г. Корнилов – контекстуально представляют два разнотипных образчика личности, две утрированно радикальных вариации совмещения форм, ипостасей от мира войны и мира политики: один – политик до мозга костей, другой – абсолютный homo militaris. Керенский, не будучи создан для войны и не доверяя военным, до последнего момента стремился прийти к триумфу через гражданскую диктатуру, пытаясь свести роль армии к исполнительной функции[54]. Корнилов, напротив, был воякой с атрофированным политическим чувством, и чем дальше, тем решительнее он отторгал от себя угнетающую его политику, не сознавая, что подчеркнуто аполитичная военная диктатура, к которой он шел, закономерно сократила бы пространство возможностей его выигрыша до минимума, оставив единственное решение – силой оружия. Каждый из них видел себя в лаврах триумфатора, и каждый потерпел неудачу на этой тропе вследствие разнохарактерных причин. Возможно, для того чтобы не просто соотнестись с идеалом, но и добиться неподдельного успеха на этой

[54] Тютюкин С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.) М., 2012. С. 275–276.

планиде, недостаточно было ни убежденности в исключительности своей миссии, ни харизмы, ни военного дарования или политического чутья, ни какого-либо иного атрибута в отдельности или бессвязном наборе. Необходимо было, смыкая в себе всё, быть поистине гением во власти; иначе говоря, не только походить на идеал, но и являться им. Так или иначе, оба они, воспринимавшиеся в амплуа Генерала на белом коне и притязавшие на него, в совокупности дают удивительно живое представление об этом ныне полузабытом культурном символе, оказавшем столь значительное влияние на свою эпоху.

Марк Д. Стейнберг

Как излагают и объясняют революцию американским студентам. 1963–2023 гг.

Одним из самых известных учебников по истории России в американских университетах является «История России» Николая Рязановского. С момента ее первого издания в 1963 г. ее прочитали тысячи студентов. В августе 2023 года я представил исправленный текст десятого издания в издательство «Oxford University Press» в Нью-Йорке, которое вновь решило переиздать этот учебник, считая его самым долговечным и самым читаемым учебником по истории России на английском языке.

Это эссе представляет собой размышление об историографической направленности книги, особенно в отношении ее подхода к революции и гражданской войне.

Вначале несколько слов об авторе. Рязановский родился в декабре 1923 года в Харбине, Маньчжурия (где, по совпадению, родилась и моя мать) и умер в 2011 году в Беркли, Калифорния, где с 1957 года он был профессором Калифорнийского университета (и где, уже не случайно, я был аспирантом и получил докторскую степень). Рязановский был откровенен и настойчив в своем подходе к изложению и интерпретации событий прошлого: пристальное внимание к документируемым фактам (и исправлению их в свете новых исследований); признание меняющихся и противоречивых интерпретаций (и готовность пересмотреть собственные интерпретации); рассмотрение истории России как части мировой истории, а не как отдельной и уникальной; и всеобъемлющий взгляд на «историю», включающий политику, лидеров, идеологии, экономику, общество, философию, литературу и искусство. Как любил говорить Рязановский, «история – это всё». Возможно, самым важным было то, что Рязановский настаивал, что задача историка состоит в том, чтобы работать как совместно со своими убеждениями, так и против них, стремясь к балансу и справедливости. В устном историческом интервью в 1996 году он заметил: «Мой отец [адвокат, правовед, востоковед и историк Валентин Александрович Рязановский], знавший различные группы людей, говорил, что безусловно лучшие люди – уравновешенные, рассудительные, чрезвычайно осторожные в том, что они делают – были судьи, а не профессора». Николай Рязановский старался следовать этому подходу в своем творчестве. Поэтому он назвал свою книгу “*A* History of Russia”, а не “*The* History of Russia” – английский артикль «а» подчеркивает, что не может быть единого

авторитетного и окончательного нарратива и интерпретации. Именно поэтому он хотел, чтобы его книга постоянно пересматривалась с учетом новых исследований и лучших интерпретаций.

Когда Рязановский впервые попросил меня присоединиться к нему к работе над седьмым изданием, он сделал это, как сказал мне, потому что ценил мою работу за то, что я подчеркивал различные аспекты истории (особенно социальной истории), сохраняя при этом свои основные методологические ценности: широту, баланс, объективность. Как он и предполагал, я привнес в работу свои собственные ориентиры, в особенности «историю снизу» и внимание к разнообразию человеческого «опыта»: идеям, ожиданиям и эмоциям, когда люди пытались осмыслять мир, в котором они жили. В частности, я хотел включить в текст (без увеличения объема книги, на чем настаивал издатель) больше о жизни и опыте рабочих и крестьян, больше о женщинах и гендере, больше об инородцах и империи, больше о народной культуре. Рязановский с готовностью согласился. Но он также понимал, что рассказывать историю означает не только соблюдение добросовестности и объективности, но также и необходимость выбора, «слепые пятна» в интерпретации, а также продолжение изучения нового и переосмысления старого.

Десятое издание, которое выйдет в печати в 2024 году, следует этим установкам:

- обновление повествования, включение в него самых последних событий и тенденций (что включает в себя сложную задачу рассмотрения настоящего глазами историка в поисках истоков, закономерностей и направлений);
- отражение новых научных исследований, вопросов и интерпретаций;
- признание того, что всё от международных отношений до литературы взаимосвязано;
- рассмотрение имперской экспансии и разнообразия, наряду с национальной тематикой, как центрального вопроса для всей истории России (сам по себе это сложный и дискуссионный термин, включающий Русь, Московское государство, Российскую империю, СССР и Российскую Федерацию, включая земли и народы, чьи истории иногда находятся внутри, а иногда и за пределами меняющихся государственных границ);
- акцентирование собственного опыта людей, в том числе людей с малой долей власти и привилегий; и как можно большее цитирование «голосов» истории.

Но, как говорят англичане, «качество пудинга проверяется при его съедении». Соответственно далее следуют не рассуждения о тексте и его методах, а выдержки из верстки десятого издания. Можно, конечно, утверждать, как я это делаю в другой книге[1], что «Русская революция» это цепочка взаимосвязанных событий, которые начались в январе 1905 года и закончились с началом НЭПа в 1921 году; другие убедительно раздвинули рамки этого явления от 1890-х годов и до 1930-х годов. В этом эссе я ограничиваю себя рассмотрением четырех бурных лет, последовавших за падением самодержавия Романовых в феврале 1917 года. Основные проблемы 1917–1921 годы рассматриваются в трех главах учебника:

- Глава 32: «Революции 1917 года»
- Глава 33: «Новое государство, 1917–1928 годы»
- Глава 34: «Революция в обществе и культуре»

Далее я привожу краткие фрагменты из этих глав, призванные сориентировать читателей-студентов в вопросах интерпретации основных проблем в истории Русской революции.

I. Революции в обществе и культуре

Из главы 32: «Революции 1917 года»

Историю русской революции рассказывали и интерпретировали столь же многими способами, сколько существует способов рассказать и интерпретировать саму историю. Традиционные подходы сосредоточены на причинах: в частности, почему царское самодержавие рухнуло в феврале 1917 года, а затем сменившее его либеральное правительство пало перед большевиками всего через несколько месяцев пребывания у власти? Обычные ответы подчеркивают роль институтов, лидеров и идеологий, а сам структура рассказа о событиях построена на объяснении причин: события, определяющие последующие события. «Ревизионистская» социальная история, сама ставшая теперь традицией, побуждает нас искать объяснения в социальных структурах и социальных группах. При объяснении событий Русской революции это означало акцент на усиливающуюся социальную поляризацию между верхами и низами российского общества как главной причине и движущей силе событий. По мере того как социальная история превращалась в новую культурную историю, историки больше обращали внимание на сложный и расплывчатый мир мен-

[1] Стейнберг М. Д. Великая русская революция, 1905–1921. М., 2018; первоначальное издание: Steinberg M. The Russian Revolution, 1905–1921. Oxford, 2017.

тальностей и воззрений, скрывающихся за поверхностью событий, структур и идеологий: двигаясь в сторону «дискурса» – слов, образов, символов, ритуалов и мифов – как не только выявляющих позиции, но и формирующих способность людей понимать свой мир и действовать в нем. Это не взаимоисключающие подходы – все они приближают нас к пониманию потрясшего мир события, известного как Русская революция.

Из главы 34: «Революция в обществе и культуре»

Когда большевики пришли к власти в России в октябре 1917 года, они были полны решимости переделать всё общество и культуру – заменить старое радикально новым, «Время-ограду / взломим ногами» и «В будущее прыжок!» как выразился поэт-коммунист Маяковский, повторяя знаменитое видение Маркса и Энгельса о том, что революция приведет к тому, что человечество сделает «скачок из царства необходимости в царство свободы». Но, как увидел Маяковский, с растущим разочарованием энтузиаста, кульминацией которого станет его самоубийство в 1930 году, жизнь оказалась сложнее, чем видения и мечты революционеров. Еще до сталинской «революции сверху» в первое десятилетие после 1917 года наблюдались сдвиги в социальной и культурной политике, смесь толерантности и авторитаризма, творчества и экспериментирования вне прямого контроля государства, но также и значительная дезориентация, разочарование и недовольство.

II. Ленинизм

Из главы 33: «Новое государство, 1917–1928 годы»

С оптимистической, даже утопической верой в неминуемое всемирное свержение капиталистической системы, Ленин весной 1917 года решил, что пришло время для его партии возглавить пролетарскую революцию в России, хотя поначалу почти никто, даже среди большевиков, не считал социалистическую революцию в отсталой России возможной или разумной. Революционный оптимизм Ленина частично проистекал из веры в то, что Русская революция станет искрой для восстания европейских рабочих, а также угнетенных народов европейских колоний, которые создадут новое общество во всем мире. Он также утверждал, что бедное крестьянство может сыграть потенциально революционную роль под руководством пролетариата. И он опирался как минимум на одну традицию российского народничества: веру в творческую и героическую силу отдельных личностей, способных изменить историю. Чернышевский в оригинале «Что де-

лать?» 1862 года, назвал их «новыми людьми». Лавров назвал их «критически мыслящими личностями». Ленин называл их «сознательными» и «профессиональными» революционерами.

Когда Ленин прибыл в Петроград в апреле 1917 года, он пытался убедить своих колеблющихся и обеспокоенных товарищей, что Февральская революция была «первым этапом» более масштабной революции, «историческим моментом», когда пролетарии должны подготовиться взять власть в свои руки и создать «революционно-демократическую диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства». «Чудеса пролетарского, народного героизма», совершившие Февральскую революцию, утверждал он, должны быть превращены в чудеса «пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить… победу во втором этапе революции». Поначалу большинство большевиков думали, что Ленин потерял связь с реальностью, проведя столько лет за пределами страны. Но благодаря своей огромной силе убеждения, подкрепленной всё более ужасной реальностью, он убедил свою партию совершить этот смелый прыжок в неизведанное.

Часто говорили, что подход Ленина к управлению был в лучшем случае противоречивым, а в худшем – лицемерным. Эти противоречия можно рассматривать, по крайней мере, частично, как соответствующие логике ленинского понимания марксистской теории революционного государства. С одной стороны, он придерживался освободительного и демократического взгляда на участие масс, основанного на высвобождении желаний и энергии простых людей. Таким был образ нового типа государства, вдохновленный историей и памятью о Парижской Коммуне 1871 года. Как это подробно описал Ленин в своей работе «Государство и революция», написанной им летом 1917 года, и особенно в своем срочном обращении к товарищам «Смогут ли большевики удержать государственную власть», опубликованном в середине октября, «государство-коммуна» должна была стать новым типом государства: вместо парламента реальные механизмы власти будут в руках «советов» из выборных рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – учреждений, являвшихся продуктом «революционного энтузиазма масс»; местный «рабочий контроль» на предприятиях; дебюрократизированный «государственный аппарат» в один миллион людей, преданных социалистическому государству идейно, а не ради получения 20-го числа ежемесячно крупного куша»; сокращение неравенства путем распределения жилья и других предметов первой необходимости среди нуждающихся; и, самое главное, «внушить угнетенным и трудящимся доверие в свои силы». В первые месяцы после прихода

к власти Ленин регулярно призывал «трудящихся», как «творцов истории», «помнить, что вы сами теперь управляете государством». «Беритесь сами за дело снизу, – заявлял он, – никого не дожидаясь»[2].

Конечно, «диктатура», вплоть до государственного террора, явно воспринималась как необходимость, так и принцип. Ленин постоянно напоминал своим товарищам, что большевики «не анархисты», что марксисты знают, что они должны использовать возможности государства по дисциплинированию, принуждению и силе. На практике большевики без колебаний разгромили предполагаемых врагов пролетарской власти. «Борьба за новое», утверждал Ленин в первые месяцы своего пребывания у власти, часто в поразительно жестоких выражениях, требовала «систематического насилия» против классовых врагов: «“Никакой пощады этим врагам народа. […] Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам”, против “паразитов”». Мы должны «очистить русскую землю» от этих «вредных насекомых». Когда Гражданская война была в полном разгаре к лету 1918 года, Ленин потребовал «беспощадного классового террора» против «кулаков [богатых крестьян], богатеев, кровопийц» и всех остальных врагов революции. Это было необходимостью, но также и добродетелью. Война за преодоление классовых различий, которые были причиной насилия, писал Ленин, была единственной войной в истории, которая «единственно законна, единственно справедлива, единственно священна», единственным путем в будущее без насилия, без классового неравенства и без того государства, каким оно было на протяжении истории.

Некоторые историки утверждают, что разговоры Ленина о народном участии были «фиговым листком», прикрывавшим его авторитарный и даже тиранический характер и политику, допускающую это участие просто как уступку необходимости. Другие утверждали, что большевизм был противоречивой политической идеологией, которая, по крайней мере, в те первые годы, сочетала искренние идеалы народной инициативы и творчества с твердыми убеждениями в важности лидерства, дисциплины и централизованного контроля. Какими бы ни были фактические взгляды Ленина, большая часть первого десятилетия советской власти была историей дебатов и конфликтов по поводу того, как сбалансировать эти два принципа.

---

[2] «Товарищи трудящиеся! Помните, что вы сами теперь управляете государством….». «Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном **историческом творчестве** большинства населения, прежде всего большинства трудящихся… «Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь».

III. Мотивы, цели и настроения населения

Из главы 32: «Революции 1917 года»

Аргументы Ленина остались бы лишь сноской к истории 1917 года, если бы продолжающееся социальное недовольство и гнев не подорвали хрупкий новый порядок России. Конечно, этот углубляющийся социальный кризис был в значительной степени вызван экономическим коллапсом, особенно ужасающими материальными условиями в городах и на фронте. Многим россиянам из низшего сословия, относившимся с глубоким недоверием к существующей политической и социальной власти, казалось, что единственным решением этого кризиса является усиление власти над их собственной повседневной жизнью. Таким образом, фабричные рабочие требовали, чтобы избранным комитетам было разрешено надзирать за производством, контролировать снабжение и топливо, определять штрафы и другие дисциплинарные меры, а также следить за приемом на работу и увольнением. По мере ухудшения экономических условий и роста недоверия к работодателям это движение за «рабочий контроль» превратилось из требований надзора в требования предоставления рабочим полной управленческой власти. Рабочие также прямо действовали против тех, кто в прошлом претендовал на власть над их жизнью, либо просто проявляя дерзость и неповиновение по отношению к мастерам и работодателям, либо посредством более сложных ритуалов, иногда с оттенком насилия, в ходе которых начальников или владельцев вывозили с заводов в тачке. Точно так же солдаты и матросы игнорировали приказы, издевались над офицерами (даже избивали их), избирали новых (особенно когда старые офицеры пытались сопротивляться возрастающим требованиям солдатских комитетов) или просто дезертировали во всё большем числе. Крестьяне, начиная с весны, захватывали и делили скот и орудия, принадлежавшие крупным землевладельцам, рубили дрова в частных лесах, принуждали самостоятельных крестьян-фермеров вернуться к общинным порядкам деревни, отбирали землю как у дворян, так и у зажиточных крестьян, не дожидаясь юридического одобрения, и пытались изгнать помещиков из сельской местности, нападая на их усадьбы или поджигая их. На улицах всех крупных городов толпы рабочих, солдат, студентов и других горожан неоднократно захватывали площади, бульвары и улицы для проведения митингов, похоронных шествий и демонстраций. Наряду с этими актами социального неповиновения было много пьянства, хулиганства, грабежей и преступного насилия. К осени 1917 года даже многие умеренные социалисты с ужасом воспринимали эти

волнения как на всплеск темных народных инстинктов и разрушительной классовой ненависти, ведущий Россию к кошмарной пропасти насилия и анархии. Однако для других это была «демократия» снизу.

Мотивы, цели и настроения возбужденного населения были сложными и противоречивыми. Судя по потоку высказываний, устных и письменных, сопровождавших эту революцию, некоторые идеи оказались наиболее распространенными. Свобода пронизывала язык почти каждого в течение нескольких месяцев после Февральской революции, часто выражаясь в почти религиозных терминах как нечто «священное», как «спасение», как «воскрешение» русского народа. Но свобода понималась поразному: негативно, как конец долгой истории порабощения, бесправия и репрессий; положительно как одно из фундаментальных «прав человека»; и вполне осязаемо как благо, которое принесет такие социальные выгоды, как еда, земля, бесплатное образование и прекращение войны.

Политическая власть также волновала людей. Наряду с разговорами о свободе большинство россиян, похоже, также верили в необходимость сильной и единой политической власти для восстановления порядка в стране, особенно в экономике. Но это должна была быть политическая сила, которая служила бы интересам большинства против меньшинства, бедным против богатых. Такая «демократическая» власть, воплощенная для многих в идее советской власти, могла бы, например, установить хлебную монополию для предотвращения голода, раздать землю бедным, ввести рабочий контроль в промышленности, установить цены для сдерживания инфляции, экспроприировать излишки прибыли и даже подавлять оппозицию такой народной власти.

Возможно, прежде всего, идея социального класса укрепилась в народном сознании. Большинство россиян из низшего сословия не доверяли богатым и влиятельным и еще с Февраля были склонны обвинять их в неудачах революции и даже заклеймить их как «врагов народа» и «предателей» России и революции. Всё это усложнялось тем, что язык классовой борьбы и революции был пропитан языком морали и эмоциями. Разговоры о «добре» и «зле» были обычным явлением в 1917 году. Этические понятия чести и достоинства, а также связанные с ними социальные права были повсеместно распространены. Утверждалось, что революция направлена на то, чтобы положить конец «унижениям и оскорблениям» и создать социальный и политический порядок, определяемый «уважением», которое он обеспечит простым людям. Другое дело, было ли это то, чего достигла большевистская революция.

Из главы 33: «Новое государство, 1917–1928 годы»

Историки описывают Гражданскую войну как «формирующий опыт» для большевизма, который (по описанию Роберта Такера) «милитаризовал революционную политическую культуру большевистского движения», которая получила в наследство «боевое рвение, революционный волюнтаризм и порыв, готовность прибегать к принуждению, управление посредством административных распоряжений, централизации и упрощенному судопроизводству», превратив большевистский дух «безжалостности, авторитаризма и “классовой ненависти” […] в жестокость, фанатизм и абсолютную нетерпимость к тем, кто думал иначе», и укрепив убежденность в том, что «государство и есть тот способ, через который будет построен социализм». Большевики, конечно, не были пассивными реципиентами этого опыта. Согласно известному утверждению Шейлы Фицпатрик, Гражданская война «дала новому режиму боевое крещение», но это «было такое крещение, где большевики рисковали и к которому, возможно, даже стремились».

В то же время многие коммунисты верили, что они борются за создание нового общества, новой культуры и новых людей – чтобы перепрыгнуть, как мечтали Маркс и Энгельс, из царства необходимости в царство свободы. Годы гражданской войны были «героическим периодом русской революции», по словам одного из первых советских историков военного коммунизма[3]. Насилие, а его было крайне много, зачастую чрезвычайно жестокого, могло показаться добродетельной борьбой против основ самого насилия. Крах экономики мог выглядеть как конец капитализма. Это было время экспериментов – большая часть которых поддерживалась правящей партией и государством – целью которых было преобразование социальной и культурной жизни (о которой мы подробнее поговорим в следующей главе) на всех «фронтах».

Одним из полей битвы была семья, сексуальность и гендерные отношения. Особое отделение партии – Женский отдел (Женотдел, основан в 1919 году) занимался воспитанием «новой женщины», освобожденной от неравноправного бремени семейной жизни через коллективные кухни и коллективные детские сады, но одновременно свободной, смелой и активной личностью. Молодежное крыло партии – Комсомол (основан в 1918 году) – работало над воспитанием нового коллективистского духа среди молоде-

[3] См.: Крицман Л. Героический период великой русской революции. Опыт анализа т. н. «военного коммунизма». М., 1926 (прим. ред.).

жи. По всей стране были организованы коммуны, особенно студенческие и рабочие «домашние коммуны» в городах и несколько экспериментальных сельскохозяйственных коммун. Даже ужасная проблема детской беспризорности рассматривалась идеалистами как возможность воспитать детей по-новому, свободно от обращенных в прошлое взглядов и ценностей большинства родителей.

В стремлении преобразовать культурную жизнь рабочих, в конце 1917 года возникло движение «пролетарской культуры», продвигаемое в основном писателями, поэтами, художниками и активистами рабочего класса, и часто взращивающее радикально новую «пролетарскую литературу», склонную к утопическим представлениям о «распятом» человечестве, «воскресшем» (любимые метафоры) в сияющем новом мире, в раю счастья и свободы.

IV. Преодоление империи: национально-освободительные движения

Из главы 32: «Революции 1917 года»

Февральская революция радикально изменила имперский ландшафт России, сделав новым руководящим принципом не лояльность различных народов императору, а «свободу», «равенство» и «самоопределение народов». Временное правительство отменило юридические ограничения по национальному или религиозному признаку и поощряло институты местного самоуправления. Но либералы, возглавлявшие новое правительство, опасались, что национально-освободительные движения угрожают общему делу революции. Милюков, лидер партии и министр иностранных дел в правительстве, в мае 1917 года в своем докладе на съезде леволиберальной кадетской партии выразил господствующую либеральную точку зрения: «хотя мы признаем принцип “местной автономии”, превалирующим принципом должно стать “единство Российского государства”». Умеренные социалисты были более склонны поддерживать национальную борьбу, но не слишком сильно. Съезд Советов в июне 1917 года, например, одобрил право на «политическую автономию» для всех народов империи, даже их право на независимость и отделение, и подверг критике Временное правительство за недостаточно «энергичную работу» по «удовлетворению требований национальностей», но также предостерегал от

действий, «разъединяющих революционные силы […] и тем самым снижающих возможность сплочения свободной России»[4].

Конечно, государство и его лидеры были не единственными действующими лицами в этих событиях. По всей империи национальные группы мобилизовались ради своего будущего. Два примера могут проиллюстрировать некоторые из этих разнообразных историй: Украина и Центральная Азия. [*Я привожу здесь только первый пример*]. После свержения царя украинский историк Михаил Грушевский, чьи труды сыграли ключевую роль в создании исторического нарратива об отличной от России украинской национальной государственности, был избран председателем Центральной Рады (совета), которая вскоре стала протопарламентом для возникающего украинского национального государства. Политическое видение Грушевского было таким же, как у большинства антиимперских активистов на Украине и во всей Российской империи того времени: не отделение, а «автономия», «свободная Украина в свободной России». Но он также разделял широко распространенное убеждение, что, если русские будут сопротивляться требованиям автономии, независимость будет единственным возможным путем. «Флаг независимой Украины пока что свернут», – напоминал он и предупреждал, что тот будет развернут, если «всероссийские централисты» не прислушаются к справедливым требованиям национальных меньшинств империи»[5]. Именно так и произошло.

Вице-президентом[6] Грушевского в Центральной Раде был Владимир Винниченко, крестьянский сын, который поступил в университет, изучал право, стал участвовать в революционной деятельности и писал художественные произведения. Его позиция, как и у многих, заключалась в соединении социализма с национальной идентичностью и идеями национального освобождения. Во время революции 1905 года он был избран лидером Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП). Арестованный, он бежал из империи в Западную Европу, где в основном работал писателем, написав множество рассказов, пьес и романов, как на украинском языке, так и переведенных им на русский язык.

---

[4] …действий «разъединяющих революционные силы, ведущих к бесконечным спорам в каждой национальной группе и, путем противопоставления одной национальной группы прочим группам, снижающих размах революции, подрывающих экономическую и военную мощь России и тем самым снижающих возможность сплочения свободной России».

[5] В дополнение к цитатам, иногда, как в этом случае, я вставляю выдержки из моей книги о русской революции (прим. авт.).

[6] Заместителем председателя Центральной Рады.

В 1917 году вернулся в Киев, где его избрали депутатом Украинской Центральной Рады. Как и другие национальные активисты по всей империи, он верил, что национальное освобождение произойдет через преобразование Российской империи в демократическую федерацию автономных национальных государств. В мае он возглавил делегацию Рады в Петроград для переговоров с Временным правительством о признании украинской автономии. Разочарованная нежеланием российского правительства, в июне 1917 года Центральная рада Украины в одностороннем порядке провозгласила украинскую автономию и назначила Винниченко председателем исполнительного комитета нового украинского правительства, что фактически сделало его первым президентом автономной Украины.

В условиях революции украинская автономия эволюционировала в сторону независимости. В Первом Универсале Центральной Рады от июня 1917 года («Универсалами» казачьи государства XVII и XVIII веков называли свои политические декларации) национальная «свобода» определялась в контексте преобразованной России: «Да будет свободная Украина! Да получит украинский народ право распоряжаться своей жизнью на своей земле, не отделяясь от России в целом и не порывая с Российским государством». После того как в октябре Временное правительство было свергнуто большевиками, Центральная Рада в своем Третьем Универсале провозгласила автономную «Украинскую Народную Республику» в составе новой «Российской федерации равноправных и свободных народов». Рада также рассматривала Украину как социалистическое общество: ни автономия, ни независимость не будут настоящим освобождением, утверждали они, если не произойдет коренная трансформация украинского общества и жизни. Это было ясно сформулировано в Третьем Универсале в ноябре 1917 года, который провозгласил, что для «установления порядка и построения новой жизни» в Украинской Народной Республике вся земля теперь стала собственностью трудящегося населения и передана тем, кто на ней работал, для всех рабочих вводится восьмичасовой рабочий день, а государство будет контролировать всё производство, чтобы разрешить как требования рабочих, так и экономический кризис. Все народы Украины должны были пользоваться всеми «свободами, завоеванными общероссийской революцией: свободой речи, печати, вероисповедания, собраний, союзов, стачек, неприкосновенностью личности и жилища, а также правом и возможностью пользоваться местными языками при обращении в любые учреждения». По крайней мере, в этот обнадеживающий первый год революции трансформированный

«общероссийский» идеал, объединяющая категория, которая ранее рассматривалась националистами как подавляющая отдельные идентичности и свободы украинцев, теперь казалась источником освободительной силы.

[*Я опустил обсуждение революции в Туркестане, однако здесь приводится последний поясняющий абзац к нему*]:

Доминирующим идеалом среди мусульманских активистов было видение того же постимперского многонационального пространства, которое вдохновляло нерусских повстанцев по всей империи: территориальная автономия и правление «большинства» для Туркестана в рамках федеративной, демократической и разнообразной республики полноправных и равных граждан. Другими словами, это должна была быть постимперская империя: конец империи как неравных и репрессивных отношений без демонтажа имперских границ.

Из главы 33: «Новое государство, 1917–1928 годы»

Первоначально большевики подошли к вопросу об империи в разрушительном духе: поощряли подвластные империи народы к восстанию против российского господства, развязывали национализм меньшинств, чтобы разоблачить лицемерие по поводу единства в многообразии, и поддерживали национальные движения, направленные на дальнейшую дезинтеграцию старого порядка (включая новый либеральный порядок, который был первым результатом революции). После прихода к власти, один из первых декретов советского правительства – «Декларация прав народов России» – в ноябре 1917 года подтвердил «равенство и суверенность народов России; право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России». Большевики использовали и оправдывали национализм среди нерусских народов как силу, способную преодолеть прошлое, включая «великорусский шовинизм», который поддерживал имперское неравенство. Они объясняли экономическую и культурную «отсталость» многих народов империи (разумеется, оценивая развитие по европейским стандартам) результатом имперского неравенства, дискриминации и «великорусского шовинизма». Как утверждал Ленин накануне Великой войны, которую он определил как «империалистическую войну», перед революционными марксистами стояла двойная задача: признать права и проблемы наций в их борьбе против

имперского господства, включая право на отделение, одновременно призывая «дать отпор *всякому* национализму». Как интернационалисты и «научные» коммунисты, большевики признавали реальность этнонациональных групп и человеческую необходимость культурного разнообразия и свободы, но они сильно опасались, что национализм уведет людей от солидарности с другими группами и ввергнет их в объятия национальной буржуазии, чьи разговоры о национальном единстве скрывали их сопротивление искоренению социального неравенства и, следовательно, отсутствие реальной приверженности национальному освобождению. В идеале революция сделала бы сепаратизм ненужным и даже противоречащим проекту преодоления отсталости.

Это создавало дилемму. Как уважать этническое и национальное разнообразие и права и поощрять революционный антиимпериализм, не укрепляя националистические идеологии и лидеров? Как построить многообразное и инклюзивное социалистическое общество на руинах Российской империи, признавая самоопределение и даже «право на отделение» в качестве политического принципа? На практике народы, выбравшие независимость — финны, эстонцы, латыши, литовцы и поляки – добились этого вопреки советскому правительству и местным Советам. Нередко националистам приходилось подавлять собственных коммунистов, иногда, как в случае с Финляндией, после полноценной гражданской войны. В других регионах Красная Армия и местные коммунисты объединялись, чтобы предотвратить и уничтожить независимость. Конечно, как это часто случалось в российской имперской истории, каждый случай имел свои особые сложности.

[*Я опустил здесь большинство различных примеров в тексте. Ниже приведена часть обсуждения украинской революции*]:

На Украине, как мы видели, Украинская Центральная Рада в ноябре 1917 года провозгласила автономную «Украинскую Народную Республику» в составе новой «Российской федерации равноправных и свободных народов», выразила солидарность со «свободами, завоеванными всероссийской революцией», и поддержала социалистическое будущее Украины. В декабре новое советское правительство заявило о своей принципиальной поддержке права Украинской Народной Республики на то, чтобы «совершенно отделиться от России или вступить в договор с Российской Республикой о федеративных или тому подобных взаимоотношениях между ними». В то же время правительство обвинило Центральную Раду в «предательстве революции» и в январе 1918 года

направило большевистскую красную гвардию для установления советского правительства в Киеве. В ответ Центральная Рада в своем Четвертом Универсале провозгласила Украинскую Народную Республику «независимым, свободным и суверенным государством украинского народа, никому не подчиненным». […] «Сбылась прежняя давняя мечта отцов твоих». Как заметил Сергей Плохий, это был «первый открытый разрыв Украины с Россией со времен Ивана Мазепы». Но независимость Украины продлилась недолго. В результате апрельского переворота правых сил, поддержанного немецкими вооруженными силами, правительство было заменено консервативной «гетманщиной» во главе с генералом Павлом Скоропадским. Когда немецкие и австрийские войска покинули Украину после перемирия в ноябре, Скоропадский был свергнут, и Украинская Народная Республика была восстановлена, а писатель Владимир Винниченко снова возглавил новый исполнительный орган, известный как Директория. Опять же, это длилось недолго. В феврале 1919 года Красная Армия заняла Киев, но вскоре была вытеснена Белой армией Деникина. После ухода белых осенью 1919 года Красная Армия восстановила советскую власть на Украине, хотя превратности войны будут оставаться переменчивыми вплоть до конца войны с Польшей.

Вспоминая эти события в своей ссылке в Праге в 1920 году, Винниченко обвинял «русскую демократическую интеллигенцию», которая «всегда сражалась – доходя в этом до фанатизма – за прогресс, равенство и свободу. […] Но в реальной, повседневной и особенно в эмоциональной жизни их до мозга костей пропитывала русская темнота, отсталость, жестокость и неустроенность, как физическая, так и нравственная», особенно в национальном вопросе и особенно в своем глубоком бессознательном презрении к украинцам. Но Винниченко также обвинял и украинские элиты, чьи «алчность» и «эгоизм» породили «ложное и вредное понимание революции и свободы» и поэтому не они смогли выйти за пределы узкого национализма и увидеть необходимость многоэтнического государства.

[*Последний заключительный абзац этого раздела*]:

Различные местные факторы подрывали силы местных националистов. Во многих регионах империи этнические русские выступали против отделения от России. Кроме того, многие представители нерусских народов, особенно среди крестьян и рабочих, находили большевистские обещания земельной реформы и радикальных социальных изменений привлекательными, особенно в сочетании с обещаниями уважать местные национальные традиции. Некоторые нерусские народы видели стратегические преимуще-

ства в том, чтобы оставаться в союзе с Россией. В Армении, в частности, дашнаки-националисты рассматривали советскую власть как защиту от вторжения со стороны Турции. Однако, когда повстанцы под руководством дашнаков через несколько месяцев свергли новое советское правительство, Красная Армия восстановила советскую власть. Не в последнюю очередь, как мы видели, многие националисты видели надежду на лучшее будущее своей нации не в отделении от России и других наций, входивших в состав Российской империи, а в новом типе «внутреннего интернационализма», демократическом и эгалитарном переустройстве отношений внутри пространства рухнувшей империи.

Из главы 34: «Революция в обществе и культуре»

Партийные лидеры яростно обсуждали подходы к этим различным этническим группам и нациям. Историки иногда говорят о новой «Советской Империи». Но если империи, как их определили историки Джейн Бербанк и Фредерик Купер в важном сравнительном исследовании, представляют собой большие разнообразные «политии, которые поддерживают различия и иерархию» среди входящих в них народов, большевики, особенно в 1920-е годы, стремились не повторять колониальное господство царской империи над ее многочисленными этническими группами и нациями, но переформулировать различия как желанное разнообразие и заменить иерархию «свободным братским союзом» (как это было определенно в большевистской резолюции 1918 года). Они хотели, чтобы советский социализм стал моделью для колониальных народов всего мира, демонстрируя как неколониальные отношения, так и позволяя «отсталым» обществам развиваться, освободившись от гнета империи.

V. Создание «нового человека»

Из главы 34: «Революция в обществе и культуре»

Культурная цель создания советского «нового человека» была разнообразной и меняющейся идеей. Были сторонники индивидуальной самореализации, определявшие это даже как ведущий идеал социализма, но были и «самоотверженные» коллективисты, которые настаивали на том, чтобы их «Я» слилось с великим «Мы», и рассматривали каждого человека «уже не оторванной единицей, а целым морем, обнимающим все окружающие души»[7]. Были представления о необыкновенных, сверхдостигающих, героических сверхлюдях – даже «огненно-крылатых» «бого-человеках» –

[7] Из журнала «Пролеткульт», или «Пролетарское культурное движение», 1920 год.

обладающих исключительными способностями и волей, возвышающихся над обычным человеком, но существовавших только для того, чтобы служить людям и даже жертвовать собой ради дела. Жесткая рациональность и пафос возвышенных эмоций были использованы для достижения цели. Когда Новый Советский Человек «душою с машинами» слился, как писал рабочий-поэт Владимир Кириллов в своем стихотворении «Мы» (опубликованном в журнале «Будущее» в 1918 году), в этой метафоре не было ничего скромного: он стал сверхчеловеком, обладающим волей и силой подняться на небеса, преодолеть смерть и переделать мир.

Ближе к земле, чем эти космические видения, была повседневная практическая работа человеческого развития. После мрачных лет жестокости и страданий во время Гражданской войны советская жизнь была наполнена разговорами не только об экономической реконструкции, но и о перевоспитании мужчин и женщин для нового общества. Разговоры о «культурной революции» в 1920-е годы основывались на необходимости изменения менталитета, ценностей и эмоций человека, даже несмотря на то, что революция работала над изменением социальных условий, которые сделали людей такими, какие они есть.

Растет внимание к реформе «быта» – этого маленького, но многозначного русского слова, находящегося на стыке повседневного поведения, морали, этики, чувств, социокультурного состояния и судьбы всего общества. Публичные лекции и сочинения советских лидеров на протяжении 1920-х годов всё чаще были посвящены объяснению того, как должен жить «пролетарий», «Каким должен быть коммунист» (члены партии должны были быть образцами поведения), а также «старой и новой морали».

В морализаторском тоне коммунистические лидеры инструктировали рабочих, членов партии и особенно молодежь о том, какие повседневные нормы от них ожидаются. Например, в 1922 году на пятом съезде ВЛКСМ Николай Бухарин (редактор партийной газеты «Правда»), Лев Троцкий (который был, пожалуй, самым влиятельным советским лидером после Ленина, который в то время был сильно болен), и другие говорили о «моральных» вопросах как о ключе к образованию и воспитанию новых людей, готовых строить социализм. В длинной речи о «коммунистическом воспитании молодежи» Бухарин говорил о «хаосе» и «анархии» в нравственной жизни современности, включая «порочную и хищническую психологию индивидуализма» наряду с «упаднических» «психологическими» настроениями, вредившими как телу, так и душе, в том числе

представления, что «половая распущенность» была способом свергнуть лицемерную «буржуазную» мораль.

Вместо заключения:

Размышления о русской революции как «утопии»

Одной из устойчивых тезисов в интерпретации революции и гражданской войны, в том числе и в приведенном выше тексте, является «утопия»[8]. Однако слишком часто этот термин использовался так, как если бы его значения были самоочевидны и не нуждались в определении: желаемая иллюзия о несуществующем месте или времени (буквальное «неместо» “u-topia”). Многие историки советского коммунизма использовали его как ярлык таким же пренебрежительным образом, часто добавляя более серьезные обвинения: что русские революционные утописты так верили в свою несбыточную мечту о совершенном обществе и всеобщем счастье, а также в «научную» достоверность своего понимания работы истории (в отличие от «социалистов-утопистов»), что они пытались навязать свое абстрактное видение человеческой жизни, создавая антиутопию, частенько оказывающуюся беспокойным близнецом утопии.

Однако в последние годы историки начали использовать это понятие более утонченными способами, во многом под влиянием работ таких философов, как Эрнст Блох, Вальтер Беньямин, Фредрик Джеймисон и Рут Левитас, которые восстановили утопию в качестве «критического метода», чтобы подвергнуть сомнению и изменить реальность. «Утопический импульс», утверждал Блох, – это ориентация, метод «выхода за пределы» «тьмы прожитого момента», чтобы обнаружить «еще не ставшее»[9]. Беньямин определял этот утопический вызов тому, что мы считаем границами реальности и возможностей, как революционный «прыжок в открытый воздух истории», когда человечество пытается «взорвать континуум истории» и ухватить «осколки мессианского времени»[10]. Здесь утопия понимается как неограниченное и непредсказуемое разрушение настоящего, направленное на возможность, а не закрытая карта или проект невозможного будущего или несуществующего места. Однако

[8] О значении и использовании слова «утопия» см.: Steinberg M. Russian Utopia: A Century of Revolutionary Possibilities. London, 2021.

[9] Bloch E. The Principle of Hope, 3 vols. Cambridge, Mass, 1986–1995. См. также: Geist der Utopie. Munich and Leipzig, 1918; 2-е изд. в 1923.

[10] Benjamin W. On the Concept of History // Selected Writings, 4 vols. Cambridge, Mass., 1996–2003). Vol. 4. P. 389–411. См. также: Buck-Morss S. Dreamworld and Catastrophe: The Passing of Mass Utopia in East and West. Cambridge, Mass., 2000.

утопический скачок полон неопределенностей, непредвиденных обстоятельств и случайностей. Никаких гарантий, только возможности. В своей наиболее радикальной и разрушительной форме такая утопия выступает как самокритика, постоянно подвергающая сомнению, особенно с позиций власти, собственные претензии на то, что было создано, иногда хорошее и законченное. То, что эти теоретические формулировки полезны для размышлений о русской революции, очевидно – более того, полезны для размышлений о «революции» как явлении и понятии[11].

Это очень традиционная ошибка – судить о том, что имеет значение в истории, читая историю задом наперед, исходя из результатов – то, что мы могли бы назвать историографической «тиранией результатов». Если мы обладаем «авторитетом» как авторы, особенно когда наши читатели – студенты, мы должны использовать его не для того, чтобы навязывать эпистемологическую определенность, а тем более идеологические доктрины, о работе истории, а для того, чтобы побудить читателей серьезно задуматься о разнообразных возможностях прошлого и усилиях тех, кто верил в альтернативные пути и боролся за них. Конечно, было бы наивно думать, что всякая идея о возможности равнозначна и реализуема. Также было бы наивно игнорировать как истории неудач в преодолении тьмы живой реальности, так и множество случаев, когда идеализм порождал собственную тьму и жестокость. Тем не менее, мы должны всерьез учитывать историю упорного нежелания людей принимать существующий мир, как безальтернативный. Я пытался написать историю России (конечно, имеющую отношение к другим историям, в том числе и к современности) с учетом этих соображений.

[11] См.: Jameson F. Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. London, 2005; Muñoz J. E. Cruising Utopia: The Then and There of Queer Futurity. New York, 2009; Michael D. Gordin, Michael, Helen Tilley, and Gyan Prakash eds. Utopia/Dystopia: Conditions of Historical Possibility. Princeton, 2010; Levitas R. Utopia as Method: The Imaginary Reconstitution of Society. London, 2013; Из исторических исследований см.: Todorova M. The Lost World of Socialists at Europe's Margins: Imagining Utopia, 1870-s–1920-s. London, 2020; Hillis F. Utopia's Discontents: Russian Exiles and the Quest for Freedom, 1830–1930. Oxford, 2021 и мою собственную «Русскую утопию».

Рекс А. Уэйд

Революция в ее столетие: проблемы и тенденции в англоязычной историографии Русской революции 1917 года

Приближается столетний юбилей Русской революции, и она далека от того, чтобы стать просто еще одной темой в российской или мировой истории. Она продолжает оставаться важной не только как переломный момент в истории России, но и из-за ее глобального влияния на историю двадцатого века. Более того, в XXI веке она по-прежнему оказывает сильное влияние на Россию и, в разной степени, на новые (или воссозданные) страны, возникшие в результате распада бывшего Советского Союза. Проблемы, которые сотрясают регион с 1991 года, такие как возобновившаяся борьба за демократию против авторитаризма, политические структуры, классовые и социально-экономические проблемы, автономия или независимость для нерусских народов, великодержавный статус и региональная гегемония России, подтверждают важность Русской революции 1917 года, когда эти самые проблемы впервые были разрешены открытой силой, но, как мы теперь видим, не урегулированы. Более того, ее наследие по-прежнему оказывает влияние на значительную часть земного шара, особенно, хотя не только, в Восточной Европе и Азии[1].

За столетие, прошедшее с 1917 года, изменения во взглядах историков, улучшение доступа к источникам и новации в методологии способствовали стабильному появлению новых исследований о революции. Учитывая сохраняющуюся важность темы революции и живучесть англоязычных публикаций о ней, возможно, будет полезен обзор англоязычной историографии революции. В этом, следующем далее, обзоре эта историография делится на три хронологически неравномерных основных этапа: период до 1960-х годов, с середины 1960-х по 1980-е, а затем в постсоветскую эпоху с 1991 по настоящее время. Эти периоды различаются по масштабу, тематике, инновациям и вкладу в наше понимание революции. Чтобы сохранить размер данного обзора приемлемым, мы затронем историографию до 1991 года более кратко, чем она того заслуживает, особенно с

[1] Я хотел бы поблагодарить Майкла Хикки, Семена Ляндреса и Майкла Меланкона за то, что они прочитали предыдущие черновики этой статьи и за их очень полезные комментарии. Спасибо также Саре Бэдкок, Иэну Тэтчер, Дэну Орловски, Уильяму Померанцу и Цуёси Хасегава за их комментарии к ней в августе 2015 года в Чикаго во время семинара, посвященного 1917 году. Только я, конечно, несу ответственность за содержание итогового варианта.

учетом важности появления в 1960 – 1980-е гг. значимых работ, сыгравших весьма большую роль в формировании наших знаний о революции. Далее мы более подробно рассмотрим период после 1990–1991 гг., разобрав как некоторые текущие проблемы, так и некоторые изменения в методологии. Наконец завершим мы небольшим размышлением о будущем, что кажется вполне уместным в столетнюю годовщину революции.

Прежде чем обсуждать конкретные работы, возможно, мне следует указать здесь, что является целью данного очерка, а что нет. Во-первых, он представляет общий обзор тенденций и подходов, а не последовательность мини-рецензий или полный список всего опубликованного. Во-вторых, он ограничивается рассмотрением работ, опубликованных на английском языке, в первую очередь в Великобритании и США, что само по себе немало. В-третьих, выбирая тему для рассмотрения, я беру Русскую революцию в узком смысле – только 1917 год, включая сюда и начало 1918 г. Соответственно здесь учитываются только работы, посвященные исключительно 1917 – началу 1918 гг. или же охватывающие более длительные периоды времени, но со значительными разделами, посвященными событиям 1917 года, и которые вносят важный вклад в их понимание. Также обзор не затрагивает и огромное число книг со словами «Русская революция» в названии, но которые на самом деле в основном посвящены царской России или Советскому Союзу и содержат лишь краткий раздел о 1917 г., если таковой вообще имеется. В-четвертых, потому что общее число книг и статей по данной теме огромно и гораздо больше, чем можно было бы просто перечислить в этом очерке, может быть упомянута далеко не каждая стоящая работа. Поэтому я заранее приношу извинения всем тем авторам, чьи прекрасные работы на последующих страницах упомянуты лишь кратко, или вообще не упоминаются. Увы, все, что я могу сделать ниже, это привести примеры различных историографических тенденций и обсуждаемых проблем[2]. Наконец, опять же по соображениям экономии места, некоторые книги упоминаются только в тексте и без сноски. При желании их можно легко идентифицировать и найти с помощью обычных методов поиска. Ссылки на статьи (среди них много важных) обычно даны полностью, поскольку их может быть труднее четко идентифицировать и найти.

[2] Подробный список англоязычных работ см.: Frame M. The Russian Revolution, 1905–1921: A Bibliographic Guide to Works in English. Westport, 1995; Smele J. D. The Russian Revolution and Civil War, 1917–1921: An Annotated Bibliography. London and New York, 2003, а также раздел для дальнейшего чтения в: Wade R. A. The Russian Revolution, 1917, 2nd edition. Cambridge, 2005 (3-е издание будет выпущено в 2017).

***

Восприятие и интерпретации Русской революции 1917 года, с самого начала, менялись в зависимости от смены времен, проблемных вопросов и надобностей как в самом СССР/России, так и вне его пределов. Реальные исторические события (т. е. то, что произошло) не изменились, но менялись методы, с помощью которых мы их рассматривали и понимали, вопросы, которые мы им задавали, как и то значение в российской и мировой истории, которое мы им придавали. Часто революцию изучали не ради нее самой, а для того, что она могла бы рассказать нам о коммунизме и Советском Союзе (и чтобы показать каково отношение автора к ним). Это было особенно верно до середины 1960-х – начала 1970-х годов, когда авторы, для которых Ленин, Троцкий и даже Сталин были историческими фигурами, пришли на смену тем писателям, для которых они были современниками. 1991 год и распад Советского Союза снова подправили призму, через которую мы рассматривали Русскую революцию. Если раньше ни один ученый не мог игнорировать советское государство и коммунизм, возникшие в результате революции, то после 1991 года это стало менее актуальным. Таким образом, стало легче изучать революцию с по-настоящему исторического ракурса, особенно ученым, которые интеллектуально сформировались уже после 1991 года, когда изменились как перспективы, так и доступ к источникам.

Один из парадоксов англоязычной историографии заключается в том, что, хотя важность революции была сразу же осознана и, несмотря на обилие материалов мемуарного, журналистского и полемического характера, журналистов, в первые полвека после революции ей были посвящены лишь отдельные научные публикации. Первым по-настоящему значимым описанием стала замечательная книга журналиста Уильяма Генри Чемберлина «Русская революция», опубликованная в 1935 году в двух томах, один из которых был посвящен революции 1917 года, а другой – гражданской войне. В течение последующих сорока или даже более лет она оставалась на Западе лучшей и наиболее влиятельной общей работой. После него было мало значимого, пока в 1950-х и начале 1960-х гг. не появились отдельные важные труды, в первую очередь вышедший в 1958 г. первый том двухтомного исследования Оливера Рэдки об эсерах в революции[3].

[3] К этому можно добавить работы тех авторов, для которых революция 1917 года была важна, но сама по себе не была в центре их внимания. Это Роберт Варт и Стивен Граубард о политике союзников по отношению к революции; Джордж Кеннан о ранних советско-американских отношениях; пространная биография Троцкого Исаака Дойчера; работа Джона Решетара об Украине; первая часть многотомной истории

Хотя сам Чемберлин уделил значительное внимание рабочим, крестьянам и солдатам, историки вплоть до середины 1960-х годов в основном рассматривали революцию как политическое явление, включающее политические идеологии, политические партии и политических лидеров, фокусируясь на дисциплинированной и монолитной большевистской партии возглавляемой непререкаемым вождем Лениным. Это неудивительно, учитывая, что политическая история в первой половине XX века в целом доминировала в историографии, заинтересованность в объяснении истоков коммунизма и то, что сами политические деятели 1917 года были авторами значительной части первоначальных публикаций о революции, часто сосредотачиваясь в них на том, кто был виноват (или заслуживал похвалы) в ее исходе. Октябрьская (или большевистская) революция, в частности, чаще всего рассматривалась как простой политический захват власти (часто определяемый как государственный переворот), спланированный и организованный Лениным, в значительной степени в отрыве от более широкого социального, культурного и экономического контекста. Сложность причинно-следственных связей при этом приносилась в жертву, и к массам, когда они не отсутствовали, относились как к инертным до тех пор пока ими не начинали манипулировать (или руководить) беспринципные (или дальновидные) политические деятели, прежде всего Ленин, Лев Троцкий и партия большевиков. Такой подход превращал историю революции в предисловие к объяснению советского коммунизма и в значительной степени игнорировали хитросплетения 1917 года, как и реально имевшуюся в 1917-м и в начале 1918 г. многовариантность возможного исхода событий. Это устраняло всякую необходимость более глубокого рассмотрения самой революции как сложносоставного социального, культурного и/или национального потрясения или даже углубленно изучать всю многосложность ее политики.

По причинам, которые я обсуждал в другом месте, в середине-конце 1960-х годов историография революции резко изменилась, как качественно, так и количественно, перемена, обозначившая фундаментальную разделительную линию в историографии революции[4]. Первым признаком этого сдвига стало появление работ, которые предложили новый уровень изощренности и комплексности в изучении политической истории рево-

---

раннего Советского Союза Э. Х. Карра; Ричард Пайпс о роли национальностей в создании СССР и интерпретирующая работа Теодора фон Лауэ «Почему Ленин? Почему Сталин?», а также несколько статей.

[4] См.: Wade R. A. The Revolution at Ninety (One): Anglo-American Historiography of the Russian Revolution of 1917 // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2008. № 1. P. 1–42.

люции 1917 года и отошли от определения важности событий 1917 г. путем постановки галочек «за или против» коммунизма и Советского Союза. Особенно произвела впечатление публикация в 1967–1969 гг. четырех важных научных работ: Роберта В. Дэниелса, Александра Рабиновича, Рекса А. Уэйда и добавим сюда еще Марка Ферро (у него она, правда, вышла сначала на французском, но ее быстро перевели), где 1917 год рассматривался более глубоко, новыми методами и в рамках своего собственного подхода[5]. Дэниелс бросил первый вызов традиционной интерпретации того, как произошла Октябрьская революция, и призвал ученых более глубоко задуматься об этом (и о легенде о Ленине). Рабинович, изучая партию большевиков от Февраля до июльских дней 1917 г., показал большевистскую партию гораздо более сложной и неоднородной, нежели она изображалась ранее. Он навсегда изменил наше понимание партии и ее внутренней динамики. Уэйд исследовал взаимосвязь войны, политики и настроений населения в формировании и исходе революции 1917 года. Вместо выстраивания революционных событий вокруг фигуры Ленина, он сосредоточил внимание на коалиционной политике и роли Ираклия Церетели и умеренных социалистов. Ферро, применивший подход французской школы «анналов» для изучения настроений населения в первые месяцы революции, сдвинул изучение 1917 года еще дальше в сторону от традиционного упора на политические вопросы.

Эти четыре книги ознаменовали важный поворотный момент в изучении революции, подкрепленный рядом других работ, включая известные научные статьи конца 1960-х гг. Журнал «Soviet Studies» отметил пятидесятилетие революции серией статей, которые представляли собой оживленную дискуссию о революции и ее взаимосвязи с тогдашним Советским Союзом[6]. В те же годы вышли выдержанный в более традиционном стиле сборник материалов конференции под редакцией Ричарда Пайпса, озаглавленный «Революционная Россия», соответствующие разделы биографии Юлия Мартова Израэля Гетцлера и книга Джорджа Каткова о Первой Мировой войне и кануне Февральской революции. Среди множества статей, опубликованных в середине 1960-х годов, особенно значимым было влияние важной статьи Леопольда Хаймсона о социальной идентичности

[5] Daniels R. V. Red October: The Bolshevik Revolution of 1917. N.-Y., 1967; Ferro M. The Russian Revolution of February 1917. N.-Y., 1972 (первое французское издание вышло в 1967); Rabinowitch A. Prelude to Revolution. The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington, 1968; Wade R. A. The Russian Search for Peace, February–October 1917. Stanford, 1969.

[6] Ссылки на эти и другие статьи можно найти в библиографических работах, указанных в сноске 2 к настоящей статье.

накануне революции, опубликованной в двух частях в «Slavic Review» в 1964–1965 гг.[7] Последняя, хотя и появилась только к началу перемен в историографии, стимулировала новое осмысление революционной эпохи и повлияла на поколение молодых исследователей, которые могли бы помочь переписать историю революции в 1970-е, 1980-е и в начале 1990-х гг. В частности, она выдвинула на передний план исторического анализа понятие политической и социальной «поляризации».

В совокупности эти книги и статьи представляли собой новый этап в научном изучении революции. Основанный на обширных изысканиях, этот первый пучок работ новой западной науки о революции поднял важные вопросы, открыл новое понимание революционного процесса, представил принципиально новые способы взглянуть на революцию и, тем самым, положил начало современной англоязычной историографии революции. Их количество само по себе было радикальным изменением и, как оказалось, указывало на то, что должно было произойти дальше. И действительно, эти работы 1960-х гг. не были публикационным всплеском, приуроченным к пятидесятилетию революции в 1967 г. Скорее, они оказались на переднем крае длившегося два-три десятилетия потока публикаций, который некоторые считают золотым веком исследований революции как из-за количества и качества появившихся работ, так и из-за того, как они изменили наше понимание революции. Его движущей силой по большей части, хотя и не полностью, стали молодые историки, окончившие аспирантуру в 1960-х и 1970-х гг.

После серии книг и статей о революции второй половины 1960-х гг., 1970-е гг. ознаменовались волной важных и тематически разнообразных новых работ о революции. Среди них были книги Рональда Суни о революции в Баку (1972), Роджера Петибриджа об аспектах распространения революции (1972), Уильяма Розенберга о партии кадетов и либералах (1974), Эндрю Эзергайлиса о революции в Латвии (1974), Джона Кипа о мобилизации рабочих и крестьянских организациях (1976), Александра Рабиновича о большевиках с июля по октябрь 1917 года (1976), Нила Хардинга о политической мысли Ленина (1977 и 1981), Эвана Модсли и Нормана Сола о балтийских моряках (оба 1978), с завершающими десятилетие в 1979 г. книгами Грэма Гилла о правительстве и крестьянах, Роберта Сервиса об эволюции организации большевиков после октября и Ричарда Дебо о первых месяцах внешней политики большевиков. Этот

[7] Haimson L. H. The Problem of Social Stability in Urban Russia // Slavic Review. 1964. Vol.23, № 4. P. 619–642; 1965. Vol. 24, № 1. P. 1–22.

обширный выплеск, дополненный большим количеством научных статей, чрезвычайно расширил, а иногда и усложнил понимание революции.

Эта плодотворная деятельность сохранилась и в 1980-х гг., когда появились важные книги Аллана Уайлдмана о солдатах (два тома в 1980 и 1987), Цуёси Хасегавы о Февральской революции (1981, второе издание должно выйти в 2017 году), Дианы Кенкер о московских рабочих (1981), Стива Смита о петроградских заводских комитетах и рабочих (1983), Израэля Гетцлера о Кронштадте (1983), Дэвида Манделя о Петроградские рабочие (1983), Рекса Уэйда о Красной гвардии и рабочих ополчениях (1984), Дональда Рейли о революции в Саратове (1986), Владимира Бровкина о меньшевиках после Октября (1987), Зива Галили о меньшевиках в первые месяцы 1917 года (1989), Дианы Кенкер и Уильяма Розенберга о забастовках рабочих (1989), Орландо Файджеса о поволжских крестьянах (1989) и другие. Следует еще раз подчеркнуть, что это не полный список, а просто иллюстрация удивительного всплеска работ. Кроме того, за эти десятилетия было опубликовано большое количество важных статей[8].

Этот поток значимых книг и статей с середины 1960-х гг. и в течение 1970-х и 1980-х годов коренным образом изменил наше восприятие революции и представил нам ее историю гораздо более насыщенной и сложной. Более того, в рамках своих тем они по большей части по-прежнему остаются основными англоязычными работами. Из-за ограниченности места эти работы, увы, не могут быть рассмотрены здесь по отдельности так, как они того заслуживают – для этого потребовалась бы отдельная пространная статья. Однако можно отметить, что все они вписываются в общие рамки более масштабного процесса резкого роста числа исторических и иные произведений на английском языке о России и Советском Союза, в целом.

Этот каскад работ о революции сопровождался важными новыми тенденциями в историографии, в особенности новой «социальной истории», так как значительное количество историков обратились к изучению революции «снизу». Это ознаменовало важный тематический и методологический сдвиг в данной области. Как это определил один выдающийся деятель европейской социальной истории, «социальные историки исследуют изменения и преемственность в опыте обычных людей» и делают предположение, что «обычные люди часто играют большую, хотя и незнаменитую, роль в создании причин ключевых событий, а не просто под-

[8] Ссылки на статьи и другие книги 1970-х и 1980-х гг. смотрите в работах, указанных в сносках 2 и 4 к настоящей статье.

вергаются воздействию»[9]. Это последнее предположение стало ключевой особенностью англоязычных социальных историй революции, где подчеркивалась роль рабочих (особенно), солдат и крестьян. Действительно, некоторые из этих историков в то время считали себя «историками труда» в той же степени или даже больше, чем «социальными историками», в то время как другие просто считали себя «ревизионистами», как их всех в итоге стали называть. Отчасти этот поворот к социальной и трудовой истории был следствием применения к истории русской революции подхода, уже в основном утвердившегося в изучении европейской истории.

Разворот 1970–1980-х гг. в сторону социальной истории сформировал наиболее значимый новый тематический и методологический подход к написанию истории Русской революции с тех пор, как в 1920-х и 1930-х гг. были очерчены основные политически ориентированные контуры, нисходящие сверху вниз. Некоторые социальные историки были вдохновлены работами британских историков-марксистов, таких как Э. П. Томпсон, некоторые оказались под сильным влиянием преобладавших в 1970-х гг. взглядов движения «новых левых», на некоторых сильно повлияло применение методов социальной истории при изучении Французской революции, в то время как другие были просто движимы историческим интересом к тому, как лучше всего объяснить то, что произошло в России в 1917-м. В целом же социальные историки задали вопрос, кто же были эти «массы», о которых говорили современники, и что они делали в 1917 г., в каких видах деятельности они участвовали, как они взаимодействовали с политическими активистами, почему и какими способами они поддерживали ту или иную политическую партию или идеологию (и почему они иногда меняли свое мнение), и как их действия повлияли на политическое развитие революции? Постановка таких вопросов стала следствием критического осмысления проблемы объяснения и описания революции. Социальная история и ее ответвления сохранили свое центральное положение и в последующих исследованиях в этой области.

Подход «социальной истории» бросил вызов прежней сосредоточенности на политическом лидерстве, идеологии и правительстве и в значительной степени заменил ее большим акцентом на социальные группы, их устремления и их самостоятельные и целенаправленные действия, их свободу воли. Эти историки выявили углубляющуюся социальную поляризацию, которая подрывала положение Временного правительства и, по мере того, как все более крупные группы населения обращались к все более ра-

[9] Stearns P. Introduction // Encyclopedia of European Social History. from 1350 to 2000. Ed. Peter Stearns. N.-Y., 2001. Vol. I. P. xix.

дикальным лидерам, в том числе большевикам, но не только к ним, неуклонно сдвигала революцию влево. Среди самых ранних опубликованных исследований, рассматривающих аспекты народной воли, а также рабочих и других лиц как самостоятельных акторов, преследующих свои интересы, можно назвать статьи Пола Аврича 1963 г. о фабричных рабочих и Уилсона Огастина о железнодорожниках[10]. Однако по-настоящему развитие социальной истории началось в 1972 г. с книги Рональда Суни о Баку, работы Роджера Петибриджа о распространении революции и статьи Рекса Уэйда о районных советах в Петрограде. Оно было продолжено в 1974 г. статьей Тедди Ульдрикса «Толпа в русской революции», книгой Уильяма Розенберга о либералах в революции и, в меньшей степени, некоторыми другими работами, упомянутыми ранее как вышедшие в семидесятых годах. Сюда в качестве «исследования массовой мобилизации» можно было бы включить даже книгу Джона Кипа 1976 года о революции, хотя в ней подчеркивается манипулирование низшими классами со стороны большевиков[11].

Элементы социальной истории встречаются и в других работах 1970-х годов, но большинство книг, обычно относимых к «социальной истории», на самом деле вышли в 1980-х гг. Центральное место среди них занимала серия уже упомянутых книг о промышленных рабочих Дианы Кенкер, Стива Смита, Дэвида Манделя, Рекса Уэйда, и Уильяма Розенберга в соавторстве с Дианой Кенкер. Сюда же можно добавить работу Орландо Файджеса о поволжских крестьянах, книгу Аллана Уайлдмана об армии и важное исследование Дональда Рейли о местном обществе и политике в Саратове. То, чему уделяли внимание социальные историки в 1980-х годах, прекрасно отражено в трех сборниках статей – один под редакцией Дэниела Х. Кайзера (1984), другой под редакцией Роберта Сервиса (1992) и еще один по итогам международной конференции в январе 1988 г. под редакцией Эдит Роговин и Джонатана Франкелей и Баруха Кней-Паза (1992). На протяжении всего этого времени многие статьи в периодике уточняли, заполняли пробелы и развивали темы социальной истории. Рональд Суни в своей статье 1983 года в «American Historical Review» пред-

[10] Avrich P. Russian Factory Committees in 1917 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 1963. № 11. S. 161–82; Avrich P. The Bolshevik Revolution and Workers' Control in Russian Industry // Slavic Review. 1963. № 22. P. 47–63; Augustine W. R. Russia's Railwaymen, July– October, 1917 // Slavic Review Vol. 24. 1965. № 4. P. 666–679.

[11] Wade R. A. The Rajonnye Sovety of Petrograd: The Role of Local Political Bodies in the Russian Revolution // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 1972. № 20. S. 226–240; Uldricks T. J. The Crowd in the Russian Revolution: Towards Reassessing the Nature of Revolutionary Leadership // Politics and Society. Vol. 4. 1974. № 4. P. 397–413; Suny R. G. The Baku Commune, 1917–1918; Keep J. L. The Russian Revolution; Rosenberg W. Liberals.

ставил нечто вроде манифеста о появлении социальной истории, где рассмотрел и поддержал то, что он определял как формирующуюся социальную историю революции. Объясняя «парадигму», которая легла в основу этих работ, Суни подчеркивал значение классового конфликта в развитии социальной и политической поляризации, которая была важнейшим элементом для понимания действий народа, провала Временного правительства и социального контекста Октябрьской революции[12].

Уклон в сторону социальной истории не остался без внимания[13]. Некоторые обвиняли социальных историков в том, что они пишут «историю без учета политики». Каким бы справедливым это обвинение не было для некоторых направлений европейской социальной истории, в российском случае оно в значительной степени промахнулось мимо цели. На самом деле социальной истории революции никогда не было свойственно отсутствие политики, просто потому, что в основе исследований Русской революции оставался вопрос: как большевики, бывшие после Февраля небольшой партией меньшинства и в значительной степени отстраненные от участия в формальном политическом руководстве страной, сумели восемь месяцев спустя захватить власть, а еще через несколько месяцев закрепить ее в форме диктатуры? Параллельно вставал обратный вопрос: как либералы и умеренные социалисты, которые были у власти и пользо-

---

[12] Suny R. G. Toward a Social History of the October Revolution // American Historical Review. Vol. 88. 1983. № 1. P. 31–52.

[13] Возможно, наиболее убедительным критиком был Дэвид Лонгли (Passionate Objectivity // Revolutionary Russia. 1989. № 2. P. 153–160 (Рец. на: Kaiser D. H. ed. The Workers' Revolution in Russia, 1917. The View from Below. Cambridge, 1984.). Лонгли утверждал, что «радикальную политику нельзя вывести просто из плохих условий, даже из очень плохих условий». Затем социальную историю атаковал Джон Эрик Маро (см. его: Class Conflict, Political Competition and Social Transformation: Critical Perspectives on the Social History of the Russian Revolution // Revolutionary Russia. 1994. № 7. P. 111–163). Статья Маро, где основное внимание было уделено книге Кенкер и Розенберга о забастовках, вызвала одну из относительно редких открытых дискуссий в форме реплик Стива Смита и Уильяма Розенберга в последующих номерах того же журнала и заключительного ответа Маро. Начало 1990-х гг. и распад Советского Союза ознаменовались еще большим числом открытых политических и полемических нападок на социальную историю и «ревизионистов» со стороны Ричарда Пайпса и других представителей даже еще более старшего поколения ученых и публицистов. Возможно, самым резким был Ричард Пайпс (см. его: 1917 and the Revisionists // The National Interest. 1993. Spring. P. 68–79; также см: Times Literary Supplement. 1992. November 6). Однако ко времени этих нападок в исходную социальную историю уже были внесены поправки с учетом большего внимания к политике, и она была частично вытеснена лингвистическим поворотом. Завершающая точка была поставлена здесь Роном Суни в его статье, переосмысляющей социальную историю и ее сильные и слабые стороны (см. его: Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and Its Critics // Russian Review. 1994. Vol. 53. P. 155–182).

вались народной поддержкой в течение нескольких месяцев после Февральской революции, потеряли ее так быстро? В попытках социальной истории создать более комплексную картину революции направленность ее исследований на самом деле никогда не отклонялась от поиска ответов на эти ключевые, политические в своей основе, вопросы. Социальная история русской революции отражала более широкий, социально-исторический подход, отвергавший мнение, что единственными источниками всех значительных событий являются государство или отдельные политические лидеры или что происходящие события обязательно являются следствием намерений государственных властей или политических лидеров, но для которого при этом основным вопросом по-прежнему была проблема политического исхода революции.

Критика, однако, привела к более откровенной дискуссии о причинно-следственной связи между политикой и «социальными» факторами (классовое положение, материальные условия и т. д.), о том, насколько сильно социальные категории и проблемы, с одной стороны, и политика и политические институты – с другой, переплетены друг с другом, и даже о, до некоторой степени, автономности политики. Действительно, некоторые сторонники социальной истории начали подвергать сомнению основополагающие допущения в своих ранних работах. Рональд Суни писал в 1994 г., что «социальные категории и идентичности больше не могут восприниматься как достаточно стабильные или как выражающие ясные и объективные интересы, вытекающие из их сущностной природы»[14].

По мере того как историки рассматривали способы применения и пределы социальной истории, они также стали озабочены тем, насколько адекватны их способы использования источников, чтобы рассказать нам об умах, мышлении обычных людей, которые и были предметом социальной истории. Это совпало с расширением доступа к российским источникам, что произошло в годы правления Горбачева и особенно после распада Советского Союза в 1991 году. Эти два фактора способствовали заинтересованности в некоторых новым методологических наработках, которые получили развитие в исторической науке с начала 1980-х гг. (что особенно было заметно, опять же, в работах о Французской революции), особенно тех, которые приводили к большему интересу к вопросам культуры, языка, символов и гендера. Некоторые историки под влиянием культурного и лингвистического поворотов среди историков Западной Европы и Соединенных Штатов, начали применять их к изучению революции, след-

[14] Suny R. G. Revision and Retreat in the Historiography of 1917 // Russian Review. 1994. Vol. 53. P. 182.

ствием чего стали новые перспективные подходы и наблюдения для ее понимания. Это ознаменовало в 1990-х гг. новую, хотя и несколько менее резкую, историографическую перемену в изучении революции и ее интерпретациях (менее резкую из-за ее тесной связи с социальной историей). Вне зависимости от того, находятся ли социальная история и история культуры, перефразируя Кристофера Форта, на одной и той же, или на разных, но пересекающихся орбитах, кажется очевидным, что в случае Русской революции социальная история и культурный и лингвистический подходы тесно взаимосвязаны[15].

История культуры стала значимой в исследовании революции в постсоветские 1990-е годы, в основном через «лингвистический поворот». Это было особенно важно, так как исследователи использовали лингвистический подход для изучения того, как во время революционных потрясений возникали новый язык и символы, использовавшиеся для анализа событий, формирования групповой идентичности, определения властных отношений, обозначения «нас» и «их» и помощи в достижении политических, экономических или культурных целей. Историки начали исследовать ценность символических значений, присваиваемых таким словам, как «буржуй», «товарищ», «гражданин», «рабочие», «ленинцы», «корниловцы» и т. д., и той роли, которую эти понятия играли на политическом рынке, иной раз выступая в том числе объединяющими символами, но также и разделяющими, проводившими границы между группами. Они также уделяли больше внимания визуальным символам (красные знамена, патриотические плакаты, одежда и т. д.) и звуковым (например, революционная песня). Особенно важными были новаторские работы Орландо Файджеса и Бориса Колоницкого, как отдельные статьи, так и их книга «Интерпретация русской революции: язык и символы 1917 года» (1999). В этой книге, которая на самом деле представляет серию очерков, и в своих собственных статьях 1990-х гг., они исследовали, как слова и символы выступали в качестве кода коммуникации, который служил для определения групп, мобилизации сторонников, выявления врагов, предъявления претензий на популярные символы, слова, одежду и лозунги, а также придание авторитетности определенным целям и лидерам. Они предположили, что революцию можно в каком-то смысле рассматривать как арену борьбы символических систем, которые пытались определить группы, выявить врагов и мобилизовать сторонников программ и действий, а также претендовали на популярные символы, слова, одежду и лозунги.

---

[15] Forth C. Cultural History and New Cultural History // Encyclopedia of European Social History. Vol. I. P. 83.

Другие ученые расширили обсуждение культурных и лингвистических факторов еще дальше. Майкл Хикки в своей работе о том, как классовый дискурс и классовая идентичность так быстро утвердились в Смоленске, подрезав перспективы какого-либо широкого социально-политического единства в решении вопросов, поднятых революцией, исследовал язык «белых воротничков» и других непролетарских групп. Язык был темой исследования также и в некоторых других его статьях о Смоленске, в частности то, как газетная и партийная риторика о кризисе и преступности помогла сформировать восприятие того и другого и повлияла на политические события[16]. Использование языка и символов дворянством и землевладельцами после февраля 1917 года, рассматривал Мэтью Рендл – сначала в статье, специально посвященной этому, а затем в рамках более широкого исследования этих групп в 1917 году в своей книге «Защитники Родины»[17]. С другого конца социального спектра использование языка, символов и ритуала изучал Аарон Ретиш, обсуждая гражданское самоопределение крестьян в своей статье 2003 года «Превращение крестьян в граждан» и развив эту тему в дальнейшем в своей книге о Вятской губернии (подробнее об этом далее)[18]. Достаточно подробно проблемы культуры освещены в продолжающемся издании «Россия в Великой войне и революции, 1914–1922» особенно, хотя и не только, в двух томах посвященных собственно культуре[19].

Роль языка в структурировании опыта, поведения и восприятий подняла проблему определения «подлинных» голосов и движений. Социальные историки признавали, что письма и резолюции рабочих, солдат и крестьян, как правило, в той или иной степени составлялись при посредничестве тех, кто чаще всего их составлял – клерков, студентов, священников, агитаторов или просто наиболее образованных из них. Более того, часто та-

---

[16] Hickey M. C. Discourses of Public Identity and Liberalism in the February Revolution: Smolensk, Spring 1917 // The Russian Review. 1966. Vol. 55. №. 4. P. 615–637; Hickey M. C. The Rise and Fall of Smolensk's Moderate Socialists: The Politics of Class and the Rhetoric of Crisis in 1917 // Provincial Landscapes: Local Dimension of Soviet Power, 1917–1935 / ed. Donald J. Raleigh. Pittsburgh, 2001. P. 14–35.

[17] Rendle M. Symbolic Revolution: The Russian Nobility and February 1917 // Revolutionary Russia. 2005. Vol. 18. №. 1. P. 23–46; Rendle M. Defenders of the Motherland: The Tsarist Elite in Revolutionary Russia. Oxford, 2010.

[18] Retish A. D. Creating Peasant Citizens: Rituals of Power, Rituals of Citizenship in Viatka Province, 1917 // Revolutionary Russia. 2004. Vol. 16, №. 1. P. 47–67; Retish A. D. Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914–1922. Cambridge, 2008.

[19] Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922, Book 1: Popular Culture, the Arts, and Institutions; Book 2: Political Culture, Identities, Mentalities, and Memory / eds. Murray Frame, et al. Bloomington, 2014.

кие документы носили шаблонный характер. Марк Стейнберг и Екатерина Бетехтина рассмотрели эту проблему во введении и в послесловии к подготовленному Стейнбергом сборнику писем рабочих, солдат и крестьян «Голоса революции, 1917 год». Стейнберг отмечает важность изучения того, какие слова авторы предпочли использовать (свобода, демократия, класс, честь), как они их использовали и даже как они их определяли. Например, термин «демократия» использовался по-разному и означал разные вещи для разных людей и групп. Некоторые проблемы поиска «подлинных» голосов 1917 года также затронула Диана Кенкер, отмечая, что при использовании воспоминаний рабочих, на которые широко полагались социальные историки, необходимо исследовать «способы, которыми они были оформлены и сконструированы», «культурное конструирование таких документов»[20].

Те же самые ограничения могут быть применены к использованию мемуарных источников, которые традиционно использовались для реконструкции высокой политики. Многие из этих самых голосов недавно были изучены Иэном Тэтчером двумя различными способами. Один из них – статья с новым взглядом на воспоминания членов Временного правительства и других государственных деятелей 1917 г. Он считает, что это дает нам возможность избежать традиционного акцента на неудачах и посмотреть на то, чего правительство добилось за столь короткое время и в сложных условиях: крупные судебные реформы, избирательное право на принципах «четыреххвостки», легализация профсоюзов, восьмичасовой рабочий день, шаги в сторону земельной реформы, секуляризация и свобода вероисповедания, подготовка к всеобщим выборам в Учредительное собрание, провозглашение независимости Польши, автономии Финляндии и помимо прочего шаги по пересмотру статуса некоторых других крупных этнических групп. В другой статье Тэтчер рассматривает «сценарии» революции, использовавшиеся в 1917 году либералами, умеренными социалистами, радикальными социалистами, националистами и другими силами[21].

Другой относящийся сюда вопрос, который отражает еще одну взаимосвязь между новыми направлениями в изучении 1917 года и более широкими историографическими тенденциями, связанными с «культурным поворотом», – это акцент на конструировании памяти. Еще в начале 2000-х гг. несколько историков, в первую очередь Фредрик Корни и Майкл

[20] Koenker D. Scripting the Revolutionary Worker Autobiography: Archetypes, Models, Inventions, and Markets // International Review of Social History. 2004. Vol. 49. № 3. P. 371–400.

[21] Thatcher I. Memoirs of the Russian Provisional Government // Revolutionary Russia. 2014. Vol. 27. № 1. P. 1–21; Thatcher I. Scripting the Russian Revolution // Baker Keith M., Edelstein D. Scripting Revolution. Stanford, 2015. P. 213–227, 399–402.

Хикки, писали о сложных и крайне политизированных процессах, с помощью которых в течение первого десятилетия советской власти рассказы о революции от первого лица были собраны и превращены в официальные нарративы[22]. Совсем недавно историки, такие как Карен Петроне и Аарон Коэн, обратили свое внимание на более широкие вопросы, касающиеся того, как люди «помнили» революционный период – в его широком смысле[23].

Озабоченность языком и достоверностью побудила некоторых историков погрузиться в изучение аспектов «репрезентации», попыток отдельных групп использовать дискурсивные описания для определения себя или других: кто они такие, каковы их основные характеристики, во что они верят, каковы их устремления и намерения в революционном контексте, кто представляет угрозу? Стив Смит, один из самых значимых социальных историков 1980-х гг., отмечал отход от «материалистического» подхода, согласно которому социальный класс рассматривался «как место в производственных отношениях к “дискурсивному”, который трактовал класс как набор способов конструирования реальности, как самими заинтересованными сторонами, так и в отношении них»[24]. Уильям Розенберг затронул это в рамках расширенного восприятия революции в своем исследовании о том, как либералы представляли рабочих, в то время как Майкл Хикки исследовал, как новый высокий статус «рабочих» и язык, используемый в отношении этого класса, привели к тому, что такие группы, как учителя и «белые воротнички» низшего звена, стали самоидентифицировать себя как «рабочие»[25]. Этот процесс, в свою очередь, породил новые сложные определения того, что такое «рабочие». Акцент смещается на выявление языка, практик, символов и распространение «дискурса», которые, будучи используемы рабочими, представителями среднего класса, солдатами или интеллигенцией в газетах, плакатах, речах и песнях, помогали этим группам осмыслить, сформулировать и даже пересмотреть свое представление о том, кем они были и, в чем состоят их насущные ин-

---

[22] Corney F. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution Ithaca, 2004; Hickey M. C. Paper, Memory and a Good Story: How Smolensk got its ‘October // Revolutionary Russia. 2000. Vol. 13. № 2. P. 1–19.

[23] См., например, очерки Петроне и Коэна в: Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922, Book 2: Political Culture, Identities, Mentalities, and Memory / eds. Murray Frame, et al. Bloomington, 2014.

[24] Smith S. Russian Workers and the Politics of Social Identity // The Russian Review 1997. Vol. 56. №. 1. P. 1.

[25] Rosenberg W. G. Representing Workers and the Liberal Narrative of Modernity // Slavic Review. 1996. Vol. 55. № 2. P. 245–269; Hickey M. C. Discourses of Public Identity and Liberalism in the February Revolution: Smolensk, Spring 1917 // The Russian Review. 1996. Vol. 55. № 4. P. 615–637.

тересы, в том числе политические. То же самое можно сказать и о других «группах», таких как женщины или этнические общности.

При рассмотрении Русской революции, как и в других областях истории, термин «культура» традиционно используется в различных значениях, таких как «высокая культура» в искусстве и литературе, как «повседневность», как образцы мышления и поведения, демонстрируемые социальными группами или обществами в целом, а также, в тесной связи с лингвистическими и символическими проблемами, как «система символов, обладающих реальной, хотя и слабой связностью, которая на практике постоянно ставится под угрозу и, следовательно, подвергается трансформации»[26]. Тем не менее, в 1990-х гг. и далее появлялось все больше работ по культуре, в центре внимания которых были события 1917 года. Среди тем, получивших значительное внимание – это озабоченность элиты в 1917 году развитием «просвещения» и культуры низших классов, особенно крестьянства, «темных людей», до уровня, позволяющего им выполнять их обязанности в качестве граждан новой свободной России. Этот вопрос особенно рассматривался в исследованиях о регионах, где к проблеме просвещения обращались Сара Бэдкок и Аарон Ретиш в своих статьях и книгах, посвященных Казанской и Нижегородской губерниям и Вятской губернии соответственно. Ретиш делает упор на роль ритуалов и символов в усилиях элиты, в то время как Бэдкок рассматривает образовательные кампании и «культурно-просветительскую» деятельность провинциальной интеллигенции через местные органы власти, советы и другие институты[27]. К этому же вопросу с другой стороны подходит Мэтью Рендл в своем исследовании, посвященном старым элитам и тому, как они изначально не только приняли революцию, но и ожидали, что она внесет свой вклад в содействие именно тому самому просвещению, которое, по их мнению, было необходимо для развития будущего России (и, что было более важно в тот момент – для защиты страны)[28].

Некоторые из этих вопросов «просвещения» рассматривались с самых разных сторон. Как пример можно привести статью Веры Каплан о деятельности учителей и образовательных практиках в период с февраля по октябрь 1917 г., где особое внимание уделено деятельности большеви-

---

[26] См. цитату Уильяма Сьюэлла в Suny R. G. Back and Beyond: Reversing the Cultural Turn? // American Historical Review. 2002. Vol. 107. № 5. P: 1485.

[27] Работы Ретиша указаны в ссылке 17 ранее. См. также: Badcock S. Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge, 2007 и ее же: Talking to the People and Shaping Revolution: The Drive for Enlightenment in Revolutionary Russia // The Russian Review. 2006. Vol. 26. № 4. P. 617–636.

[28] Rendle M. Defenders of the Motherland…

ков[29]. Даниэль Орловский подробно рассмотрел вопросы культуры с точки зрения центральной власти, выделив четыре области культурной работы Временного правительства: политическая культура, образование и религия, управление культурой (искусство, театр, музыка) и попытка создать новые символы и ритуалы, которые способствовали бы фундаментальным переменам в культуре[30].

Несмотря на «культурный поворот», высокой культуре, с одной стороны, и культуре повседневности – с другой, по-прежнему уделяется мало внимания. Это, вероятно, отражает тот факт, что ситуация революции разрушительная для высокой культуры и недружелюбна к нормальной «повседневной жизни», ее ценностям и привычкам, а следовательно, и к любому ее изучению. Исследование Мюррея Фрейма об императорских театрах, пожалуй, является первой крупной попыткой изучить высокую культуру и управление культурой в 1917 году, в то время как два тома «Русской культуры в войне и революции», где он был соредактором, содержат большое число статей о высокой культуре и других аспектах культуры в широком смысле[31]. Конечно, есть очень большой список работ о художниках и искусстве (авангарде и других направлениях), а также о политике и практиках в области искусства всей поздней имперской и ранней советской эпох в целом, но мало что непосредственно о 1917 году. Аарон Коэн отметил, что хотя художники, как и другие, отреагировали на революцию проведением митингов и созданием организаций, но это оказало минимальное влияние на их творчество, если не считать текущей тематики, поскольку художники всех типов, от авангардистов до традиционных художников, праздновали революцию (так же как ранее они отразили националистическую поддержку войне при ее начале). Они выпустили много плакатов, а также некоторое число картин и гравюр, которые приветствовали революцию и вновь обретенные свободы или поддерживали политические партии, но вскоре они и их организации переориентировались с изучения новых форм искусства (как это было в ходе развития

[29] Kaplan V. A Dress Rehearsal for Cultural Revolution: Bolshevik Policy towards Teachers and Education between February and October, 1917 // History of Education. 2006. Vol. 35. № 4–5. P. 427–452.

[30] Orlovsky D. T. The Provisional Government and Its Cultural Work // Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution / eds. Gleason A., Kenez P., Stites R. Bloomington, 1985. P. 39–56 (для цитаты см. С. 54.).

[31] Frame M. Theatre and Revolution in 1917: The Case of the Petrograd State Theatres // Revolutionary Russia. 1999. Vol. 12 № 1. P. 84–102; Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922 / eds. Murray Frame, et al. Bloomington, 2014.

авангарда в предшествующие годы) на защиту своих экономических и профессиональных интересов во времена роста нестабильности[32].

Также мало изучена и повседневная жизнь как таковая, хотя некоторые ее аспекты были затронуты в некоторых статьях, в частности в исследованиях Майкла Хикки и Цуёси Хасегавы о преступности и ее влиянии на жизнь людей и на политику[33]. В целом, однако, исследования повседневности – как люди продолжали заниматься своей жизнью (или не продолжали), совершая покупки и питаясь, передвигаясь по городу или сельской местности, выполняли или не выполняли свои обязанности на работе, в семейных и другие личных отношениях, как они справлялись с происходившими демонстрациями, кризисами и другие общественные беспорядки – это важная область для изучения, хотя и недостаточно разработанная. Это значительно расширило бы наше понимание революции и того, как люди пережили ее и поняли. Следует отметить, что Сара Бэдкок и Мэтью Рендл в своих книгах некоторым образом обращаются к этой тематике с совершенно разных классовых точек зрения, также эта тема немного всплывает то здесь, то там в других местах, но работа, посвященная этим вопросам, все еще необходима.

Тесно связанная как с повседневной жизнью, так и с интеллектуальными/культурными проблемами тема взаимодействия между Православной церковью (и религией в целом) и революционными потрясениями 1917 года изучена мало (в отличие от ее более позднего конфликта с большевиками). Основным исключением здесь является Екатерина Евтухова с ее статьями, посвященными Церковному собору в августе 1917 г. и дебатам о восстановлении патриаршества, а также другим епархиальным съездам, а также политическим событиям на низовом уровне в 1917 году, в то время как Павел Рогожин исследует тему церкви во время сумятицы войны и революции[34]. До сих пор на английском языке было мало иссле-

---

[32] Cohen A. J. Imagining the Unimaginable: World War, Modern Art, and the Politics of Public Culture in Russia, 1914–1917. Lincoln and London, 2008; См. также некоторые очерки в упомянутой в предыдущей ссылке «Русской культуре в войне и революции».

[33] Hickey M. C. Moderate Socialists and the Politics of Crime in Revolutionary Smolensk // Canadian-American Slavic Studies. 2001. Vol. 35. № 2–3. P. 189–218; Hasegawa Ts. Crime, Police, and Mob Justice in Petrograd during the Russian Revolutions of 1917 // Religious and Secular Forces in Late Tsarist Russia. Essays in Honor of Donald W. Treadgold / ed. Charles E. Timberlake. Seattle, 1992. P. 241–271; Хасегава также готовит монографию о преступности в Петрограде в 1917 – начале 1918 гг.

[34] Evtuhov C. The Church in the Russian Revolution: Arguments for and against Restoring the Patriarchate at the Church Council of 1917–1918 // Slavic Review. 1991. Vol. 50. № 3. P. 497–511; Evtuhov C. The Church's Revolutionary Moment: Diocesan Congresses and Grassroots Politics in 1917 // Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922 / eds. Mur-

дований о том, в какой степени произошел какой-либо значительный упадок или изменение религиозной практики и ее места в повседневной жизни после Февраля, но до гонений большевиков на религию, или о деятельности церковников. Взаимодействие религии и революции также затрагивается в работах, посвященных революции в мусульманских регионах, где та имела гораздо большее значение[35].

Одним из важнейших результатов развития социальной и культурной истории стал рост внимания к гендеру и «женской» истории во время революции, что стало отражением того, как течение времени меняет наше видение революционных событий. До сих пор этот феномен мало изучался, хотя и существуют несколько работ о женщинах до и после 1917 г., а также биографии женщин-большевичек (особенно Александры Коллонтай). Интересно, что в более поздних публикациях произошло снижение интереса к большевичкам, и наметился рост внимания к другим аспектам участия женщин в революции. Жизнь женщин и гендерные проблемы освещаются в двух работах на примере специфической подгруппы – женщин-солдат. Работа Лори Стофф «Они сражались за Родину» является подробным исследованием о женщинах-солдатах Первой мировой войне с акцентом на 1917 г. Она пытается ответить на ряд вопросов: кто были эти женщины и почему они пошли в армию; как они оказались в настолько удаленной от них мужской сфере деятельности; как это влияет на наше понимание гендерных ролей; какое влияние женщины оказали на армию и общество. Статья Мелиссы Стокдейл, где рассматривается знаменитый женский батальон, схожим образом выходит за рамки прежнего «любопытного сюжета» и рассматривает явление с точки зрения класса, гендера, идей равенства и гражданства, социальной мобилизации и революции как трансформации демократии[36]. Обе работы далеки от прежних взглядов на женские подразделения, для которых характерно стремление смотреть на них как на любопытные, но второстепенные факторы в более масштабной политической борьбе.

---

ray Frame, et al., Book 1: Popular Culture. Bloomington, 2014: Rogoznyi P. The Russian Orthodox Church during the First World War and Revolutionary Turmoil // Там же.

[35] См.: Adeeb Khalid. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley, 1998; Schafer Daniel E. Bashkir Loyalists and the Question of Autonomy: Gabdulkhai Kurbangaliev in the Russian Revolution and Civil War // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22 / eds. Sarah Badcock et al., Book 1: Russia's Revolution in Regional Perspectiv. Bloomington, 2015. P. 215–245, а также другие работы, указанные в Wade, The Russian Revolution of 1917 (раздел о Средней Азии).

[36] Stockdale M. «My Death for the Motherland is Happiness»: Women, Patriotism, and Soldiering in Russia's Great War, 1914–1917 // American Historical Review. 2004. Vol. 109. № 1. P. 78–116.

Большая часть женщин, разумеется, отреагировала на революцию совсем иначе, чем те из них, кто добровольно отправился на военную службу. Сара Бэдкок посвящает как статью, так и часть своей книги одной значительной социальной группе – солдаткам, т. е. солдатским женам и вдовам, и их движению как общественно-политической силе в 1917 г. Исследование солдаток важно в качестве примера того, как одна довольно большая группа, объединенная конкретной связью, отреагировала на революционную ситуацию. Они вынудили официальные политические властные структуры обратить внимание на их требования, вытекавшие из их материального положения[37]. Интересные параллели можно обнаружить с другой группой женщин из низшего класса – городских работниц, жизнь которых рассматривается в книге Кенкера и Розенберга «Забастовки и революция». Здесь мы вновь сталкиваемся с женщинами, пытающимися организоваться и самоутвердиться (иногда успешно, иногда нет)[38].

Несмотря на сохраняющуюся значимость социальной истории и современное увлечение проблемами языка, символов, культуры и гендера, политическая история сохраняет определяющее значение в области исследования революции – политика, в конце концов, была на центральном месте. У исследователей на протяжении всего времени, включая 1990-е гг. и далее, продолжали выходить значимые работы, посвященные в первую очередь политике, но учитывающие при этом важность социальных, экономических и культурных факторов. Яркими примерами могут служить работы Семена Ляндреса, где он пересматривает проблему большевиков и «немецкого золота», а также возникновение Временного правительства; труды Джеффа Суэйна, где он прослеживает истоки гражданской войны в событиях, произошедших до середины 1917 г.; статья Джеймса Уайта о Троцком осенью 1917 г. во многом проясняющая природу Октябрьской революции[39]; а также выпуск журнала «The Soviet and Post-Soviet Review» за 1997 год со статьями Семена Ляндреса и Даниила Орловского о Временном правительстве и Майкла Мелансона и Рекса Уэйда о политиче-

[37] Badcock S. Women, Protest, and Revolution: Soldiers' Wives in Russia during 1917 // International Review of Social History. 2004. Vol. 49. P. 47–70; Badcock, Politics and the People…

[38] Koenker D., Rosenberg W. Strikes and Revolution…

[39] Lyandres S. The Bolsheviks' "German Gold" Revisited. An Inquiry into the 1917 Accusations. Pittsburgh, 1995; Lyandres S. The Fall of Tsarism: Untold Stories of the February 1917 Revolution. Oxford, 2013; Lyandres S. Conspiracy and Ambition in Russian Politics before the February Revolution of 1917: The Case of Prince Georgii Evgen'evich L'vov // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2015. № 8. P. 99–133; Swain G. The Origins of the Russian Civil War. London – New York, 1996; White J. D. Lenin, Trotskii and the Arts of Insurrection: The Congress of Soviets of the Northern Region, 11–13 October 1917 // Slavonic and East European Review. 1999. Vol. 77. № 1. P. 117–139.

ских партиях и альянсах в 1917 г. (также как и с несколькими статьями российских исследователей)[40]. Особенно значимой в качестве примера объединения политических вопросов с другими была серия статей Майкла Мелансона 1990-х гг., посвященных партии эсеров, отношению масс к Временному правительству и советам и развитию «революционной политической культуры». Эти работы демонстрируют то, как готовность задавать разные вопросы и использовать широкий спектр методов для изучения политических в своей основе тем может открыть новые перспективы в изучении революционного процесса. Этот подход продолжал применяться и в 2000-е гг.[41] Двумя особенно важными из числа недавних «политически-ориентированных» работ являются монография Семена Ляндреса «Падение царизма» (2013), переосмысляющая Февральскую революцию и третий том истории большевистской партии в годы революции Александра Рабиновича – «Большевики у власти» (2007), где анализируются Октябрьская революция и последующие события до начала 1918 г. (обзор этих двух книг см. ниже).

Если сдвиги в методологии, характерные, начиная с 1970-х гг., для многих важных тенденций, были отчасти вызваны применением в исследованиях о русской революции историографических наработок из области европейской истории, то Перестройка и распад Советского Союза способствовали формированию трех линий развития по отношению к событиям русской истории. Одной из них стало «триумфаторское» умонастроение со стороны некоторых западных историков, возникшее на фоне упадка и распада Советского Союза и охарактеризованного Кристофером Ридом как «получивший новое дыхание откровенный антибольшевизм»[42]. Главным приверженцем такой линии стал Ричард Пайпс, в чьей «Русской революции» оказалась проигнорирована почти вся значимая историография после 1960-х гг. Несмотря на то, что эта книга и получила некоторую по-

---

[40] Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Vol. 24. № 1–2.

[41] См. следующие работы Майкла Мелансона: Melancon M. The Syntax of Soviet Power: the Resolutions of Local Soviets and Other Institutions, March–October 1917 // Russian Review. 1993. Vol. 52. № 4. P. 486–505; Melancon M. Soldiers, Peasant-Soldiers, Peasant-Workers and Their Organizations in Petrograd: Ground-Level Revolution in the Early Months of 1917 // The Soviet and Post-Soviet Review. 1996. Vol. 23. № 2. P. 161–190; Melancon M. From Rhapsody to Threnody: Russia's Provisional Government in Socialist-Revolutionary Eyes, February–July 1917 // The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Vol. 24. P. 27–41; Melancon M. The Left Socialist Revolutionaries and the Bolshevik Uprising // The Bolsheviks in Russian Society, ed. Vladimir Brovkin. New Haven, 1997. P. 59–80. См. также последнюю часть его книги: Melancon M. The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti-War Movement, 1914–1917. Columbus, 1990.

[42] Read C. The Russian Revolution after the Fall of Communism // The Historical Journal. 1997. Vol. 40. № 4. P. 1127.

пулярность в период сразу после распада СССР, она мало повлияла на научное изучение революции.

Гораздо более важными и далеко идущими были другие два события, уникальные для горбачевской «перестройки» и постсоветских реалий: открытие доступа к архивам и появление возможностей для поездок по российским регионам с целью изучения революции на местах. Советский Союз жестко ограничивал доступ иностранных ученых к архивным материалам о революции и к регионам за пределами столиц – Москвы и Ленинграда/Санкт-Петербурга. Изменение этой политики в период «перестройки» и после распада Советского Союза впервые позволило в обоих случаях такой доступ получить. Воздействие этого оказалось несколько меньше, чем первоначально ожидалось, и не оказало такого же глубокого влияния на описания и интерпретации революции, как на изучение советской эпохи в целом. Более того, нам нужно помнить важное замечание, высказанное Питером Холквистом в 2002 г., где он подчеркнул, что воодушевление по поводу архивов не должно закрывать историкам глаза на сохраняющуюся важность вопросов, которые они традиционно задавали, и на переосмысление проблем и событий. Учитывая «огромный поток опубликованных документов, а также доступ к архивам», он предположил, что «наша проблема больше не связана с доступом к ним; теперь это проблема стали интерпретации. Можно предположить, что если сейчас и есть какие-то белые пятна, то они больше связаны с нашим осмыслением, чем с самими архивами»[43].

Действительно, уже известная опубликованная источниковая база для столичного Петрограда в 1917 г. была столь обширна и разнообразна, что было трудно ожидать, что расширение доступа в архивы может повлиять на базовое понимание общих контуров 1917 г. помимо задавания принципиально новых вопросов. Тем не менее, если мы уйдем от некоторых из этих преувеличенных ожиданий, то беспрепятственный доступ в архивы открыл очень важные исследовательские перспективы. Приведём два примера из опыта Александра Рабиновича и Семена Ляндреса. Новые государственные архивы, а также давно находящиеся в открытом доступе, но недостаточно исследованные источники позволили Рабиновичу в его книге «Большевики у власти» с новой глубиной и чуткостью изучить основные вопросы о том, как большевики в послеоктябрьский период превратились из революционной партии в правящую, и как революция во имя создания нового типа демократии в итоге привела к установлению нового

[43] Holquist P. Constructing a New Past: The Soviet Experience in Post-Soviet Historiography // Http://www.stanford.edu/group/Russia20/holquist.htm.

типа авторитаризма. Его исследование демонстрирует непреходящую важность в первую очередь политической и партийной истории, особенно в сочетании с должным вниманием к социальным факторам и активности народных масс. Книга Ляндреса «Падение царизма. Нерассказанные истории Февральской революции 1917 года» иллюстрирует другой аспект расширения доступа к архивам: ученый нашел новые значимые источники благодаря работе с материалами частного лица, а также с государственными архивами. Он обнаружил залежи свидетельств от первого лица о февральских днях, чьими авторами были политические лидеры, находившиеся в те дни в Таврическом дворце – они были записаны в устных интервью в апреле и мае 1917 г. Эти замечательные свидетельства (первые мемуары?) с предисловием Ляндреса об их влиянии на наше понимание Февраля, представляют собой как новый источник, так и новую интерпретацию этого поворотного события. В настоящее время он использует эти и другие новые архивные источники при написании статей и своей новой книги о том, как произошла Февральская революция.

Архивы и условия пост-советской эпохи оказали большое влияние на изучение региональной тематики, а также национальностей и этнических групп Новая эпоха дала западным историкам возможность посещать города и регионы, которые в советское время были закрыты для всех иностранцев, включая ученых, а также обеспечила свободный доступ к архивам вне зависимости от их местонахождения. Более того, в отличие от происходивших в столице, события в провинции не имели обширной опубликованной документальной базы, и даже то, что имелось, часто было труднодоступно, поэтому доступ к архивным материалам и другим местным историческим источникам, таким, например, как газеты за 1917 г., имел огромное значение. Вопрос в том, в какой степени исследования провинции меняют наше широкое понимание революции, а не просто обогащают его (как бы важно это ни было)?

Разумеется, исследования с региональной тематикой не являются чем-то принципиально новым и имели место быть еще задолго до 1990-х гг. К значимым работам на эту тему, начиная с 1970-х гг., относятся исследование Рассела Сноу «Большевики в Сибири, 1917 – март 1918 года», книга и статьи Эндрю Эзергайлиса о Латвии, наряду с исследованиями по Украине (см. ниже), книгой Рональда Суни о Баку и другими работами, упомянутыми выше. Как уже отмечалось выше, в 1980-е гг. вышли значимые публикации на региональную тематику Дональда Рэли, Орландо Файджеса, Адиба Халида и других.

Разговор о региональном аспекте из-за переплетения понятий «регион» и «национальность» приводит нас к обсуждению этнических меньшинств. Любая национальная тема имела также региональное измерение, но для

последней в отличие от ситуации с этнически русскими областями были характерны совершенно другие проблемы и другое освещение в историографии, что к тому же осложнялось тем фактом, что во многих провинциях и городах проживало смешанное русское и «иное» население. Пример того, как описание такого региона может варьироваться в зависимости от задаваемых вопросов, можно увидеть в двух моих тесно связанных статьях о Харькове в последние три месяца 1917 г. – одна касается того, как Октябрьская революция была принята в провинции, а другая трактует ее с точки зрения перспектив украинской истории[44]. Изучение региональных сюжетов нелегко отделить от изучения темы национальных и этнических меньшинств. Возможно, все зависит от того, рассматривается ли искомая территория как часть Российской империи и в рамках всероссийской революции, независимо от ее этнической принадлежности, или же исследование фокусирует внимание на развитии национальной идентичности и борьбе за автономию или даже государственность совершенно безразлично к событиям революции. Все ещё более усложняется, если к событиям революции примешивается реальность войны. Отличная подборка статей на тему противоречивости отношений между региональным национализмом и империей во время революции и войны содержится в сборнике «Империя и национализм в войне» под редакцией Эрика Лора[45].

Примерно с 1990 г. вне зависимости от подхода история «остальной России», включая территории национальных меньшинств, благодаря новым возможностям переживает расцвет. Пристально е внимание в последнее время уделяется регионам с преобладанием русского населения (хотя частенько и с долей национальных меньшинств), что дает впечатляющие результаты. Открытие доступа к архивам в конце 1980-х и в 1990-е гг. способствовало целой серии публикаций. Майкл Хикки, начиная с середины 1990-х гг., выпустил ряд статей о революционных событиях в Смоленске, где использовались не только ставшие недавно доступными архивные материалы, но и новые методологические подходы. В них получил освещение широкий спектр политических, социальных и культурных проблем, и в целом эти статьи составляют комплексную историю конкретного города и региона[46]. Кроме того, статьи Нормана Перейры о Си-

[44] Wade R. A. The Revolution in the Provinces: Khar'kov and the Varieties of Response to the October Revolution // Revolutionary Russia. 1991. Vol. 4. № 1. P. 132–142; Wade R. A. Ukrainian Nationalism and Soviet Power: Kharkiv, 1917 // Ukrainian Past, Ukrainian Present / ed. Bohdan Krawchenko. New York, 1993. P. 70–83.

[45] Lohr E., Tolz V., Semyonov A., von Hagen V. The Empire and Nationalism at War. Bloomington, 2014.

[46] В дополнение к упомянутым ранее статьям Майкла Хикки см. его очерки: Hickey M. C. Local Government and State Authority in the Provinces: Smolensk, February–June 1917

бири, Хью Филлипса о Твери и Роберты Мэннинг о Сычевском уезде способствовали пониманию того, как местные условия привели к совершенно другим «Октябрям». Совсем недавно Сара Бэдкок и Аарон Ретиш выпустили крупные исследования, посвященные провинции – оба рассмотрены ниже. Многочисленные статьи о различных губерниях появляются в томах серии «Россия в Великой войне и революции» и вносят важный вклад в наше понимание путей развития революции в регионах.

Распад СССР и появление новых республик по национальному признаку возродил интерес к национальной тематике, часто пересекающейся с исследованиями региональной направленности. Революция занимает важное место в таких исследованиях, поскольку именно в 1917 – начале 1918 гг. многие из этих национальностей пытались сначала обрести некоторую автономию, а затем создать и полностью независимые государства для некоторые из них. Важную роль в новых исследованиях национальной идентичности сыграла вышедшая в 1993 г. книга Рональда Суни «Месть прошлого». Он посвятил большую её часть разделению крупных этнических групп на пять категорий в зависимости от уровня их национальной идентичности и политического поведения в 1917–1918 гг. Рассматривая класс и национальность как две особо мощные силы в революции, он исследовал их взаимосвязь – как совместимость в одних случаях, так и взаимоисключаемость в других. Суни рассматривал национальную идентичность как социальный и интеллектуальный конструкт (в духе его работ о языковых и культурных изменениях), в отличие от сторонников тезиса, что народы изначально обладают национальной идентичностью.

Украина всегда была областью значительного интереса в рамках изучения национальностей в российском/советском государстве и, начиная с 1991 г., ей была посвящена обширная историография. Для исследований по истории революционных событий на Украине традиционно была характерна тенденция сосредотачиваться на (неудачном) проекте государственного строительства в 1917–1920 гг. Наиболее значимым примером из числа более ранних работ является книга «Украина, 1917–1921: этюд о революции» под редакцией Тараса Гунчака, опубликованная в 1977 г. Перемены 1990-х годов стимулировали появление новых исследований. В специальный выпуск «The Ukrainian Quarterly» за 1998 г., посвященный теме «Период Украинской Центральной Рады», вошли статьи Владислава Верстюка,

---

// Slavic Review. 1996. Vol. 35. № 1. P. 863–881; Hickey M. C. Peasant Autonomy, Soviet Power and Land Distribution in Smolensk Province, November 1917 – May 1918 // Revolutionary Russia. 1996. Vol. 7. № 1. P. 19–32; Hickey M. C. Urban Zemliachestva and Rural Revolution: Petrograd and the Smolensk Countryside in 1917 // Soviet and Post-Soviet Review. 1996. Vol. 23. № 2. P. 143–160.

Марка фон Хагена, Анны Процик, Владимира Стойко и других авторов, где рассматривалось то, что некоторые называют «украинской революцией», с упором на процесс государственного строительства[47]. Более свежей является книга Стефана Величенко «Государственное строительство в революционной Украине», где он исследует сложность государственного строительства, отмечая разнообразие органов власти на всех уровнях уже к середине 1917 г.: назначенцы Временного правительства, Центральная Рада, представители центральных правительственных учреждений, армейские чины, городские думы, сельсоветы и другие. К слову, такое же самое разнообразие многочисленных местных учреждений, конкурирующих за власть, характерно и для всей России.

Внимание украинских историков к процессу строительства национального государства ставится под вопрос. Джон-Пол Химка в 1994 г. и Владислав Верстюк в 1999 г. оба указали на необходимость того, чтобы добавить в национально-ориентированную историю больше элементов социальной[48]. Эту мысль в двух своих статьях 1999 г. развили Сергей Екельчик и Марк Бейкер. Первый из них приводит веские аргументы в пользу того, что процессы, обозначенные им как «украинская революция», носили многосложный характер, а также за выход из рамок традиционного подхода, делающего упор на строительстве нации и государства, чтобы максимально использовать не только методы социальной истории, уже доказавшие свою важность в революционных исследованиях, но и новые культурные, лингвистические и символические подходы[49]. Статья Марка Бейкера о крестьянстве Харьковской губернии в том же номере журнала недвусмысленно обозначила новую историографическую позицию в противовес старой доминирующей. Бейкер утверждает, что историография революционной Украины была сосредоточена на изучении попыток построения национального государства, создавая «направленную сверху вниз институциональную поэтическую интерпретацию, которая оставляет за рамками почти все остальное», в том числе украинское крестьянство, а также другие слои населения. На материале крестьян Харьковской губернии он показывает всю комплексность революционного переворота и действий простых людей, многие из которых почти или совсем не интересовались государствен-

[47] The Ukrainian Quarterly. 1998. Vol. 54, №. 3–4.

[48] Himka J.-P. The National and the Social in the Ukrainian Revolution of 1917–1920, The Historiographical Agenda // Archiv fur Sozialgeschichte. 1994. Vol. 34. P. 95–110; Verstiuk V. Conceptual Issues in Studying the History of the Ukrainian Revolution // Journal of Ukrainian Studies. 1999. Vol. 24. № 1. P. 5–20.

[49] Yekelchyk S. Writing the History of Ukrainian Culture Before, Under, and After Communism // Australian Slavic and East European Studies. 2006. Vol. 20. № 1–2. P. 15–37.

ным проектом в отличие от других проблем. При этом он стирает грань между национальностью, крестьянством и историей конкретной губернии. Переосмысление Бейкером революции в Харькове получило дальнейшее развитие в его новой книге «Крестьяне, власть и место: революция в деревнях Харьковской губернии»[50].

Разговор о провинциях неизбежно приводит к вопросу о крестьянстве в революции. То, как крестьяне и местные институты использовали язык, символы и другие формы дискурса для продвижения своих интересов и выражения собственного взгляда на революцию, рассматривалось в упомянутых ранее работах Орландо Файджеса и Майкла Мелансона, а также в недавно вышедших книгах и статьях Аарона Ретиша, Сары Бэдкок и Марка Бейкера, которые значительно расширяют наше понимание провинции и крестьян (о Бейкере см. предыдущий абзац). Книга Бэдкок о Нижегородской и Казанской губерниях в 1917–1918 гг.[51] не является исследованием одной провинции, как большинство ему подобных, а, скорее, рассматривает ряд важных вопросов революции через призму сопоставления двух соседних губерний. Объединяет эти темы акцент на усилиях элит дать определение революции и контролировать поведение населения; сопротивление, которое они встретили со стороны «простых людей», преследующих свои собственные интересы, а также значение этих факторов для судьбы революции. Книга Бэдкок особенно интересна тем, что в ней автор изучает и сравнивает революцию в двух соседних, но все же различающихся губерниях, получая на выходе отчасти сравнительное исследование важных проблем через призму этих двух провинций. Среди прочего в числе этих проблем можно выделить такие, как усилия местных элит по определению революции и формированию реакции населения на них, их проблемы и неудачи в этом, напряженность между деревней и городом, проблемы создания – и обозначения – работоспособного местного правительства. Общим с социальной историей является значительное внимание к обычным людям как политическим акторам. Как отмечалось ранее, данная работа также вносит вклад в изучение женских и гендерных проблем и некоторых вопросов культуры и языка.

Через год после Бэдкок Аарон Ретиш опубликовал работу о соседней Вятской губернии, сосредоточив внимание на крестьянах, и рассматривая их в контексте «долгой революции», охватывающей Первую мировую войну, события 1917 года, Гражданскую войну и установление больше-

[50] Baker M. Beyond the National: Peasants, Power, and Revolution in Ukraine // Journal of Ukrainians Studies. Vol. 24. № 1. P. 39–67 (цитата на С. 44); Baker M. Peasants, Power, and Place: Revolution in the Villages of Kharkiv Province. Cambridge. MA, 2016.
[51] Badcock S. Politics and the People.

вистского режима[52]. Эту многогранную книгу вполне можно считать примером исследования на региональную тематику, работы по социальной истории или как иллюстрацию использования языка и символов, хотя в большей степени в ней идет речь о политике, особенно об эволюции сельской политики и роли крестьян в ней. Ретиш вводит несколько новых интерпретаций, утверждая, что вятское крестьянство отличалось от крестьянства черноземных районов центральной России. Вятские крестьяне имели меньше причин быть озабоченными земельным вопросом, проявляли активную гражданскую позицию и были участниками как общероссийских, так и местных революционных событий. Ретиш, как и Питер Холквист (см. далее), помещает свое исследование в контекст более крупных общеевропейских событий, особенно Первой мировой войны и вызванных ею политических и социальных потрясений, подъема народной политики и готовности прибегнуть к насилию.

Группа населения, определяемая по этническому и по религиозному признаку как евреи, также начала изучаться все более изощренными способами. Генри Абрамсон в своей книге, посвященной 1917 и 1918 годам, исследует напряженные отношения между евреями и украинцами в период революции и гражданской войны; пытается разобраться здесь в конкурирующих этнополитических движениях, идентичностях, политических пристрастиях и видениях государства (версиях автономии). В превосходной статье Майкла Хикки «Революция на еврейской улице» анализируется, как евреи Смоленска отреагировали на Февральскую революцию, воспользовавшись новыми возможностями для мобилизации с целью продвижения коллективных интересов посредством впечатляющего проявления политической, культурной и другой активности. Эти возможности, однако, продемонстрировали разобщенность евреев по религиозному, политическому и классовому признаку. И Абрамсон, и Хики отмечают обеспокоенность евреев крушением сильного государственного порядка, что, по их мнению, особенно угрожало им как народу. Вера Каплан в своей статье о евреях в Петрограде в 1917 г. обнаруживает аналогичную озабоченность крахом государственного порядка. Она описывает непосредственную радость, с которой евреи приветствовали Февральскую революцию, а затем их тревогу относительно возобновившихся проявлений антисемитизма[53].

---

[52] Retish A. Russia's Peasants in Revolution and Civil War…

[53] Abramson H. A Prayer for the Government: Ukrainians and Jews in Revolutionary Times, 1917–1920. Cambridge. MA, 1999; Hickey M. C. Revolution on the Jewish Street: Smolensk, 1917 // Journal of Social History. 1998. Vol. 31. № 4. P. 823–850; Kaplan V. Jews in Petrograd in 1917 // Shvut. 1997. № 5. P. 81–95.

Две совсем недавние книги Кеннета Мосса (2009) и Саймона Рабиновича (2014) о евреях в русской революции четко вписываются в современные тенденции характерные для работ о 1917 годе: в обеих книгах широко используются ставшие доступными в России и на Украине архивные источники; обе сосредоточиваются на вопросах, связанных с культурой; обе подчеркивают важность событий, предшествовавших революции, и рассматривают события 1917 года скорее как «открытие ворот», чем как трансформацию; обе высвечивают сходства и преемственность линий политической идеологии. Мосс исследует интеллектуально-творческие движения, которые выступали за создание светской национальной еврейской культуры посредством продвижения идиша или иврита в качестве еврейского национального языка. Он подчеркивает, что активисты различных идеологических движений ставили достижение еврейской культурной автономии выше своих собственных политических (и языковых) устремлений. Мосс обращает внимание на то, что еврейские активисты изначально нашли союзников в лице сторонников независимости Украины и объясняет крах этих отношений на ранних этапах гражданской войны. Он также описывает всю сложность отношений между еврейскими активистами и ранним советским режимом. Исследование Рабиновича фокусируется больше на политических аспектах еврейской национально-культурной автономии. Он подчеркивает общность взглядов на автономию у еврейских либералов и умеренных социалистов. 1917 год предоставил еврейским активистам беспрецедентные возможности для самоорганизации. Рабинович бросает вызов общепринятому историческому метанарративу, который помещает подъем сионистского движения в центр еврейской политической жизни в 1917 г., и настаивает на центральной роли либералов в еврейском движении в годы революции[54].

Новые национальные исследования региональной этнической и национальной тематики в своей совокупности создали гораздо более широкий пространственный контекст революции. Это может привести к важным изменениям в общей концептуализации и понимании революции. Региональные исследования обогащают наш взгляд на революцию, раскрывая местную специфику, а также то, как революционный процесс все больше расходился по стране по мере перехода от 1917 к 1918 году. Если распространение Февральской революции по стране было в целом единообразно, то к Октябрю местные условия привели к множеству разнообразных местных «Октябрей», а к моменту разгона Учредительного собрания в ян-

[54] Moss K. Jewish Renaissance in the Russian Revolution. Cambridge. MA, 2009; Rabinovitch S. Jewish Rights, National Rights: Nationalism and Autonomy in Late Imperial and Revolutionary Russia. Stanford, 2014.

варе 1918 г. на территории бывшей Российской империи сложился еще более разнообразный мир. Региональные исследования показывают, насколько сложной была природа революции в целом, особенно по мере течения времени и углубления дезинтеграционных процессов в центральной власти (хотя некоторые исследователи и скатываются к пониманию происходившего в конкретной губернии как истории революции).

Одной из примечательных особенностей историографии XXI в. являются порой настойчивые доводы в пользу исследований «поверх барьера революции». Этот подход направлен на то, чтобы включить революцию 1917 г. в состав более крупной темы или периода времени. Хотя некоторые считают, что эта тенденция недавняя, беглый взгляд на книги, в названии которых есть слова «Русская революция», показывает, что помещение событий 1917 года в более широкий временной контекст, имеет долгую историю, восходящую к самым ранним работам, и многие из упомянутых выше исследований рассматривают события 1917 г. именно так. Наиболее часто их вписывают в контекст Первой мировой войны и/или Гражданской войны. Отдельно отметим такие исследования как «Русская революция, 1917–1932» Шейлы Фицпатрик и «Русская революция, 1900–1927» Роберта Сервисиса – очень краткие работы, рассчитанные на широкую или студенческую аудиторию. Среди важных работ 1990-х гг., рассматривающих революцию 1917 г. в рамках Первой мировой или Гражданской войны (или обеих), следует отметить работы Ларса Лиха, Кристофера Рида, Питера Гатрелла, Мэри Маколи, Орландо Файджеса и других. В книге Ларса Лиха «Хлеб и власть в России, 1914–1921 гг.», написанной в эпоху распада Советского Союза, ситуация с продовольственным снабжением рассматривается как симптом и катализатор для распада государства, а также используется как средство для изучения дезинтеграционных процессов внутри государства и общества, а затем их восстановления. Делая отсылку к знаменитой книге Джона Рида[55], Ли писал о том, что он назвал «не десятью днями, которые потрясли мир, а семью годами, которые опустошили Россию»[56]. В середине 1990-х гг. Кристофер Рид представил изощренный анализ политических, социальных, культурных и экономических проблем в превосходном однотомном описании событий революции и гражданской войны. (Недавно, в 2013 г., он подготовил более краткий, но охватывающий более длинный период обзор событий 1914–1922 годов «Война и революция в России»). Хотя книга Орландо Файджеса «Народная трагедия, Русская революция: 1891–1924»

[55] «10 дней, которые потрясли мир» – описание американским журналистом Джоном Ридом событий Октябрьской революции (прим. ред.)
[56] Lih L. T. Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkeley, 1990. P. 1.

затрагивает еще более широкие временные рамки, тем не менее, основной упор в ней делается именно на периоде с 1917 по начало 1918 г. Написанная в атмосфере 1990-х гг., она представляет несколько мрачный взгляд на российскую историю, утверждая, что перспектива возникновения после Февраля либерально-демократического конституционного режима по западной модели имела мало шансов на успех – демократическая Февральская революция изначально была обречена на провал. Другой «долгосрочный» подход можно найти в книге Питера Гатрелла «Россия в Первой мировой войн»», где революция помещается в контекст этого конфликта с особым вниманием к социальным и экономическим вопросам.

В XXI веке тенденция рассмотрения революционных событий 1917 г. в контексте более продолжительного исторического периода получила развитие, превратившись практически культ, что не только внесло важный вклад в историографию вопроса, но и, пожалуй, более умело по сравнению с исследованиями, посвященными только 1917 году, использовали наработки коллег за пределами истории России. Особенное влияние оказала здесь новаторская книга Питера Холквиста «Ведём войну, создаём революцию», где революция рассматривается через призму «более широкого катаклизма 1914–1921 годов, центром которого послужил 1917 год». Взяв за основу своего исследования Область войска Донского, Холквист помещает российский опыт в более широкую европейскую историю мобилизации и политики военного управления времен Первой мировой войны, прослеживая, в частности, три государственные практики: управление продовольственными запасами, использование официального насилия в политических целях и контроль за населением в целях принуждения и просвещения. Работа прекрасно иллюстрирует пользу постановки новых вопросов о революционных событиях на основе имеющихся знаний, как новых архивных, так и старых опубликованных материалов. Ей также часто ставят в заслугу рост популярности взгляда «поверх барьера революции» и более тесное увязывание исследований о российских революциях с новыми историографическими тенденциями в Европе и Соединенных Штатах. Книга Аарона Ретиша, упоминавшаяся выше, также следует этому подходу. И Холквист, и Ретиш рассматривают свои исследования в духе тенденции отказа от одержимости вопросами легитимности Октября и к помещению русской революции в более широкий контекст европейской истории начала XX века.

Более того с недавних пор взгляд «поверх барьера революции» (который по иронии судьбы подчеркивает центральное место 1917 года) стал доминирующим подходом и де-факто символом серии «Россия в Великой

войне и революции», большого проекта, где несколько редакторов собирают в единое целое большое число отдельных очерков о 1914–1922 гг. Вышло уже несколько томов, скоро появятся новые. Охватывая огромный диапазон тем, серия в итоге будет насчитывать более двух сотен статей, которые выходят за рамки нашей способности охарактеризовать их сколько-нибудь глубоко (кроме того, на момент написания этой статьи большая часть запланированных томов еще не вышла). Большинство очерков имеют тенденцию фокусироваться не на самой революции 1917 г., а на Великой войне и/или Гражданской войне. Их качество варьируется (что естественно), и многие выглядят «побочными продуктами» монографий или более ранних работ их авторов. Тем не менее, серия представляет собой ценную подборку материалов. Хотя большая их часть ожидаемо посвящена темам, связанным с войнами и революциями, некоторые сосредоточены на темах, которые не касаются собственно революции, а скорее рассказывают нам о различных аспектах жизни и мышления людей, живших на территории Российской империи в те годы, – моде на одежду, сексуальности, музыке, архитектуре и т. д. Они скорее рассказывают нам, хотя зачастую и косвенно, о том, как население переживает революции и войны, нежели, почему революции и/или войны пошли по тому или иному пути.

Рассматривая работы, для которых характерен расширенный взгляд, следует отметить еще два важных вида публикаций, достойных отдельного упоминания. Первый из них это энциклопедические труды и сборники очерков – их на данный момент имеется несколько, а к столетнему юбилею в 2017 г. запланировано больше. Среди них особенно значим энциклопедический труд «Критический путеводитель по русской революции, 1914–1921» 1997 г. состоящий из статей среднего объема, чьими авторами являются ведущие эксперты. В нем представлен широкомасштабный обзор политических партий и институтов, политических лидеров, национальностей, основных событий, социальных групп, а также различных культурных, социальных и экономических проблем. Он долгое время будет оставаться незаменимым чтивом для тех, кто интересуется различными аспектами революции. Существуют и другие сборники, специальные выпуски журналов, посвященных революции, – номер журнала, в котором опубликована наша статья, является таким примером.

Другая категория исследований, где 1917 год рассматривается в рамках более длительного периода времени, – это не теряющие актуальности биографии деятелей революции. Их авторами, как правило, являются британские и канадские исследователи – биографии оказываются в большей

степени прерогативой британской, нежели американской исторической науки. Ленин, в частности, остается в центре внимания новых биографий, включая как многотомные работы, так и их однотомные версии Нила Хардинга и Роберта Сервиса. С 2000 г. были изданы и более короткие биографии под авторством Берила Уильямса, Джеймса Д. Уайта, Дэвида Марплса, Кристофера Рида и Ларса Лиха (который также опубликовал серию важных исследовательских статей о конкретных аспектах взглядов и сочинений Ленина). Изучение достоинств и особенностей подходов всех биографиях Ленина, выходит за рамки данной статьи, хотя очерк на эту тему был бы востребован сам по себе. Троцкому были посвящены три недавно вышедшие биографии: Яна Тэтчера, Джеффа Суэйна и Бертрана М. Патенода. Также следует упомянуть биографию П. Н. Милюкова авторства Мелиссы Стокдейл, Н. Н. Суханова авторства Израэля Гетцлера а также несколько более ранних биографий Александра Керенского, Ираклия Церетели, Александры Коллонтай и Сергея Кирова. У Николая II также были свои биографы, как и у Сталина и других деятелей революционного периода. Биография как подход к пониманию революционной эпохи в целом, похоже, процветает, но детальное рассмотрение этой темы требует отдельной статьи.

***

Что же можно сказать, подводя итоги, об англоязычных публикациях о революции? Прежде всего, то, что постоянное повышение качества и количества публикаций убеждают читателя в живости этой области науки. За годы, прошедшие с середины 1960-х гг., было выпущено удивительное количество высококачественных англоязычных книг и статей о революции, где использовались разнообразные тематические и методологические подходы. В количественном отношении наблюдался большой всплеск с 1967 г. и до начала 1990-х гг., затем постепенное снижение примерно с середины 1990-х гг. и, наконец, значительное снижение в начале 2000-х гг. и далее. Большой всплеск интереса (в т. ч. и третье издание моей «Русской революции, 1917») ожидается в связи со столетием революции в 2017 г., но вслед за этим вероятен резкий спад, если не считать возможного временного продолжения исследований, связанных с гражданской войной 1918–1921 гг. Мы также полагаем, что будущие исследования сохранят разнообразие своей тематики и методологии. Политика, как это и должно быть, по-прежнему будет находиться в центре внимания, потому что в центре остается вопрос о том, почему революция пошла по известному пути, почему и как большевики вышли из нее победителями. Вместе с тем, похоже, что ученые приняли как догму важность много-

гранного взгляда на революцию в контексте более широкой эпохи. Заглядывая в будущее, можно сказать, что на данный момент не предвидится никаких совершенно новых инноваций или методологических направлений, хотя, вероятно, произойдет некоторое переосмысление подходов или возникнет новое сочетание. Мы можем ожидать новаторских работ, открывающих новые перспективы в изучении революции лишь в том случае, если академическое сообщество сформирует запрос на новые исследования и вознаградит оригинальность. Ценности академического сообщества и характер его членов побуждают его постоянно исследовать и переосмысливать важные исторические события, такие, например, как русская революция. Ревизионизм в лучшем смысле этого слова присущ нашей профессии. Поэтому мы должны обращать внимание не только на новые специализированные исследования, но и на общие, как по основным темам (крестьяне, национальности), так и по общей истории революции, как бы ее ни определяли.

Но мы никогда не сможем знать наверняка, что историки могут сделать дальше.

Цуёси Хасегава

Февральская революция: был ли конец монархии неизбежен?

Николай II был непреклонным приверженцем архаичного представления о самодержавии, согласно которому царская власть была абсолютной и не обремененной никакими законами и учреждениями. Как отмечал Ричард Пайпс, его понимание самодержавия было также патримониальным, и он не делал большого различия между государственным (общественным) и частным[1]. Николай при поддержке своей жены Александры посвятил всю свою жизнь задаче сохранения самодержавия, которое он унаследовал от Александра III, и передаче его своему больному гемофилией сыну Алексею. Приверженность Николая самодержавию опиралась и на его религиозные убеждения. Его самодержавная власть была дана Богом при его коронации, где он в присутствии Бога поклялся поддерживать ее. Это был «завет» со Всемогущим Богом, и это религиозное убеждение было тем звеном, которое связывало его со своим народом. Он глубоко верил, что царь и народ – народ, не испорченный пагубными западными рациональными идеями, – одно целое. Он неоднократно был свидетелем того, как его подданные кланялись, преклоняли колени и крестились, видя его на коронации, на канонизации Серафима в Сарове, на памятных мероприятиях, посвященных Полтавской и Бородинской битвах, на праздновании трехсотлетия династии Романовых в 1913 году и при объявлении войны Германии и Австрии в Зимнем дворце в 1914 году[2].

Такое понимание самодержавия плохо подходило в качестве принципа управления динамично меняющимися государством, обществом и империей на рубеже веков[3]. Любой самодержавный правитель столкнулся бы с трудностями, пытаясь найти баланс между необходимостью перемен для модернизации империи и общества и поддержкой монархического принципа, но Россия была проклята несчастьем иметь Николая II, который не обладал ни харизмой, с помощью которой можно было бы заручиться поддержкой его подданных, ни интеллектуальной способностью понять

---

[1] См.: Pipes R. Russia under the Old Regime. N.-Y, 1974.

[2] Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy, New Abridged One-Volume Paperback Edition. Princeton, 2006. Pp. 334–360, 370–396; Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 77.

[3] Badcock S. Autocracy in Crisis: Nicholas the Last // Late Imperial Russia: Problems and Prospects / ed. by I. Thatcher. Manchester, 2005. P. 11; Pipes R. Russia under the Old Regime. N.-Y, 1974. P. 57.

необходимость приспособления монархической системы к требованиям меняющегося общества и империи. В январе 1895 года, вскоре после восшествия на престол, он отверг как «бессмысленную мечту» коллективное прошение земских активистов «увенчать здание», завершив реформы, начатые Александром II, дарованием конституции. Столкнувшись с угрозой выживания монархии в ходе революции 1905 года, он был вынужден предоставить квазипарламентскую систему, которая ограничивала его самодержавную власть. Но вместо того, чтобы развить эту систему в подлинную конституционную монархию и превратить Россию в Rechtsstaat[4], он сожалел об этой уступке, считая Думу раздражающим учреждением, мешающим его самодержавной власти. «Конституция и самодержавие несовместимы», – учил его наставник Константин Победоносцев, и для его ученика понятие «конституция» было предано анафеме, его не было в его словаре.

Первая мировая война выявила неадекватность понимания Николаем самодержавия. Как утверждает Уильям Розенберг, проблемы, с которыми столкнулась страна, вызванные колоссальными потерями и беспрецедентными экономическими потрясениями во время войны, были настолько монументальными, что никакие политические организации не могли бы их решить[5]. Тем не менее, Николай усугубил ситуацию. У него был шанс создать единое правительство, состоящее из всех слоев общества, пригласив либералов, рабочий класс, крестьянство и различные национальные меньшинства, мобилизовав страну для ведения войны. Он упустил этот шанс в начале войны и еще раз летом 1915 года. Он мог бы создать «министерство доверия», пригласив либеральных представителей в правительство. Ведущие представители бюрократии были готовы принять такое правительство. Николай категорически отверг это требование. В августе 1915 года он отказался от всякого сотрудничества с либералами, вытеснив либералов на другую сторону баррикады против монархии. Он уволил одного за другим способных министров, запустив министерскую чехарду, которая вывела бюрократию из строя. Николай принял на себя верховное командование, уволив своего двоюродного дядю, великого князя Николая Николаевича, несмотря на почти единодушную оппозицию в правительстве и за его пределами, тем самым оставив столицу открытой для пагубного влияния Александры и Распутина. Хотя широко распространенные

[4] «Правовое государство» (нем.).
[5] Розенберг У. Г. «По ту сторону Великой Метаистории» Войны и Революции // Эпоха войн и революций 1914–1922. СПб., 2017. С. 409–431.

слухи о том, что Распутин и Александра замышляют сепаратный мир с Германией или даже о том, что они являются немецкими агентами, не имели под собой никаких оснований, такие слухи глубоко проникли во все слои общества и подорвали авторитет царя[6].

Почувствовав опасность для монархии, родственники Николая, в том числе его мать и сестра Александры, и монархисты стали оказывать давление на царя, чтобы тот избавился от пагубного влияния Александры и Распутина. Распутина убили монархисты, но отстранение Распутина еще больше загнало императорскую чету в изолированный кокон, где, оторванные от реальности, они еще более твердо продолжали цепляться за принцип самодержавия, отвергая все советы о политических уступках как посягательство на личные прерогативы монарха. Между тем страна погружалась в кризис. Рабочее забастовочное движение возобновилось, особенно со второй половине 1916 года. Пока царь и царица цеплялись за идею, что народ крепко связан с царем, его престиж упал до минимума. Он не только не смог продемонстрировать харизматическое лидерство, руководя своей страной в состоянии войны, но и неодобрение, издевательства и насмешки над царем как самодержцем проникли во все слои общества. Борис Колоницкий собрал множество неподцензурных комментариев простых людей, направленных против царя, критикующих и высмеивающих его, некоторые даже намекали на цареубийство. В декабре 1914 года неграмотный крестьянин Вятской губернии заявил: «Мы должны выстрелить нашему Государю в рот так, чтобы пуля не вылетела из его задницы»[7]. Практически все слои общества стали враждебно относиться к императорской чете. Слухи о дворцовом перевороте распространились даже в аристократических салонах и офицерских клубах, а некоторые, например Александр Гучков и князь Г. Е. Львов, всерьез подумывали о перевороте против Николая и Александры. Были проведены консультации с начальником николаевского штаба Ставки генералом М. В. Алексеевым и бывшим верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем, хотя они и отказались участвовать в перевороте[8]. Многие чувствовали приближающуюся бурю снизу. Либералы боялись народного

---

[6] См.: Hasegawa T. The February Revolution Petrograd, 1917: The End of the Tsarist Regime and the Birth of Dual Power. Leiden, 2017. P. 3–63; Lincoln B. Passage through Armageddon: the Russians in War and Revolution. N.-Y, 1986. P. 15–312.

[7] Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 210.

[8] Hasegawa T. The February Revolution Petrograd, 1917: The End of the Tsarist Regime and the Birth of Dual Power. Leiden, 2017. P. 171–184.

восстания, которое могло бы смести не только царское правительство, но и само гражданское общество, однако они были готовы действовать быстро, чтобы вмешаться и выступить против правительства, как только такое народное восстание произойдет. Затянувшаяся война, продолжавшаяся два с половиной года, оказала глубокое влияние на сознание людей. Война, на которую была мобилизована вся страна, привила людям, прежде всего офицерам, чувство национального самосознания. Они начали ощущать, что их долг жертвовать во имя Родины отделился от присяги на верность царю[9]. То, что Крейн Бринтон называет «передачей лояльности», произошло во всех слоях общества, включая многих офицеров самого высокого ранга в вооруженных силах, которые по идее должны были быть опорой режима[10].

Была ли монархия свергнута в результате восстания? Означает ли это, что конец монархии был неизбежен?

Когда 23 февраля 1917 года работницы вышли на улицы, требуя хлеба, что стало началом Февральской революции, и даже когда 27 февраля солдатское восстание парализовало правительство в Петрограде, никто не думал, что монархии придет конец. Но всего через пять дней после солдатского восстания русской монархии настал конец.

Вопреки некогда принятой точке зрения, что именно восстание масс рабочих и солдат свергло монархическую систему, я бы сказал, что наиболее решающим фактором для свержения монархии была высокая политика, а не восстание масс. Повстанческое движение обеспечило фон, цвета на холсте, так сказать, и цвета холста, конечно, изменились во время революции. Но конкретная картина, возникшая на меняющемся фоне холста, была нарисована деятелями высокой политики[11].

Думские либералы и Верховное командование

Тем не менее, эти игроки высокой политики действовали не согласованно и не скоординировано. Они действовали независимо, преследуя свои собственные интересы и цели. Конец монархии был не предопределенным результатом, а случайным процессом. Конечный результат поначалу никто

---

[9] См.: Lohr E. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, 2003.

[10] Brinton C. The Anatomy of Revolution, revised and expanded edition. N.-Y., 1965. P. 39–49.

[11] Hasegawa T. The Duma Committee, the Provisional Government, and the Birth of ‘Triple Power’ // A Companion to the Russian Revolution / ed. by D. Orlovsky. Hoboken, 2022. P. 53–67.

не предвидел. Они действовали так, как могли, реагируя на непосредственные проблемы, с которыми они сталкивались по мере стремительного развития событий. Действия одного игрока побуждали других предпринимать другие действия. Их действия не были ни скоординированными, ни преднамеренными, но, в конце концов, их скомбинированные действия положили конец монархии.

Важнейшими участниками этого процесса были думские либералы и генералы Верховного командования. Внутри каждой группы были свои подразделения. Одну из решающих ролей в драме отречения сыграл М. В. Родзянко, председатель Думы и думского комитета [Временный комитет Государственной думы, образованный 27 февраля после солдатского восстания], но Родзянко бросали вызов другие члены Думского комитета. Большое влияние на ход событий оказала динамика борьбы за власть среди думских либералов, особенно между тремя лидерами – М. В. Родзянко, П. Н. Милюковым и А. Ф. Керенским.

Если думские либералы разделились во взглядах на судьбу монархии, то и среди Верховного командования не было единства. Начальник штаба Ставки генерал Алексеев не желал навязывать свою волю другим командующим фронтами – генералу Н. В. Рузскому на Северном фронте, генералу А. А. Брусилову Юго-Западном фронте, генералу А. Э. Эверту на Западном фронте, генералу В. В. Сахарову на Румынском фронте и великому князю Николаю Николаевичу на Кавказском фронте. У каждого из этих генералов образовалась своя как бы вотчина, а военные действия во время войны до Февральской революции способствовали обидам, соперничеству и недоверию между ними. Видя ухудшение положения в тылу и резкое падение власти правительства, военачальники начали понемногу влезать в политические вопросы. В целом Рузский и Брусилов симпатизировали либеральной оппозиции, а Эверт и Сахаров выступали как монархисты. Николай Николаевич, как самый могущественный представитель династии Романовых, оставался харизматичным военачальником среди Верховного командования. Алексееву приходилось действовать осторожно, уравновешивая различные взгляды могущественных командующих фронтами. Какую бы политику он ни проводил, он формулировал ее как коллективную точку зрения Верховного командования, а не как политику Ставки, которая должна быть навязана всем вооруженным силам.

На решение Верховного командования повлияли два фактора. Выведенное из Петрограда Верховное командование знало о революции в столице главным образом на основе того, что сообщал ему Родзянко. Им

было трудно получать точную информацию, и зачастую они отставали от быстро развивающихся событий в столице. Это дало Родзянко и думскому комитету широкие возможности манипулировать информацией в своих целях. Во-вторых, в рамках подготовки к предстоящему весеннему наступлению главной заботой Верховного командования было сохранение морального духа и сплоченности вооруженных сил. Поскольку была опасность того, что революция в столице распространится на вооруженные силы, они хотели предотвратить раскол среди вооруженных сил любой ценой, как оказалось, даже ценой ликвидации монархии.

Думский комитет, с горечью сознавая, что революция в столице не обладает военной силой для противостояния даже небольшим организованным воинским частям, должен был не дать Верховному командованию отправить контрреволюционные силы с фронта. Более того, подчеркивая, что думский комитет, пришедший к власти в столице, был единственной умеренной силой, способной навести порядок, он пытался добиться от Верховного командования признания его как единственной власти. Верховное командование всегда реагировало на шаги думского комитета, но в конечном итоге его действия, а скорее бездействие, сыграли в гибели монархического строя более важную роль, чем манипуляции думского комитета.

Предложение Родзянко сформировать министерство доверия, а затем ответственное министерство

Будучи председателем Думы и руководителем думского комитета, 27 и 28 февраля Родзянко обладал полномочиями, не ставившимися под сомнение. 27 февраля пока думский комитет фактически брала на себя контроль над Петроградом, он рекомендовал царю сформировать министерство доверия[12].

27 февраля, когда находившийся в Ставке в Могилеве Николай узнал о солдатском восстании в столице, он принял два решения. Во-первых, он отклонил просьбу Родзянко даровать министерство доверия, хотя эту рекомендацию поддержали Алексеев, Рузский, Брусилов и брат царя, великий князь Михаил Александрович. Царь был полон решимости подавить сол-

[12] Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Сев. фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. № 2. С. 6–7; The Russian Provisional Government: Documents, vol. 1 / ed. by Browder R. P., Kerensky A. F. Stanford, 1961. P. 42; Февральская революция 1917 года: сб. док. и материалов / сост. О. А. Шашкова. М., 1996. С. 111; Протоколы заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля – 3 марта 1917 года // Таврические чтения: сб. материалов конф. СПб., 2011. С. 240.

датское восстание, направив против них с фронта контрреволюционные силы во главе с генералом Н. И. Ивановым. Во-вторых, он решил покинуть Ставку и переехать в Царское Село, чтобы присоединиться к жене и детям, болевшим корью.

Даже если бы Николай принял рекомендацию о создании министерства доверия 27 февраля, такая косметическая перемена в правительстве вряд ли могла бы сдержать подспудный гнев восставших солдат и рабочих. Даже «министерство доверия» во главе с Родзянко или князем Г. Е. Львовым не удовлетворило бы большинство либералов, пока у власти оставались Николай и Александра. Кроме того, не было никаких шансов, что Николай принял бы это требование 27 февраля.

Уверенный, что отправленных с фронта контрреволюционных сил будет достаточно для подавления восстания в столице, Николай утром 28 февраля покинул Ставку. Между тем думский комитет уже контролировал движение поездов и связь на сети железных дорог. Думский комитет во главе с А. А. Бубликовым, комиссаром Министерства путей сообщения, заблокировал императорскому поезду путь до Царского Села и изменил его маршрут на Псков, в штаб Северного фронта, куда царь и прибыл поздно вечером 1 марта[13].

За те два дня, пока царь ехал по заснеженной местности, не имея никакой связи со Ставкой, ситуация в Петрограде резко изменилась. Солдатское восстание 28 февраля распространилось на всех солдат Петроградского гарнизона, а к 1 марта все солдаты гарнизона и большая часть солдат под Петроградом, включая Царскосельский гарнизон, где находился императорский дворец, перешли на сторону Думы. Три старших великих князя (Павел Александрович, Кирилл Владимирович и Михаил Александрович) составили прошение царю об издании манифеста о даровании ответственного министерства. Этот шаг был поддержан Родзянко, который считал необходимым обострить требование создания ответственного министерства, то есть установления конституционной монархии[14]. Родзянко и великие князья надеялись, что этот манифест позволит остановить революцию, так же как Манифест 17 октября спас монархию в революцию 1905 года. Однако к тому времени престиж Родзянко как лидера революции потускнел. Восставшие солдаты отнеслись к приказу Родзянко вернуться в казар-

[13] См.: Hasegawa T. The February Revolution Petrograd, 1917: The End of the Tsarist Regime and the Birth of Dual Power. Leiden, 2017. P. 479–487.

[14] См.: Там же. P. 474–479. Напечатанный манифест с подписями великих князей и поправками Н. Н. Иванова см.: N. N. Ivanov. Grand Dukes' Manifesto with Ivanov's handwritten revisions, N. N. Ivanov papers, Bakhmeteff Collection, Columbia University.

мы враждебно, проявив верность образованному 27 февраля Петроградскому Совету, а не думскому комитету[15]. Этот внезапный поворот событий убедил многих либералов в том, что обещания конституционной монархии недостаточно, и что для предотвращения дальнейшей радикализацию восставших необходимо отречение Николая в пользу своего сына при регентстве Михаила. Политика Родзянко ограничить политические изменения переходом к конституционной монархии оказалась несостоятельной.

Родзянко был тем самым человеком, который служил связующим звеном между думским комитетом и военачальниками, опиравшимися на информацию Родзянко о положении в столице. Единственная связь между Ставкой и столицей осуществлялась через аппарат Юза – вид телетайпа, где информация передавалась в виде закодированных телеграмм, а затем декодировалась на телеграфную ленту[16]. Ставка в основном опиралась на данные Родзянко о положении в столице, хотя она и получала дополнительные сведения от Петроградского телеграфного агентства[17]. Пользуясь этим, Родзянко манипулировал информацией в зависимости от своих амбиций и желаний, иногда преувеличивая опасность анархии, а иногда подчеркивая власть думского комитета и свои возможности контролировать ситуацию[18].

28 февраля Алексеев, считая, что революцию возглавляют левые социалисты, поддержал политику Николая по подавлению революции в столице, отправив туда экспедиционный корпус во главе с генералом Ивановым. Но как только он узнал, что власть в столице взяла именно думская комиссия, он приостановил действия Иванова и отозвал подкрепления с фронта без одобрения Николая[19]. Этим решением возможность военной интервенции против революции в столице была отодвинута на второй план[20].

---

[15] См.: Hasegawa T. The February Revolution Petrograd, 1917: The End of the Tsarist Regime and the Birth of Dual Power. Leiden, 2017. Pp. 422–442.

[16] В Петрограде аппараты Юза имелись в резиденции военного министра, в Генеральном штабе и Морском Генштабе, но в Таврическом дворце их не было.

[17] Ценная информация, переданная Петроградским телеграфным агентством, приведена в недавно опубликованном сборнике документов: Ставка и революция. Штаб Верховного главнокомандующего и революционные события 1917 – начала 1918 года по документам Российского государственного военно-исторического архива. Сб. док. 18 февраля – 18 июня 1917. В 2 т. Т. I. М., 2019.

[18] См.: Hasegawa T. The February Revolution Petrograd, 1917: The End of the Tsarist Regime and the Birth of Dual Power. Leiden, 2017. Pp. 482–484, 521–523.

[19] Телеграмма М. В. Алексеева Н. И. Иванову № 1833, см.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Сев. фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. № 2. С. 31.

[20] Hasegawa T. The February Revolution Petrograd, 1917: The End of the Tsarist Regime and the Birth of Dual Power. Leiden, 2017, P. 519–520.

До второй половины дня 1 марта Алексеев и генералитет поддерживали рекомендацию Родзянко о создании министерства доверия. Но когда к полудню 1 марта революция распространилась на Москву, Кронштадт и Балтийский флот, они переменили свою позицию на требование ответственного министерства. К моменту прибытия Николая в Псков Алексеев уже добился согласия других командующих фронтами уговорить царя пойти на уступку в виде предоставления ответственного министерства. Генералу Рузскому в Пскове выпало вырвать эту уступку у не желавшего пойти на это царя, который сопротивлялся, поскольку это нарушало его убеждения и клятву перед Богом. Рузский напомнил Николаю, что при существовании Государственного совета и Государственной думы самодержавие было лишь фикцией. Николай ответил: «Я ответствен перед Богом и Россией… Ответственны ли министры перед Думой и Государственным Советом, мне всё равно»[21]. Но телеграмма Алексеева, представившего консенсус командующих фронтами и рекомендовавшего создать ответственное министерство, окончательно сломила его сопротивление[22]. Николай, должно быть, почувствовал, что мир, в который он верил, мир, который он стремился сохранить всю свою жизнь, рухнул из-за этой уступки.

Если бы Николай остался в Ставке вместо того, чтобы тратить два драгоценных дня на путь по железной дороге, изменило бы это ситуацию? Останься он в Ставке, Алексеев мог бы добиться этой уступки раньше, где-то во второй половине дня 1 марта, когда он получил известие о революции в Москве, Кронштадте и на Балтийском флоте. Но к тому времени, как уступка создать министерство доверия, так и уступка на введение конституционной монархии имела бы мало шансов подавить радикально настроенных восставших в столице. Приказ Родзянко, предписывающий восставшим солдатам вернуться в свои казармы и подчиниться своим офицерам, был издан 28 февраля и вызвал бурную реакцию со стороны восставших солдат, которые в полдень 1 марта явились на пленарное заседание Совета, чтобы выразить свое недовольство, что в конечном итоге привело к изданию Петроградским Советом Приказа № 1. Это событие способствова-

---

[21] О встрече Николая II с Н. В. Рузским см.: Вильчковский С. Н. Пребывание Государя Императора в Пскове 1 и 2 марта 1917 года: (По рассказу ген.-адъютанта Н. В. Рузского) // Русская летопись. Кн. III. Париж, 1922. С. 167–170.

[22] Телеграмма М. В. Алексеева Николаю II № 1865, см.: Kerensky A. Russia and History's Turning Point. N.-Y., 1965. P. 53; The Russian Provisional Government: Documents, vol. 1 / ed. by Browder R. P., Kerensky A. F. Stanford, 1961. P. 91; Steinberg M. D., Khrustalev V. M. The Fall of the Romanovs: Political Dreams and Personal Struggles in a Time of Revolution. New Haven, 1995. P. 89.

ло формированию общего мнения членов думского комитета о необходимости отречения Николая[23]. Ставка не потребовала бы этой уступки 28 февраля, когда у нее не было известий о Москве, Кронштадте и Балтийском флоте. Но к вечеру 1 марта было бы уже слишком поздно. Даже если бы согласие Николая на дарование конституционной монархии было дано во второй половине дня 1 марта, это не изменило бы общей позиции думского комитета, добивавшейся отречения Николая. Даже монархисты, такие как А. И. Гучков и В. В. Шульгин, уже твердо стояли за этот консенсус.

Отречение Николая

К тому времени, когда Рузскому удалось добиться принятия Николаем решения об ответственном министерстве, позиция Родзянко, ограничивающая политические уступки ответственным министерством, подверглась нападкам со стороны его коллег по думскому комитету. Родзянко был вынужден отменить поездку на встречу с царем в Бологое, а затем в Дно, поскольку его коллеги подозревали, что Родзянко может договориться с Николаем о том, чтобы ограничиться лишь созданием ответственного министерства. Вместо этого думский комитет решил послать своих делегатов, Гучкова и Шульгина, в Псков требовать отречения Николая[24].

Рано утром 2 марта Родзянко провел историческую беседу с Рузским и сообщил командующему Северным фронтом, что для предотвращения дальнейшей анархии в столице необходимо отречение Николая[25]. Переход

---

[23] Согласно протоколу заседания думского комитета, 28 февраля был достигнут консенсус: добиваться отречения Николая II от престола в пользу сына при регентстве великого князя Михаила. См.: Февральская революция 1917 года: Сб. док. и материалов / сост. О. А. Шашкова. М., 1996. С. 124; Протоколы заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля – 3 марта 1917 года // Таврические чтения: сб. материалов конф. СПб., 2011. С. 316. Также см.: Шульгин В. В. Дни. Белград, 1925. С. 23; Шульгин В. В. Дни // Отречение Николая II: воспоминания очевидцев и документы. М.; Берлин, 2017. С. 237–239; 240–241; Гучков А. И. В царском поезде // Отречение Николая II: воспоминания очевидцев и документы. М.; Берлин, 2017. С. 257–258.

[24] Шульгин В. В. Дни // Отречение Николая II: воспоминания очевидцев и документы. М.; Берлин, 2017. С. 240–241; Гучков А. И. В царском поезде // Отречение Николая II: воспоминания очевидцев и документы. М.; Берлин, 2017. С. 257–258.

[25] О беседе Рузского и Родзянко см.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Сев. фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. № 2. С. 55–59; Телеграммы и разговоры по телеграфу между Псковом, Ставкою и Петроградом, относящиеся к обстоятельствам отречения Государя Императора, с примечаниями к ним генерал-адъютанта Н. В. Рузского // Русская летопись. Кн. III. Париж, 1922. С. 127–133; Документы к

от требования об учреждении ответственного министерства к требованию отречения Николая был большим скачком. Прецедента отречения царствующего царя не было. Фактически в Основных законах не было положения об отречении царствующего правителя. Кроме того, есть важный вопрос, которому историки не уделяли достаточного внимания: присяга на верность. Все военнослужащие, от самых высоких генералов до самых низших чинов, присягали «пред Богом и на Библии» служить «Государю Императору Николаю Александровичу [Николай II]… до последней капли крови». Присяга была важным инструментом поддержания дисциплины в вооруженных силах. Солдаты гарнизона Петрограда восстали против этой присяги и опасались, что возвращение в казармы и подчинение своим офицерам будет означать суровое наказание за нарушение этой присяги[26]. Представители Верховного командования прекрасно понимали, что требование отречения Николая означало нарушение этой присяги. Ни Алексеев, ни Рузский не хотели действовать в одиночку и решили поставить это требование на коллективную волю Верховного командования. Разговор Родзянко и Рузского привел к тому, что Алексеев озаботился получением согласия других командующих фронтами оказать давление на Николая с целью отречься от престола, «чтобы спасти действующую армию от распада; продолжить борьбу с внешним врагом до конца; спасти независимость России и судьбу династии»[27]. Иными словами, Верховное командование потребовало жертвы Николая ради спасения монархического строя. Это был способ, который они придумали, чтобы нарушить присягу царю, продолжая придерживаться присяги царствующей династии, если не царствующей особе государя императора. Под этим давлением в 14.45 2 марта Николай принял отречение в пользу сына при регентстве Михаила. Свидетели заметили, что свое отречение он принял спокойнее и легче, чем когда принимал решение о конституционной монархии.

Приняв решение об отречении, Николай написал две телеграммы: первую Алексееву, вторую Родзянко, извещая их о своем намерении отречься от престола. Поскольку Рузский получил известие о том, что Гуч-

---

«Воспоминаниям ген. А. Лукомского» // Архив русской революции. Т. 3. Берлин, 1921. С. 255–258.

[26] Гучков пояснил, что его доводы в пользу отречения Николая II отчасти были вызваны острой необходимостью избавить солдат от присяги царю.

[27] Документы к «Воспоминаниям ген. А. Лукомского» // Архив русской революции. Т. 3. Берлин, 1921. С. 259–262; Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Сев. фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. № 2. С. 67–69.

ков и Шульгин должны приехать в Псков для встречи с царем, он удержал манифест Николая об отречении, не отправив его Родзянко. Если бы Рузский направил этот проект манифеста Родзянко, отречение Николая в пользу сына при регентстве Михаила стало бы установленным фактом, и Николаю было бы трудно изменить свое мнение.

Два делегата думского комитета, Гучков и Шульгин, не знавшие, что Родзянко украл у них славу, прибыли в Псков поздно вечером 2 марта, чтобы потребовать отречения Николая. Но царь уже изменил принятую им ранее формулу и решил отречься не только за себя, но и за сына в пользу Михаила. Гучков и Шульгин были ошеломлены этим, но в итоге согласились с двойным отречением Николая в пользу Михаила[28]. Пересмотренный манифест об отречении был отправлен Алексееву и Родзянко рано утром 3 марта.

Двойное отречение Николая нарушало Закон о престолонаследии, согласно которому престол должен был перейти к наследнику. Николай не имел права заставить сына отречься от престола. Это было решение, которое Алексей мог бы принять в шестнадцать лет при достижении совешеннолетия. Кроме того, законность наследования престола Михаила была под вопросом из-за его морганатического брака с графиней Брасовой. Обращаясь к типологии власти, которую описывает Макс Вебер, решение Николая подорвало традиционную власть, основанную на преемственности.

Что, если бы Николай не передумал 2 марта, а отрекся только за себя и передал престол Алексею под регентством Михаила? Такова была исходная согласованная позиция думского комитета, и эта формула не встретила бы возражений со стороны руководителей Исполкома Петросовета[29]. Если бы Гучков и Шульгин отвергли его поправку, отказался бы Николай отречься от престола? Учитывая привязанность императорской четы к своему сыну, больному гемофилией, его отказ был вполне возможен. В этом случае между Алексеевым и командующими фронтами произошел бы новый раунд лихорадочных переговоров, и они бы настоятельно реко-

---

[28] Шульгин В. В. Дни. Белград, 1925. С. 270–271; Шульгин В. В. Дни // Отречение Николая II: воспоминания очевидцев и документы. М.; Берлин, 2017. С. 250–251; Шульгин В. В. Подробности отречения // Отречение Николая II: воспоминания очевидцев и документы. М.; Берлин, 2017. С. 231–232; Письмо Гучкова Базили // Basily N. Diplomat of Imperial Russia: 1903–1917: Memoirs. Stanford, 1973. P. 128–129; Данилов Ю. Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II-ом и Великом Князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Т. 19. Берлин, 1928. С. 237.

[29] Hasegawa T. The February Revolution Petrograd, 1917: The End of the Tsarist Regime and the Birth of Dual Power. Leiden, 2017. P. 452–453.

мендовали Николаю придерживаться первоначальной формулы. Переговоры могли быть жаркими, но в конечном итоге Николай поддался бы коллективному давлению Верховного командования.

В этом случае сохранялась бы монархическая система с 12-летним мальчиком в качестве нового царя и слабовольным братом свергнутого царя в качестве регента. Но самодержавие было бы мертво, поскольку власть перешла бы к временному правительству как исполнительной власти и Думе как законодательной власти. Россия перешла бы к парламентской демократии, при которой монарх и регент не имели бы реальной власти при принятии решений. Временное правительство обеспечило бы некоторое подобие преемственности с прежним режимом. Хотя вопрос, смогло бы сформированное таким образом временное правительство выдержать бурю социальной и политической революции, остается открытым, но ход революции значительно изменился бы.

Отречение Михаила от престола

Принятие Гучковым и Шульгиным двойного отречения Николая было отходом от первоначальной позиции Думского комитета. Это решение привело к изменению расстановки сил в комитете. Монархист Родзянко и республиканец Керенский заключили неожиданный брак по расчету с целью заставить Михаила отказаться от престола. Родзянко считал, что с отречением Михаила от престола повысится престиж Думы как единственного института, связывающего новый режим со старым. Дума будет выполнять функции законодательной власти, а Временное правительство – исполнительной власти. Думский комитет будет своего рода регентским советом. Керенский, напротив, считал, что с падением монархии он усилит свою власть, будучи единственным связующим звеном между Временным правительством и Петроградским Советом, который пользовался подавляющей поддержкой со стороны восставших[30]. Только Милюков выступал за вступление Михаила на престол – в таком случае, Временное правительство сохранило бы свою юридическую преемственность от старого режима. Михаил II «венчал на царство» Временное правительство, отказывался от принятия любых политических решений, предоставив все полномочия по управлению Россией Временному правительству, не полагаясь на Думу. Милюков стремился подорвать авторитет

[30] Hasegawa T. The February Revolution Petrograd, 1917: The End of the Tsarist Regime and the Birth of Dual Power. Leiden, 2017. P. 591–595; Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: [монография]: в 2 т. СПб., 2017, Т. 2. С. 222–223.

Родзянко, а также авторитет Думы, чтобы Временное правительство имело единоличное право управлять страной[31].

Исправленный манифест об отречении Николая в пользу Михаила был отправлен Алексееву около часа ночи 3 марта[32]. Как только Алексеев получил это известие, он разослал манифест всем командующим фронтами, за исключением Николая Николаевича, с указанием довести этот манифест до сведения личного состава войск. Алексеев крайне стремился, чтобы воинские части присягнули новому царю[33].

Однако в 6 часов утра Родзянко связался с Алексеевым и попросил его придержать манифест об отречении Николая на том основании, что переход престола к Михаилу разожжет народное недовольство монархией, ввергнув страну в неконтролируемую анархию. Он добавил, что судьбу монархии должно решить Учредительное собрание. Чтобы убедиться, что Верховное командование удовлетворит его просьбу, Родзянко связался с Рузским и обратился с той же просьбой[34]. Переговоры Родзянко с Алексеевым и Рузским по аппарату Юза показали, что вопрос состоял уже не в том, кто займет престол, а в том, следует ли отказаться от самой монархической системы[35]. Тем не менее, вместо того, чтобы настаивать на немед-

---

[31] Hasegawa T. The February Revolution Petrograd, 1917: The End of the Tsarist Regime and the Birth of Dual Power. Leiden, 2017. Pp. 595–596; Милюков П. Н. Воспоминания: 1859–1917: в 2 т. Т. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 316; Milyukov P. N. The Russian Revolution, vol. 1 / ed. by R. Stites. Gulf Breeze, 1978. P. 38.

[32] Болдырев – Лукомскому, № 1243В, 0:28 3 марта, см.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Сев. фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. № 3. С. 15. См. также: Basily N. de, The Abdication of Emperor Nicholas II of Russia: A Memoir by Nicolas de Basily. Princeton, 1984. P. 134–135.

[33] Алексеев – Эверту, Брусилову, Сахарову и Русину, № 1908, 3 марта, см.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Сев. фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. № 3. С. 17–18. Эта телеграмма была отправлена между 3:19 и 3:40 утра 3 марта.

[34] Беседа Родзянко и Алексеева, см.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Сев. фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. № 3. С. 26; The Russian Provisional Government: Documents, vol. 1 / ed. by Browder R. P., Kerensky A. F. Stanford, 1961. Pp. 111–112. Разговор Родзянко и Алексеева состоялся между 6:00 и 6:45 утра, а разговор Родзянко и Рузского начался в 8:45.

[35] Беседа Рузского и Родзянко, см.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Сев. фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. № 3. С. 27–28; Телеграммы и разговоры по телеграфу между Псковом, Ставкою и Петроградом, относящиеся к обстоятельствам отречения Государя Императора, с примечаниями к ним генерал-адъютанта Н. В. Рузского // Русская летопись. Кн. III. Париж, 1922. С. 147; The Russian Provisional Government: Documents, vol. 1 / ed. by Browder R. P., Kerensky A. F. Stanford, 1961.

ленной публикации манифеста об отречении Николая или даже заявить, что Ставка в одностороннем порядке обнародует манифест об отречении среди воинских частей и заставит военнослужащих присягнуть новому царю Михаилу II, Алексеев и Рузский согласились на просьбу Родзянко воздержаться от обнародования манифеста[36]. Алексеев дал указание командующим фронтами придержать манифест об отречении Николая. Это была крупная уступка Думскому комитету. Отвергнуть просьбу Родзянко означало бы поставить армию против комитета Думы ради спасения монархии, а Алексеев не был готов пойти на такой решительный шаг.

В 9 часов утра 3 марта представители Думского комитета и сформированного накануне Временного правительства встретились с великим князем Михаилом на квартире княгини Путятиной на Миллионной улице. Родзянко, князь Львов и Керенский приводили аргументы, что Михаилу не следует садиться на престол, так как вступление на престол великого князя приведет к кровавой гражданской войне, а Милюков доказывал, что он должен это сделать, так как только принятие им власти предотвратит развал государства. Гучков и Шульгин присоединились к встрече позже, когда они вернулись в Петроград, но Гучков заявил, что, если Михаил не примет престол, то ему следует рассмотреть возможность принятия роли регента – аргумент, который фактически ослабил позицию Милюкова. Шульгин изменил мнение, поддерживая теперь большинство. В конце концов, Михаил решил не занимать навязанный ему братом трон[37].

Мог ли Михаил занять трон? Михаил никогда не хотел быть царем. Он осознавал незаконность своего восшествия на престол, и точно так же понимал, что ему не хватает харизмы, чтобы руководить страной в неспо-

---

Pp. 109–110; Steinberg M. D., Khrustalev V. M. The Fall of the Romanovs: Political Dreams and Personal Struggles in a Time of Revolution. New Haven, 1995. P. 103–105; Февральская революция 1917 года: сб. док. и материалов / сост. О. А. Шашкова. М., 1996. С. 143; Протоколы заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля – 3 марта 1917 года // Таврические чтения: сб. материалов конф. СПб., 2011. С. 278.

[36] Алексеев – командующим фронтов, № 1913, 6:45, см.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Сев. фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. № 3. С. 19; № 47. Телеграммы и разговоры по телеграфу между Псковом, Ставкою и Петроградом, относящиеся к обстоятельствам отречения Государя Императора, с примечаниями к ним генерал-адъютанта Н. В. Рузского // Русская летопись. Кн. III. Париж, 1922. С. 150.

[37] По вопросу встречи на квартире княгини Путятиной, см.: Hasegawa T. The February Revolution Petrograd, 1917: The End of the Tsarist Regime and the Birth of Dual Power. Leiden, 2017. Pp. 606–612.

койные времена. Он был встревожен предостережением большинства участников собрания о том, что его восшествие на престол будет означать кровопролитную гражданскую войну, и что нет гарантий безопасности его жизни. Без решающей поддержки Верховного командования у него не было другого выбора, кроме как отказаться от трона. Решение Михаила не вступать на престол означало, что он положил конец 304-летнему правлению Романовых.

В Ставке узнали о решении Михаила где-то после 13:00[38]. Одно дело принять отречение Николая, но совсем другое, когда речь идет о конце монархии. Алексеев немедленно отправил телеграмму командующим фронтами. Он заявил, что «представленная ситуация сулит более серьезную опасность для действующей армии, чем любая другая», поскольку «неопределенность, колебания и изменение манифеста» будут иметь ошеломляющие последствия и лишат армию «боеспособности». Затем он дал следующие рекомендации: во-первых, потребовать от Родзянко обнародовать манифест об отречении Николая «во имя спасения Родины и действующей армии» и, во-вторых, созвать в Могилеве совещание командующих фронтами в день, назначенный Николаем Николаевичем, и «если великий князь сочтет невозможным присутствовать, 8 марта или 9»[39].

Это был любопытный документ. В этом заявлении отсутствовала забота о сохранении монархического строя, что ранее Алексеев представлял как один из принципов, которые необходимо было отстаивать. Требование немедленной публикации манифеста Николая об отречении должно было быть сделано, когда Родзянко просил отложить его публикацию ранее утром того же дня. Если бы Алексеев и Верховное командование настояли на публикации манифеста об отречении Николая рано утром и пошли бы на принесение вооруженными силами присяги новому царю Михаилу II, было бы ясно, что Верховное командование и вооруженные силы твердо стоят за сохранение монархии. Это могло бы изменить развитие политики Думского комитета и Временного правительства, а также

---

[38] Мы не знаем, как информация об отказе Михаила от престола дошла до Ставки, но рукописная записка Н. А. Базили ясно свидетельствовала о том, что он был знаком с манифестом Михаила об отказе от престола где-то к раннему утру 3 марта. Поскольку Базили имел тесные связи с двумя юристами, Набоковым и Нольде, составившим манифест, информация могла исходить от одного из них. См. рукописные записи Базили с 26 февраля по 2 марта.

[39] Алексеев – Рузскому, Эверту, Брусилову, Сахарову, № 1918, см.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Сев. фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. № 3. С. 23.

само решение Михаила. Но после того как Михаил отрекся от престола, было уже поздно. Не имело смысла настаивать на публикации манифеста об отречении Николая после того, как Михаил отрекся от престола. Более того, это привело бы к еще большей путанице в отношении того, кому вооруженные силы должны присягать на верность.

Странно также, что Алексеев предложил провести совещание командующих фронтами 8 или 9 марта. Предполагаемой целью этого совещания было обсуждение возможной военной интервенции не только против восставших, но и против Думского комитета и Временного правительства, которые уничтожили монархический строй. Предыдущие дни продемонстрировали стремительность развития событий, и предложение провести эту важную встречу в настолько поздний срок можно истолковать только как молчаливый отказ Алексеева от борьбы за сохранение монархии.

Никто из командующих фронтами не поддержал предложение Алексеева предъявить Думскому комитету ультиматум о публикации манифеста Николая об отречении от престола, хотя они и выразили беспокойство неопределенностью государственного устройства, когда у руля государства не было никого, кто мог бы заменить царя. Рузский и Брусилов настаивали на сотрудничестве с Думским комитетом. Изменив свою прежнюю позицию, Эверт выступил против даже отречения Николая и вместо этого предложил ограничить политические реформы ответственным министерством. Эверт далее выступил против идеи Учредительного собрания, которое, как он опасался, приведет страну к длительной анархии. Все, кроме Сахарова, считали бессмысленным проведение встречи в такое позднее время. Самое главное, что ни один командующий фронтами, включая Сахарова, не поддержал идею военной интервенции с целью восстановления монархии[40].

---

[40] Рузский – командующим 1-й, 5-й, 12-й армиями и 42-го армейского корпуса, командующему Балтийским флотом, 8:15, 3 марта (№ 48), см.: Телеграммы и разговоры по телеграфу между Псковом, Ставкою и Петроградом, относящиеся к обстоятельствам отречения Государя Императора, с примечаниями к ним генерал-адъютанта Н. В. Рузского // Русская летопись. Кн. III. Париж, 1922. С. 150; Рузский – Алексееву, № 1254/b, получено в 16:20, 3 марта, см.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Сев. фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. № 3. С. 24; Рузский – Алексееву, № 1254, 16 часов, 3 марта 1917 г., (№ 50), см.: Телеграммы и разговоры по телеграфу между Псковом, Ставкою и Петроградом, относящиеся к обстоятельствам отречения Государя Императора, с примечаниями к ним генерал-адъютанта Н. В. Рузского // Русская летопись. Кн. III. Париж, 1922. С. 1543; Брусилов Алексееву, № 782, отправлено в 17:25, получено в 17:40, 3 марта, см.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Сев. фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. № 3. С. 24; Беседа Алексеева и

Самый решительный удар по предложению Алексеева нанес великий князь Николай Николаевич. В телеграмме Алексееву великий князь утверждал, что именно он, как Верховный главнокомандующий, а не коллективное совещание командующих фронтами должно озвучивать точку зрения армии и флота. Он добавил, что самым священным долгом армии и флота является выполнение своего долга и борьба с врагом. Но он указал, что не сможет присутствовать на предложенной Алексеевым встрече, так как ему потребуется несколько дней для знакомства с делами в роли нового Верховного главнокомандующего при новом правительстве. Он уже связался с «председателем Совета министров по поводу текущего положения дел, чтобы он мог высказать свое мнение о том, какие меры следует принять на фронте и в тылу». Затем он заявил: «Манифест о передаче престола великому князю Михаилу Александровичу неизбежно спровоцировал бы кровопролитие. Кроме того, его изменение и отсутствие упоминания о наследнике престола, несомненно, могли вызвать осложнения. Поэтому важно знать мнение председателя Совета Министров»[41].

Его заявление о том, что руководить должен он, а не собрание командующих фронтами, может быть смелым жестом. Но когда он говорил о долге вооруженных сил, он просто говорил, что долг состоит в борьбе с врагом, опуская при этом обязанность сохранять монархию. Что еще более важно, Николай Николаевич принял власть Временного правительства и был готов подчиниться руководству новой власти. Более того, он дал понять, что не примет восшествия Михаила на престол.

Предложение Алексеева заключалось в том, чтобы занять решительную позицию против Думского комитета и Временного правительства с целью сохранения монархического строя. Поскольку в планах военных действий Алексеева против Временного правительства Николаю Никола-

---

Брусилова, между 15:00 и 15:45, 3 марта, см.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Сев. фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. № 3. С. 32–33; Сахаров – Алексееву, № 03411, получено, 14:55, 3 марта, см.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Сев. фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. № 3. С. 25.

[41] Николай Николаевич – Алексееву, № 3318, получено 18:22 3 марта, см.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Сев. фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. № 3. С. 25. За этой телеграммой последовала другая, которая была отправлена в 21:00 3 марта и дошла до Ставки в 6:35 4 марта. Он повторил тот же аргумент (Николай Николаевич Алексееву, 21 час, 3 марта, см.: Верховное Командование в первые дни революции // Архив русской революции. Т. 16. Берлин, 1925. С. 280).

евичу предстояло сыграть решающую роль, отказ великого князя присутствовать на военном совещании практически сорвал план Алексеева. Было бы трудно пытаться спасти Романовых, когда самый важный член их семьи выступил против этой попытки. Шалтай-Болтай свалился во сне и вся королевская конница, вся королевская рать, не может Шалтая-Болтая собрать. Монарха больше не было, и заменить его было некем.

Поздно вечером 3 марта две газеты Петрограда – «Известия Петроградского Совета» и «Известия Комитета Петроградских журналистов» – напечатали специальные выпуски, в которых крупными готическими заголовками сообщались сенсационные известия об отречении Николая и Михаила. 4 марта новый главнокомандующий великий князь Николай Николаевич поручил вооруженным силам принести присягу на верность Временному правительству. Однако когда он прибыл в Могилев, чтобы приступить к выполнению своих обязанностей, Временное правительство бесцеремонно уволило его с поста Верховного главнокомандующего[42]. Николай Николаевич покорно принял это решение в обмен то, что Временное правительство гарантировало ему безопасный проезд в Крым.

Николай передумал во второй раз

Николай II, «бывший» император Российской империи, выехал из Пскова в Могилев в 2 часа ночи 3 марта. С небольшой станции Сиротино, близ Витебска, он послал Михаилу телеграмму, обращаясь к нему «Вашему Императорскому Высочеству Михаилу». Он писал: «События последних дней вынудили Меня пойти на этот необратимый крайний шаг. Прости Меня, если это огорчило тебя, и что не предупредил тебя заранее»[43]. Эта телеграмма многое говорит о поразительном отсутствии у Николая чувства ответственности за судьбу монархии. Последний раз Николай общался с Михаилом вечером 27 февраля, когда Михаил умолял Николая создать «правительство доверия». Николай не только наотрез отверг это предложение, но даже не удосужился воспользоваться аппаратом Юза, чтобы поговорить с братом напрямую, отправив для общения с Михаилом Алексеева вместо себя. Отрекшись от престола, он кинул престол своему брату без предварительной консультации с ним.

---

[42] Беседа Алексеева с Львовым и Гучковым, 6 марта, см.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Сев. фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. № 3. С. 59–64.

[43] Николай – Михаилу, отправлено 14:56, 3 марта, № 29, см.: Пермская Голгофа Михаила II. Сб. документов о последнем периоде жизни и убийстве в г. Перми Великого Князя Михаила Александровича в 2-х т. Т. 1. Пермь, 2018. С. 105.

Ему и в голову не приходило, что Михаил не хочет быть следующим царем и что он откажется от этого предложения[44].

Узнав об отказе Михаила занять престол, Алексеев поручил своему доверенному помощнику Николаю Базили, руководившему дипломатической канцелярией при Ставке, сесть в поезд и догнать императора в императорском поезде до того, как он доберется до Могилева. Он догнал императорский поезд в Орше и сообщил свергнутому царю о решении Михаила[45]. Получив это известие, свергнутый царь отменил свое предыдущее решение и решил отречься только за себя в пользу сына[46]. Он написал это на листе бумаги карандашом.

Императорский поезд прибыл в Могилев в 8 часов вечера 3 марта. Прежде чем Николай покинул поезд, Алексеев зашел в вагон и встретился со свергнутым царем наедине. Николай подал ему лист бумаги, на котором написал, что отменил свое прежнее решение и решил передать престол Алексею. Он попросил начальника штаба передать его Родзянко. Алексеев прочитал это и сказал Николаю, что уже слишком поздно. Алексеев взял записку, которую дал ему Николай, и, никому не показывая, положил ее в стопку бумаг[47].

Можно ли было спасти монархию?

Действуя сами по себе и без предварительных обсуждений, все эти крупные игроки – Родзянко, Милюков, Гучков, Шульгин, Рузский, Алексеев и даже Николай Николаевич – разделяли одну идею: необходимость смещения Николая с престола и удаление Александры от власти[48]. По этой

---

[44] Николай – Михаилу, отправлено 14:56, 3 марта, № 29, см.: Пермская Голгофа Михаила II. Сб. документов о последнем периоде жизни и убийстве в г. Перми Великого Князя Михаила Александровича в 2-х т. Т. 1. Пермь, 2018. С. 105. Эта телеграмма так и не дошла до Михаила, так как была конфискована Временным правительством.

[45] Basily N. de, The Abdication of Emperor Nicholas II of Russia: A Memoir by Nicolas de Basily. Princeton, 1984. P. 144.

[46] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. Париж, 1921. С. 54.

[47] Позднее М. В. Алексеев передал эту бумагу А. И. Деникину, когда тот был смещен с поста верховного главнокомандующего в мае 1917 года. Деникин отправил бумагу в секретный сейф в интендантской канцелярии Ставки. См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. Париж, 1921. С. 54. Записка Николая, однако, историками не была обнаружена.

[48] Керенский не принимал активного участия в драме вокруг отречения до тех пор, пока Думский комитет не получил известие о решении Николая II отдать престол Михаилу. Однако он вмешался в попытку Исполкома Петросовета помешать поездке на поезде Родзянко в Дно, сделав выговор своим коллегам за подрыв попытки Думского комитета оказать давление на Николая с целью отречения от престола. См.:

причине я не считаю, что уступки в виде «правительства доверия» или ответственного министерства, за которые изначально выступали Родзянко и Верховное командование, были бы достаточными, хотя каждая из них могла немного изменить ход событий. Рано или поздно все эти действующие лица пришли бы к выводу о необходимости и желательности отречения Николая. И всё же все они предпочли бы сохранить монархический строй без Николая. Почему же отречение Николая положило конец монархии?

Вот суть природы российского самодержавия. В отличие от британской монархии и японской императорской системы, российское самодержавие было тесно связано с самодержцем. Власть короля/королевы в британской монархии строго определена и ограничена законом и парламентской системой, в то время как японский император до окончания Второй мировой войны был изолирован от превратностей политики. В России самодержец и самодержавие не могли быть разделены. Это было неустранимо, поэтому, как только самодержец ушел, самодержавие ушло вместе с ним.

Отречения и вопрос легитимности Временного правительства

Ближе к вечеру 3 марта состоялось первое заседание Временного правительства. Ни Родзянко, ни остальные члены Думского комитета не были приглашены. На этом заседании премьер-министр Львов «поставил вопрос о необходимости точного определения объема власти Временного правительства и Основных Государственных законов», а также взаимоотношений Временного правительства с комитетом Думы. Совещание постановило, что «всю полноту власти, принадлежавшую монарху, следует считать переданной не Государственной Думе, а Временному правительству». Далее было постановлено, что:

Нет никаких оснований предполагать, что Временное правительство может принимать меры законодательного характера [только] вне сессии Думы, применяя статью 87 Основных законов, так как после только что совершившейся революции в государстве Основные государственные законы должны считаться недействительными. В силу этого Временное правительство должно установить как в сфере законодательства, так и в управлении те нормы, которые оно посчитает соответствующими текущему моменту[49].

Hasegawa T. Aleksandr Fedorovich Kerenskii in the February Revolution // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2020. Vol. 13. P. 33–39.

[49] Документ 28, см.: Пермская Голгофа Михаила II. Сб. документов о последнем периоде жизни и убийстве в г. Перми Великого Князя Михаила Александровича в 2-х т. Т. 1. Пермь, 2018. С. 103–104; Сторожев В. Н. Февральская революция 1917 г. // Науч-

Это поразительный документ. Это означало, что Временное правительство унаследовало абсолютную власть, которой пользовался царь, и утвердилось как диктатура, не подчиняясь Думе или каким-либо другим учреждениям.

Позвольте мне продемонстрировать пределы самодержавной власти, определенные в Основных Законах. «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть (статья 4)», а «особа Государя Императора священна и неприкосновенна (статья 5)». Что касается законодательной власти государя, то в статье 7 говорится: «Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственною Думою». Статья 9 гласит: «Государь Император утверждает законы, и без Его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения». Что касается власти императора над администрацией, статья 10 гласит: «Власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского». Что касается кабинета министров, то статья 17 гласила: «Государь Император назначает и увольняет Председателя Совета Министров, Министров и Главноуправляющих отдельными частями, а также прочих должностных лиц». Статья 14 определяла власть императора над вооруженными силами: «Государь Император есть Державный Вождь российской армии и флота. Ему принадлежит верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Российского Государства»[50].

Очевидно, что отречения аннулировали эту часть Основных Законов. Но, отбросив Думу и Государственный совет как пережитки старого режима, он фактически получил больше власти, чем император, ограниченный законодательными палатами.

Где Временное правительство черпало легитимность для приобретения своей власти? Отречения указывают на два источника. Во-первых, датируя манифест об отречении задним числом после того, как он решил отречься от престола, Николай назначил Львова председателем Совета министров. Во-вторых, в манифесте Михаила об отказе от престола говорилось, что Временное правительство было создано по инициативе Думы. Но эти источники легитимности были сомнительными. Николай назначил

ные известия. Сб. 1. Экономика, история, право. М., 1922. С. 143; Документ 55, см.: Февральская революция 1917 года: сб. док. и материалов / сост. О. А. Шашкова. М., 1996. С. 161–162.

[50] Свод основных государственных законов Российской империи. Электрон. дан. URL: http://www.russianlegitimist.org/the-fundamental-laws (дата обращения: 25.09.2023).

Львова только после того, как подписал манифест об отречении. Михаил, отказавшийся от престола, так и не стал императором и поэтому не имел права назначать председателя совета министров. Более того, Временное правительство отвергло Думу как пережиток старого порядка. Милюков и его коллеги перерезали пуповину, которая могла бы связать Временное правительство с жизнеспособным институтом, престиж которого вырос в годы революции.

Временное правительство заменило в Основных законах слова «Самодержавный император» и «Государь Император» на слово «Временное правительство» и потребовало от своих граждан присягнуть на верность Временному правительству. Но в присяге на верность безличному абстрактному коллективному телу, которое не могло претендовать на звание «священного и неприкосновенного», было потеряно нечто важное.

Был еще и третий источник легитимности, который Временное правительство не желало признавать, но не имело другого выбора, кроме как принять. Когда 2 марта Милюков в Екатерининском зале Таврического дворца объявил перед восставшими массами о формировании Временного правительства, кто-то из присутствующих спросил Милюкова: «Кто вас избрал?» Милюков ответил: «Нас выбрала революция»[51]. Во второй части решения Временного правительства от 3 марта признавалось, что оно будет учитывать мнение Петроградского Совета. Это было молчаливое принятие Временным правительством двоевластия, признание того, что оно не было единственным центром власти. Российское государство при Временном правительстве не могло претендовать на статус «единого и неделимого».

Исполнительный комитет Петросовета оставался в стороне, пока разворачивалась драма вокруг отречений, решив предоставить Думскому комитету, сыграть главную роль в «свержении» монархии. Они опасались, что их участие в драме с отречениями спровоцирует военачальников принять меры против революции. Но как только Михаил забил последний гвоздь в гроб монархии, 3 марта Исполком Петроградского Совета принял постановление об аресте Николая и Александры, помещении Великого Князя Михаила под домашний арест и установлении надзора за Николаем Николаевичем.

7 марта Временное правительство, в свою очередь, приняло решение лишить Николая и Александру свободы и перевезти Николая в Царское

[51] См. Hasegawa T. The February Revolution Petrograd, 1917: The End of the Tsarist Regime and the Birth of Dual Power. Leiden, 2017. P. 576, footnote 29.

Село. Алексеев без возражений выполнил это распоряжение[52]. На следующий день бывшая императрица Александра была арестована генералом Лавром Корниловым, новым командующим Северным фронтом, назначенным Родзянко и утвержденным Алексеевым[53]. Николай и Александра воссоединились 9 марта в Александровском дворце в Царском Селе, теперь уже как узники Временного правительства.

Бравируя полнотой унаследованной от императора власти, Временное правительство перерезало пуповину, связывавшую его с Думой, и признало, что оно разделяет власть с Петроградским Советом. Лидеры Временного правительства не прислушались к предостережениям, которые Макиавелли дал столетия назад: «Люди не верят по-настоящему во что-либо новое, пока не испытают его на практике» и «государства, которые быстро возникают, как и все другие вещи природы, которые быстро рождаются и растут, не могут иметь корней и разветвлений; их убивает первая непогода»[54].

Заключение

Почему отречение Николая положило конец монархии? Революция снизу – восстание рабочих и солдат – послужила фоном на холсте, но окончательную картину нарисовала революция сверху – сложные переговоры между Думским комитетом и верховным командованием по поводу монархии. Никто не предполагал ни 23 февраля, ни даже 27 февраля, что революция приведет к падению монархии. Предлагались разные альтернативы, но одной постоянной, невидимой в то время нитью, пронизывающей действия основных игроков, было отречение Николая. А как только царь отрекся от престола, сохранение монархии стало невозможным. Были слабые попытки спасти монархию, но они, будь то уступка в виде согласия на формирование «правительства доверия» или «ответственного министерства», не смогли восстановить порядок в столице. Никто из династии Романовых не рискнул спасти монархию. Верховное командование покинуло монархию во имя спасения армии. В конце концов, основная ответственность за падение монархии ложится не на Родзянко, Алексеев или Рузский, а на Николая II и Александру. Они упрямо цеплялись за ар-

---

[52] Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. В 4 т. Т. 1. Март–апрель 1917 г. М., 2001. С. 49.

[53] Benckendorf P. Last Days at Tsarskoe Selo. London, 1927. Pp. 29–35; Buxhoeveden S. The Life and Tragedy of Alexandra Feodrovna, Empress of Russia: A Biography. London, 1929. P. 269; Мельгунов С. П. Судьба Императора Николая II после отречения: историко-критические очерки. Париж, 1951. С. 32–33.

[54] Machiavelli N. The Prince. N.-Y, 1992. P. 17, 19.

хаичное понятие самодержавия, не прислушиваясь ни к каким советам, по выражению Макиавелли, «дабы принять новые обстоятельства», и сумели исчерпать всё доверие, накопленное за три столетия правления Романовых. Когда монархический строй был свергнут, Временное правительство, лишь условно поддержанное Петроградским Советом, заявило, что унаследовало «полноту власти», которой ранее пользовался император. Но недостаточно легитимное, не имевшее институциональных и юридических связей со старым режимом, и одновременно не добившееся поддержки революционных масс, Временное правительство вынуждено было плыть в коварных водах без всякого компаса и без всякого балласта.

Д. О. Чураков

Большевизм в Русской революции 1917 года

Юбилей прошел, а вопросы остались

В прошлом, 2022 году состоялся очередной юбилей революционных событий 1917 года. Даже 105 лет спустя общество так и не пришло к единому мнению о том, сколько в том году было революций: одна или две? Вот, например, в учебнике Мединского, который заявлен в качестве очередного претендента на единый учебник истории, речь опять идет об одной революции. По аналогии с Великой Французской ее называют Великой Российской, хотя очевидно, что Великой революцией может быть назван только Красный Октябрь. Именно он изменил ход мировой истории, а событий, подобных Февралю, было множество – и до, и после него.

Великой революцией Красный Октябрь сделало очень многое. Если говорить о субъективных аспектах этого величия, то оно так или иначе сопряжено с тем, что в те дни к власти в нашей стране пришла партия, способная к проведению масштабных реформ. Реформ, позволивших России вернуть себе историческую и геополитическую ценность, позволивших нам стать не просто очередным «полюсом», а реальным альтернативным вариантом развития человечества, альтернативным проектом будущего. Этой партией стала большевистская партия, которая может считаться левым крылом российской социал-демократии.

С момента возникновения РСДРП облик российской социал-демократии менялся неоднократно. Случались в ее истории и взлеты, и падения. Имелся в истории российской социал-демократии и такой момент, который воистину может считаться ее звездным часом. *Таковым и становится революция 1917 года.* Разумеется, российская социал-демократия не была тогда едина и монолитна. Семнадцатый год принес триумф только одному течению внутри российской социал-демократии – как раз большевизму. Однако именно в большевизме в наибольшей мере проявились родовые черты российской социал-демократии. Без большевизма она никогда не стала бы той силой, которая оказалась способна изменить развитие не только России, но и всего человечества. В этом смысле все прочие течения внутри российской социал-демократии в прошлом и настоящем кажутся тупиковыми, заранее обреченными на политическое прозябание.

И не случайно большевизм начал свой подлинный взлет именно в период Русской революции 1917 года. Это вытекало из его истории, природы, предназначения, если этот термин применим к историческим явлениям и событиям. Не случайно поэтому ровно через двадцать лет

существования РСДРП В. И. Ленин настоял на переименовании партии из социал-демократической в коммунистическую. В этом видится основной вектор развития социал-демократии в России. Поэтому сегодня вполне закономерно на первое место поставить наиболее принципиальный вопрос ее истории: *вопрос о большевизме в русской революции 1917 года*. Причем подойти к этой проблеме не с точки зрения политической конъюнктуры, а новейших достижений в области исторической науки.

Однако до полной картины событий революционной эпохи еще далеко. И связано это не только с тем, что у современных ученых нет единства в методах и подходах. Просто несколько вопросов, не ответив на которые невозможно создать научную картину Октября, всё еще остаются вне современного исторического осмысления. К числу таких вопросов относится вопрос о роли в русской революции такого явления, как ***большевизм***.

Вместе с тем, в последние годы появилось множество фактов, которые подрывают доверие к схемам из прежних курсов истории. Вот и появляются не имеющие отношения к науке мифы и «теории» о «преступном характере большевизма» или, скажем, о «шпионаже большевистских вождей в пользу Германии». Что же касается историков-профессионалов, то они пока не спешат браться за этот наболевший вопрос[1]. Что, впрочем, и понятно: серьезные исследователи не могут позволить себе поверхностных суждений, скороспелых выводов и приспособленчества к сегодняшней конъюнктуре. *И всё же историческая наука не сможет поступательно развиваться дальше, не решив проблему большевизма в революции.*

Историческая значимость вопроса о большевизме в революции

Значимость вопроса о большевизме в русской революции определяется не столько им самим, столько теми проблемами, на которые он выводит. В первую очередь это проблемы, связанные с переходом России от традиционного к современному обществу. В странах Европы такой переход совершался в рамках буржуазной индустриализации. Перед Россией же обозначился выбор: либо следовать в фарватере общего развития западной цивилизации, или попробовать найти свой путь, пытаясь при этом экономически не отстать от ведущих стран. Выбор был не простой, и на практике страна постепенно двигалась *по обоим направлениям*.

Сложность стоящих перед Россией задач и отсутствие единых механизмов их решения предопределяли кризисный характер ее развития. Кризисы, угрожавшие стране, были следствием многих причин. Само назревание их не было единовременным актом и прошло несколько эта-

[1] Зато нет отбоя от всевозможных поделок дилетантов или «раскаявшихся» партократов.

пов. Среди этих этапов можно условно выделить этический, идеологический, политический, организационный, социальный и ряд других компонентов[2]. Не стоит забывать и всё усугубляющееся противоречие между относительно успешным развитием в экономике и застоем в политической сфере. Причем сегодня мы можем увидеть его еще более выпукло, понимая, что самодержавие сковывало развитие не только капитализма, но и национальных укладов экономики. Неслучайно среди самых радикальных критиков царизма были не только революционеры, но и… черносотенцы. Не случаен поэтому и вывод, который делает историк О. Г. Малышева. Она пишет о непрерывном, проходящем через весь период от отмены крепостного права до революции 1917 г. кризисе верхов. Он то усиливался, то шел на убыль, но не прекращался до тех пор, пока всё здание российской государственности не обвалилось[3].

Продуктом всей этой противоречивой ситуации и явился большевизм. Более того, когда российское общество распалось, а государство агонизировало, именно большевизм стал той силой, которая дала возможность нации объединиться и снова стать нацией. Понять, почему произошло именно так, значит понять природу всей русской истории. И такая постановка вопроса – вовсе не идеализация большевизма и не принижение всех остальных «актеров» той великой драмы. Но именно в большевизме мы видим коллективный портрет той противоречивой, крайне неоднозначной эпохи.

Вот этот-то *интегральный характер* вопроса о большевизме в революции и определяет его значимость. И, судя по успехам, сделанным современной исторической наукой, разговор о нем назрел. Однако, чтобы не «состязаться в смелости оценок» с дилетантами от науки, мы сегодня *не станем предвосхищать возможные здесь выводы*. Наша задача на этом этапе существенно скромней. Мы лишь попытаемся *в общих чертах сформулировать круг проблем, которые так или иначе встанут перед исследователями, и предложим свое видение подходов к ним*. Начиная разговор о большевизме в русской революции, мы рассчитываем привлечь внимание к его актуальности. И, вероятно, в скором времени появятся новые изыскания на этот счет, причем не только поднимающие вопрос, но и дающие на него ответы.

---

[2] См. напр.: Булдаков В. П. Имперство и Российская революционность (Критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1. С. 44.

[3] См. Государственное управление и самоуправление в России. Очерки истории. М., 1995. С.97–122.

К вопросу о корнях большевизма

Успех большевизма наглядно показал себя, конечно, не только в «преимущественной» или «относительной» большевизации значительной части революционных организаций[4] и даже не только непосредственно в самой Октябрьской революции[5]. Существенно более важным было то, что большевикам удалось удержаться у власти. И более того, именно им принадлежит заслуга восстановления в стране властного начала, без чего возрождение самой страны было бы немыслимым.

Чтобы понять причину этого, следует отдавать себе отчет, что большевики «переиграли» своих оппонентов не только организационно. Их победа лежит и в сугубо психологических факторах. Причем эти факторы сопряжены и с насущными потребностями, и с высокими, подчас утопическими, устремлениями масс, приобретающими особое значение в периоды кризисов. Можно сказать, что массы почувствовали, что большевики не «играют», как остальные силы в русской смуте, а действуют. Это и наметило психологический перелом в их пользу. Но воспользоваться этим, можно было, лишь проявив организационную готовность к лидерству.

И всё же, в чем же следует искать истоки тех побед, которые были одержаны большевиками не только над своими противниками, но и над хаосом и разрухой? Прежде всего, следует коснуться их гибкости. О ней можно слагать легенды, а кому-то она покажется воплощением цинизма. Но это совершенно не верно. Факт остается фактом. В периоды обострения политической борьбы в большевизме вперед выдвигались его радикальные группировки. Наоборот, когда момент требовал искать компромисс, в партии усиливались умеренные элементы. Так, когда в период июльского кризиса вспыхивают стихийные вооруженные выступления солдат, рабочих и матросов, инициативу берут на себя радикалы из военной организации большевиков – так называемой «Военки». Когда же на Демократическом совещании или в период кризиса с Викжелем большевикам потребовалось проявить сдержанность, роль посредников перешла к таким правым боль-

---

[4] Важно иметь ввиду, что речь идет не только о большевизации Советов и не только в предоктябрьский период, хотя для революции это имело решающее значение (см. обобщающие данные на этот счет в кн.: Великий Октябрь. М., 1987. С. 68–70). Большевизация коснулась и других общественных организаций: фабзавкомов, профсоюзов, даже прежних органов самоуправления. Так, уже в ноябре 1917 г. большевики завоевали 188 из 200 мест в традиционно консервативной Петроградской городской думе, председателем которой стал М. И. Калинин (см.: Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1995. С. 51–52.

[5] См. на этот предмет книгу американского историка: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989.

шевикам, как Каменев. Позже, в годы военного коммунизма, вновь усилятся радикалы, а при переходе к нэпу – снова умеренные.

Происходило ли это преднамеренно? Или всё дело в стихийных колебаниях внутри партии? Сторонники и того, и другого ответа могут найти аргументы в свою пользу. Но кажется, что истинные причины коммуникационной мобильности большевизма следует искать несколько в иной плоскости. На важные размышления в этом направлении может навести ряд исследований зарубежных авторов, прежде всего переведенных на русский язык и потому получивших больший резонанс в России. Не с позиций обличительства, а со строго научных позиций эти авторы поставили вопрос о неоднородности большевистской партии. Прежде существовавшие взгляды о единстве рядов большевистской партии они без обиняков назвали мифом, что поначалу даже шокировало. В этих же работах можно было уловить и еще один момент, а именно то, что большевики как минимум делились на основную партийную массу, действовавшую в России, и на вождей, которые годами проживали в эмиграции[6].

На партию такая ситуация не повлиять не могла. И не только в отрицательном плане. Структурная гибкость становилась для нее инструментом выживания. Причем на практике структура была более сложной, чем это можно представить, исходя из разделения большевиков на российских практиков и теоретиков-эмигрантов. Сказывались национальные, профессиональные и другие особенности. Но организационная неоднородность – это лишь один пласт интересующей нас проблемы. Можно показать, что и идейно – большевизм явление неоднородное[7]. В нем, безусловно, важны доктринальные формы марксизма, которые можно уподобить живой оболочке большевизма[8]. Не менее существенны и национальные корни ленинской доктрины. Причем их можно видеть не только в идейном

---

[6] См. напр.: Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С. 82 и др. К слову сказать, еще совсем недавно эти взгляды западных авторов подвергались жесткой критике (См. обобщающие материалы на этот счет в кн.: Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. М., 1983. С. 190–191) вместо того, чтобы осмыслить их и попытаться самостоятельно осмыслить их.

[7] Из российских изысканий на этот счет российских историков см. напр.: Леонов С. В. Рождение советской империи. М. 1997.

[8] Впрочем, этот тезис не нов. Встречается он и у зарубежных авторов. См. например: Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1–2. Большевистская революция. 1917–1923. М., 1990. Отечественные историки, тем не менее, не отказались и от трактовок большевизма как творчески переработанного марксизма. См. напр.: Рой М. Русская революция 1917 года: победа и поражение большевиков. М., 1997.

наследии демократов XIX века[9]. Определенные параллели можно проследить даже с миром крестьянских эсхатологических утопий[10]. Что позволяло большевизму впитывать в себя эти и этот пласт идей? Частично мы коснемся этого вопроса чуть ниже.

Неоднородность и гибкость партии позволяла выживать ее отдельным частям. С другой стороны, это позволяло при известных условиях маневрировать вождям большевизма. Причем маневрировать им приходилось не только вне партии. Пресловутая система сдержек и противовесов, которая так волновала политиков середины 1990-х гг. и основательно подзабылась к нашему времени, по мнению некоторых исследователей вовсю применялась В. И. Лениным, к примеру, в годы военного коммунизма. Во всяком случае, он действовал подобно дирижеру, отвечающему за слаженность своего оркестра[11].

Интегрирующая природа большевизма

Способность приспосабливаться к быстроменяющимся условиям, безусловно, сыграла свою роль в укреплении большевистской партии в условиях революционного напряжения. Однако их специфическая мобильность проявилась не только в этом. Что здесь имеется ввиду? Для наглядности сравним ситуацию внутри большевистской партии с ситуацией тех лет в других российских партиях.

Большевистская партия весь период реформ, смут и революций была раздираема жестокими внутрипартийными баталиями. В годы между революциями 1905 и 1917 гг. в ней существовали течения отзовизма и ликвидаторства. В 1917 г. партия явственно делилась на левое и правое крыло, а также центр. После Октября ситуация еще более усложнилась. Количество и значимость существовавших в 1917–1921 гг. внутрипартийных группировок можно вполне брать в качестве самостоятельного предмета для изучения. Но *никогда внутрипартийные разногласия не приводили партию к расколу, тем самым относительное единство всегда оставалось одной из черт большевистской партии*.

Совсем иную картину можно наблюдать в истории прочих партиях. Взять, к примеру, генетически наиболее близкую большевикам партию меньшевиков. Собственно говоря, поначалу большевики и меньшевики и

---

[9] См. фундаментальную разработку этой проблемы французскими историками: Ингерфлом К. С. Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М., 1993; Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993.

[10] Балакирев А. С. Русские коммунистические утопии и учение Н. Ф. Федорова // Россия. XXI. 1996. №№ 1–2, 3–4.

[11] Цакунов С. В. В лабиринте доктрины. М., 1994. С. 28, 36–37 и др.

выделились-то в самостоятельные политические движения благодаря внутрипартийному расколу в недрах единой РСДРП. Но если большевики смогли в дальнейшем сохранить высокую степень единства, то в меньшевистском крыле российской социал-демократии ситуация обстояла иначе. Здесь на первый взгляд внутрипартийные столкновения такой остроты как у большевиков, пожалуй, никогда не достигали. Но за внешней толерантностью сторон скрывалась вдруг выраставшая между ними пропасть. *История меньшевизма – это история расколов. Фактически, меньшевистская партия как нечто реальное никогда не существовала.* Существовали отдельные группки и кружки, объявляющие о своей принадлежности к меньшевизму. Не более.

Не менее запутанной ситуация была так же у эсеров. Показательный пример – символ соглашательства в революции 1917 года А. Ф. Керенский. Он, хотя и считался одним из лидеров эсеров, в эсеровскую партию никогда не вступал и фактически эсером не являлся. И ведь речь идет не о рядовом члене, а о премьере революционной России! Поэтому не случайны и те огромные цифры численности эсеровской партии в 1917 г. В списках партии тогда сплошь и рядом оказывались случайные люди. Даже странно, как при таком подходе численность эсеров была столь маленькой, а не сравнялась с численностью всего населения России! После победы большевиков колос на глиняных ногах рухнул. Партия эсеров рассыпались на множество мелких течений, фракций и даже совершенно самостоятельных партий.

К слову сказать, численность партии – действительно важный показатель ее жизнеспособности. Так вот, численность только одной партии можно в год революции проследить с внушающей доверие точностью. И эта партия – РСДРП (б). Раньше можно было слукавить и объяснить такое положение тем, что только большевики-то серьезно и изучались. Но теперь, когда ситуация в исторической науке переменилась в корне, полной ясности с численностью прочих партий в 1917 г. добиться так и не удалось. Имеются лишь очень условные подсчеты по отдельным периодам и весьма приблизительные представления об общей динамике их численности[12]. Это может свидетельствовать только об одном, – о порядке и организованности внутри большевиков и об отсутствии оных у их оппонентов.

Но это – к слову. Речь сейчас даже не об этом. Перед нами другой заслуживающий внимания феномен, а именно удивительная *интегрирую-*

[12] См. новейшие публикации на этот счет: К вопросу о сравнительной численности партий большевиков и меньшевиков в 1917 г. // Миллер В. И. Осторожно: история. М., 1997.

щая природа большевизма. Она, помимо всего прочего, проявлялась и в той легкости, с которой большевизм *ассимилировал* полезные для себя *сегменты всех прочих политических течений*.

Примером этому могут во всей полноте служить, как раз, события революции. Уже в середине 1917 г. большевистская партия поглотила межрайонную социал-демократическую организацию. Причем в большевистскую партию влились не только те социал-демократические рабочие, которые сотрудничали с находящимися в России большевиками еще до февральского переворота. Целая команда профессиональных эмигрантов-революционеров во главе с Л. Д. Троцким и М. Лурье также оказалась вовлеченной в орбиту большевизма. И это были те люди, которые еще совсем недавно жестко соперничали с лидером большевиков Лениным. Однако прилив новых самостоятельных и даже своенравных политиков не ослабил, как это могло случиться с любой другой партией, а усилил большевиков. Но и это было лишь началом. Дальше настала очередь отдельных групп и представителей анархистов, эсеров, меньшевиков, националистических и сионистских партий… Уместно спросить, в чем причина подобного феномена?

Большевизм и российская государственность: «жажда власти или воля к власти?

Понятно, что только организационной гибкостью силу большевистской партии не объяснить. Критики большевизма на одно из первых мест поэтому выводят так называемую жажду власти, которая якобы была свойственна большевикам. Границы невежества и политического шарлатанства воистину безграничны, и трактовок этой «жажды власти» существует множество. Но, поскольку речь идет об устойчивом стереотипе массового сознания, вопрос этот всё же нуждается в серьезном научном изучении. Представляется, что наибольших результатов при этом можно достичь при анализе возможных взаимозависимостей в смысловой цепочке: «*большевизм – российская государственность – власть*».

Заслуживает внимания, к примеру, уже тот факт, что большевизм, будучи частью социал-демократии, стоял у истоков всей российской системы политических партий[13]. Именно РСДРП, собравшаяся на свой I съезд в 1898 г. стала первой всероссийской политической партией. Вряд ли это можно считать случайным. Но единого объяснения феномена российской

[13] Об общих проблемах становления российской социал-демократии в рамках формирующего в стране гражданского общества и многопартийности см.: Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты в русской революции. М., 1996.

политической жизни, когда первыми образовывались партии как бы периферийные по своему характеру, пока нет[14].

Вполне возможно, что перспективными окажутся поиски в области специфики российского государства и его отношений с русским обществом. Многочисленные дискуссии на этот предмет велись еще до революции. Причем вопрос этот интересовал не только научные круги, но и самих социал-демократов. С новой силой полемика о специфике российского исторического развития вспыхнула уже в годы нэпа[15]. Совершенно очевидно, что такое внимание лидеров большевизма к вопросам государственного устройства, государственного устройства России – не случайно.

Сегодня специфика русского государства историками рассматривается не только с точки зрения его институтов. Важные исследования ведутся в области изучения отношения народных масс к власти. Эти разработки последнего времени показали, что власть в России имела устойчивый патерналистский характер. Для ее стабильности необходимо было доверие низов к тому, что делали верхи. Но такого доверия к началу XX в. уже не было. Государственный центр терял не только жизнеспособность, о чем речь выше уже шла, но и авторитет. В этих условиях массы чувствовали свое право «поправить» государство, вернуть разорванную верхами связь[16].

Многое говорит о том, что именно эти жившие в народе представления о государстве и его обязанностях перед обществом стали важной чертой большевизма. Поэтому вместо спекуляций на тему жажды большевиков к власти давно пора поставить вопрос о воле большевиков к власти. Это был здоровый, идущий из глубин народной, если угодно, национальной жизни обновленческий импульс. Отсюда, вероятно, и восприятие большевиками власти не как источника удовлетворения своих амбиций и комплексов, а *власти как ответственности*. Именно в этом ключе и следует понимать знаменитую ленинскую фразу «Есть такая партия!»[17].

---

[14] См. об этой проблеме напр.: Шелохаев В. В. Феномен многопартийности в России // Крайности истории и крайности историков. М., 1997.

[15] См. подробнее по этому поводу: Соколов В. Ю. История и политика. (К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг.). Томск, 1990; Краус Т. Своеобразие русского исторического процесса: о дискуссии Л. Д. Троцкого и М. Н. Покровского // Историческая наука России в XX веке. С. 200–216.

[16] По этой проблематике см. напр.: Булдаков В. П. Имперство и российская революционность. Критические заметки // Отечественная история. 1997. № 1, 2.

[17] Поводом для этой реплики стала позиция И. Г. Церетели – лидера меньшевизма в середине 1917 г. См.: Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 54–67.

Оппозиция: системная или внесистемная

Проблема отношения большевизма к власти выводит и на некоторые более широкие вопросы. Прежде всего, это вопрос о том, каким образом из партии гражданской войны большевизм стал партией гражданского мира и порядка? Немаловажен и вопрос о том, что нового привнес большевизм в русскую государственность. Можно назвать и другие, уместные здесь вопросы. В конечном итоге они, так или иначе, упираются в вопрос о природе и характере большевистской оппозиционности самодержавию и Временному правительству.

Если несколько отвлечься от событий начала века и перенестись в наше время, то мы сразу же столкнемся с несколькими наиболее абсурдными проявлениями нынешней политической жизни. Шедевром современной политической пропаганды стали такие понятия, применяемые к нынешней оппозиции, как «непримиримая», «конструктивная», «ответственная» и так далее. Понятно, что эти симулякры, то есть понятия-перевертыши, ничего конкретного не обозначают. Гораздо большую смысловую нагрузку – при определенном уточнении – несут такие понятия, как «системная» и «несистемная» оппозиция.

Под «системной» оппозицией сегодня понимаются силы, чья умеренная или, наоборот, самая радикальная оппозиционность не ведет к смене существующего вектора развития страны. Наоборот, оттягивая энергетику сопротивления на себя, они усиливают и стабилизируют режим. Существование этой оппозиции целиком зависит от сохранения существующего положения вещей. Она питается соками разрушения. Словом, речь идет о *внутрисистемной* оппозиции. Совсем иное дело оппозиция внесистемная. Она, конечно, также своим возникновением обязана существующему порядку вещей. Но вся ее деятельность направлена на его радикальное преодоление. Постепенно внесистемная оппозиция создает собственные источники существования, вырабатывает собственные цели развития. Она не питается соками разложения общества, а аккумулирует жизненные соки общества нового. С момента появления такой оппозиции в обществе на разных уровнях существует как бы две организующие системы. Чем сильнее одна, тем слабее вторая, и наоборот. Компромисс между ними возможен лишь временный, как затишье перед бурей.

Так к какому же типу оппозиции принадлежала большевистская оппозиционность? На первый взгляд ответ на этот вопрос ясен. Но это только на первый взгляд. Структура возможного здесь ответа имеет архисложную динамику. Более того, она подразумевает несколько уровней исторического полотна. Простое свержение самодержавия без изменения стратегии и

направленности курса, как показала практика Временного правительства, еще ничего не давало. Что же старое предлагали отбросить большевики, и что в их призывах было новым?

Напомним, что на рубеже веков страна находилась в стадии модернизации. Причем вариант модернизации был вторичным, догоняющим. Это, помимо всего прочего, подразумевало усиление государственного вмешательства в экономику[18]. Однако, как показывают новейшие исследования, тенденции, направленные на усиление вмешательства государства во все сферы жизни общества, были характерны не только для стран второго эшелона модернизации, но и для развитых демократий. Не стала исключением и Россия, роль государства в которой была весомой и прежде. Такое положение дел в обществе отразилось и на идеологии. Практически все оппозиционные царизму силы, включая и либералов, и большевиков, на деле готовы были продолжать курс самодержавия на расширение государственного вмешательства во все сферы общественной жизни общества. Некоторые авторы склонны видеть в политике большевиков после прихода их власти, в частности в военном коммунизме, политики царского и временного правительства, имеющие ту же направленность.

Не могли большевики быть внесистемной оппозицией царизму и по другому принципу. Подобно самодержавию и либералам из Временного правительства большевики опирались на западническую идеологию. И тем не менее, когда они пришли к власти, очень многое в их практической деятельности вело отнюдь не к переносу на российскую почву элементов западного общества, а к воссозданию, пусть и архаических, но национальных ценностей. В чем же тогда можно видеть внесистемность большевистской оппозиционности, если вопреки столь важным обстоятельствам, как центризм и определенное западничество большевиков она всё же принесла свои плоды в виде вполне осязаемых органов новой революционной власти, их практических шагов и декретов?

Большевики и массы

Здесь, пожалуй, перед нами один из наиболее сложных и принципиальных вопросов истории всего XX века. Но определенные подходы к нему наметить всё же возможно, если посмотреть на большевизм в плоскости взаимоотношений «власть – массы». Мы видели, что на эту проблему дорожка научного поиска выводит всякий раз, о чем бы ни заходила

---

[18] См. подробнее Канищева Н. И. Современная западногерманская буржуазная историография о социально-экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции // Современная буржуазная историография Советского общества. М., 1988. С. 8–42.

речь. И это не случайно, поскольку массы – это истинные герои событий Семнадцатого года. Своим успехом большевики обязаны именно их поддержке. Но каким образом массы реально могли так сильно повлиять на природу большевизма, что те из небольшой секты превратились в ведущую силу XX века? Об этом в научной среде дискуссии ведутся давно. Чтобы не стать в позу арбитра в них, предложим еще один подход к проблематике взаимоотношений большевизма и народных масс.

Большевики сами себя декларировали партией рабочего класса. В такой стране, как Россия, где численно преобладает крестьянство, большевиков можно было вполне обвинить в стремлении навязать новую элиту. Эсеры в противоположность большевикам провозглашали себя общенародной партией. Но речь идет не о самоидентификации, а о реальном политическом поведении. С этой точки зрения большевики действительно сильно отличались от всех остальных политических сил как проправительственных, так и оппозиционных. О чем же здесь имеет смысл задуматься?

Все прочие политические группировки не посягали на роль элиты в обществе, если под элитой подразумевать не только высшие слои общества, а взглянуть на нее несколько шире. Все прочие политические группировки, за исключением большевиков, готовы были играть по неким правилам, существующим внутри этих привилегированных, образованных слоев российского общества. Большевики порывали с этими «условиями игры» кардинально. В этом контексте ленинские слова о партии нового типа получают новое звучание. *Антиэлитаризм* большевиков тем самым скрашивал и существенно видоизменял их этатизм (т. е. приверженность сильному государству и ряд элементов западничества).

Антиэлитаризм этот был не просто позой. Он означал отказ, по крайней мере, на каком-то этапе от всех «удобств», которые давала бы политической партии опора на те или иные слои внутри элитарных классов. Речь, прежде всего, идет о налаженной веками структуре подчинения и самоподчинения, существующей между различными группами внутри элиты и которая на практике служит механизмом управления обществом в целом. Взамен этих структур большевики должны были опереться на какие-то иные. Такими структурами могли быть только структуры, существующие на противоположной стороне социальной стратификации. Тем самым большевики подвергались мощным импульсам, идущим из самых глубин народной жизни. Это влияние не могло никак не отразиться на природе большевизма и на характере их модернизационного проекта.

Можно предположить, что в этом идущем снизу влиянии, которое, конечно, не стоит абсолютизировать, и кроется внесистемность большевист-

ской оппозиционности. Тем самым намечается явная параллель между антиэлитаризмом большевиков и их внесистемностью. Под системой же понимается не государство, а только его верхушка. И это, наверно, правильно, поскольку, как показывает опыт, элита умудряется сохранить свои позиции и при переориентации с государственнических на либеральные ценности. Сохранение же сильного государства, но повернутого против прежней элиты, гораздо опаснее для всех ее внутренних связей, ценностей и установок. Большевизм стал орудием, которым массы пробивали себе дорогу к историческому творчеству, можно даже сформулировать еще более принципиально – к историческому бытию. В чем-то это был осмысленный процесс, а в чем-то и подсознательный, адаптировавший традиции русского бунта к условиям индустриальной эпохи, но этим еще более страшный для элит всякого уровня, масштаба и характера.

Роль большевизма в событиях Революции

Однако перед нами опять не финальный вывод, а вновь приглашение задуматься. А поводов для глубоких размышлений, когда разговор заходит о большевизме, хватает. Относительно ясно только одно, что роль большевистской партии, собственно большевизма, в событиях Русской революции вытекала из его сущности как глубоко национальной силы. Практически все события 1917 г. и последующих революционных лет могут быть объяснены с этой точки зрения. Возьмем для примера возможные подходы к таким явлениям, как слабость большевиков в первые недели революции, природа апрельских тезисов, красный террор, сами Октябрьские события и некоторые другие.

Общеизвестно, что вожди большевизма февральским переворотом были застигнуты врасплох. Этот вывод верен применительно и к эмигрантскому руководству партии, и к практикам, действовавшим непосредственно в России. Но сводить только к этому тот очевидный факт, что из всех антицаристских сил именно большевики меньше всего «получили дивидендов» от свержения монархии, не стоит. И не стоит подобно прежней советской историографии, делавшей хорошую мину при плохой игре, искать большевиков в рабочих бараках и солдатских казармах, где те якобы агитировали за революцию и поэтому почти вчистую проиграли правым социалистам при формировании первого состава Петроградского Совета. Ибо трудно найти то, чего нет. А большевиков в феврале не было почти совсем. Стоит только представить себе многомиллионную, необъятную России и группки профессиональных революционеров, в общей сложности едва составлявших 15–25 тысяч!

Просто февральская революция совсем не была народной в плане формирования органов власти. А рабочих и солдат Петрограда спросили об их отношении к Петросовету лишь для проформы. Баланс сил в нем и в Советах большинства городов был предопределен деятелями легальных рабочих и околорабочих структур, таких как «социалистическая пресса», рабочая кооперация, фракции Думы и местного самоуправления и проч. Именно деятели такого плана самочинно, без всяких выборов сформировали Петросовет и многие другие Советы и жестко контролировали их. Контролировали до тех пор, пока шедшая снизу народная революция не переросла «дворцовую» февральско-мартовскую революцию и не вышла на площади и улицы. Вот тогда-то и начинается процесс, уже тогда названный большевизацией.

В этом контексте большое значение принадлежит апрельским тезисам. Они обозначали не что иное, как публичный отказ большевиков играть по правилам элиты, разрыв с элитой, переход на сторону массы, готовность политически прикрыть выдвигаемые ею правила, требования и лозунги. В народной революции бывает важным для ее победы не столько навязать свою программу, сколько выполнить требования большинства активной части народа. Отсюда и ряд формулировок апрельских тезисов. Отсюда и Декрет о земле, который вовсе не был списан с эсеровской программы, а суммировал крестьянские наказы о справедливости, в том числе о необходимости отменить частную собственность на землю. Насколько глубинными были эти народные требования, можно судить уже по тому факту, что спустя столько лет, по прошествии стольких *разных* исторических эпох, крестьяне вновь требуют не допустить купли-продажи земли, создания неопомещичьих латифундий, а требования бастующих рабочих мало чем отличаются от требований рабочих 1917 г. и их отражения в ленинских апрельских тезисах.

Впрочем, самих апрельских тезисов могло и не появиться. Но суть большевизма прозвучала бы в других условиях и в других документах. Не стоит, конечно, упрощать мотивационную подоплеку деятельности различных течений в большевизме, отдельных большевистских деятелей, но в той или иной мере суть эта проявилась и в Октябре. Можно ли с научной точки зрения говорить о заговоре большевиков? Тем более о заговоре с целью захвата власти? И это при том, что Военно-революционный комитет уже несколько дней, если не недель, действовал открыто и гласно! Разумеется, в крупных политических революциях всегда присутствует некая заговорщическая струя, но стоит ли к этому сводить всё? Да и какой заговор с целью захвата власти мог быть, если фактически, власти в Рос-

сии, можно сказать, и не было? В России (!) сама власть называла себя временной, т. е. неполноценной, подготавливаемой к ликвидации. Не абсурд ли? Массы, а вместе с ними и большевики, просто подобрали скипетр, державу и императорскую корону и приступили к восстановлению в стране порядка вещей.

Поэтому не должен удивлять и мирный, почти бескровный, даже по сравнению с Февралем, характер Красного Октября. Почти без каких-либо эксцессов власть переходит в руки Советов в подавляющем большинстве губерний коренной России. Да и на местах власть часто не столько переходила, сколько постепенно перетекала к Советам. И только там, где народ был доведен до отчаянья голодом или унижениями, вспыхивали бунты, подчас действительно бессмысленные, действительно беспощадные. Да еще бешеное сопротивление частного собственника, почувствовавшего угрозу своему кошельку и привилегиям, в ряде мест спровоцировало вспышки гражданской войны.

Но и бунты, и выступления прежних господ были проявлениями старого мира, против которого народ восстал даже не на революцию, а на освободительную, можно даже сказать, религиозную войну. Именно поэтому красный террор и получил приятие как священная, очищающая жертва, а белый террор был отвергнут, поскольку воспринимался как низкий и мстительный. Всё это делает бессмысленным делом выяснять, какой террор был страшнее: красный или белый. Они стали следствием совершенно разных явлений, разных даже по масштабу, по глубине, по аксиологическому (ценностному) содержанию. И уж что действительно может пугать из явлений Красной смуты, так это зеленый террор, среди причин которого рвачество, пьянство, озверение в годы мировой войны, анархия долгих месяцев с момента свержения самодержавия до момента установление новой твердой власти, на этот раз уже революционной. В этом контексте роль большевиков была прямо противоположной тому, что им приписывалось. Большевизм не разжигал, а гасил пламя террора, вводя его в берега пусть революционной, то есть очень условной и расплывчатой, но уже законности.

В целом применительно к роли большевизма в событиях революции 1917 г. нельзя не видеть ее противоречивость. Но в конечном итоге большевизм стал не столько силой, обострявшей раскол общества, сколько силой, удержавшей его от самоуничтожения во всех мыслимых его разновидностях.

Вместо заключения: что за люди – большевики?

Вот лишь несколько вопросов, которые возникают при более или менее отрешенной попытке разобраться в сущности такого явления мировой и российской истории, коим является большевизм. И поскольку история – это история людей, то и большевизм как историческое явление давно интересует исследователей с точки зрения человеческого измерения. В самом деле. Что же это за люди – большевики? Что стоит за явлением большевизма в личностном плане?

Масштабность перемен, вызванных большевизмом в мире, невольно заставляли героизировать их. Соответственно противники большевиков готовы были демонизировать как всё большевистское движение, так и большевиков как отдельных его представителей. Классическим примером этого по сей день может служить работа философа-эмигранта, большого поклонника гитлеризма И. А. Ильина. Пережив всплеск своей философской активности в 20-е гг., в последующее время Ильин в основном сосредоточился на критике СССР и большевизма. Работа, о которой говорится в данном случае, так и называется «Что за люди коммунисты?» Пожалуй, именно в ней изображение демонов русской революции достигает наивысшего трансцендентального образца. Всех остальных критиков большевизма с точки зрения их человеческой сущности можно считать лишь эпигонами[19].

Тем не менее, статья Ильина имеет и вполне определенный интерес. Пафос ее сводится к тому, что XX век выдвинул новый сорт людей, «именуемых коммунистами». Ильин убеждал в ней своего читателя, что всё остальное, некоммунистическое человечество заинтересовано в том, чтобы распознать умственный и духовный уровень этих новых людей, их происхождение, их сильные и слабые стороны. К сожалению, самому Ильину решить задачу не удалось. Вся его статья свелась к плохо прикрытому критиканству: «итак, способность коммунистов пугать, мучить, развращать и убивать людей – общеизвестна, но управлять и хозяйствовать они не умеют»; или «с этого началось: захватили власть переворотом… – и посадили править лично непорядочных, чванливых невежд, жадных, жестоких и аморальных». «Это продолжается и доныне», – заключает Ильин. Только представьте – это написано *уже после того, как Советский Союз победил в Великой Отечественной войне*! «При этом моральный уровень коммунистов значительно ниже умственного, – продолжает далее Ильин, – могло ли быть иначе, может ли быть иначе, если принять

[19] Ильин И. А. Наши задачи: историческая судьба и будущее России: статьи 1948–1954 гг.: в 2т. [сост. и авт. вступ. ст. И. Н. Смирнов]. М., 1992. Т. 2. С. 161–173.

во внимание, что в коммунисты люди шли и идут для предательства России». Любопытны и некоторые размышления Ильина о социальном составе партии: «Главный кадр партии, – по его мнению, – вербуется из претенциозных полуинтеллигентов и неудачников всех сортов и классов». И, естественно, к социальной базе коммунистов Ильин относит тех, кто «в Америке носит название «гангстеров», во Франции именуется «апашами», в советском государстве – «урками»…

Это, так сказать, «философская» часть работы Ильина. «Научная» же часть проделанного им «исследования» заключается в подборе цитат из выступлений большевистских лидеров и партийных документов с *самокритикой*. Ильину и в голову не пришло, что подобные документы на его версию работают слабо, поскольку самокритика есть не признак слабости, а наоборот, свидетельствует о крепости и здоровье партии, позволяющей себе подобное. Насколько точнее и глубже был подход к изображению облика большевика русского художника Кустодиева, изобразившего большевика великаном-верховодом, возвышающимся над толпой, но неразрывно связанного с ней! Это лишь символ, но насколько он строже и объективней иных «научных формул», не содержащих в себе ничего, кроме озлобленности и лжи!

К сожалению, современные попытки тоже пока пошли не намного дальше и не дали ответ на то, что же за люди большевики[20]? Вместе с тем этот пробел необходимо устранить. При этом идеализация и очернитель-

[20] Увы, когда общество до сих пор (зачастую просто искусственно) расколото на «красных» и «белых» – что очень сильно проявилось в периоды празднования 100 и 105-летия революционных событий 1917 года – ожидать строго научного подхода к истории большевизма сложно. К примеру, попытка одного из современных историков нарисовать портрет большевика эпохи закончилась появлением на свет не очень выразительного подобия статьи Ильина, и ничего более (См. Обухов Л. А. Изнанка сверхценностных установок: моральный облик большевиков в годы гражданской войны // Революция и человек. М., 1997. С. 161–170). Чтобы не быть голословным, приведем несколько «теоретических обобщений», содержащихся в этом «научном» опусе, моментально воскрешающих в памяти Ильина: «после захвата власти большевики окончательно отбросили прежние нормы морали»; «социальная смута всегда сопровождается моральной деградацией общества»; «в правящую партию, к тому же выдвигающую столь привлекательные лозунги, устремились в первую очередь маргинальные, люмпенские элементы, лица с уголовным прошлым, преследуя явно корыстные цели»; «с момента становления новой власти происходило и утверждение двойной морали»; «пьянство вообще стало повсеместным и обычным явлением среди руководящих партийных и советских работников»; «двойная мораль стала обычным явлением для партийно-государственного аппарата сверху до низу»; «складывалась нравственная атмосфера, когда всё большее число преступлений можно стало оправдывать интересами революции»; и, как итог из всего сказанного, звучит авторская позиция: «Иного, впрочем, в России не могло и быть»…

ство будут равно неуместны. Неуместны будут и попытки найти некую середину, – ее просто нет. Истина находится *совершенно в другом измерении,* и искать ее нужно не в том смысле: хорошими или плохими были большевики. Принципиально важнее понять, почему победа большевиков стала благом для России в тот период, когда это произошло. Почему только приход людей именно такого склада стал спасительным для страны. А если вспомнить, что большевизм – это не только символ Великой Русской революции, но и символ победы над гитлеризмом, над фашизмом во всех его мыслимых ипостасях, то вопрос можно поставить и на большую моральную высоту: почему победа в России людей, подобных Ленину и его соратников, стала спасительной для человечества, для которого нынешний век, воистину, мог стать концом истории? Отсюда так остро и звучит – что же за люди большевики? Совершенно очевидно, что честный, объективный ответ на него сам по себе уже будет способствовать преодолению духовного раскола вновь раздирающего российское общество сегодня.

III. НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

А. В. Ганин

«Крушения белой идеи выковали… новый тип людей...»

Показания бывшего полковника Н. Ф. Соколовского о сотрудничестве с советскими спецслужбами в Константинополе в 1921–1922 гг.

Поражение Русской армии генерала П. Н. Врангеля и эвакуация ее остатков из Крыма в Турцию осенью 1920 г. привели многих ветеранов Белого движения на Юге России, ставших эмигрантами, к сильнейшему разочарованию в перспективах и смысле дальнейшей борьбы. Трудности жизни на чужбине лишь усугубляли эти настроения и порождали желание вернуться домой. В результате на родину начали возвращаться не только рядовые участники белой борьбы, но и представители командного состава.

Знаковым событием стал отъезд в Советскую Россию из Константинополя в ноябре 1921 г. знаменитого белого военачальника, генерала Я. А. Слащева и его соратников. Помимо них стали уезжать и другие офицеры. Среди уехавших в начале 1922 г. был и полковник Николай Федорович Соколовский (26.02.1884 – 19.08.1938).

Этот офицер интересен тем, что в 1919 г., находясь на службе в РККА, одновременно являлся одним из видных деятелей белого подполья в Киеве. После оставления города красными он перешел к белым и служил в Вооруженных силах на Юге России (ВСЮР) и в Русской армии. Осенью 1920 г. организовал отправку к красным эмиссара с предложением организовать сдачу врангелевской армии и заговор против командования, чтобы завершить Гражданскую войну[1]. До сих пор неясно, было ли это операцией белой разведки, или полковник действительно разочаровался в прежних идеалах и стремился сдаться. В Советской России был даже издан приказ за подписями председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого и главкома С. С. Каменева о назначении Соколовского командующим врангелевской армии до приезда авторитетного генерала А. А. Брусилова, который бы и возглавил сдавшихся. Тем не менее, дальше этих документов дело не двинулось. Затем Соколовский вместе с белыми эвакуировался из Крыма и более года прожил в эмиграции, в том числе в лагере в Галлиполи и в Константинополе. Галлиполи он покинул в конце июня 1921 г., так как попал под суд за агитацию в лагере. Перебравшись в Константинополь,

[1] Подробнее см.: Ганин А. В. Свергнуть Врангеля и сдать его армию красным! // Родина. 2023. № 7. С. 102–107.

стал сотрудничать с советскими спецслужбами и в результате вернулся на родину вместе с полковником Л. А. Даниловым. Вскоре по возвращении был арестован и судим Военной коллегией Верховного трибунала ВЦИК. Соколовского приговорили к лишению свободы на три года, но по амнистии освободили от наказания в зале суда. В 1938 г. он был арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1958 г.

Показания – источник специфический, поскольку от сказанного зависела жизнь допрашиваемого. Возможно Соколовский, чтобы смягчить свою участь, сообщал не вполне достоверные данные о превратностях службы у белых. Тем не менее, показания представляются в целом соответствующими развитию событий.

Соколовский рассказал следователю, что разочаровался в идеалах Белого движения уже в 1920 г. и кратко упомянул о неудавшейся попытке сдать армию Врангеля красным. Однако намного больше внимания в показаниях уделено тайной работе советских спецслужб в отношении российской военно-политической эмиграции в Константинополе в 1921–1922 гг. Совокупность ранее известных и недавно обнаруженных источников свидетельствует о высокой интенсивности такой работы[2]. Заметную роль в ней играл агент М. И. Богданов, прибывший в Константинополь в мае 1921 г. по заданию особоуполномоченного Всеукраинской ЧК С. Б. Виленского. Вместе с ним работал А. И. Баткин. Еще одной значимой фигурой был уполномоченный ВЧК Я. П. Ельский (Тененбаум). Советские представители обрабатывали лидеров военной эмиграции в пользу отказа от дальнейшей борьбы и возвращения на родину. Несомненно, крупнейшим результатом стала череда отъездов в Советскую Россию бывших белых офицеров, в том числе старших. Такие действия раскалывали и ослабляли белую военную эмиграцию, вносили недоверие в среду прежних боевых товарищей, побуждали тех, кто оставался за границей последовать примеру вернувшихся.

---

[2] Подробнее см.: Ганин А. В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021; Его же. Новые материалы о генерале Я. А. Слащеве-Крымском // Военная история России XIX–XX веков. Материалы XIII Международной военно-исторической конференции. Санкт-Петербург, 4 декабря 2020 г.: Сб. науч. статей. СПб., 2020. С. 15–28; Его же. Тайные договоры генерала Я. А. Слащева-Крымского с украинскими националистами в 1921 г. // Славянский альманах. 2022. Вып. 1–2. С. 353–374; Его же. «Удалось вывезти ген. Слащева, его жену и меня в потайном помещении парохода». Доклад А. И. Баткина о тайных операциях советской разведки в Константинополе. 11 ноября 1921 г. // К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР. Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. Сб. докл. межд. науч. конф. / отв. редактор д-р ист. наук, проф. В. В. Калашников. СПб., 2022. С. 291–306.

А. И. Баткин сообщал в своем докладе в Президиум ВЧК в ноябре 1921 г., что «ведутся также переговоры еще с некоторыми генералами и полковниками как Генерального штаба, так и строевыми»[3]. По-видимому, речь шла и о Соколовском, который вернулся в Россию буквально через пару месяцев. По имеющимся данным, Соколовского завербовал Богданов. Сам Соколовский также участвовал в обработке Слащева[4] и взаимодействовал с Ельским[5]. Кроме того, Соколовский вел переговоры с генералами М. А.(?) Александровым, А. И. Кавтарадзе (Кавтарадзевым), Б. П. Лазаревым и С. М. Солунсковым (Солунским). Лазарев в итоге вернулся в Россию в ноябре 1921 г., а с весны 1922 г. служил в РККА (в 1938 г. расстрелян). Среди тех, с кем сотрудничал Соколовский, был полковник И. Д. Анисимов – в прошлом также белый подпольщик, сотрудник Харьковского главного центра Добровольческой армии[6]. Связанными с этой группой считали полковников-генштабистов П. Е. Дормана[7] и Н. Н. Тилли[8]. С декабря 1921 г. Анисимов числился в распоряжении 2-го (агентурного) отдела Разведывательного управления Штаба РККА. После работы в Турции в 1922 г. уехал в Болгарию, где работал в 1922–1923 гг.[9] У супруги Анисимова в СССР оставались двое детей от первого брака[10]. Поэтому впоследствии он, как и Лазарев, и Соколовский, также вернулся в Россию. Как и они, в конце 1930-х гг. Анисимов также стал жертвой массовых репрессий.

Белая контрразведка не без оснований считала Соколовского одним из руководителей группы офицеров, стремившихся к признанию Советской власти, однако определенных сведений о его работе не имелось[11]. Иностранный отдел ВЧК в конце 1921 г. перехватил сведения белых о том, что Соколовский – человек, «интенсивно помогающий в настоящее время специальным советским агентам провести в жизнь новое направление политики “рабоче-крестьянского” правительства в вопросе о разложении армии и эмиграции, [а] именно – склонение эмигрантов к репатриации…

---

[3] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 144. Л. 143.
[4] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 123. Л. 2об.
[5] Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнанье. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. С. 264.
[6] Там же; Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. 1918 г. / публ. А. В. Левченко // Исторический вестник (Москва). 2019. Т. 27. С. 89.
[7] Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнанье. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. С. 188–189.
[8] Там же. С. 215.
[9] Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012. С. 56.
[10] Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнанье. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. С. 263.
[11] Там же. С. 187–188.

и собирающийся в непродолжительном времени вместе с двумя видными коммунистами выехать в Севастополь»[12].

Сторонники возвращения в Россию образовали в Константинополе Союз объединения и взаимопомощи бывших русских воинов в Турции во главе с генералом Лазаревым. Если верить Соколовскому, в организацию входили 500–600 человек, проживавших не только в Турции, но и в других странах, включая группу генштабистов. Была налажена связь с советским агентом Богдановым. Этой группе противостояли белая и французская контрразведки. Последняя, в частности, пыталась воспрепятствовать отъезду Соколовского в Крым и даже арестовала его вместе с полковником Л. А. Даниловым. Однако арестованных пришлось освободить, а их вторичное задержание не состоялось, хотя белые контрразведчики, по-видимому, настаивали на этом перед союзным контролем[13]. Уже в Советской России Соколовский предлагал чекистам использовать организацию для разведывательной и контрразведывательной работы в отношении белых и представителей Антанты, а также для сбора сведений о благонадежности тех, кто намеревались вернуться на родину. И действительно, после отъезда Соколовского группа Анисимова стала меньше работать в направлении репатриации эмигрантов, а больше заниматься разведкой[14].

Интересно, что белая разведка наводила справки о положении Соколовского и Данилова в Советской России. Соответствующую информацию к апрелю 1922 г. начальнику константинопольского информационного пункта генерал-майору К. И. Глобачеву сообщил агент «Солидный»[15]. Были получены данные, что первоначально возвращенцев встретили отлично, но затем какой-то донос всё испортил, и их вызвали в Москву. В целом, эти сведения были верны, исключая лишь то, что не упоминалось об аресте офицеров.

В публикуемых показаниях Соколовский постарался представить свою эмигрантскую работу в пользу Советской России максимально широко, при этом минимизировал свою роль у белых. Это и понятно, учитывая то положение, в котором он оказался после возвращения и ареста. Тем не менее, всё это не снижает ценности документа.

Показания публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. Явные ошиб-

---

[12] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 123. Л. 2об.
[13] Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнанье. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. С. 591.
[14] Там же. С. 264, 323–328.
[15] Там же. С. 216.

ки исправлены без оговорок. В комментариях все даты по истории России до февраля 1918 г. указаны по старому стилю.

***

Показания гражд[анина] Соколовского Николая. 6 июня 1922 г.

После 4-месячного разбора моего дела в особой судебной комиссии в Таганроге и Ростове я был амнистирован[16] как и целая группа быв[ших] офицеров. января[17] 1920 года[18] я получил назначение в Кавказскую армию, в распоряжение генкварма[19], но в препроводительной бумаге указывалось назначить в маленький штаб не ближе штаба дивизии. Общее крушение белого фронта не дало возможности мне добраться до одного из малых штабов. Я был оставлен временно в прикомандировании к штабу армии, где исполнял работу по перевозкам начвосо[20]. Дальнейший ход крушения фронта и переименование Кав[казской] армии в Кубанскую[21] дополнило полный развал. Остался штаб без войск – казаки разошлись по домам или стихийно бежали в тыл.

Новороссийская эвакуация[22], полная ужаса и преступного отношения верхов, окончательно подорвала мою веру в носителей белой идеи и в саму идею. Это была «омега» белого движения для большинства. Переехав в Крым, я был оставлен для ликвидации дел Куб[анской] армии, где проработал до мая, а затем был в резерве офицеров Генштаба, назначения на фронт не получал. Уход Деникина[23], назначение Врангеля[24], ультиматум англичан, предлагавших полную ликвидацию и сложение оружия[25], вызвали сильное движение среди офицерства. Одни считали нужным даль-

---

[16] Речь идет об амнистии Соколовского белыми за службу в РККА.
[17] Часть листа с датой вшита в дело.
[18] По-видимому, по старому стилю.
[19] Генерал-квартирмейстера.
[20] Начальника военных сообщений.
[21] Кубанская армия была образована в начале февраля 1920 г. из частей расформированной Кавказской армии белых. Командующий – генерал А. Г. Шкуро.
[22] Имеется в виду плохо организованная эвакуация частей ВСЮР из Новороссийска в Крым в марте 1920 г., в результате которой часть войск вывезти не удалось, и они были захвачены в плен красными.
[23] Деникин Антон Иванович (04.12.1872 – 07.08.1947) – генерал-лейтенант. Один из лидеров Белого движения на Юге России. Главнокомандующий ВСЮР (26.12.1918 (08.01.1919) – 22.03 (04.04).1920).
[24] Врангель Петр Николаевич (15.08.1878 – 25.04.1928) – генерал-лейтенант, барон. Один из лидеров Белого движения на Юге России. Главнокомандующий ВСЮР и Русской армией (с 22.03 (04.04).1920).
[25] Речь идет об ультиматуме правительства Великобритании главнокомандующему ВСЮР генералу А. И. Деникину от 2 апреля 1920 г. о прекращении военной помощи, если белые не начнут переговоры с красными.

нейшее сопротивление и борьбу, другие же видели в этом только излишнее терзание Родины и народа. Веры в успех не было.

Последнее мнение я разделял всецело. Я глубоко чувствовал, что новый ла[герь] Врангеля приемлем немногим, что только безвыходность положения заставит массу рядового офицерства и солдат пойти за ним. Пропала вера в идеалы – осталось подчинение дисциплине и необходимости. Но очень многие не остановились на этом, ясно сознавалось, что агония белого движения продлится еще, но выхода нет. Начались искания связи с Сов[етской] Россией.

Небольшая группа офицеров Генштаба, в которой был и я, определенно решила, что дальнейшая борьба пагубна, что нужен героический шаг, чтобы предотвратить излишнее пролитие крови. Вновь ставился вопрос о связи с Сов[етской] Россией. Получалось своего рода тайное общество, которое начало принимать конкретные формы. Каждый из инициаторов должен был сорганизовать ячейку в 5–6 человек единомышленников. Общая и конечная цель ставилась «связаться с Сов[етской] Россией и сов[етской] властью, получить согласие, а затем идти на переворот и прекращение Гражданской войны».

Из группы инициаторов решено было послать одного члена в Россию для связи и получения согласия. В 20-х числах мая 1920 года я получил предложение пробраться на Бердянск, где связаться с первыми представителями сов[етской] власти. Связаться с Таманью не удалось, хотя попытки были. На небольшом суденышке пробрался к русским берегам, где высадился у Петровской слободы (близ Бердянска), явился в волостной исполком и на другой день в бердянский пар[т]ком. Я изложил всё дело, обрисовал общую обстановку, предупредил о готовящемся десанте, просил санкции и самого быстрого обратного отправления. Пар[т]ком всё выслушал, обещал сделать всё возможное, но, по-видимому, начало боев помешало прийти к какому-либо решению.

Я просидел около 2-х недель, был оставлен пар[т]комом при отходе из Бердянска для следования в Крым. В Крым я пробрался с беженцами, но дать исчерпывающий ответ своей группе не мог. Начались новые искания, и для связи был выбран Можаровский[26], который должен был пробраться через фронт и во что бы то ни стало связаться. В августе Можаровский с полномочиями отправился, но затем пропал и не вернулся, не дал о себе никакого сведения. Это была еще одна неудача. В дальнейшем новое крушение фронта и эвакуация из Крыма в Константинополь. Я совершен-

[26] Можаровский Всеволод Борисович (1893–1924) – штабс-капитан. На службе во ВСЮР, ранее – военный специалист РККА.

но случайно эвакуировался, будучи болен парализованными ногами. Семья моя сошла с парохода, потеряв все вещи, я же физически не мог покинуть пароход, ставший на внешний рейд Керчи.

Случайность отъезда, покинутая семья, полное отрицание врангелевских вожделений – всё это было тяжелым ударом для меня. Но от судьбы не уйдешь. Эмиграция, жизнь в галлиполийском лагере[27], а затем среди константинопольских беженцев окончательно выковали во мне убеждение и решение: Родина – Россия выше всего, для нее нужна новая работа, которая бы вернула ей спокойную жизнь без новых авантюр со стороны врага. Враги же все те, кто думает о новой Гражданской войне или вообще о продолжении той или иной борьбы. Заглохшая с эвакуацией из Крыма деятельность моих единомышленников начала возрождаться в Галлиполи. Суровый режим лагеря не остановил работы, мы мало-помалу подтачивали остатки белой идеи и идеи борьбы. Но и кутеповская[28] контрразведка не дремала. О моих словах и речах агитационного характера узнали. Я был предан суду при Марковской дивизии[29], и в результате пришлось покинуть лагерь и переехать в Константинополь. Это было в конце июня мес[яца] 1921 г. Ряды лагеря к этому времени сильно поредели – много разъехалось!

В Константинополе возможна была более открытая работа. Здесь же я решил связаться с Совет[ским] представительством, если таковое[30] только есть (о том, что есть, говорили кругом). Ставка Врангеля считала меня чуть ли не открытым агентом большевизма. В первые же дни приезда я встретился с полк[овником] Анисимовым[31] и ген. Лазаревым[32], которые много слышали о[бо] мне, знали мое отрицательное отношение к Ставке и мечтателям реванша, а потому пригласили в свой союз объединения и взаимопомощи бывших русских воинов в Турции». Это было официальное название и назначение союза, а на самом деле всё сводилось к той работе, которая началась в Крыму, которая ставила вопрос о связи с

---

[27] Имеется в виду лагерь на Галлиполийском полуострове, где в 1920–1923 гг. были размещены части Русской армии генерала П. Н. Врангеля, прибывшие из Константинополя (прежде всего, части 1-го армейского корпуса генерала А. П. Кутепова).

[28] Кутепов Александр Павлович (16.09.1882–26.01.1930) – генерал от инфантерии. Один из лидеров Белого движения на Юге России. Командир 1-го армейского корпуса.

[29] Марковская дивизия – пехотная генерала Маркова дивизия – соединение во ВСЮР и Русской армии. Названо в честь одного из вождей Белого движения на Юге России генерала С. Л. Маркова.

[30] В документе ошибочно – таковой.

[31] Анисимов Иван Дмитриевич (05.09.1886 – 22.08.1938) – полковник. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции в Болгарии и Турции. Руководитель просоветской организации по репатриации в Советскую Россию. Вернулся в Россию.

[32] Лазарев Борис Петрович (06.04.1882 – 08.01.1938) – генерал-майор. Участник Белого движения на Юге России. Член просоветской организации. Вернулся в Россию.

Сов[етской] Россией, о возвращении туда и работе на пользу народа. После же первых совещаний установлена была программа работы и крайняя важность связи с советским представителем. Через полк[овника] Данилова[33] установлена была связь с сов[етским] предст[авителем] Богдановым[34]. Но ввиду того, что Богданов был в связи с Баткиным[35], к которому союз, да и большинство эмиграции, относилось отрицательно, был поставлен вопрос о посылке в Россию делегатов. Предложено было от союза ехать мне и Данилову. Поездка затянулась, т. к. мы должны были ехать с Богдановым вместе, а получение виз, соблюдение формальностей и новый суд надо мной оттянули время до декабря. За 5 месяцев работы было сделано много, организовалась сильная инициативная группа, усилилась агитация, борьба в печати, произведен подсчет сил, даны новые задачи на местах, заведена и установлена связь с единомышленниками союза в Сербии, Болгарии, Греции, Франции. С ликвидацией галлиполийского лагеря и с переездом врангелевской армии в славянские страны были посланы от союза особые верные лица для работы на местах. Отъезд Слащева[36] подтолкнул дело, эмиграция резко разбилась на два лагеря, нужно было действовать вовсю, а между тем сов[етский] пред[стави]тель не мог дать исчерпывающих указаний и данных. Ни Томский[37], ни Богданов не могли решить вопроса. Ельский[38] же уехал в Россию. Оставалось одно – скорее уехать делегатом в Россию. За мою текущую работу меня вновь решено было Ставкой Врангеля привлечь к суду, причем Ставка да-

---

[33] Данилов Леонид Антонович (30.04.1893 – ?) – полковник. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции – в Константинополе. Завербован советской разведкой. Вернулся в Советскую Россию в начале 1922 г.

[34] Богданов Михаил Иванович – по некоторым данным, оперативный псевдоним сотрудника ЧК, участвовавшего в операции по возвращению Я.А. Слащева в Советскую Россию. По другим сведениям, речь шла об артисте симферопольского театра М. И. Богданове.

[35] Баткин Федор Исаакович (1892–1923) – матрос, журналист, эсер. Агент ВЧК. Участник операции по возвращению Я. А. Слащева в Советскую Россию. По некоторым данным, расстрелян.

[36] Слащев (Слащев-Крымский) Яков Александрович (29.12.1885 – 11.01.1929) – генерал-лейтенант. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции в Константинополе (Турция). В ряде публичных выступлений подверг критике генерала П. Н. Врангеля и его штаб. По приговору суда чести уволен от службы без права ношения мундира (21.12.1920). В ответ выпустил книгу «Требую суда общества и гласности (Оборона и сдача Крыма). Мемуары и документы» (Константинополь, 1921). Вступил в тайные переговоры с советскими властями. Вернулся в Севастополь вместе с группой сослуживцев (21.11.1921).

[37] Личность не установлена.

[38] В документе ошибочно – Эльский. Ельский (Тененбаум) Ян Петрович (1881 – 29.12.1937) – уполномоченный ВЧК, участник операции по возвращению генерала Я. А. Слащева в Россию.

ла даже данные французам для моего ареста, но обыски не дали фактического материала. Наконец, в декабре – 20[-х] числах – отъезд был решен, Богданов, Данилов и я были уже на пароходе Апостолос, но явилась франц[узская] разведка, арестовала меня и Данилова и сняла с парохода. Не найдя при обыске компрометирующих документов, французы освободили нас, но в городе и даже в газетах появились заметки, что такого-то числа были сняты два большевистских агента, причем мою фамилию указывали полностью. Нужно было идти напролом. Более оставаться в Константинополе нельзя было. Контрразведка Ставки мобилизовала все силы и не упускала шагу. Месячные хлопоты перед франц[узским] верховным комиссаром и командованием дали, в конце концов, результат – нам позволено было ехать. 15 янв[аря] 1922 мы с Даниловым выехали на пароходе Альбатрос и 17-го прибыли в Севастополь, где были опрошены представ[ителем] ВУЧК т. Виленским[39] и представителем ГПУ т. Яблонским[40]. Последнему я вручил свой мандат, данный союзом и доклад, написанный по поручению союза. Перед отъездом из Константинополя я был у секретаря т. Томского т. Бернштейна, коему изложил причины замедления и который посоветовал скорее ехать. В Севастополе я встретился с Богдановым, который прибыл в декабре через Одессу. В феврале я был арестован КрымЧК и направлен в Москву в ГПУ вместе с Даниловым.

Сведения о Союзе

Союз находился под председательством быв[шего] ген[ерал]-м[айора] Генштаба Лазарева, тов[арища] председ[ателя] ген[ерала] воен[ного] инженера Савицкого, секретаря полк[овника] Анисимова. Общее число членов Союза достигало в декабре 1921 г. – 500–600 чел. Сюда входили б[ывшие] офиц[еры] Ген. штаба, строевые офицеры, воен[ные] инженеры, интенданты, гражд[анские] инженеры, высшие техники, врачи, моряки, юристы. Для целей разведки и особой работы в иностр[анных] государствах были группы б[ывших] офиц[еров] Генштаба (Лазарев, Соколовский, Максимович[41], Егоров[42], Краштиль[?][43], Петровский[44], Медведев[45],

[39] Виленский С. Б. – особоуполномоченный Всеукраинской ЧК в Константинополе.
[40] Автор документа неточен, т.к. Государственное политическое управление было образовано 6 февраля 1922 г.
[41] Максимович Михаил Емельянович – полковник. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции – в Турции и Болгарии.
[42] Егоров Николай Флорович (04.02.1884–1965) – полковник. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции в Болгарии.
[43] Такого офицера не было. Возможно, это Крашталев Николай Михайлович (23.12.1880 – ?) – полковник. Участник Белого движения на Юге России.

Добровольский[46], Иваненко[47], Чайкин[48], Лесли[49], Кавтарадзе[50], Захаров[51], Запорожец[52], Тилло[?][53], Александрович[54], Пораделов[55], Мясников[56], Величковский[57] и др. Попов[58], Бедряга[59], Квятковский[60]). Они находились в константинопольском районе, в Салониках, в Болгарии, в Сербии и Франции. Со всеми из этой группы я говорил, и мы тесно [?] заключили соглашение работать только для блага Родины – Сов[етской] России. Все эти лица находились в полной оппозиции к Ставке Врангеля и его идеям.

В случае санкции Сов[етской] Россией работу желательно было расширить до пределов, а Союзу открыть новый набор членов. По окончании поручения я должен был вернуться секретно в константинопольский район или куда-либо в Болгарию. Представителю ГПУ т. Яблонскому перед его поездкой в Конст[антино]поль я и Данилов дали записку к председателю

---

[44] Петровский Николай Алексеевич (01.12.1882 – после 1937) – полковник. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

[45] Медведев Матвей Адрианович (Андрианович) (06.11.1885 – 25.02.1959) – полковник. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев и во Франции.

[46] Добровольский Николай Станиславович (01.08.1890–?) – полковник. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

[47] Такого генштабиста не было.

[48] Такого генштабиста не было. Возможно это Чагин Владимир Александрович (15.08.1862 – 25.12.1936) – генерал-лейтенант. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции в Греции.

[49] Лесли Георгий (Юрий) Дмитриевич (01.04.1887 – 02.02.1957) – полковник. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции в Турции и США.

[50] Видимо, Кавтарадзев Александр Иванович (17.08.1866 – не ранее 1933) – генерал-майор. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции.

[51] Возможно, Захаров Иван Александрович (02.06.1879 – 25.04.1954) – полковник. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции в Бельгии.

[52] Запорожец (Запорожцев) Андриан (Адриан) Федорович (14.08.1884 – 26.10.1966) – полковник. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции во Франции.

[53] Правильно – Тилли. Тилли Николай Николаевич (31.01.1882 – не ранее 1945) – полковник. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции в Турции, Болгарии и Чехословакии. Состоял в просоветской организации.

[54] Александрович Владимир Николаевич – полковник. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

[55] Пораделов Николай Николаевич (15.07.1887–1948) – полковник. В эмиграции во Франции.

[56] Мясников Павел Сергеевич (31.05.1879–1949) – полковник. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

[57] Величковский Яков Васильевич (20.03.1874 – ?) – полковник. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции – в Сербии (Субботица).

[58] Участник Белого движения на Юге России.

[59] Такого генштабиста не было. Бедряга Владимир Петрович (28.03.1886 – ?) – полковник. Участник Белого движения на Юге России.

[60] Такого генштабиста не было.

Союза Лазареву, чтобы он и Союз всё исполнили, что будет предъявлено т. Яблонским от имени Сов[етской] власти. Тов. Яблонский вернулся уже из Конст[антино[поля и в 20-х числах мая вызывал меня на допрос из внутр[енней] тюрьмы. Он же мне сказал, что Лазарев приехал в Россию.

Что с Союзом, что делается, я не знаю. Но при желании все его члены могли бы быть прекрасно использованы для блага Родины. Я глубоко верю и верил, что все крушения белой идеи выковали из ее бывших приверженцев новый тип людей, видящих в Сов[етской] власти единственную защитницу своих вожделений. Это все патриоты, желавшие только блага Родине. Они хотели видеть Россию мощной, свободной, здоровой. Кто дал ей это? Советская власть. Нужно было прекращение только Гражд[анской] войны, и страна начала возрождаться. Последователи белой идеи, зачинщики Гражданской войны делали то великое зло, которое дало Родине – России голод, нищету, болезни.

Это сознание общей виновности белого лагеря перед Родиной, властью и народом – заставляет забыть страх наказания, ответственность – остается опять-таки только желание беспредельное, глубокое служить народу всеми силами, а этим искупить прежние ошибки.

Дабы воспрепятствовать возникновению новых авантюр по отношению к Сов[етской] России и возникновению нов[ой] Гражд[анской] войны, Союз ставил себе целью предупреждать о всякой такой возможности Сов[етскую] Россию и ее власть. Особенно же должна была быть организована борьба со шпионажем Антанты. Союз должен был давать удостоверения благонадежности лицам, едущим в Сов[етскую] Россию.

Работа Союза до получения санкции Сов[етской] Россией

[схема]

Союз

- Привлечение членов путем агитации
- Борьба с белой печатью путем печати же и устно
- Работа в лагерях среди беженской военной массы с целью подрыва белой идеи
- Агитация возвращ[аться] в Россию
- Борьба с возможными авантюрами и предупреждение о них
- Сбор всех сведений, нужных России
- Правдивое освещение жизни по сов[етским] данным

С получением санкций работа намечалась дополнительно: 1) военно-разведывательная среди возможных врагов Сов[етской] России; 2) агентурная для борьбы со шпионажем Антанты и других; 3) сбор сведений о благонадежности лиц, едущих в Сов[етскую] Россию; 4) все те задачи, которые будут даны Россией.

В работу Союза входила также задача оказания помощи совет[ским] представителям и предупреждение их в случае какой-либо угрозы. Так, во время ареста французами представителей торговой миссии Лукачера [так в документе, возможно, правильно Лукачева] и Волынского члены Союза (Анисимов, Бедряга, Соколовский) оказывали всю возможную помощь, и через 2–3 дня эти лица были освобождены. Это могут подтвердить сами пострадавшие (живут, кажется, в Одессе).

За время еще в Крыму, таким образом удалось освободить от тяжелого наказания задержанных у Новороссийска двух разведчиков Красной армии, посланных в тыл для шпионажа – Нину Петрову и Грудзинского. Лица эти сознались, указали, что были высланы от фронта. Усиленное ходатайство перед ген. Улагаем[61] и Стоговым[62] спасло их – оба они были освобождены.

Всегдашней и полной защитой пользовались все лица комсостава Кр[асной] армии, взятые в плен.

Николай Соколовский

Допросом руководил В. Сорокин[63]

6/6-[19]22

ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 25-30об. Карандаш.

[61] Улагай Сергей Георгиевич (19.10.1876 – 29.04.1944) – генерал-лейтенант. Участник Белого движения на Юге России. Командующий Кубанской армией.

[62] Стогов Николай Николаевич (10.09.1872 – 07.12.1959) – генерал-лейтенант. Участник Белого движения на Юге России. Комендант крепости Севастополь и командующий войсками армейского тылового района (с 05.1920, на 09.1920). Один из организаторов эвакуации Русской армии генерала П. Н. Врангеля из Крыма (11.1920).

[63] Сорокин Василий Васильевич (1895–1961) – член РКП (б), заместитель председателя Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК.

А. С. Пученков

Черняев А. С. «О захоронении Ленина»

Публикуемая заметка, принадлежащая перу многолетнего помощника Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР М. С. Горбачева Анатолия Сергеевича Черняева (1921–2017), выявлена публикатором в материалах личного фонда Черняева в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Анатолий Сергеевич Черняев – участник Великой Отечественной войны, профессиональный историк, кандидат исторических наук, в течение нескольких десятилетий проработал в аппарате ЦК КПСС. Обладая исключительной общегуманитарной эрудицией и широкими специальными познаниями в сфере международных отношений, А. С. Черняев неоднократно принимал участие в подготовке речей Л. И. Брежнева; будучи чрезвычайно умным и наблюдательным человеком, Черняев был превосходно осведомлен о многих секретах кремлевской политики; знал он и подробности отношений, сложившихся на самой верхушке партийного Олимпа. В 1986 году Черняев получил предложение от М. С. Горбачева стать его помощником по международным делам. В этом качестве А. С. Черняев принимал участие во всех крупнейших саммитах эпохи перестройки, поддерживая Горбачева и проводимую им политику нового мышления в международной политике. С Горбачевым Черняев работал вплоть до самой его отставки с поста Президента СССР; после ухода Михаила Сергеевича с занимаемого им поста, Анатолий Сергеевич приступил к работе в созданном экс-Президентом СССР Международном Фонде социально-экономических и политологических исследований в качестве руководителя целого ряда проектов, посвященных истории перестройки. Он по-прежнему оставался советником Горбачева, принимая участие в подготовке его многочисленных выступлений в России и за рубежом. В Горбачев-фонде А. С. Черняев проработал до 31 декабря 2011 года; он сам обозначил срок своего ухода из Фонда, продолжая при этом общение с друзьями и коллегами по прежней работе и охотно давая им в высшей степени профессиональные консультации по самому широкому кругу вопросов. А. С. Черняев скончался в Москве 12 марта 2017 года[1].

[1] Подробнее о жизненном пути А. С. Черняева см.: Пученков А. С. Жизнь и время Анатолия Черняева // «Мы называли его Графом»: Памяти Анатолия Сергеевича Черняева. Воспоминания современников, документы, публикации / Сост. Д. Белановский. М., 2019. С. 511–566.

Большую известность А. С. Черняев приобрел как плодовитый мемуарист: он – автор не только классических воспоминаний «Моя жизнь и мое время», охватывающих временной отрезок от нэповской Москвы и до прихода к власти Горбачева[2], а также книги, посвященной работе Анатолия Сергеевича в команде последнего генсека[3], но и целого ряда историко-публицистических работ, затрагивающих чрезвычайно обширный круг проблем, связанных не только с историей советского общества, но и с проблемами развития новой России[4]. А. С. Черняев всю жизнь вел подробные дневники; во многом благодаря этому, в 2008 году смогла появиться его выдающаяся по собранному в ней беспрецедентно подробному фактографическому материалу книга «Совместный исход» – хроника жизни советского государства в 1972–1991 гг. глазами высокопоставленного и наделенного исключительными аналитическими способностями партийного работника[5]. За прошедшие с момента опубликования 15 лет «Совместный исход» уже стал классикой; сложно представить себе серьезную работу, посвященную закату советской эпохи, в которой не было бы ссылок на опубликованные дневники Черняева.

Несмотря на достаточно критическое отношение к советской действительности, А. С. Черняев до конца своей жизни продолжал воспринимать Владимира Ильича Ленина как крупнейшую историческую фигуру, человека, оказавшего «едва ли не самое сильное, пусть неоднозначное, воздействие на ход мировой истории в XX столетии»[6]. «Этим и определяется мое отношение к Ленину», – писал Анатолий Сергеевич в 1999 г.[7] Спустя два года, А. С. Черняев вернулся к осмыслению личности Владимира Ильича: к этому его подтолкнула реплика российского Президента В. В. Путина, высказавшегося на пресс-конференции против захоронения тела Ленина. Черняев посчитал необходимым высказаться по этому поводу, подготовив заметку, отправленную им в одну из газет. Насколько нам известно, небольшая статья Черняева так и не была опубликована. Ныне она представляется на суд читателя. В публикуемом материале А. С. Черняев высказывается не только по поводу давно и настойчиво обсуждаемого в прессе вопроса о необходимости перезахоронения тела В. И. Ленина, но и предлагает свой, в высшей степени интересный и аргументированный, взгляд на феноменальную по своим историческим масштабам фигу-

[2] Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. М., 1995.
[3] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: по дневниковым записям. М., 1993.
[4] Черняев А. С. Избранное. М.: Собрание, 2011; Черняев А. С. Избранное – 2. М., 2013.
[5] Черняев А. С. Совместный исход: дневник двух эпох, 1972–1991 годы. М., 2008.
[6] Черняев А. С. О Ленине // «Мы называли его Графом»… С. 285.
[7] Там же. С. 285.

ру основоположника Советского государства. Приближающееся столетие со дня смерти В. И. Ленина, на взгляд автора этих строк, актуализирует публикуемую заметку.

Рукопись статьи – машинопись, с отдельными рукописными вставками. Название материала принадлежит самому А. С. Черняеву.

***

Черняев А. С. О захоронении Ленина [2001 г.]

На недавней, весьма принципиальной для Президента страны пресс-конференции В. В. Путин высказался против захоронения тела Ленина. Определенность и ясность – факт в любом случае положительный.

Приведены убедительные аргументы. Однако они относятся лишь к целесообразности – отложить. Политически и этически проблема остается бременем в общественном сознании. Само понятие «повременить» не безупречно. До каких времен? И кто будет определять, что «же можно»? Когда образуется «подавляющее большинство» за. Ссылка на него знакома старшему и среднему поколению. И часто ни к чему хорошему не приводила. Кто и как будет считать это «большинство»? Может, оно и сейчас уже есть?

Поему бы не поступить иначе?

Почему бы не похоронить В. И. Ленина **на государственном, общенациональном уровне?**[8]

Это достойно великой нации и уважающего себя цивилизованного государства.

Баланс добра и зла в результате деятельности любого крупного политика всегда условен, всегда зависит от времени, когда такой баланс подсчитывают и, конечно, от того, кто это делает. К фигуре такого масштаба, как Ленин, это относится едва ли не больше, чем к любому [деятелю] его ранга.

Как бы там ни было, никому и никуда не деться от того, что Ленин – величайший [исторический – зачеркнуто] деятель мирового масштаба. XX век без Ленина – всё равно, что XIX-й без Наполеона.

Останки Наполеона, спустя едва 20 лет, были с почестями перевезены с острова Святой Елены и захоронены в специально построенной часовне внутри одного из самых знаменитых и величественных зданий в центре Парижа – в Доме Инвалидов.

О нем продолжают спорить, издают книгу за книгой, миллионы людей – и не только на его Родине – чтут память о нем, никто не посягает на его

[8] Выделено самим А. С. Черняевым. – Публ.

историческую значимость, как бы ни расставлялись при этом плюсы и минусы в оценке последствий его деятельности.

После смерти Ленина прошло почти 80 лет. Сменилось несколько исторических периодов, по значению равных целым эпохам. Превратить Ленина в преступника, повинного в геноциде, все равно не удастся. В отношении Наполеона даже у Льва Николаевича [Толстого] это не получилось.

Свести всю деятельность Ленина к тому, что на революцию он брал деньги у немцев, или к паре записок с указанием расстрелять нескольких кулаков и священников, – абсурдно. Это занятие для невежественных конъюнктурщиков и пошлых политиканов.

Приписывать Ленину все то, что учинил Сталин с нашей страной – все равно, что возложить вину за появление Гитлера и его преступления на Бисмарка.

И пусть себе экстравагантные историки и писатели этим занимаются. Великая нация не должна обращать на них внимание.

Ленин создал государство, которое в огромной мере определяло судьбы человечества в XX столетии. Самого по себе этого разве недостаточно, чтобы гордиться феноменальным интеллектом, колоссальной волей и гипнотической энергией этого человека, рожденного Россией и воплотившего в себе весь трагизм ее истории, всю невероятную противоречивость менталитета непостижимо одаренного нашего великого народа!?

Есть у этой темы еще один аспект, который теперь нельзя игнорировать. Николая II причислили к лику святых. Участие Президента России в захоронении его останков означало фактически причастность государства к этой акции. Царю списали и «Ходынку», и «Кровавое воскресенье», и то, что он вверг Россию в катастрофическую войну (хотя, по собственному признанию с глаза на глаз своему дяде, мог бы этого не делать!), положив «ради спасения Франции и Сербии» (его слова) 8 миллионов русских людей на полях сражений (вернее – чудовищных поражений!) и столкнул страну на дорогу к Голгофе.

Как я представляю себе саму процедуру захоронения?

Ладно, пусть так. Россия, бывает, склонна всё прощать. Она вернула в лоно своей истории и фигуру последнего своего царя. Но ведь ни по масштабам личности [человеческим качествам – зачеркнуто], ни по значимости [масштабам – зачеркнуто] исторически свершенного, его и близко нельзя [рядом невозможно – зачеркнуто] поставить с Лениным.

Вывод. Определять это – [как окончательно похоронить Ленина – зачеркнуто], положено, конечно, Государственной Думе вместе с Прави-

тельством и Президентом. Печать, телевидение, радио, конечно, выскажут свои (а также читателей и слушателей) суждения.

На самих похоронах (разумеется, в Петербурге), куда доставят гроб (или саркофаг, как он есть) с соответствующими почестями, выступить, прежде всего, Президент и даст оценку Ленину – не идеологическую, а историческую, – которая может стать своего рода каноном хотя бы для учебников.

Затем – лидеры разных партий, общественных организаций, политические деятели, включая тех, кто занимал видное положение в советское время, писатели, представители науки, культуры, даже – церкви, все кто сочтет для себя это желательным или необходимым.

Все мнения по состоянию на начало XXI века будут публично оглашены. И – что особенно важно – с «одной трибуны». Каждый может остаться при своем. Но совместный, как бы, общенациональный акт состоится, что само по себе – событие принципиальной важности.

Политически и этически проблема (в основном!) будет снята.

Ленин окончательно будет перенесен из поля актуальной политики (и политиканства) в сферу исторических и художественных исследований, осмысливающих и оценивающих наше прошлое. И, надеюсь, перестанет быть объектом постыдных надругательств и фальсификаторских спекуляций в кино, на телевидении, в разных других СМИ.

Что касается Мавзолея, то я присоединился бы к тем, кто [за то, чтобы оставить его – зачеркнуто], частью сложившейся архитектуры Красной Площади. Без большой надписи на фронтоне, но с памятной доской, объясняющей, что это такое.

Остальное – памятники за Мавзолеем, урны в Кремлевской стене и братские могилы – действительно можно оставить на неопределенное будущее. Сталин и Ко как бы станут маргинальной проблемой по сравнению с проблемой Ленина, чего давно достойны.

P.S. Автор этой заметки – бывший помощник Президента СССР, давно и навсегда связанный с М. С. Горбачевым лично. Поэтому необходима оговорка: Горбачев ничего не знал ни о высказанном здесь предложении, ни о намерении его опубликовать.

РГАСПИ. Ф. 794. Оп. 1. Д. 289. Л. 1-4.

Машинопись с отдельными рукописными правками.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гагкуев Р. Г.	*д.и.н., ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, председатель правления Российского исторического общества, Москва*
Ганин А. В.	*д.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, Москва*
Голдин В. И.	*д.и.н., профессор каф. регионоведения, международных отношений и политологии САФУ им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск*
Икэда Ёсиро	*доцент Токийского университета, Япония*
Калашников В. В.	*д.и.н., профессор кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург*
Ланник Л. В.	*д.и.н., ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва*
Меньковский В. И.	*д.и.н., профессор кафедры истории России исторического факультета БГУ, Минск*
Посадский А. В.	*д.и.н., профессор кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления им. П. А. Столыпина РАНХиГС, г. Саратов*
Пученков А. С.	*д.и.н., профессор кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург*
Рынков В. М.	*д.и.н., директор ИИ СО РАН, доцент НГУ, г. Новосибирск*
Семенов В. В.	*ассистент кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург*
Стейнберг М. Д.	*почетный профессор Университета Иллинойса в Урбана-Шампейн, США*
Стогов Д. И.	*к.и.н., доцент кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург*
Тарасов К. А.	*к.и.н., научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге*
Узлова И. В.	*к.и.н., зав. кафедрой истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург*
Уэйд Рекс А.	*почетный профессор Университета Джорджа Мейсона, США*
Хасегава Цуёси	*почетный профессор Калифорнийского университета в Санта-Барбаре, США*
Цветков В. Ж.	*д.и.н., профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ, Москва*
Чураков Д. О.	*д.и.н., профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ, Москва*
Шелохаев В. В.	*д.и.н., главный научный сотрудник ИРИ РАН, Москва*

Россия в эпоху революции и гражданской войны:
советская и постсоветская историография

Сборник материалов конференции

Отв. редактор д-р ист. наук, проф. В. В. Калашников
Под редакцией канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова

Подписано в печать 27.12.2023. Формат 60*84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Печ. л. 20,25
Тираж 50 экз. Заказ 194

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5 лит.Ф

197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, д.5, лит.Ф
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
кафедра истории, культуры, государства и права

